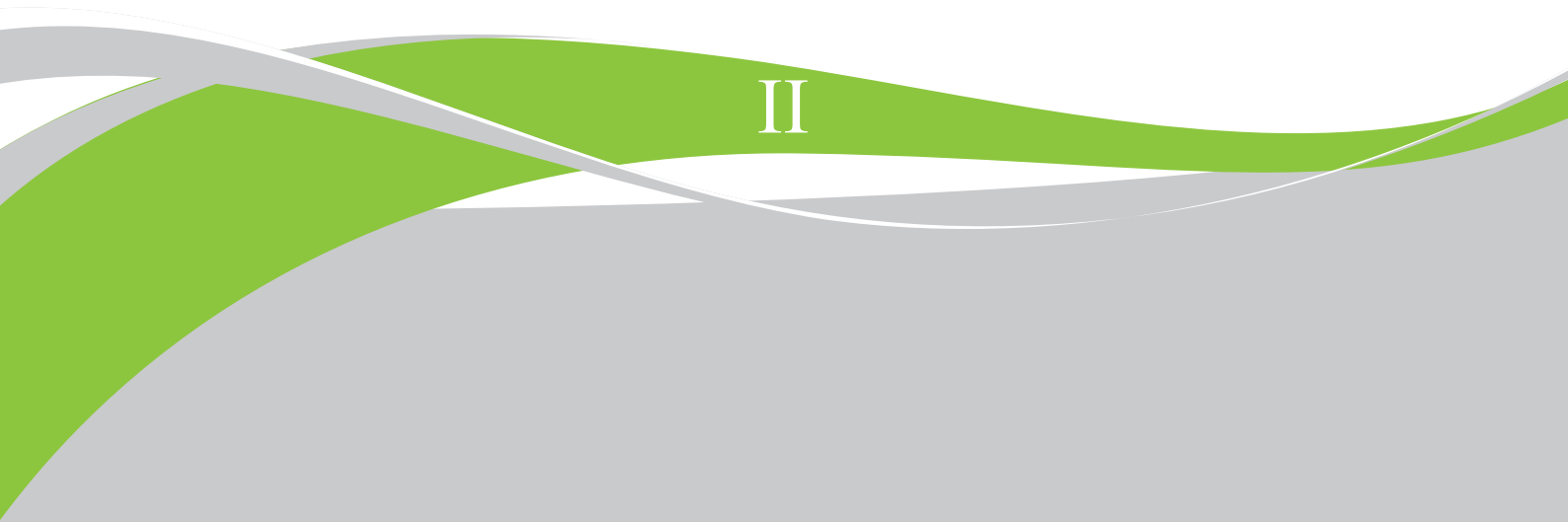

На пути к сбалансированному обществу

Женщины и мужчины в Эстонии

II

На пути к сбалансированному обществу

Женщины и мужчины в Эстонии

II

Таллинн 2010

Статьи, опубликованные в данном сборнике, отражают личные мнения авторов.
За все возможные ошибки, которые встречаются в текстах, ответственны авторы статей.

Редакторы: Райли Марлинг, Лийна Ярвисте, Кятлин Сандер

Производство: OÜ Lege Artis

Переводчик: Михаил Кремез

Консультант: Лена Блюм

Верстальщик: Ян Гаршнек, Екатерина Родионова

ISBN 978-9949-9063-3-8

Авторское право: Министерство социальных дел Эстонской Республики, 2010 г.

Издатель:

Министерство социальных дел Эстонской Республики

ул. Гонсиори, 29, 15027, Таллинн

Тел. 626 9301

Факс 699 2209

E-mail: info@sm.ee

См. также список изданий на интернет-странице: <http://www.sm.ee>

Публикацию сборника поддерживает Европейский Союз в рамках программы Европейского социального фонда «Развитие гендерного равноправия в 2008–2010 гг.»

Отпечатано на бумаге вторичной переработки

Содержание

Предисловие.....	4	Торговля людьми и проституция – отчетливые проявления гендерного неравенства.....	127
<i>Тоомас Хендрик Ильвес</i>		<i>Кристийна Лухт</i>	
На пути к сбалансированному обществу:		Что сделано в Эстонии для профилактики торговли людьми и оказания помощи ее жертвам.....	130
введение.....	6	<i>Кристийна Лухт</i>	
<i>Райли Марлинг</i>		Взгляд на гендерную реальность в системе образования Эстонии.....	145
Развитие политики гендерного равноправия в 1999–2009 годах.....	8	<i>Тийу Куурме</i>	
<i>Кятлин Сандер</i>		Женщины в науке.....	150
Распространены ли в Эстонии установки, поддерживающие гендерное равноправие?.....	14	<i>Эндла Лыхкиви</i>	
<i>Лийна Ярвисте</i>		Когда женщины исчезнут из политики?.....	158
Мужчины и женщины в трудовой жизни.....	29	<i>Мирьям Аллик</i>	
<i>Мярт Массо</i>		Медиапространство, пол и гендерное равноправие.....	172
Совмещение работы и семейной жизни.....	45	<i>Барби Пилвре</i>	
<i>Лезни Ханссон</i>		Возможности реализации политики гендерного равноправия в СМИ.....	180
Меняющаяся семья и социальные риски.....	52	<i>Барби Пилвре</i>	
<i>Мари Калкун</i>		Мужчины и женщины в гражданском обществе Эстонии.....	187
Бедность как гендерно-дифференцированное явление.....	58	<i>Эрле Рикманн, Микко Лагерспец</i>	
<i>Марре Кару</i>		Женские организации и формирование политики гендерного равноправия.....	196
Женщины, мужчины и пенсия.....	68	<i>Резт Лая</i>	
<i>Лаури Лептик</i>		Эстония на пути к равноправию: заключение.....	206
Насилие в партнерских отношениях. Тенденции XXI века в Эстонии.....	75	<i>Юлле-Марике Папп</i>	
<i>Кадри Соо, Сирье Отставел</i>		Вместо послесловия.....	223
Гендерные различия в сфере здоровья.....	88	<i>Кади Вийк</i>	
<i>Таави Лай</i>			
Сексуальное здоровье и пол.....	100		
<i>Кай Парт</i>			
Множественная дискриминация – от термина к вопросам правовой базы и защиты.....	110		
<i>Кристийна Альби, Мари-Лийз Септер</i>			

Предисловие

Тоомас Хендрик Ильвес

В 1918 году, создавая основы собственной государственности, народ Эстонии принял принципиальное решение – привлечь к строительству республики всех живущих в ней людей. Стоявшие тогда у власти мужчины предоставили всю полноту избирательных прав и женщинам, тем самым поставив молодую Эстонскую Республику в один ряд с прогрессивными и передовыми странами того времени. Избирательное право женщин как одно из неотъемлемых прав человека было признано только в 1948 году Женевской конвенцией. За два года до этого, то есть значительно позже, чем в Эстонии, оно было введено во Франции и Италии.

Но сегодня было бы ошибкой приписывать современным лидерам, принимающим ответственные решения, мудрость и открытость их отцов. 50 лет пребывания под чужой властью, искажавшей принципы равенства, оставили глубокий след в нашем мышлении, и чтобы стереть его, обществу Эстонии в последние два десятилетия потребовалось приложить немало усилий. Не все было просто и гладко.

Десять лет тому назад, когда правительство и парламент Эстонии начали работу над Законом о гендерном равноправии, общественность, да и некоторые политики встретили ее с непониманием, приправленным неприятием. Стенограммы парламентских дебатов того времени показывают предвзятость и даже мелочность мнений политических деятелей тех лет.

К счастью, следующее десятилетие сделало всех нас мудрее и терпимее. Если мы хотим быть демократическим европейским государством 21-го века, то обязаны сознательно заниматься вопросами

гендерного равноправия и меняющихся со временем гендерных ролей.

Общество способно действовать как единое целое только тогда, когда оно признаёт равнозначность мужских и женских тревог и радостей, учитывает ожидания и возможные опасения тех и других. Эта задача не является ни сверхсложной, ни непосильной. Окружающие нас члены семьи, друзья и коллеги разного пола, общение с ними, их знания делают нашу жизнь богаче. Эстония – слишком маленькая страна, чтобы из-за устаревших стереотипов растрачивать потенциал своих мужчин и женщин, их мудрость и жизненный опыт. Нас слишком мало, чтобы отстранять от принятия общих решений людей из-за их пола или, например, возраста.

Эстония – страна, открытая миру. Сегодняшним внукам не понятны прописные истины их бабушек и дедушек. Точнее, они истолковывают их иначе. Нам стоит чаще и внимательнее вглядываться в молодежь, учиться у нее естественной терпимости, которую не успели испортить цинизм, ожесточение и скрытность, часто именуемые жизненным опытом. Для юношей и девушек, которые выросли в свободном обществе, терпимость и непредвзятость естественны. Нам, отцам и матерям, дедушкам и бабушкам, следовало бы понять и принять их открытость. Понимая и принимая, мы и сами будем продолжать расти.

Гендерное равноправие начинается с малых лет. С того, как распределяются работы по дому, как школа поддерживает разностороннее развитие умений девочек и мальчиков, и с того, насколько справедливо оплачивает труд работодатель и т. д. Все мы – каждая семья, каждая школа, каждый рабо-

тодатель, каждая партия – должны осознавать свою роль в укреплении гендерного равноправия.

Мы можем многому научиться у Европы, но в то же время многое можем ей дать. Женщины Эстонии высокообразованны, активны на рынке труда; наши мужчины все больше участвуют в семейных делах, понимая их значимость и ценность. Мы можем не входить в пятерку самых богатых стран, но можем быть самой привлекательной в Европе страной для жизни, где уважают права человека, равенство в

обращении и ценят каждого: мужчину или женщину, девочку или мальчика, молодого или пожилого.

В этой книге рассматриваются гендерные проблемы минувшего десятилетия и ставятся новые цели. Я желаю всем – авторам сборника, читателям и особенно тем, кто отвечает за принятие политических решений, – силы, настойчивости и успеха в деле дальнейшего формирования справедливого общества.

На пути к сбалансированному обществу: введение

Райли Марлинг

Гендерное равноправие – одна из важнейших целей современного общественного развития. Все больше людей начинают понимать, что всестороннее обеспечение равных прав и возможностей женщинам и мужчинам – это единственный способ гарантировать обществу сбалансированное развитие и максимально использовать человеческие ресурсы для достижения всеобщего благосостояния. Гендерное неравенство – проблема не индивидуальная, а социальная, требующая решения на общественном уровне. Вопрос, которым в 1970-е годы были озабочены движения, воспринимавшиеся как радикальные, сегодня превратился в один из важных индикаторов демократии, он стал темой международных встреч на высшем уровне, целью политики ООН и Европейского Союза. Но, несмотря на значительные успехи, достигнутые в развитии гендерного равноправия за последние годы, процесс далеко не завершен.

Мы идем по пути, по которому каждое общество движется в своем темпе, зависящем от его конкретного историко-политического контекста. В Эстонии к гендерным вопросам стали серьезно подходить после восстановления страной своей независимости, когда мы подключились к мировым социальным и политическим дискуссиям и начали приводить свое общество в соответствие со стандартами международного права и прав человека. Проведение общественных реформ предполагает хорошее знание существующего положения, и для начала нам надо было научиться смотреть на общество сквозь призму гендера. Сравнительные обзоры положения женщин и мужчин начали публиковать в Эстонии с середины 1990-х годов (Joonasaar и др. 1995, Järve 1999), и их число постоянно росло. Серьезной попыткой провести такое сопоставление по разным сферам жизни стал сборник «На пути к сбалансированному обществу: женщины и мужчины в Эстонии», вышедший в 2000 году. За истекшие десять лет отраженная в нем картина и наши знания об отношениях гендера и общества сильно изменились. Настоящий сборник, продолжая начатое, ставит себе целью как раз проанализировать то, как общество Эстонии занималось решением вопросов гендерного равноправия в различных сферах в течение последних десяти лет, и каково сегодня положение и возможности наших женщин и мужчин.

За последнее столетие представления о гендере сильно изменились. Гендер, как одна из основных категорий характеристики общества, обо-

РАЙЛИ МАРЛИНГ,
PhD, доцент Института германской, романской и славянской филологии Тартуского университета. Ее междисциплинарная научная работа посвящена сравнительному анализу политики представительства в публичном дискурсе с акцентом на вопросах гендера и власти. На эти темы она публиковала статьи в зарубежных и эстонских научных изданиях, выступала в СМИ, а также публиковала статьи на гендерную тему в научно-популярных сборниках. Райли Марлинг является редактором эстонского журнала по гендерным исследованиям Ariadne Lõng, редактором журнала Aspasia. International Yearbook of Central, Eastern and Southeastern European Women and Gender History, входит в правление Эстонского центра информации и гендерных исследований.

значает психологические, социальные и культурные различия между женщинами и мужчинами. В ранней исследовательской литературе различали пол по рождению человека, т. е. относительно неизменный биологический пол, и всегда динамичный социальный пол, т. е. то значение, которое каждое общество придает биологическому различию. На сегодняшний день уже понятно, что такое деление проблематично, поскольку социальные и культурные нормы сильно переплетаются с тем, что мы называем «естественным» полом, и различение этих двух аспектов зачастую усложнено, если вообще возможно. Поэтому в современных исследованиях гендер используется преимущественно в значении социального пола.

Однако не следует забывать, что женщины и мужчины не представляют собой монолитные группы, и внутри обоих гендеров существуют большие различия. Гендер динамичен не только во времени и пространстве, но и в поведении одного и того же человека: наши различные социальные роли требуют от нас разных типов феминного или маскулинного поведения иногда даже в течение одного дня. Например, выполняя в семье роль супруги и матери, на работе – роль руководителя, а на вечеринке – старой школьной подруги, мы свою гендерность выражаем по-разному. Динамичный подход к гендеру акцептирует не только множественность типов женственности и мужественности, важность равного обращения с ними, но и то, как на гендерную идентичность влияют такие факторы, как национальность, сексуальность, социальный класс, возраст и т. д. И хотя наши гендерные стереотипы во многом остаются бинарными, реальность значительно многообразней. Проблемы возникают тогда, когда это многообразие пытаются втиснуть в две колонки нормативных стереотипов. Современные направления политики гендерного равноправия стараются больше учитывать многообразие и в общественной жизни, и на рынке труда, где присутствуют не абстрактные работодатели, а гендерно-дифференцированные люди с разными потребностями. У бедной пожилой женщины потребности иные, чем у молодой женщины репродуктивного возраста, у гея среднего класса они отличаются от потребностей пенсионера, принадлежащего к национальному меньшинству. Общество обязано прилагать усилия, чтобы обеспечить равные права и возможности для всех.

Гендерное равноправие сегодня становится неотъемлемой частью разного уровня политики западных стран (международные соглашения;

законы, гарантирующие права; меры влияния на общественные обычаи) и их повседневной жизни. Такие подвижки возникли не вдруг. Осознание важности гендерного равноправия – результат длительного процесса, который необходимо рассматривать

Равноправие, притом ограниченное только политическим участием в выборах, не означает того, что оно устранило все те препятствия с пути самоутверждения женщин, которые нагромодили на нем и жизнь под многовековой опекой мужчин, и стародавние традиции. Плацдарм, право на который женщина имеет по самоощущению, ей придется отвоевывать шаг за шагом в упорной борьбе.
(Союз женщин Эстонии, 1930 г.)

в широком историко-политическом контексте. Тема прав женщин встала на повестку дня политической жизни в конце 18-го века, когда Американская и Французская революции провозгласили равенство и братство людей своим идеалом. Встал логичный вопрос, распространяются ли эти категории и на женщин, у которых тогда не было ни политических, ни юридических прав (на свое имущество, детей, собственное тело). На противоречие между либеральным общественным идеалом и практикой обратили внимание первые женщины-правозащитницы, к нему обратилась и политическая мысль 19-го века, разглядевшая в угнетенном положении женщин фактор, тормозящий развитие общества. Ко второму десятилетию 20-го века во многих западных странах женщины получили избирательное право, а к середине прошлого века его дополнили гарантии экономических и имущественных прав. Первая независимая Эстонская Республика, восприняв прогрессивные идеи того времени, предоставила женщинам полное избирательное право. Женщины Эстонии смогли выражать свое мнение на выборах раньше, чем, например, женщины Великобритании или Франции. Создавая новое государство, нам не пришлось

разрушать существовавшие жесткие системы, мы могли воспользоваться лучшими практиками эпохи. Возможность учиться на лучших образцах своего времени есть у Эстонии и сегодня, когда мы оказались лицом к лицу с новыми проблемами гендерного неравенства.

К сожалению, с введением всеобщего избирательного права и юридических гарантий права собственности путь к сбалансированному обществу не завершается. Да, женщины получили право голоса, но полноправными гражданами стали не сразу. Примечательно, что вопрос американской писательницы Шарлотты Перкинс Гилман (Charlotte Perkins Gilman) о том, человек ли женщина, поставленный в 1912 году, в 1930-х годах повторила британская писательница Дороти Ли Сэйерс (Dorothy L. Sayers), а еще позднее – американка-философ Кэтрин МакКиннон

(Catharine MacKinnon) в своей книге, вышедшей в 2006 году. Этот вопрос, увы, по-прежнему стоит на повестке дня, хотя и с иной расстановкой акцентов, нежели в прошлом веке. Тогда женщины уже имели более широкий доступ к рынку труда, но это не обеспечивало им реального гендерного равенства, так как и в западных странах, и в советском блоке рабочие места были структурированы без учета обязанностей по уходу за ребенком и забот по дому. Эта двойная нагрузка рабочих и семейных обязанностей ставила женщин в ситуацию неравной конкуренции на рынке труда и наносила серьезный ущерб их материальному положению по сравнению с мужчинами. На положение женщин влиял и более поздний переход к работе по найму, использование их в качестве временной или подсобной рабочей силы. Свою роль сыграли стереотипные представ-

Развитие политики гендерного равноправия в 1999–2009 годах

Кятлин Сандер

В 2000 году, когда вступление Эстонии в Европейский Союз стояло уже на повестке дня, в Закон о правительстве Эстонской Республики были внесены изменения. Согласно им содействие развитию равноправия женщин и мужчин, координация деятельности в этой области, разработка проектов и соответствующих правовых актов были переданы в ведение Министерства социальных дел. На самом деле все эти обязанности уже исполняло Бюро по гендерному равноправию, учрежденное в конце 1996 года. Мероприятия (исследования, курсы, информационная работа) осуществлялись в основном за счет зарубежного финансирования (ЕС, Совет министров Северных стран, ООН и др.). Бюро также координировало работу над Законом о гендерном равноправии, начатую в том же 2000 году.

С первых лет 21-го века в обществе Эстонии начал постепенно расти интерес к темам неравенства и готовность дискутировать на данные темы. Вслед за этим проявился интерес и к теме гендерного равноправия. Шла работа над различными исследовательскими и информационными проектами, касавшимися проблем торговли людьми, проституции и насилия в семейной сфере, а также в сфере труда. Немало внимания уделялось темам женского предпринимательства и карьерного продвижения.

Все эти проекты были призваны поднять уровень информированности служащих публичного сектора о гендерном равноправии и привлечь их к активному участию в реализации стратегии гендерного равноправия. стратегии комплексного подхода к проблеме гендерного равноправия. Для самого широкого круга общественности разрабатывались различные информационные материалы.

Шло активное институциональное развитие и работа в правовой сфере. В 2004 году в Министерстве социальных дел вместо Бюро по гендерному равноправию был создан Отдел по гендерному равноправию. Незадолго до вступления страны в ЕС, после многолетних дискуссий в обществе, обсуждений на уровне министерств и Рийгикогу в апреле 2004 года был принят Закон о гендерном равноправии. Его цель – гарантировать вытекающее из Конституции равное обращение по гендерному признаку и способствовать развитию равноправия женщин и мужчин во всех сферах жизни общества. Закон дал ключевые дефиниции (гендерное равноправие, прямая и косвенная дискриминация, сексуальное домогательство и др.), установил принципы (в т. ч. запрет на гендерную дискриминацию в частном и публичном секторах, разделение бремени доказывания), предусмотрел обязанности (в т. ч. обязанность государственных структур и местных самоуправлений, образовательных и научных учреждений, работодателей содействовать развитию гендерного равноправия), а также ввел должность уполномоченного по гендерному равноправию и определил его задачи. Первый уполномоченный был назначен в октябре 2005 года.

Общество Эстонии второй половины текущего десятилетия в целом стало лучше осознавать важность так называемых мягких ценностей (личная свобода и развитие, гражданская инициатива, охрана природы и

ления о различии способностей женщин и мужчин, соответствующих им ролям, которые непрестанно воспроизводили культура и система образования, влиявшие на представление женщин о самих себе и на их выбор. Большая часть этих проблем актуальна и сегодня. Хотя формально равенство возможностей гарантировано всем без исключения, карьере женщин все же мешает т. н. «стеклянный потолок», они заняты в основном не престижным и низкооплачиваемым трудом, что делает их беднее мужчин. Даже в семьях, где работают оба родителя, женщины в контексте семейных обязанностей, по сути, остаются родителями-одиночками. Мало открыть для женщин вход в т. н. сферу деятельности мужчин, необходимо к тому же пересмотреть действующие в ней правила и переосмыслить роль мужчин.

Хотя у мужчин в этом сравнении явное преимущество, мы имеем дело с обоюдоострым мечом. Гендерные стереотипы мешают также и мужчинам, главенство мужчин и сопутствующие ему ответственность и нагрузки подрывают возможности их самореализации в личной жизни, а также обуславливают высокие риски поведения и раннюю смертность (см., например, Kaufman 2001, 137–151, или в более широком международном контексте – Connell 2007). Гендерный вопрос перестал быть исключительно женским: ширится понимание того, что для решения проблем гендерного равноправия следует заниматься и женщинами, и мужчинами.

Все эти дилеммы заставили феминистски настроенных мыслителей и движения за гендерное равноправие глубже задуматься над точками соприкосновения равенства и пола. Одним из важных

т. д.) и прав человека. Темы гендерного равноправия все чаще поднимаются в общественных дискуссиях. В государственной политике развития гендерного равноправия на первый план, помимо равноправия в трудовой сфере, предотвращения торговли людьми, профилактики проституции и насилия над женщинами, выходят новые вопросы. В связи с равноправием больше внимания стали уделять мужчинам. В рамках информационной и аналитической работы осмысливаются роль мужчин в семье и институт отцовства, а также мужские проблемы во взаимосвязи с нормами мужественности и их негативным влиянием на здоровье. Кроме того, исследователи стали уделять больше внимания роли мужчин в связи с проблемами торговли людьми и проституции.

Существенным шагом вперед можно назвать разработку тематических программ развития, из которых наиболее успешной можно считать Программу развития борьбы с торговлей людьми на 2006–2009 годы. Во второй половине 2009 года ряд министерств начали совместную разработку Программы снижения уровня насилия на 2010–2014 гг., которая была одобрена правительством страны в 2010 году. В рамках данной программы, помимо прочего, проводятся мероприятия по профилактике, пресечению и сокращению случаев применения насилия в отношении женщин (особенно в связи с торговлей людьми, проституцией и насилием в семье).

Свой вклад в осознание обществом важности равного обращения внесли мероприятия, проведенные в 2007 году в рамках Года равных возможностей ЕС. Они позволили обратить внимание также и на неравенство, обусловленное комплексом дискриминируемых признаков (например: пол, принадлежность к национальному меньшинству).

К 2009 году отдел гендерного равноправия Министерства социальных дел стал координационным центром различных направлений политики равноправия. Координацию деятельности по обеспечению равноправия женщин и мужчин дополнила координация деятельности по равному обращению с людьми на основе иных признаков (например: недуг, сексуальная ориентация и т. п.). В 2007–2009 годах задачи отдела пополнила координация государственной семейной политики, но в начале 2010 года эта тематика вместе с координацией политики детства была передана другому отделу.

Одновременно со вступлением в силу Закона о равном обращении в начале 2009 года расширился круг обязанностей уполномоченного по гендерному равноправию, который продолжил работу уже в качестве уполномоченного также и по равному обращению.

Несмотря на то, что в последние пять лет государственное финансирование политики развития гендерного равноправия превышало прежний уровень, у зарубежных источников финансирования (ESF – Европейский социальный фонд – в т. ч. EQUAL, PHARE, другие финансовые инструменты ЕС) в конце первого десятилетия 21-го века по-прежнему остается важная роль, особенно в проведении мероприятий, связанных с равенством в сфере труда. ●

КЯТЛИН САНДЕР, LL.M., советник отдела по гендерному равноправию Министерства социальных дел. Опытный эксперт по правовым вопросам гендерного равноправия. Редактор многих изданий на тему гендерного равноправия.

шагов на пути решения гендерных вопросов стало изучение взаимосвязей гендера и общественных структур власти. Хотя внешне гендерность касается аспектов жизни, считающихся интимными, даже в них присутствуют отношения главенства и вытекающее из них неравенство. Не случайно домашние работы зачастую называют «ненастоящей» работой и считают не сопоставимыми с наемной работой, выполняемой вне дома. Одним из камней преткновения анализа гендерной проблематики как раз является широко распространенная точка зрения, что гендерность относится к частной (приватной) сфере жизни, которой не должна (и даже не смеет) касаться политика. В нашем обществе по-прежнему доминирует многовековое представление о том, что частная жизнь отделена от общественной. Частная сфера аполитична, общественная сфера занята серьезной политикой; за первую отвечают женщины, за вторую – мужчины. Во-первых, это четко противопоставляет «мир женщин» (=дом, семья) «миру мужчин» (=весь остальной мир) и мешает выходу женщин на рынок труда и, наоборот – самореализации мужчин дома в контексте семьи. Такое противопоставление иерархично, так как все домашнее считается менее важным, чем общественное. Традиционно государство старалось не вмешиваться в проблемы, относимые к частной сфере (например: насилие в партнерских отношениях, права детей и т. д.). Но частная сфера, внешне отделенная от общественной, все равно зависит от последней, поскольку иерархия внешнего широкого мира влияет на семейную сферу и наоборот.

Осознание таких взаимосвязей приходит в 1970-е годы. Появляется все более четкое представление о том, что общественная и частная сферы неразделимы, т. е. частное – тоже политическое, и вопросы гендерного неравенства надо решать в обеих сферах параллельно. Исследователи гендерной проблематики пришли к пониманию, что многие нормы трудовой жизни, считавшиеся гендерно-нейтральными, создавались в условиях, когда на рынке труда преобладали мужчины, поэтому не учитывали специфику жизни женщин (например, пауза в карьере, связанная с рождением детей), значение семейной сферы в трудовой жизни (например, несовместимость сверхурочной работы и частых командировок с уходом за малолетними детьми). Они стали осознавать, что мужчина, делающий карьеру, внешне воспринимаемый как независимый «кузнец своего счастья», своим продвижением обязан, в том числе,

и своей спутнице жизни, взявшей на себя большую часть обязанностей, связанных с домашними делами и детьми, и поэтому она оказалась на рынке труда в более уязвимом положении, нежели мужчина. Также выяснилось, что мужчинам, пожелавшим посвятить себя частной сфере, трудно реализовать свое желание из-за структуры рынка труда и существующих общественных норм. Сегодня все эти выводы, сделанные в ходе проведения гендерных исследований, стали достоянием широкой общественной сферы и политической практики.

Решения существующих в обществе проблем гендерного неравенства теоретики феминизма видели по-разному: одни облекали их в либеральную риторику об универсальных правах, другие – сторонники постструктурализма – вообще сомневались в необходимости гендерных понятий. (Подробный обзор течений феминистской философии можно найти здесь: Koivunen и Liljeström 2003; Kivimaa и Pöldsaa 2009, 799–806.) Но для развития политики гендерного равноправия более существенной оказалась гражданская активность (движение за права женщин и гражданские права, протестные движения за сохранение окружающей среды), заставившая общество более серьезно относиться к вопросу гендерного неравенства и связанным с ним социальным проблемам. Благодатную почву для переосмысления гендерных вопросов создали перемены, произошедшие в обществе за последнее столетие: рост уровня образования женщин, их активное участие на рынке труда, контроль за рождаемостью, большая доступность социальных услуг, но, главное – изменение ценностей в постматериалистическом обществе, ориентированном не столько на материальные блага, сколько на т. н. «мягкие ценности» (личная свобода и развитие, гражданская инициатива, охрана природы и т. д.) (Norris и Ingelhart 2003). Эти перемены, а также деятельность групп давления и поддержка общественности привели к тому, что законодательство большинства западных стран возводит гендерное равноправие в ранг важных социальных благ и прав человека, а также предусматривает меры по ликвидации дискриминации и обеспечению равных социальных возможностей.

Меры внутригосударственного уровня исходят из международных договоров и конвенций. Важнейшими документами из них являются Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая в 1979 году, а также подробная программа действий, принятая в Пекине в 1995

году на 4-й Всемирной конференции по положению женщин. Принцип равного обращения с мужчинами и женщинами прописан в Договоре о Европейском Союзе. Амстердамский договор приводит равноправие женщин и мужчин в перечень общих ценностей, а содействие его развитию ставит в ряд целей Европейского Союза. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в большинстве стран Европы созданы институты и законы в защиту равных прав и возможностей женщин и мужчин. Эта деятельность проходила разные фазы: распространение на женщин общих прав человека, принятие специальных мер по обеспечению этих прав и, наконец, осмысление гендера как основной категории общества. Все эти подходы используются в различных государствах по сей день. Пока что ни одна страна не может заявить, что уже преодолела гендерное неравенство, но, безусловно, уже сделаны значительные шаги вперед в целях обеспечения полноценной жизни мужчин и женщин как в общественной, так и домашней сфере. Соответствующую статистику предлагает, например, отчет ООН о развитии, где отдельно приведены показатели по гендерному равноправию. В 2009 году на самых верхних позициях по показателю степени реализации прав женщин (Gender Empowerment Measure) находятся Швеция и Норвегия; Эстония среди 109-и стран занимает 30-е место (Human Development Report 2009).

В последние пятнадцать лет Эстония активно участвовала в дискуссиях о гендерном равноправии, и наши представления за эти годы постепенно развивались. И хотя в Эстонии, как и в западных странах в начале 20-го века, было женское движение, парадоксальным образом обсуждение проблематики гендерного равноправия заглушила принудительная идеология гендерного равенства советской власти, которая своей лозунговостью прикрывала глубокое гендерное неравенство в реальной жизни. Новое открытие Эстонии для Запада не привело к автоматическому присоединению страны к развернувшимся там дебатам, мы нуждались в переходной фазе адаптации и обучения. Для Эстонии конца 1980-х годов был характерен национально-романтический подход с ретроспекцией в 1930-е годы, подразумевавший возрождение патриархальных семейных отношений и отрицавший глобальные перемены и изменившиеся ценности. Одновременно наше культурное пространство заполнили стереотипные коммерциализированные гендерные идеалы, связанные с индустрией красоты и куль-

том тела. Подчеркивалось различие полов, а не их комплексное влияние или сбалансированность. В итоге под напором широко воспринятых ценностей культуры потребления и неолиберальной политики национально-романтические представления сдали свои позиции, но мы по-прежнему видим их тень, например, в риторике о поддержке рождаемости, сопутствующей демографической политике Эстонии. И по-прежнему сохраняется страх перед «призраком феминизма» (см. Pilvre 2002, 140–159). У нас можно найти и другие подобные точки пересечения и смешения идеологий, и они влияют на наше отношение к вопросам гендерного неравенства.

Однако Эстония, заново интегрируя себя в международное сообщество, все-таки стала более серьезно воспринимать проблемы гендерного неравенства. В 1991 году страна присоединилась к Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Как на члена ООН на нее распространяется обязанность выполнять Программу действий Пекинской конференции 1995 года. С 1996 года при Министерстве социальных дел работает подразделение по вопросам гендерного равноправия; в 2005 году приступил к работе уполномоченный по гендерному равноправию (с начала 2009 года – уполномоченный по гендерному равноправию и равному обращению). Вступив в Европейский Союз, мы приняли на себя обязательство следовать правовым актам Европейского Союза, касающимся гендерного равноправия, что подразумевает обязанность ликвидировать гендерную дискриминацию и способствовать развитию равенства возможностей женщин и мужчин в различных сферах жизни. Стремлением вступить в Европейский Союз было продиктовано принятие Эстонией в 2004 году Закона о гендерном равноправии, дебаты вокруг которого наглядно показали доминирующее в стране недоверие к гендерному равноправию, несмотря на все возрастающую доступность результатов гендерных исследований. Уже около десяти лет с ними знакомят специализированный журнал *Ariadne Lõng* («Клубок Ариадны»), центры гендерных исследований при Тартуском и Таллиннском университетах, различные курсы обучения и проекты.

На сегодняшнее отношение общественности Эстонии к проблемам гендерного неравенства, с одной стороны, повлияла неолиберальная идеология, видящая женщин и мужчин, прежде всего, конкурентами на свободном рынке и отрицающая гендерное неравенство на этом с виду нейтральном

поле деятельности. Блуждающие огни культуры потребления также отвлекают от гендерной и более широкой социальной тематики. С другой стороны, у Эстонии перед глазами опыт самой передовой гендерной политики стран Скандинавии, способствующей равенству женщин и мужчин в общественной и частной сферах жизни. Серьезный вклад в понимание гендерного равноправия внесло присоединение Эстонии к Европейскому Союзу и заметный рост уровня жизни, позволивший нам, помимо повседневных забот, задуматься и о таких ценностях как терпимость и равноправие. Как нынешний экономический спад может повлиять на гендерные отношения и ценности в широком смысле, спрогнозировать сложно, как правило, экономическим кризисам сопутствует усиление консервативных установок. Но хотелось бы надеяться, что обозначившиеся позитивные сдвиги в сторону большей толерантности и полноты гарантий прав человека не подвергнутся стагнации. Да, в нашей публичной риторике присутствует постсоциалистическое и неолиберальное недоверие к гендерному равноправию, но, в ней все чаще обнаруживается и все большая открытость миру. Открытость позволяет глубже осмыслить важность гендерной проблематики и с успехом реализовать практику равноправия в различных сферах жизни.

Именно это пространство является предметом интереса настоящего сборника, который одновременно дает ретроспективу пройденного пути и служит указателем направления на будущее. Круг рассматриваемых тем широк. Лийна Ярвисте исследует доминирующие в Эстонии противоречивые гендерные стереотипы и их влияние на общество. Мярт Массо дает обзор сходств и различий положения мужчин и женщин в трудовой жизни. Лезни Ханссон рассматривает вопросы, связанные с семьей, прежде всего, трудности совмещения работы и семейной жизни. Марре Кару указывает на бедность как гендерно-дифференцированное явление. Сирье Отставел и Кадри Соо анализируют изменения, произошедшие в понимании насилия в партнерских отношениях. Таави Лай акцентирует внимание на гендерную дифференцированность проблем здоровья и поведения, влияющего на состояние здоровья. Мари-Лийз Сеппер и Кристийна Альби дополняют дискуссионную тематику юридическим аспектом множественной дискриминации, о которой в последнее время активно говорят во всем мире. Кристийна Лухт анализирует ситуацию с торговлей людьми и проституцией в Эстонии. Тийу Куурме выявляет

гендерные несоответствия в системе образования и их влияние на общество. Мирьям Аллик предлагает новаторский подход к рассмотрению участия женщин в политической жизни. Барби Пилвре анализирует процесс производства в масс-медиа, организацию и содержание СМИ, а также гендерный характер реакций аудитории. Микко Лагерспец и Эрле Рикман ищут ответ на вопрос о гендерной дифференциации нашего общества. Радует, что за последние десять лет у нас проведено так много исследований общества в контексте гендера. И хотя изменения происходят не быстро и не во всех сферах позитивно, углубленный анализ дает нам возможность лучше понять существующую ситуацию и сформировать стратегию на будущее ради достижения реального гендерного равноправия.

Гендер, различные аспекты которого затронуты в публикациях сборника, ежедневно присутствует с нами дома и на работе, и от отношений между двумя этими сферами зависит благополучие не только каждого отдельного индивида, но и всего общества. Как показывают цитаты из текстов женских организаций первых десятилетий Эстонской Республики, публикуемые между статьями сборника, мы имеем дело с далеко не новыми проблемами. А это – повод для размышления всем тем, кто считают гендерные вопросы импортированной сиюминутной темой. Мы также должны спросить у себя: почему наш путь к ответам столь долог? Взгляд в прошлое поможет четче разглядеть тенденции будущего. Вопросов из прошлого мы унаследовали немало, но теперь мы умеем лучше искать ответы и лучше ориентироваться на своем пути. Будем надеяться, что через десять лет Эстония значительно продвинется на пути к сбалансированному обществу, и что настоящая книга станет ей подспорьем в этом движении.

Использованные источники

-
- Connell, R. W. (2007). Globaliseerumine, imperialism ja mehelikkused. *Ariadne Lõng*. 1/ 2, 77–99.
- Eesti Naisliit (1930). *Kümme aastat Eesti Naisliitu 1920–1930*. Tallinn: Eesti Naisliit.
- Human Development Report 2009. Statistics of the Human Development Report*. <http://hdr.undp.org/en/statistics/>
- Inglehart, R., Norris, P. (2003). *Rising Tide: Gender Equality and Cultural Change around the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Joonsaar, A. et al. (toim.). (1995). *Eesti naised muutuvad ühiskonnas. Eesti rahvusraport, 1995 ÜRO IV naiste*

- konverents „Võrdõiguslikkus, areng, rahu“.* Tallinn: Sotsiaalministeerium.
- Järve, M. (toim.). (1999). *Jagatud õigused ja vastutus. Sooline võrdõiguslikkus Eestis.* Tallinn: Sotsiaalministeerium.
- Kaufman, M. (2001). Mehed, feminism ja meeste vasturääkivad võimukogemused. *Ariadne Lõng.* 1/ 2, 137–151.
- Koivunen, A., Liljeström, M. (toim.). (2003). *Võtmesõnad. 10 sammu feministliku uurimiseni.* Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.
- Konventsioon naiste diskrimineerimise kõigi vormide likvideerimise kohta. *Riigi Teataja II.* 1995, 5–6/31.
- Maimik, P., Mänd, K. ja Papp, Ü.-M. (toim.). (2000). *Teel tasakaalustatud ühiskonda: naised ja mehed Eestis.* Tallinn
- Pilvre, B. (2002). *Formaat. Valitud tekste klassivõitlusest ja naisküsimumusest 1996–2002.* Tallinn: Eesti Ekspressi Kirjastuse AS.
- Põldsaar, R., Kivimaa, K. (2009). Feministlik teooria. Raamatus Epp Annus (toim.). *20. sajandi mõttevoolud.* Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 799–806.
-

Распространены ли в Эстонии установки, поддерживающие гендерное равноправие?

Лийна Ярвисте

Резюме

.....

Эстония – демократическое государство с официальной установкой на равноправие мужчин и женщин. Однако, помимо законов и политики, на гендерное равноправие в существенной мере влияют установки людей. Цель статьи – проанализировать установки общества Эстонии, чтобы выяснить, поддерживают ли они равноправие женщин и мужчин или нет. Во-первых, публикация знакомит с теорией ценностей Рональда Инглхарта (Ronald Inglehart) и ее связь с достижениями гендерного равноправия в социуме. Далее дается анализ установок жителей Эстонии в связи с гендерным равноправием, разделенный по темам: оценки позиции женщин и мужчин в обществе; участие мужчин в воспитании детей, в том числе в период отпуска по уходу за младенцем, а также в формировании у детей умений и качеств, важных для дальнейшей жизни; участие женщин в политике и трудовой жизни ради заработка средств существования.

Поскольку определенные вопросы мониторинга гендерного равноправия «SV monitoring» сопоставимы с аналогичным исследованием «Tasavobarometri 2008», проведенным в Финляндии, то в статье для сравнения приводятся примеры установок жителей Финляндии.

ЛИЙНА ЯРВИСТЕ, МА, аналитик отдела информации и социальной политики Министерства социальных дел. Степень магистра гендерных исследований получила в Центрально-Европейском университете (Будапешт). Сфера интересов Лийны Ярвисте – гендерное равноправие. Она автор публикаций на темы общественных установок в связи с равноправием женщин и мужчин, отцовства и участия отцов в уходе за ребенком.

Будучи демократическим государством, членом Европейского Союза и других международных организаций, Эстония взяла на себя обязательство своей политикой способствовать развитию равноправия мужчин и женщин. Поддерживают ли система ценностей и установки жителей Эстонии гендерное равноправие? Сталкивались ли они с неравенством?

Каков их опыт неравенства? Является ли равноправие женщин и мужчин ценностью, которую поддерживает большинство населения, или же в обществе преобладает показное мнение, не ставшее еще внутренним убеждением?

Известные исследователи систем ценностей Рональд Инглхарт и Пиппа Норрис (Norris 2003) утверждают, что экономическое развитие и правовые и институциональные реформы, направленные на равноправие женщин и мужчин, крайне важны с точки зрения развития гендерного равноправия в долгосрочной перспективе. Впрочем, существенное влияние на равноправие женщин и мужчин оказывает культура общества, т. е. сложный комплекс выученного поведения и знаний. Таким образом, на равноправие женщин и мужчин влияют распространенные в конкретном обществе ценности, установки и убеждения в отношении того, что означает быть женщиной и мужчиной (там же).

В число политических задач, призванных способствовать развитию равноправия женщин и мужчин, входит и воздействие на культуру общества. Чтобы сформировать политику, надо иметь базовую информацию о происходящем в обществе. В 2003, 2005 и 2009 годах по заказу Министерства социальных дел проводился опрос населения «Мониторинг гендерного равноправия» (SV monitoring). Целью исследования было на основе собранных мнений и выявленных установок жителей страны получить информацию о доминирующих в обществе мнениях о гендерном равноправии и неравенстве. Цель данной статьи – дать краткий обзор установок жителей Эстонии за последние десять лет и того, как общество воспринимает неравенство и гендерное равноправие.

Исходя из ключевых тем трактовки равноправия (положение женщин и мужчин на рынке труда; участие в политической и семейной жизни; наличие гендерных стереотипов в обществе), я анализирую установки жителей Эстонии в связи с положением женщин и мужчин в обществе, совмещением работы и семейной жизни, воспитанием детей, участием женщин в политике, работой ради средств сущест-

вования. Поскольку определенные вопросы мониторинга гендерного равноправия «SV monitoring» сопоставимы с материалом аналогичного финского исследования «Tasa-arvobarometri 2008», то, по возможности, я привожу примеры для сравнения с установками жителей Финляндии. Сравнение с Финляндией представляет интерес, поскольку, с одной стороны, в культурном плане она близка к Эстонии, а с другой стороны, Финляндию, как одну из Северных стран, считают примером с точки зрения благосостояния и равноправия.

Ценности и равноправие

Прежде чем подступать к рассмотрению конкретных сфер жизни, надо задаться вопросом, было ли гендерное неравенство проблемой для жителей Эстонии в последние десять лет. По теории Рональда Инглхарта, процессу модернизации общества от аграрного к индустриальному, и затем к постиндустриальному, сопутствует видоизменение ценностей. Согласно его теории есть две оси ценностей: 1) традиционные (*traditional*) vs светско-рациональные (*secular-rational*); 2) ценности выживания (*survival*) vs ценности самовыражения (*self-expression*).

К числу традиционных ценностей относятся: почтение к религии, соответствие социальным нормам, подчинение авторитету, четкие представления о хорошем и плохом, понимание семьи и роли женщин и мужчин, прежде всего, с позиции деторождения (важнейшая роль женщины – быть матерью, мужчины – быть кормильцем). Светско-рациональные ценности противопоставлены традиционным, у церкви нет заметного влияния, важны личные устремления, а не одобрение общества или семьи, отношение к сексуальности либеральное, акцептируются свободное сожительство и однополые отношения.

На шкале ценностей выживания и самовыражения ценности выживания связаны в первую очередь с материальным благополучием человека. Для общества, где доминируют ценности выживания, характерны взаимное недоверие, отсутствие толерантности, в нем индивиды не чувствуют личной ответственности перед обществом. А широкому распространению ценностей самовыражения сопутствует рост терпимости и доверия. Как утверждает Инглхарт, одним из примеров выдвижения на первый план ценностей самовыражения служат различ-

ные гражданские движения, например: движения в защиту окружающей среды, прав женщин и др.

Таким образом, модернизации сопутствует переход от традиционных ценностей к светско-рациональным. Во многом это подразумевает снижение

Прошли те времена, когда только материальные заботы вынуждали женщин трудиться вне семьи; понимание того, что общество нуждается в труде и мужчин, и женщин, стало всеобщим.
(Эмма Ассон-Петерсон, 1924 г.)

авторитета религии. Это с одной стороны, а с другой – с ростом экономического благосостояния ценности, связанные с выживанием, утрачивают свое значение, растет значение ценностей, связанных с самовыражением. Чем богаче становится общество, тем важнее для его членов становятся качество жизни, автономия личности и самовыражение, а не материальные усилия, направленные на личное благосостояние (Inglehart и Norris 2003).

С модернизацией и видоизменением ценностей непосредственно связано отношение к равноправию женщин и мужчин. С выходом на первый план светско-рациональных ценностей связывают ослабление традиционной семьи, основанной на браке мужчины и женщины, и более широкое понимание роли женщин (Inglehart и Norris 2003). В современной Эстонии и развитых западных странах синонимом семьи больше не является длящийся всю жизнь брак женщины и мужчины, в котором рождаются дети. Люди сами определяют, есть ли семья, и что такое она для них. Об ослаблении традиционной семьи сигнализируют разные тенденции. С проявлением светско-рациональных ценностей в обществах разных стран (в т. ч. Эстонии) было отмечено снижение числа браков и рост популярности свободного сожительства. Разводы и смены партнеров сожительства становятся обычными, растет число родителей (как правило, женщин), воспитывающих ребенка в одиночку (Inglehart и Norris 2003). Например, в Эстонии в 2008 году более половины детей родились в семьях, где родители не состояли в официальном браке, а в

каждой шестой семье из всех домохозяйств с детьми был только один взрослый (Tervis, tõõ ja sotsiaalelu, 2000–2008). Однополые партнеры все чаще идентифицируют себя как семью.

Возвращаясь к изменению ценностей и равноправию, отметим, что ценности самовыражения поддерживают равноценность ролей женщин и мужчин как в семье, так и в трудовой жизни. Инглхарт считает, что изменение установок и ценностей в направлении равноценности ролей идет в глобальном масштабе. За этими изменениями прослеживаются два основных вектора – модернизация общества и смена поколений. Однако в своем анализе Инглхарт признает и то, что модернизация в каждом обществе проходит по-своему, на этот процесс во многом влияют культурные традиции и религиозное наследие. Инглхарт занимается глобальным изучением систем ценностей, я же рассматриваю более узкую картину: каково место Эстонии с ее ценностями среди стран Европы.

Анализируя результаты Исследования мировых ценностей (World Values Survey¹) Инглхарт отвел Эстонии место среди т. н. посткоммунистических переходных государств (Inglehart ja Norris 2003). Аналогично странам Западной Европы и, прежде всего, Скандинавским странам в эстонском обществе преобладают светско-рациональные ценности. Однако по шкале «ценности самовыражения vs ценности выживания» Эстония (вместе с другими государствами Восточной Европы), в отличие от стран Западной Европы и Скандинавии, явно тяготеет к ценностям выживания. Инглхарт объяснял доминирование таких ценностей переходом стран т. н. Восточного блока от коммунистического общественного строя к капитализму. Резким общественным переменам и обвалу экономики сопутствовала утрата людьми чувства уверенности и защищенности, что, в свою очередь, выдвинуло на первый план материальные ценности, отодвинув на задний план ценности нематериальные. Как изменились с 1999 года доминирующие в Эстонии ценности в международном контексте, ответить, к сожалению, невозможно из-за отсутствия соответствующих исследований.

¹ World Values Survey в Эстонии проводили в последний раз в 1999 году. См. подробнее <http://www.worldvaluessurvey.org/>

Рисунок 1. Как Вы оцениваете положение женщин и мужчин в обществе Эстонии? (2009 г., в %)

Источник: «Мониторинг гендерного равноправия» (SV-monitooring) 2009 года

Равнозначны ли в Эстонии женщины и мужчины?

Теорию Инглхарта о том, что выдвижение на первый план ценностей самовыражения способствует равноправию женщин и мужчин, подтверждает среди прочих исследований и мониторинг гендерного равноправия «SV monitooring» 2003 года. Тогда, анализируя полученные результаты, ученые пришли к выводу, что Эстония – страна, где гендерное неравенство не осознается как проблема и равноправие воспринимается скорее как сугубо «женское дело» (Pettai и Proos 2003). Такое отношение к равноправию есть отражение того, что ценности самовыражения не распространены в обществе столь широко. Другие исследования 1990-х и начала 2000-х годов пришли к аналогичному выводу. В промежутке Эстония вошла в Европейский Союз, приняла Закон о гендерном равноправии (позднее – Закон о равном обращении), а также создала институт уполномоченного по гендерному равноправию (и равному обращению). Стали ли за это время жители страны воспринимать неравенство женщин и мужчин как проблему? Вначале я проанализирую общие установки населения в отношении гендерного неравноправия.

Согласно результатам опроса мониторинга гендерного равноправия «SV monitooring», прове-

денного летом 2009 года, более трети жителей Эстонии считали, что в обществе женщины и мужчины равнозначны (см. рисунок 1). Позицию мужчин по сравнению с позицией женщин посчитали более заметной или немного лучшей около половины респондентов. Но, интересно отметить, что женщины эстонской национальности больше остальных чувствовали, что позиция мужчин в обществе лучше, чем женщин. А наиболее равнозначно положение оценивали мужчины эстонской национальности. Лучшим положение мужчин оценивали более образованные женщины, а в равноценность положения верили преимущественно женщины с образованием первого уровня². Можно предположить, что высокообразованные (третий уровень образования) женщины чувствуют, что их знания и умения в обществе и на рынке труда оценены неравнозначно с аналогичными знаниями и умениями мужчин. А мужчины эстонской национальности могут воспринимать

² Образование первого уровня (или ниже) – основное и более низкое образование (без начального, начальное, профессиональное без основного); образование второго уровня – среднее специальное образование на базе основного, профессионально-техническое образование на базе среднего образования, среднее специальное или образование уровня техникума на базе основного, среднее образование или среднее специальное образование на базе среднего образования; образование третьего уровня – среднее специальное или образование уровня техникума на базе среднего, высшее профессиональное образование, высшее прикладное образование, дипломное обучение, бакалавр, магистр или доктор.

**Рисунок 2. Как Вы оцениваете положение женщин и мужчин в обществе?
Сравнение Эстонии (2009 г.) и Финляндии (2008 г.), в %**

Источники: «Мониторинг гендерного равноправия» (SV monitooring) 2009 года и «Tasa-arvobarometri» 2008 года

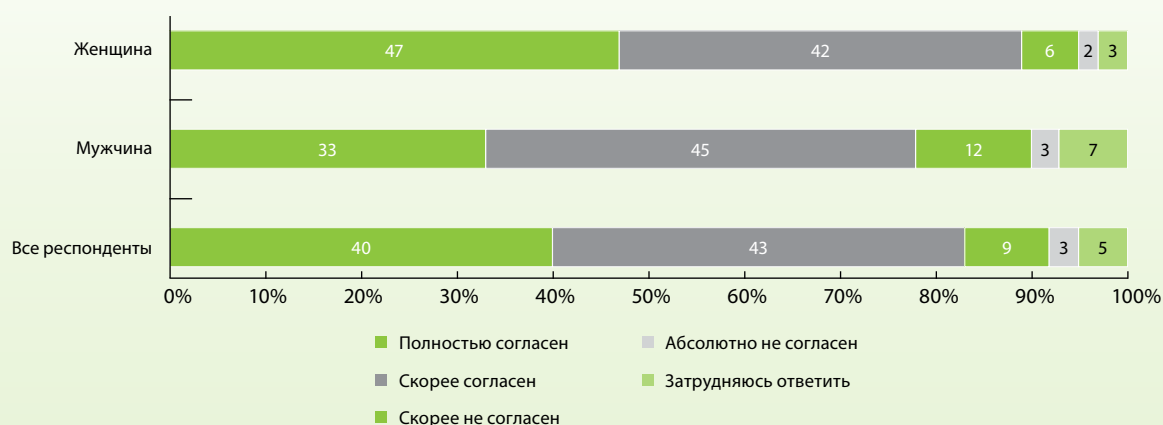
общество равноправным в силу того, что сами являются т. н. общественной нормой, и благодаря этому имеют лучший доступ к общественным ресурсам. Группа, находящаяся в привилегированном положении, может неадекватно воспринимать позиции отличных от себя членов общества.

Для сравнения: мнения финнов по вопросу равнозначности заметно отличаются от мнений жителей Эстонии (см. рисунок 2). Формально Финляндия более соответствует модели гендерного равноправия, чем Эстония. Там высока доля женского представительства в политической жизни, меньше гендерная дифференциация зарплат (в 2007 году ЕЕ³ – 30%, FI – 20%), относительно высокий уровень занятости женщин (в 2008 году ЕЕ – 63% и FI – 69%) и высокий уровень рождаемости (коэффициент в 2007 году в Финляндии – 1,83 и в Эстонии – 1,63). Однако в 2009 году неравенство в Эстонии воспринималось слабее, чем в Финляндии. Сравнение двух стран, а также положение женщин и мужчин в них показывает, что женщины Финляндии больше других ощущают преимущества позиции мужчин в обществе. Подавляющее большинство женщин Финляндии не верит, что в их обществе женщины и мужчины равноценны. Можно предположить, что за восприятием финскими женщинами высокой степени своего неравенства стоит их большая инфор-

мированность о гендерном равноправии и формах проявления неравенства. Они умеют отличать неравенство, а также оценивать опыт неравного обращения с гендерной точки зрения.

Немногим более половины женщин Эстонии считают, что дела мужчин в целом идут лучше. Однако треть женщин Эстонии (а также треть мужчин Финляндии) верят, что женщины и мужчины в обществе равнозначны. Больше других в статусное равенство женщин и мужчин верят мужчины Эстонии – почти половина опрошенных. Интересно отметить, что именно мужчины Эстонии в 2009 году больше других верили и в то, что положение женщин в обществе немногом или заметно лучше, чем положение мужчин. Можно лишь спекулировать о том, что повлияло на такую установку – единичные примеры, памятные респонденту, ранняя смертность мужчин (которая часто обсуждается в обществе с начала 2000-х гг.) и риски поведения или же опыт, связанный с экономическим спадом. Именно мужчины с началом кризиса в среднем чаще женщин теряли работу и связанные с ней блага. С конца 2007 года пропорциональный рост регистрируемой безработицы среди мужчин был большим, чем среди женщин. Например, если еще в 2007 году среди зарегистрированных безработных треть составляли мужчины и две трети – женщины, то к концу III квартала 2009 года мужчины составляли более половины всех зарегистрирован-

3 ЕЕ – Эстония, FI – Финляндия.

Рисунок 3. Мужчины должны больше, чем сейчас, участвовать в уходе за детьми и в их воспитании (2009г., в %)

Источник: «Мониторинг гендерного равенства» (SV monitoring) 2009

ных безработных (статистика Кассы страхования от безработицы).

Как должно быть и как есть на самом деле

Можно сказать, что отношение жителей Эстонии к равноправию двойственное. Если рассматривать установки на фоне поведения, то ситуация представляется особенно комплексной. На общем уровне установки и поведение связаны между собой, но социальные науки, как правило, отказываются от прямой и абсолютной увязки установок с поведением. Согласно своей теории планируемого поведения, Айзан (Ajzan) считает, что на реальное поведение человека больше всего влияет готовность к соответствующему поведению. Однако, помимо установок, на него влияют и субъективные нормы, т. е. мнения и установки конкретных авторитетных для человека людей, а также ощущаемый контроль за поведением, т. е. простым или сложным считается то или иное поведение, поступок. (Ajzan 1988, 1991; цитаты Armitage и Christian 2003). Также на поведение влияет сила установки. Можно предположить, что чем сильнее установка, тем вероятней, что человек поведет себя соответственно ей (Armitage и Christian 2003). Можно констатировать, что установки все же играют свою

роль в формировании поведения, и можно допустить, что изменение установок в определенной мере влияет на реальное поведение людей.

Далее на примере мониторинга гендерного равенства «SV monitoring» рассмотрим установки в аспекте тематики поведения мужчин и женщин Эстонии в связи с равноправием. Во-первых, рассмотрим участие отцов в воспитании детей, затем – отношение мужчин к отпуску по уходу за ребенком, развитию в процессе воспитания мальчиков и девочек важных умений и качеств, участие женщин в политике и, наконец, роль женщин в обеспечении средств существования.

В последние годы тема отцовства является одной из важнейших, можно сказать – ключевой, в публичных спорах и политике не только Эстонии, но и других стран Европы. Как активисты феминистского движения, так и лица, формирующие политику в разных странах и в международных организациях (например: Европейский Союз, Совет Европы), считают долю участия мужчин в воспитании детей и разделении работ по дому с женщинами центральной темой на пути к достижению равноправия, поскольку на долю участия женщин и их успешность в публичной и трудовой жизни в существенной мере влияет неравное распределение домашних работ и, в особенности, – неравная нагрузка по уходу за детьми (Järviste 2008).

И в обществе Эстонии стали все чаще говорить о том, что слабость семейных отношений, сосредоточенность исключительно на трудовой сфере и профессиональном успехе негативно влияют на здоровье и качество жизни мужчин. По результатам различных международных исследований видно, что чем активнее мужчины участвуют в воспитании детей, начиная с их рождения, тем выше вероятность, что эта тенденция продлится и приведет к большему равенству при распределении домашних работ в семье. А тесная эмоциональная связь с ребенком вероятней всего положительно скажется и на здоровье, и на качестве жизни мужчины (Järviste 2008).

Чтобы сломать стереотипы распределения работы, сблизить детей и отцов, многие страны Европы во главе с Исландией, Швецией, Норвегией и Германией определенный период родительского отпуска⁴ (в Исландии – 3 месяца, в Норвегии – 2,5 месяца, в Швеции и Германии⁵ – 2 месяца) сделали отцовским. Другие аспекты политики равноправия этих стран направлены на участие мужчин в домашней жизни. В Северных странах, где традиция отцовских отпусков берет начало с 1990-х годов, общественные установки и поведение благоприятствуют ее укреплению. Подавляющее большинство мужчин пользуются отцовскими отпусками, оставаясь дома со своим ребенком (Järviste 2008). А каковы установки жителей Эстонии в связи с активным участием отцов в уходе за ребенком?

Из результатов мониторинга гендерного равноправия «SV monitooring» 2009 года явствует, что с общим утверждением о том, что мужчины должны больше, чем сейчас, участвовать в уходе и воспитании детей, согласны и женщины, и мужчины (см. рисунок 3). Более всего женщин, согласных с таким утверждением, было в возрастной группе 20–29 лет, т. е. в возрасте, когда в основном создаются семьи и рождаются дети. Эстонцы чаще, чем неэстонцы, считают, что мужчины должны больше участвовать в присмотре за детьми и их воспитании. Среди мужчин-эстонцев это мнение разделяют 79%, среди

мужчин-неэстонцев – 73%, среди женщин-эстонок – 90% и неэстонок – 85% (см. также о национальных различиях в установках, стр. 25).

На оценки женщин влиял их трудовой статус – работающие женщины в среднем чаще считали необходимым увеличить участие мужчин в уходе и воспитании детей, нежели неработающие женщины. Однако работающие мужчины, имеющие детей, чаще, чем работающие женщины (18% vs 7%), не считали это необходимым. Одно из возможных объяснений такого различия в установках работающих женщин и мужчин заключается в том, что даже в семьях, где оба родителя трудятся с полной занятостью, на плечи женщин ложится большая нагрузка по уходу за детьми и выполнению домашних работ. Исследования затрат времени (сумма часов оплачиваемой и неоплачиваемой работы) также подтверждают, что женщины каждый день работают на 54 минуты больше, чем мужчины (Ajakasutusuuring). Другим объяснением может быть традиционное представление о мужчине-отце, ограниченное функциями продолжения рода, защитой и материальным обеспечением семьи. Формирование гендерной идентичности мужчин во многом продиктовано указанными выше видами деятельности. Собственную мужественность отцы еще больше подтверждают тем, что не делают того, что делают матери (Coltrane 2004). Подтверждение тому можно видеть по установкам, распространенным в Эстонии. Например, согласно результатам мониторинга гендерного равноправия «SV monitooring» 2009 года, почти две трети (64%) мужчин Эстонии считали, что они должны быть главными кормильцами в семье. Также более половины респондентов считали, что ответственность за выполнение домашних работ должна нести главным образом женщина. Увеличить долю участия мужчин в уходе за ребенком и его воспитании не считали нужным 12% жителей, в т. ч. 15% мужчин и 9% женщин. Можно предположить, что женщины, из-за своей двойной нагрузки на работе и дома, больше ратуют за то, чтобы мужчины чаще занимались детьми. Обязанности на оплачиваемой работе и дома в совокупности просто изнуряют женщин. С другой стороны, меньшая готовность мужчин выполнять домашние работы может быть обусловлена представлением о том, что они, имея оплачиваемую работу, тем самым уже выполнили свой долг перед семьей.

В итоге можно констатировать, что в обществе Эстонии достаточно сильна поддержка идеи боль-

4 В контексте Эстонии нет официального термина «родительский отпуск», под которым в международной практике подразумевается право родителя прекратить работать и получать за это связанное с зарплатой возмещение в течение определенного периода после рождения ребенка. В общих чертах термину «родительский отпуск» у нас соответствует схема отпуска по уходу за ребенком и родительского пособия в Эстонии.

5 Продолжительность отпусков приведена по состоянию на 2009 г., MISSOC, http://ec.europa.eu/employment_social/missoc/db/public/compareTables.do, 22.12.2009 г.

шего участия мужчин в уходе за детьми и их воспитании, в целом такая поддержка могла бы быть больше. Надежду на изменение в перспективе поведения мужчин может дать то, что работающие женщины ощущают необходимость большего участия мужчин в воспитании детей. Зачастую именно установки партнеров влияют на участие партнеров в воспитании детей. Исходя из теории Айзана, можно допустить, что на планируемое поведение мужчин женщины влияют в качестве т. н. прочих важных факторов. Но, безусловно, помимо них, свою роль играют другие важные в жизни мужчин люди – друзья, коллеги и пр.

Продолжая разговор об участии мужчин в воспитании детей, рассмотрим установки в связи с родительским отпуском. В качестве источников анализа воспользуемся, кроме мониторинга гендерного равноправия «SV monitoring», проведенным в 2006 году фирмой TNS Emor исследованием RISC и его специальным модулем.

В рамках опроса RISC исследовалось отношение людей к т. н. отцовскому месяцу, т. е. одному месяцу родительского отпуска, предоставляемому исключительно отцам (см. также стр. 20). Отношение к распределению родительского возмещения (зарплаты) между матерями и отцами противоречивое. Более половины эстонеземельцев (56%) относятся положительно к идее отцовского месяца. Однако почти треть (30%) в большей или меньшей степени выступают против нее. В среднем более лояльно к отцовскому месяцу отнеслись отцы несовершеннолетних детей: 61% из них были «за» и 28% – «против». Однако интересно отметить, что среди противников отцовского месяца было в среднем больше женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком (RISC 2006). Можно предположить, что эти матери воспринимают отцовский месяц как угрозу своей материнской и женской идентичности и потому отвергают попытки мужчин активно заботиться о малолетних детях. Материнство зачастую воспринимается как женский идеал. А повседневный уход за детьми – как естественное выражение женственности. Таким образом, рутинный уход за детьми дает женщинам возможность выразить и воплотить свою женственность, подтвердить свое женское отношение, как к мужчинам, так и ко всему миру (Coltrane 2004).

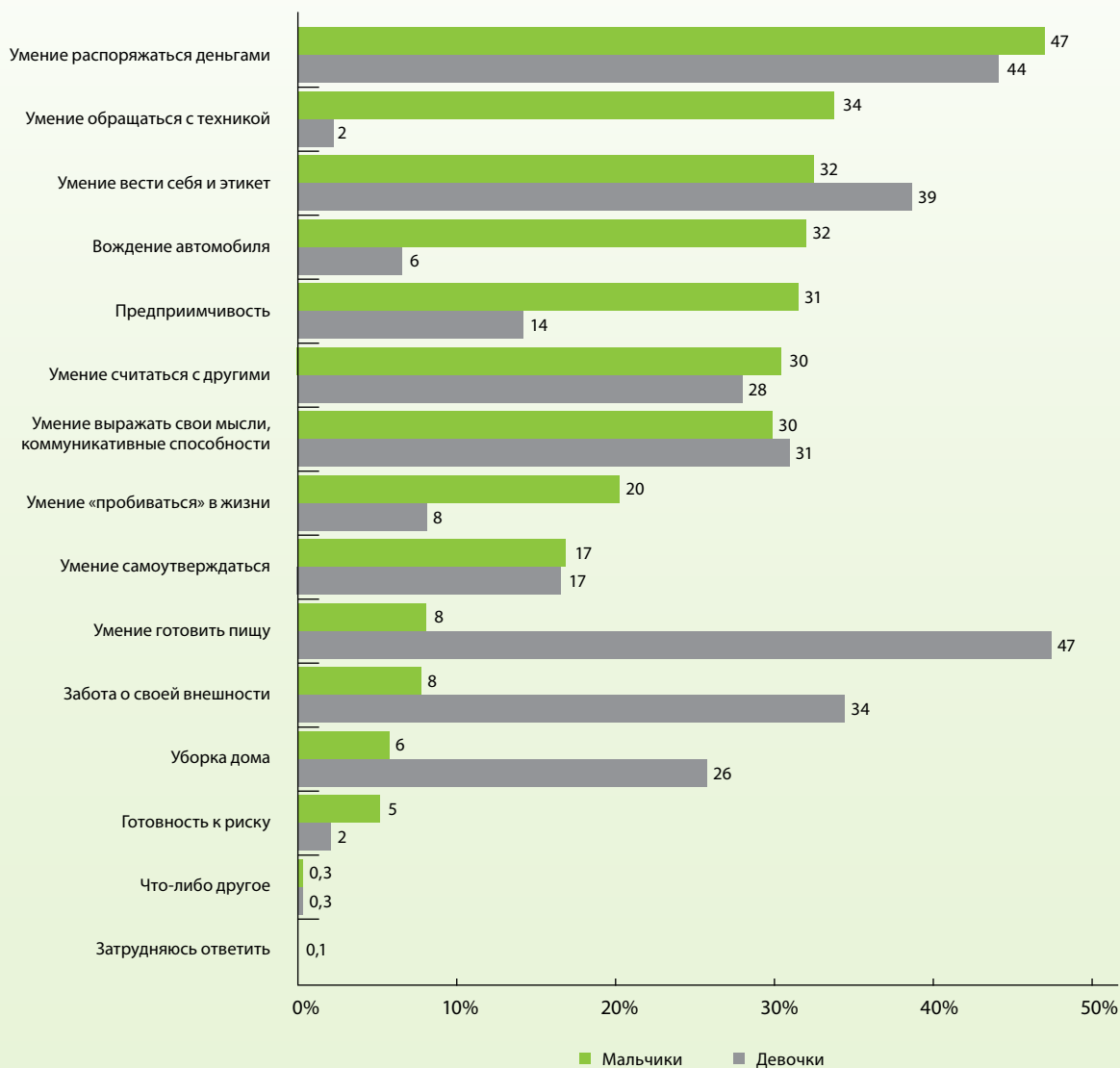
В рамках проведенного в 2009 году мониторинга гендерного равноправия «SV monitoring» исследовалось отношение и к эгалитарной модели

воспитания детей, т. е. установок на равное распределение между матерями и отцами полугодового отпуска, покрываемого родительским возмещением. К нему также отмечено позитивное отношение. Более трети респондентов (38% мужчин и 37% женщин) поддерживают равное разделение срока получения родительского возмещения. «Против» высказались 26% мужчин и 29% женщин. Четверть респондентов придерживалась нейтральной позиции. Однако относительно большая часть, т. е. около одной десятой (10% мужчин и 12% женщин) не имели собственной точки зрения по этому вопросу. Таким образом, достаточно большое число эстонеземельцев не имело своего мнения. В среднем положительно к разделению срока получения родительского возмещения больше настроены мужчины-неэстонцы, респонденты 15–19 лет и респонденты с низким уровнем образования. В среднем негативно к разделению отнеслись женщины и мужчины 30–49 лет. Хотя установки в связи с разделением родительского возмещения были в целом положительными, на мнения его противников и людей, не имеющих собственной точки зрения, могло повлиять привычное гендерно-дифференцированное распределение работ и стереотипы, согласно которым женщины «по своей природе» лучше справляются с малолетними детьми. Аргументация против отпуска отцов рассмотрена в различных качественных исследованиях (см., например, Karu и др. 2007; Rajumets 2007). Нейтральная или неопределенная установка заметного числа эстонеземельцев указывает на необходимость более активного публичного обсуждения темы отцовства в связи с уходом за детьми.

Что касается реального разделения обязанности по уходу за детьми, то относительно передовые установки более трети людей, поддержавших равное распределение родительского возмещения, на самом деле не были претворены в жизнь. Если в первые годы введения родительского возмещения среди его получателей было стабильно около 1–2% мужчин, то в 2009 году их оказалось немногим более 8% (Департамент социального страхования). То есть доля мужчин среди получателей родительского возмещения остается все еще незначительной, хотя небольшой статистический рост позволяет допустить, что в реальном поведении людей наметились некоторые небольшие изменения.

Можно ли при известных изменениях установки в пользу роли мужчины-воспитателя предпо-

Рисунок 4. Умения и качества, на развитие которых следует обращать особое внимание в воспитании мальчиков и девочек (2009 г., в %)

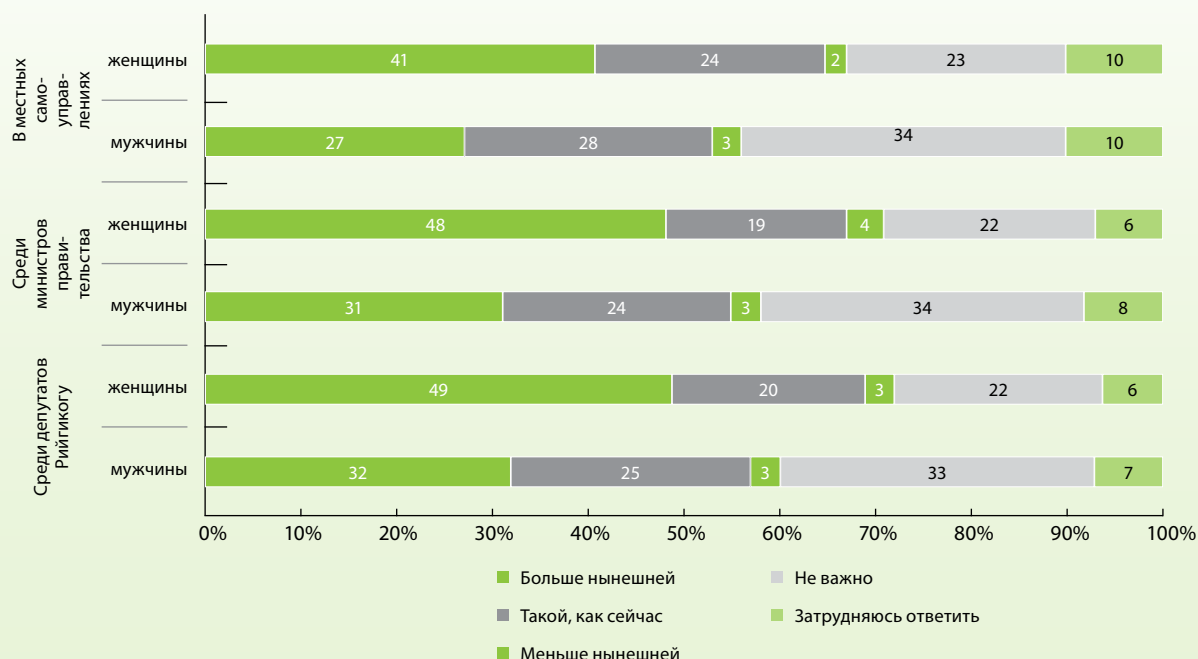
Источник: «Мониторинг гендерного равенства» (SV monitoring) 2009 г.

ложить, что родителей следующего поколения, т. е. нынешних детей, уже готовят к равнозначным ролям в жизни и семье? Рассмотрим установки в связи с воспитанием мальчиков и девочек. Благоприятствуют ли они исчезновению традиционных гендерных стереотипов или сохраняют их?

В рамках мониторинга гендерного равенства «SV monitoring» 2005 и 2009 годов изучался вопрос, насколько по-разному видят респонденты

воспитание мальчиков и девочек, т. е. что считают важным для их развития (см. рисунок 4). Респондентов просили выбрать из предложенного списка три наиболее важных с их точки зрения умения или качества, которые необходимо воспитать у мальчиков и девочек. Наиболее важные умения в обоих исследованиях почти совпали, изменялась лишь степень их важности. По результатам мониторинга гендерного равенства «SV monitoring» 2009 года,

Рисунок 5. Какой должна быть доля женщин среди политиков указанных уровней? (2009 г., в %)

Источник: «Мониторинг гендерного равенства» (SV monitoring) 2009 г.

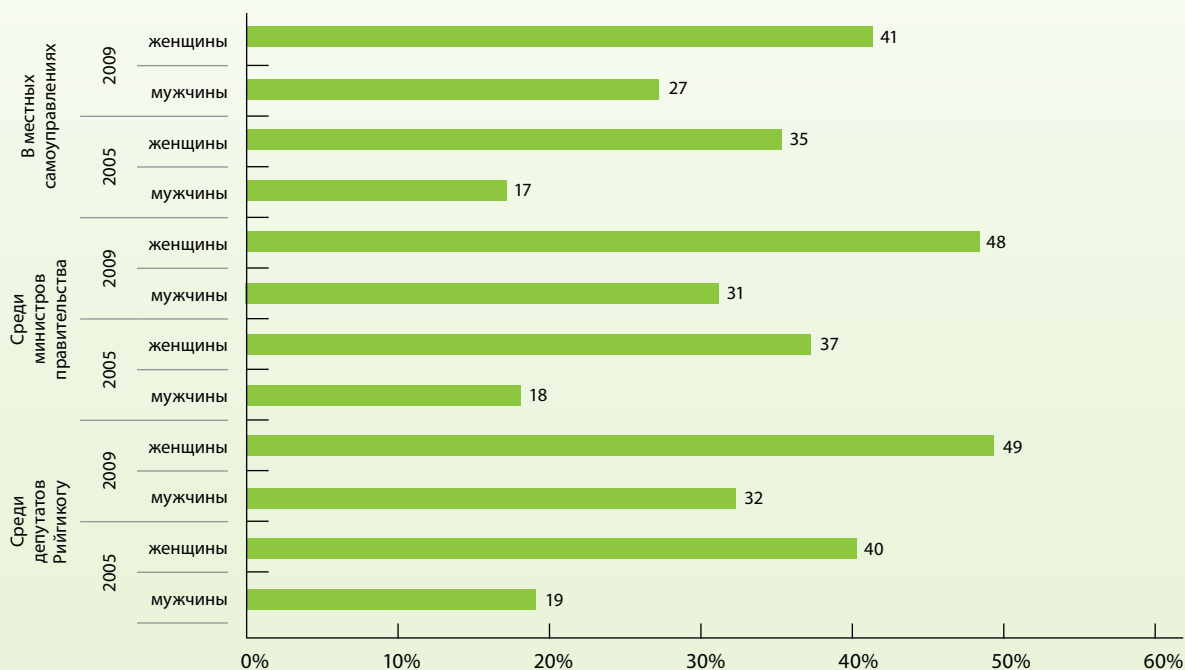
в связи с девочками чаще всего важным называли умение готовить еду, затем – умение распоряжаться деньгами, умение вести себя и знать этикет и, наконец, умение заботиться о своей внешности. Мужчины чаще женщин указывали на важность воспитания у девочек таких традиционных качеств «домохозяйки» как уборка дома (29% мужчин vs 23% женщин), приготовление еды (53% мужчин vs 42% женщин), а также умение ухаживать за своей внешностью (40% мужчин vs 30% женщин).

Любопытно отметить, что и в связи с мальчиками, и в связи с девочками в 2005 году умение распоряжаться деньгами по важности было на третьем месте, а в 2009 году оказалось самым важным для мальчиков и переместилось на второе место по значению у девочек. Можно предположить, что экономический кризис повлиял на установки людей, показав, что всем – женщинам и мужчинам, надо знать азы обращения с деньгами. Но при широком обобщении все же следует констатировать: в воспитании детей у нас сохраняется благоприятная почва для воспроизводства традиционных гендерных стереотипов – пусть мальчики учатся

заниматься автомобилями и техникой, а девочки – готовить еду, хорошо себя вести и красиво выглядеть. Деньги нужны как для автомобилей, так и для приготовления пищи, следовательно, обращаться с ними должны уметь и мальчики, и девочки. Таким образом, в воспитании мальчиков и девочек не заметно особых перемен в пользу равноправия гендерных ролей. Похоже, что даже при наличии большого числа жителей, воспринимающих гендерное равноправие как общественное благо, эта установка никак не отразилась на практике или на шкале ценностей повседневной жизни, например, в случае с воспитанием детей.

Как на международном уровне, так и в Эстонии важным показателем гендерного равноправия считается участие женщин и мужчин в политике. Политическая власть – важный общественный ресурс, доступ к которому отражает равенство полов в обществе. Среди депутатов парламента Эстонии за все время с момента восстановления независимости страны женщин было менее одной четверти, но с каждым выборами этот показатель рос. При том что сравнение избирательных списков 2003 года и

Рисунок 6. Какой должна быть доля женщин среди политиков указанных уровней (проценты респондентов, давших оценку «больше нынешней», 2005 и 2009 гг., в %)

Источник: «Мониторинг гендерного равенства» (SV monitoring), 2005 и 2009 гг.

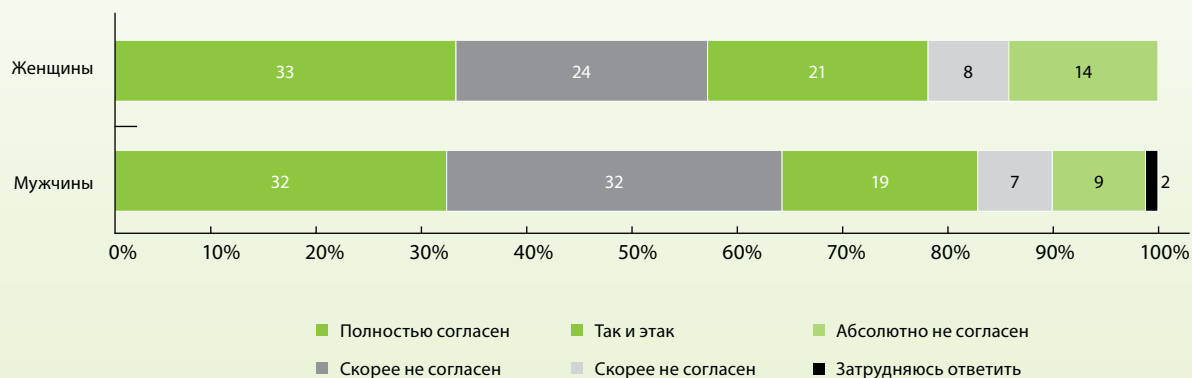
2007 года показало увеличение числа кандидатов женского пола, по количеству отданных за них голосов можно сделать вывод, что «ценность» кандидаток как собирательниц голосов для партий по-прежнему ниже, чем кандидатов-мужчин (Järviste и Järve 2008). А каковы установки избирателей Эстонии в отношении женского участия в политике и власти? В рамках мониторинга гендерного равенства «SV monitoring» изучались установки респондентов в отношении того, надо ли расширять представительство женщин на разных политических уровнях или оно достаточно. В июне–июле 2009 года, когда проводился опрос, из 101 депутата Рийгикогу было 22 женщины, а из 13 министров – одна.

Женщины больше мужчин высказывались за увеличение их представительства в политике раз-

ного уровня (см. рисунок 5).⁶ И женщины, и мужчины считали необходимым увеличить число женщин-депутатов Рийгикогу (среди мужчин это поддерживали около трети респондентов, среди женщин – половина) и женщин-министров (около трети мужчин и половина женщин). По сравнению с женщинами, среди мужчин было больше тех, кто полагал, что женщин-парламентариев и министров у нас достаточно, или что количество женщин среди политиков разного уровня значения не имеет.

Исследуя возможности расширения женского участия в политике, авторы опроса предложили респондентам выбрать наиболее подходящий ответ из пяти предложенных вариантов. Почти треть (32%) респондентов сочли, что увеличить присутствие

⁶ Для сравнения: с тем, что большее участие женщин в политике необходимо для лучшего представительства разных интересов, согласилось 85% женщин и 71% мужчин.

Рисунок 7. Мужчина должен быть главным кормильцем в семье? (2009 г., в %)

Источник: «Мониторинг гендерного равенства» (SV monitoring), 2009

женщин в политике позволит появление новых лидеров, 22% посчитали, что партийные избирательные списки должны поровну включать женщин и мужчин. Остальные варианты ответа – призывы к избирателям голосовать за женщин, выделение женщинам квот в Рийгигогу, создание женской партии – получили меньшую поддержку.

По сравнению с предыдущим опросом в установках людей обнаружились новые тенденции (см. рисунок 6). В отличие от 2005 года как среди мужчин, так и среди женщин выросло число сторонников расширения женского политического представительства. Но, к сожалению, по данному исследованию невозможно выяснить, стоит ли за этим изменением установок в поддержку женщин стремление всего общества к равноправию или отклик, к примеру, на часто поднимаемый в СМИ вопрос о малом представительстве женщин в политике.

Следующим примером установок жителей Эстонии в связи с гендерным равенством рассмотрим обеспечение экономического благополучия семьи (см. также статью Лезни Ханссон (Leeni Hansson), стр. 45). В Эстонии многие убеждены, что основным кормильцем в семье обязан быть мужчина. 64% мужчин и 57% женщин полностью или скорее согласны с утверждением, что в семье мужчина должен быть главным кормильцем. В среднем чаще такую позицию разделяют неэстонцы, чьи общие установки в вопросах равенства зачастую заметно

консервативнее, чем у эстонцев. Различия между установками эстонцев и неэстонцев можно объяснить культурными традициями. Несмотря на общую родину, экономическую среду и отсутствие иных значительных внешних различий между эстонской нацией и общинами других эстоноземельцев, различия в установках эстонцев и неэстонцев в вопросах гендерного равенства и многих других вопросах прослеживаются достаточно четко. Для пояснения различий можно привести теорию Инглхарта, согласно которой, например, религия влияет на культуру даже в том случае, если люди не являются активными верующими, а их установки секуляризовались (Inglehart и Norris 2003). Культура коренного населения Эстонии, т. е. эстонцев, опирается в основном на протестантское мировоззрение, а на культуру подавляющей части иммигрантского населения⁷ (в основном – русскоязычные жители страны) повлияла русская православная церковь.

Здесь, вероятно, интересно будет посмотреть, неужели подавляющее большинство финнов тоже уверены, что на мужчине лежит первейшая ответственность за благосостояние семьи (см. рисунок 7). Хотя шкала ответов на вопрос несколько отличается и однозначно не сопоставима с эстонской, распреде-

7 Иммигрантским населением считаются люди, которые не являются представителями коренного населения, которые сами, их родители или прародители родились вне места нынешнего проживания.

Рисунок 8. На плечи мужчины ложится первейшая ответственность за выживание семьи (2008 г., Финляндия, в %)

Источник: *Tasa-arvobarometri, 2008 г.*

ление ответов все-таки заметно отличается от распределения ответов жителей Эстонии и позволяет сделать условные выводы.

В отличие от эстоноземельцев большинство финнов не считают, что зарабатывать деньги – это главным образом задача мужчин. Можно сказать, что подавляющее большинство мужчин Финляндии не поддерживают такого утверждения. Лишь одна пятая из них уверены, что главным образом они ответственны за материальное благополучие семьи. Немногим более трети женщин Финляндии полагают, что зарабатывать деньги должны мужчины. Почти две трети женщин не согласны с утверждением, что в семье мужчины должны быть главными кормильцами. Таким образом, можно сказать, что установки финнов явно более склонны к равноправию, чем установки эстоноземельцев.

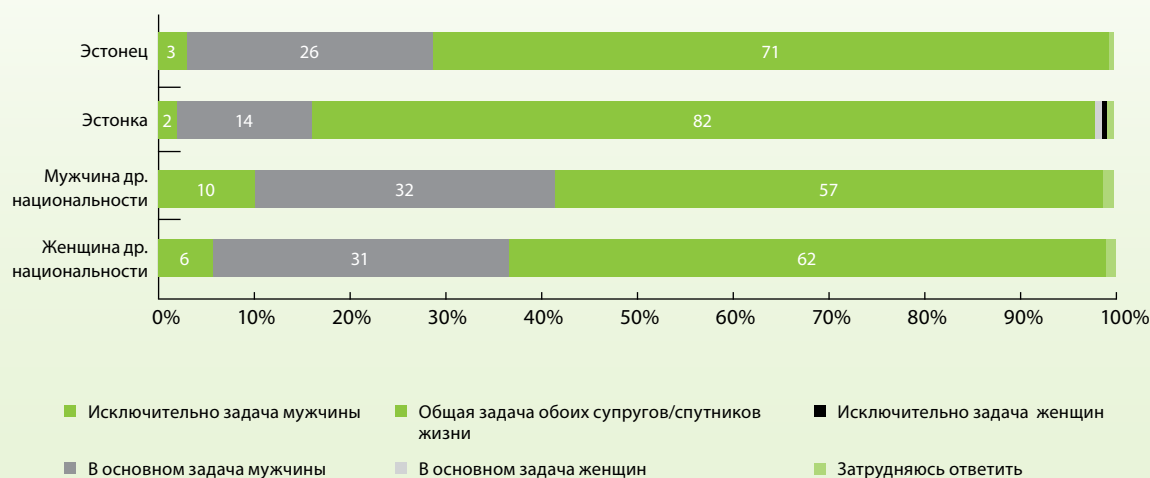
Интересно, однако, что большинство женщин и мужчин Эстонии, разделяя мнение о главенстве мужчины как кормильца семьи, при ответе на вопрос, кто должен обеспечивать материальное благосостояние семьи, проявляют большую склонность к равноправию (см. рисунок 9). В ответах опять-таки отражаются явные различия установок эстонцев и неэстонцев. Большинство мужчин-неэстонцев полагают, что материально обеспечивать существование семьи обязаны они. А женщины-эстонки меньше

всего уверены в том, что мужчины должны быть теми, кто обязан обеспечивать семейное экономическое благополучие.

Одним из объяснений различий между установками в отношении главного кормильца семьи и обеспечения материального благосостояния семьи может быть то, что при гендерной дифференциации зарплат (т. е. при 30-процентной разнице между средними зарплатами мужчин и женщин) предполагается, что мужчины должны приносить в домохозяйство денег больше женщин, т. е. быть основными кормильцами. А с другой стороны, когда ежедневное существование домохозяйства или определенный уровень потребления невозможен без вклада женщин в его бюджет, большинство женщин и мужчин полагают, что обеспечение семейного экономического благополучия должно быть задачей обеих сторон – и женщины, и мужчины. Значит, они осознают, что для достижения или поддержания желаемого уровня потребления требуются два источника семейного дохода. Вклад женщин, пусть даже во многих семьях он меньше мужского, всё-таки крайне необходим.

Условие, по которому женщины обязаны вносить свой вклад в материальное обеспечение семьи, можно считать отражением и нашей истории, и сегодняшнего (потребительского) общества. Исторически в эстонской культуре сложилась роль

Рисунок 9. Чьей задачей, по Вашему мнению, является обеспечение материального благосостояния семьи? (2009 г., Эстония, в %)

Источник: «Мониторинг гендерного равноправия» (SV monitooring), 2009 г.

женщины, участвующей в обеспечении материального благосостояния семьи. В аграрном обществе труд женщин крайне важен для выживания семьи, поскольку именно женщины отвечают за выращивание урожая и уход за скотом, приготовление и хранение пищи. В Эстонии до начала II Мировой войны не успела широко прижиться западноевропейская модель семьи с женщиной-домохозяйкой, которая заботится о детях, и мужчиной – единственным, кто зарабатывает доход. Большая часть населения была занята в сельском хозяйстве. Послевоенная стремительная урбанизация и индустриализация под влиянием коммунистического режима вывели женщин на рынок труда. И на сегодня в Эстонии уровень трудовой занятости женщин, по сравнению со средним показателем по Европе, остается относительно высоким, хотя уровень жизни в целом низкий, а потребительские запросы населения высокие. В силу всего этого зарплаты женщин (которые в среднем ниже зарплат мужчин) являются важным вкладом в материальное обеспечение большинства семей Эстонии. Таким образом, эстоноземельцы могут, конечно, желать, чтобы мужчины содержали семьи, но реально они осознают, что без трудового вклада женщин обеспечить экономическое благополучие семьи невозможно.

Заключение: способствует ли наша культура равноправию?

Если теперь, сделав обзор отдельных установок жителей Эстонии, вернуться к вопросу, поставленному в начале статьи – «Способствует ли культура Эстонии гендерному равноправию?», ответом будет: скорее всего – еще нет. С одной стороны, у нас признают предпочтительное положение мужчин в обществе, и установки людей в отношении активного участия отцов в воспитании детей стали благоприятней. С другой стороны, у нас слабое восприятие неравенства, мала поддержка заботливых отцов – эта установка пока еще слабо подкрепляется реальным поведением людей. Мужчины не берут родительский отпуск, чтобы оставаться дома с детьми, скорее распространено представление, что задача мужчин – обеспечивать экономическое благополучие семьи, а задача женщин – содержать в порядке дом. Установки воспитания поддерживают эстафету традиционных гендерных стереотипов от родителей к детям. Мальчиков учат водить автомобиль и разбираться в технике, а девочек – готовить, быть вежливой и привлекательной. Умений обращаться с деньгами и зарабатывать в нашем потребительском обществе

ждут от представителей обоих полов. Сторонников широкого участия женщин в политике у нас сегодня больше, чем в 2005 году, но конкретно за увеличение доли женщин в политике и власти высказываются немногим более трети. Большинство все-таки не видит проблемы в непропорционально малом наличии женщин в избираемых представительских собраниях и департаментах.

Реальностью общества потребления продиктовано мнение, что и у женщин тоже есть своя роль в обеспечении материального благополучия семьи. С одной стороны, можно видеть, что установки меняются в сторону схождения с установками финнов, а с другой стороны, на установки эстоноземельцев все еще продолжают влиять наша недавняя история и культура.

Так что в заключение можно сказать: хотя установки, поддерживающие и воспроизводящие традиционные гендерные роли, в Эстонии лостепенно разрушаются, они все еще достаточно сильны.

Наши общественные установки и культура в своем развитии должны проделать еще большой путь, прежде чем мы сможем говорить о равноправии женщин и мужчин.

Использованные источники

.....

- Armitage, C. ja Christian, J. (2003). From attitudes to behaviour: basic and applied research on the theory of planned behaviour. *Current Psychology: Developmental, Learning, Personality*. 22.
- Asson-Peterson, E. (1924). Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924–1926. Tallinn: Vaba Maa.

- Ajzen, I. (1988). *Attitudes, personality and behaviour*. Milton Keynes, UK: Open University Press.
- Ajzen, I. (1991). The theory of planned behaviour. *Organizational Behaviour and Human Decision Processes*. 50.
- Coltrane, S. (2004). Household Labor and the Routine Production of Gender, Teoses toim. Kimmel, M. *The Gendered Society Reader*. Oxford University Press.
- Derman, N. и др. (2005). *Soolise võrdõiguslikkuse monitooring 2005*. Sotsiaalministeerium/Rahvusvaheliste ja sotsiaaluuringute instituut, Tallinn. [http://213.184.49.171/www/gpweb_est_gr.nsf/HtmlPages/SVmonitooring_2005/\\$file/SVmonitooring_2005.pdf](http://213.184.49.171/www/gpweb_est_gr.nsf/HtmlPages/SVmonitooring_2005/$file/SVmonitooring_2005.pdf) (6.01.2009)
- Inglehart, R., Norris, P. (2003). *The Rising Tide: Gender Equality and Cultural change around the World*. Cambridge University Press.
- Järviste, L. (2008). *Isadust toetavad poliitikameetmed Eestis ja Euroopas*. Sotsiaalministeeriumi toimetised. 6/2008. Tallinn.
- Järviste, L., Järve, M. (2008). Sooline võrdõiguslikkus. *Sotsiaalvaldkonna arengud 2000–2006*. Tallinn.
- Karu, M., Kasearu, K., Biin, H. (2007). *Isad ja lapsehoolduspuhkus: uuringu raport*. Poliitikauuringute keskus Praxis, Sotsiaalministeerium, www.sm.ee
- Nieminen, T. (2008). *Tasa-arvobarometri 2008*. Sosiaali- ja terveystoimi julkaisu 2008, nr 24.
- Pajumets, M. (2007). Ei maksa selle isatamisega väga üle ka pingutada. Lapsevanemate isapuhkusest loobumise diskursused. *Ariadne Lõng*. VII 1/2, 49–64.
- Pettai, I. ja Proos, I. (2003). *Indikaatorite süsteem ja monitooring soolisest võrdõiguslikkusest Eestis*. Eesti Avatud Ühiskonna Instituut, EV Sotsiaalministeerium, Tallinn. http://213.184.49.171/www/gpweb_est_gr.nsf/pages/goproweb1317, (6.01.2009)
- RISC (2008), *Lapsed ja Eesti ühiskond: väärtushinnangute uuring RISC lisa Eesti maa-aruandele*. TNS EMOR.
- Soolise võrdõiguslikkuse monitooring 2009 andmestik ja standardtabelid. (2009). Sotsiaalministeerium.
- Sotsiaalkindlustusamet, www.ensib.ee, määratud vanemahüvitis.
- Statistikaamet, www.stat.ee, avalik andmebaas.
- Vaino, V. (2009). *Ankeetküsitluse Naised ja mehed Eestis: hoiakud ja olukord 2009 tulemused*. Sotsiaalministeerium/Turu-uuringute AS.

Мужчины и женщины в трудовой жизни

Мярт Массо

Резюме

.....

Цель статьи – дать количественное описание сходству и различию трудовой жизни мужчин и женщин, и через призму полученных результатов проанализировать, соответствуют ли они требованиям равенства возможностей, равного обращения и гендерного равноправия.

При количественном описании поведения мужчин и женщин, их положения и обращения с ними на рынке труда использовались в основном данные исследования «Трудовые ресурсы Эстонии» (2001–2008 гг.), Европейского исследования условий труда (2005 г.) и базы данных Инспекции по труду. В анализе сделан акцент на пяти аспектах трудовой жизни: 1) участие на рынке труда, 2) гендерная сегрегация, 3) организация труда, 4) оплата труда и 5) гигиена и безопасность труда.

Выводы: уровень занятости среди женщин ниже, чем среди мужчин; при том, что уровень безработицы среди мужчин выше, чем среди женщин, свою уверенность в занятости они оценивают выше, чем женщины. Данные показывают, что мужчины чаще, чем женщины, занимают более высокие должностные позиции, имеют больше возможностей контролировать организацию труда. Женщины чаще, чем мужчины, склонны соглашаться с более низкой зарплатой; поскольку в опасной рабочей среде заняты преимущественно мужчины, то с ними чаще, чем с женщинами, происходят несчастные случаи на работе. Публикация констатирует: различия в количественных показателях, характеризующих поведение и положение мужчин и женщин на рынке труда, обусловлены не только неравным обращением и неравенством возможностей.

Но поскольку углублённые и теоретически подкреплённые исследования доказывают связь таких различий с гендерным неравенством, то при формировании гендерно-чувствительной политики занятости им и их причинам следует уделить серьёзное внимание.

МЯРТ МАССО, МА,
аналитик отдела информации и анализа политики в сфере труда Министерства социальных дел. Основная сфера его интересов – индивидуальные и коллективные трудовые отношения, гигиена и безопасность труда. Ученую степень магистра социологии получил в Центрально-Европейском университете (Будапешт). В настоящее время является докторантом Института социологии и социальной политики факультета социальных наук Тартуского университета. Мярт Массо автор статей и аналитических публикаций на темы адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья, административных нагрузок, организации труда, индивидуальных и коллективных трудовых отношений.

I. Введение

.....

Ежедневная жизнь и исследования убеждают нас в том, что в трудовой сфере поведение мужчин и женщин и обращение с ними различаются. Цель настоящей статьи – описать, сходства и различия в трудовой жизни мужчин и женщин, а также проанализировать, насколько уравнены в этой сфере их возможности, как обеспечено равное обращение и равноправие. В порядке очередности акцент делается на количественном анализе пяти аспектов: 1) участие на рынке труда, 2) гендерная сегрегация, 3) организация труда, 4) оплата труда и 5) гигиена и безопасность труда.

Интерпретация различий количественных показателей трудовой жизни мужчин и женщин сложна по целому ряду причин. Гендерное равноправие и равные возможности не означают, что мужчины и женщины должны быть статистически одинаковы. В свободном обществе индивиды и группы свободны в своем выборе как жить, порой этот выбор бывает весьма неординарным, а потому количественное описание не может быть одинаковым. Количественная схожесть не обязательно означает наличие или отсутствие равных возможностей или равного обращения, ведь даже если бы, к примеру, зарплаты мужчины и женщины были одинаковыми, то всё равно нашлись бы те, у кого зарплата ниже или выше именно в силу их половой принадлежности.

Таким образом, статистический анализ срезом недостаточен для того, чтобы выяснить, обусловлено ли различие поведения мужчин и женщин, разница возможностей и разное обращение необоснованно неравным обращением и неравными возможностями (например: гендерной дискриминацией, гендерно-ролевыми ожиданиями) или же свободным поведением женщин и мужчин, а также другими социальными или связанными с трудовыми отношениями процессами. Исходя из этого, при формировании политики для интерпретации и использования количественных показателей зачастую требуется проводить дополнительный гендерно-чувствительный анализ, опирающийся на теорию и призванный найти достоверное объяснение статистических различий. В настоящей статье приводятся ссылки на теоретические разработки, поясняющие различия в трудовой жизни между мужчинами и женщинами, а также обсуждаются возможные политические решения,

позволяющие сгладить необоснованные различия между трудовыми шансами мужчин и женщин.

II. Участие в трудовой жизни

.....

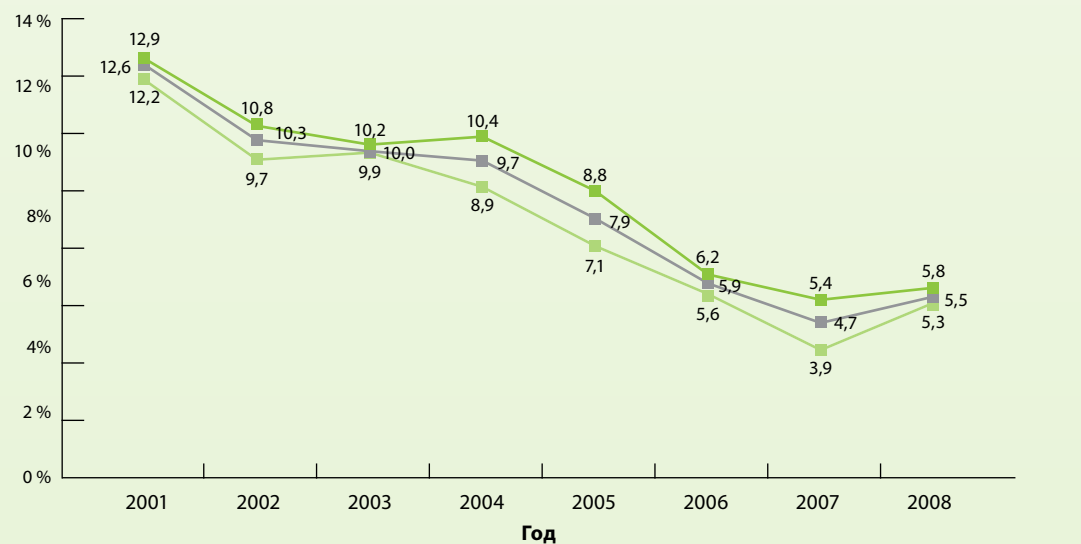
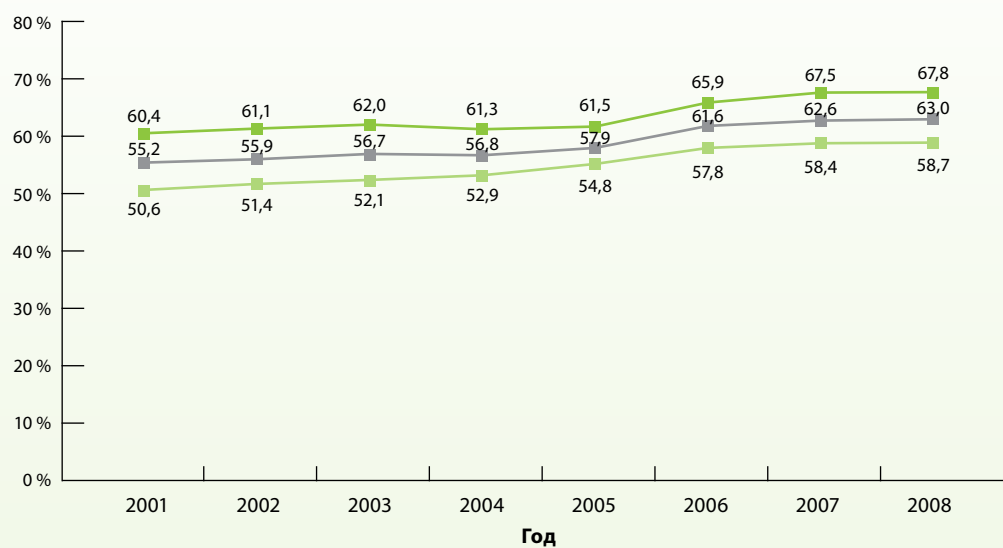
В этом разделе рассматривается участие мужчин и женщин в трудовой жизни, их трудовая занятость и безработица. Методика исследования трудовых ресурсов, которой пользуется Департамент статистики Эстонии, позволяет характеризовать экономически активное население страны в возрасте 15–74 лет.

В 2008 году в Эстонии работали 63% жителей в возрасте 15–74 лет. По сравнению с началом десятилетия доля экономически активного населения выросла на 7,8%. Уровень занятости мужчин в течение десяти лет был примерно на 9% выше, чем занятость женщин. По возрастным группам мужчин (молодежь, средний возраст, пожилые) он также превышал женский показатель (см. Рисунок 2). По сравнению со средним показателем занятости женщин по Европейскому Союзу занятость женщин Эстонии выше (занятость женщин 15–64 лет в целом по ЕС составляет 59,1%, в Эстонии – 66,3%), а разница в уровнях занятости мужчин и женщин – меньше (по ЕС – 13,7%, по Эстонии – 7,3%) (Евростат, Labour market statistics). Иными словами, по сравнению с Европейским Союзом стиль жизни женщин Эстонии больше сосредоточен на работе, и можно допустить, что в зависимости от желания, необходимости и социальных ожиданий женщины Эстонии имеют хорошие возможности участвовать в трудовой жизни, хотя по сравнению с мужчинами их уровень занятости всё-таки уступает мужскому уровню, составляющему 8 %.

Далее рассмотрим другой важный показатель рынка труда – уровень безработицы. Он отражает долю безработных среди экономически активного населения, и в течение десятилетия у мужчин и у женщин он менялся достаточно сходно, но при этом уровень безработицы у мужчин был примерно на 0,5–1,5% выше, чем у женщин (см. рисунок 1). И тут, прежде всего, важны различия по возрастным группам.

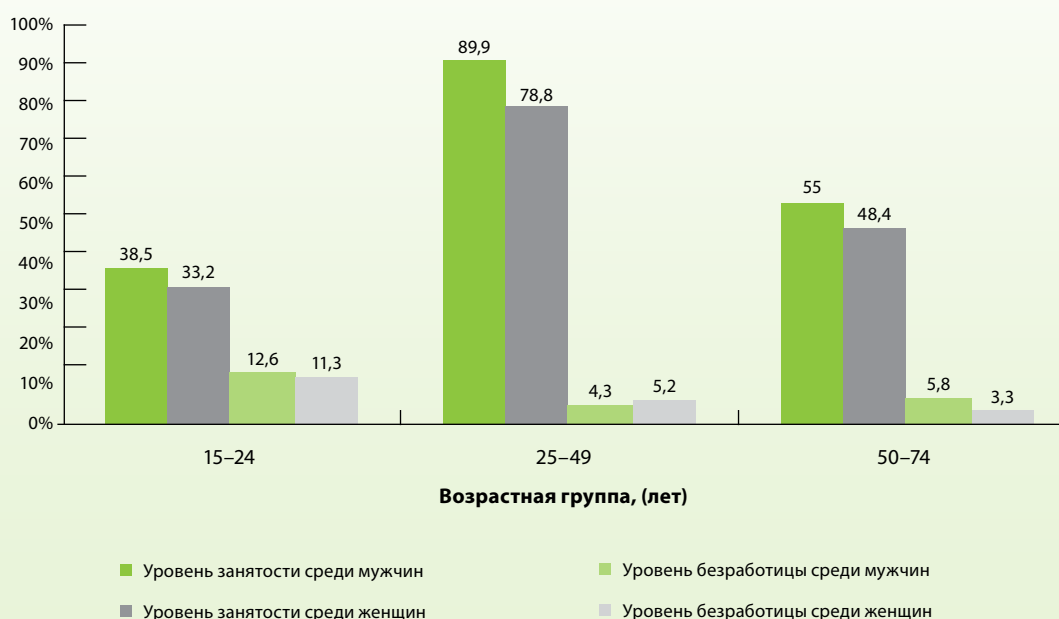
В 2008 году уровень мужской безработицы был выше в молодой и пожилой возрастных группах, а женской – в группе среднего возраста (см. рисунок 2), что объяснимо тем, что женщины

Рисунок 1. Состояние занятости населения в возрасте 15–74 лет (2001–2008 гг., в %)

Источники: Департамент статистики, исследование «Трудовые ресурсы Эстонии», база данных статистики рынка труда

Рисунок 2. Уровень занятости среди мужчин и женщин по возрастным группам, (2008 г., в %)

Источники: Департамент статистики, исследование «Трудовые ресурсы Эстонии», база данных статистики рынка труда

чаще получают образование в молодости, а мужчины сталкиваются с проблемами здоровья чаще во второй половине жизни.

Экономический спад, начавшийся в 2008 году, ухудшение условий на рынке труда сильнее всего сказались на мужчинах, уровень безработицы среди них рос быстрее, чем среди женщин. Как показывает база данных статистики рынка труда Департамента статистики, уровень мужской безработицы во II квартале 2009 года был на 6,9% выше женской. Сократился и разрыв между долями занятых мужчин и женщин. Если ранее доля занятых на рынке труда мужчин была на десятую часть больше, чем доля женщин, то ко II кварталу 2009 года эта разница сократилась на 3,1% (а уровень занятости и мужчин, и женщин снизился до 57%). При этом уровень безработицы среди мужчин и женщин не титульной национальности был выше, чем среди эстонцев, а гендерные различия намного меньше – безработных мужчин неэстонской национальности в 2009 году было 8,4%, а женщин неэстонской национальности – 8,1%.

Индикатором различия в положении мужчин и женщин на рынке труда выступает их уверенность в прочности трудовых отношений и трудовой заня-

тости, она показывает, насколько вероятной работник считает для себя потерю работы и с какой вероятностью предполагает найти при необходимости новую подходящую работу (см. например, Vermeylen и Hurley 2007). По данным исследования «Трудовые ресурсы Эстонии» (2008 г.), 6% мужчин и 8,1% женщин допускали, что в предстоящем году потеряют имеющуюся работу, а 87,7% мужчин и 79,6% женщин были уверены, что, потеряв работу, будут искать новую и смогут найти такую работу, которая будет соответствовать их профессиональным умениям и опыту¹. Таким образом, хотя уровень безработицы среди мужчин выше уровня безработицы среди женщин, мужчины более уверены в своих трудовых отношениях и больше верят в перспективу найти работу, соответствующую их профессиональному уровню и опыту, т.е. им удастся сохранить свою трудовую занятость.

Подводя итог, можно сказать, что приведенная статистика показывает, что участие в трудовой жизни дифференцировано по гендерному признаку. Мужчины участвуют в трудовой жизни чаще, чем женщины. Данные исследования «Трудовые ресурсы

¹ Расчеты автора.

Эстонии» говорят, что причинами своей пассивности на рынке труда женщины чаще всего называют отпуска по беременности, рождению ребенка или по уходу за ребенком, необходимость заботиться о детях или других членах семьи. В этом проявляется и социально сформированные (и социально востребованные) образцы поведения, в соответствии с которыми женщины стремятся сосредоточить свои интересы на частной сфере – семье и доме, а мужчины, наоборот, желают реализовать себя в активной публичной и экономической деятельности, которая воспринимается как деятельность, создающая ценности (Odi 2007, 11).

На фоне изменений, происходящих в экономике и на рынке труда, быстрым темпом растет уровень мужской безработицы, несмотря на то, что мужчины по сравнению с женщинами более уверены в перспективе новой работы, при этом уменьшается разрыв в уровне занятости мужчин и женщин.

Спад в экономике сильнее повлиял на те сферы деятельности, где доминируют мужчины: строительство, недвижимость, обрабатывающая промышленность, которые создавали в годы быстрого роста экономики много дополнительных рабочих мест, прежде всего, для мужчин. В следующем разделе будет рассмотрено гендерное распределение работников по различным видам трудовой деятельности.

III. Гендерная сегрегация в трудовой сфере

.....

Гендерная сегрегация в трудовой сфере характеризует то, как мужчины и женщины распределены по разным сферам деятельности, должностям и рабочим позициям. В рамках количественного анализа сегрегация характеризуется долями мужчин и женщин в различных трудовых категориях, например, по сферам деятельности (см. таблицу 1).

Из таблицы следует, что женщины, хотя и составляют около 50% от общей численности занятых, их доля существенно больше, например, в сферах здравоохранения и социального обеспечения, образования, гостиничного хозяйства и общественного питания. Четко просматривается, как общество формирует сферы деятельности и профессии, предпочтение которым отдают или мужчины или женщины.

Для гендерной сегрегации по должностям в Эстонии (как и в других странах Европы) характерно то, что женщины реже занимают должности руководителей, высших чиновников. По данным исследования «Трудовые ресурсы Эстонии», доля женщин среди работников, занимавших такие позиции, составляла 36,2%. Для отношений между руководителем и подчиненными и сегрегации характерны также различия в управленческой деятельности мужчин и женщин. По данным исследования 2008 года «Трудовые ресурсы Эстонии», 23% мужчин и 15,7% женщин имеют управленческие обязанности по основному месту работы, иными словами, они руководят другими работниками и несут ответственность за выполнение определенных работ. Из указанного выше явствует, что мужчины значительно чаще женщин занимают более высокое положение в должностной иерархии и на рабочих местах.

Сегрегация в трудовой сфере отражается также и в характере трудовых отношений: женщины чаще, чем мужчины, становятся наемными работниками, а мужчины чаще женщин становятся предпринимателями. По данным исследования «Трудовые ресурсы Эстонии» (2008), предпринимателями, имеющими наемных работников, и предпринимателями-одиночками были 4,3% женщин и 9,6% мужчин².

Гендерную сегрегацию в трудовой сфере можно описать и по характеру выполнения работы (см. таблицу 2), зачастую обусловленному сферой деятельности и профессией.

Из таблицы видно, что, по оценке мужчин, выполняемая ими работа несколько чаще, чем от женщин, требует соответствия точным стандартам качества. Другими словами, мужчины, выполняя работу, должны следовать четким правилам, которые формируют сам рабочий процесс и его результат. Кроме того, мужчины больше ценят работу, которая требует выполнения сложных заданий. А женщины чаще отдают предпочтение работе с монотонными заданиями. И поскольку женщины больше работают в сфере обслуживания и торговли, а также выполняют неквалифицированную работу, зачастую подразумевающую выполнение монотонных заданий, то именно этого и ожидают от женской работы.

Подводя итог, можно сказать, что в обществе сформировались мужские и женские работы, мужчины чаще, чем женщины, трудятся как предприниматели, чаще занимают руководящие должности.

² Расчеты автора.

Таблица 1. Доля занятости женщин в различных сферах деятельности (ЕМТАК 2008, в тысячах)

	Всего занятых	Доля женщин
Все сферы деятельности	656,5	49,6%
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	25,3	30,4%
Горнодобывающая промышленность	...	...
Обрабатывающая промышленность	135	45,8%
Электро-, газо-, пароснабжение и кондиционирование	8,2	22,0%
Водоснабжение; канализация; переработка отходов и устранение загрязнений	2,3	43,5%
Строительство	81	9,3%
Оптовая и розничная торговля; ремонт моторных транспортных средств и мотоциклов	92,5	59,2%
Транспорт и складское хозяйство	49,9	26,9%
Гостиничное хозяйство и общественное питание	23,6	78,8%
Информация и связь	15,3	45,8%
Финансовая и страховая деятельность	10,4	69,2%
Услуги в сфере недвижимости	10,2	53,9%
Профессиональная, научная и техническая деятельность	20,5	56,1%
Административная и вспомогательная деятельность	17,3	49,7%
Государственное управление и оборона; обязательное социальное страхование	38,4	55,5%
Образование	59,9	79,6%
Здравоохранение и социальное обеспечение	31,1	91,3%
Искусство, развлечения и досуг	14,8	68,2%
Другие виды деятельности	14,8	74,3%

Источники: Департамент статистики, исследование «Трудовые ресурсы Эстонии», база данных статистики рынка труда

Работники-мужчины чаще характеризуют свою работу как требующую выполнения сложных заданий и соответствия стандартам качества, а женщины свою работу чаще характеризуют как монотонную.

Говоря о гендерной сегрегации, часто упоминают о гипотетическом «стеклянном потолке» и «стеклянном лифте» (Вахтер и др. 2000), указывая на то, что женщинам по сравнению с мужчинами сложнее подниматься по служебной лестнице, препятствия на которой тем труднее, чем они ближе к верхним позициям. С мужчинами же, наоборот: препятствия для них или вовсе отсутствуют или незначительны, поэтому им легче двигаться вверх по карьерной лестнице. В связи с метафорой важно то, что факторы, препятствующие и способствующие выполнению определенной работы, участникам и наблюдателям процесса или не видны или сложно уловимы, хотя они вполне реальны и действительно оказывают влияние. В литературе (см. например, Francesca и Verashchagina 2009, 26–31) гендерная сегрегация в трудовой сфере объясняется с помощью нескольких разных, но в то же время влиятельных факторов.

Исторически подтверждено, что мужчины и женщины отличаются по физической силе, ловкости рук, особенностям нервной системы (в т.ч. особенностям работы головного мозга), мышлению. Эти различия дают тем и другим преимущества при выполнении определенных видов работ. При этом вероятные биологические относительные преимущества обусловлены не только биологией. Зачастую такие преимущества преобразуются обществом в социально значимые, например, физически тяжелую работу можно с помощью техники организовать так, что преимущество физической силы перестанет быть определяющим.

Теории человеческого капитала сосредоточены на умениях, знаниях, компетенциях и опыте людей. Согласно им, у женщин было мало возможностей получать необходимые для работы умения, знания, компетенции и опыт. Но и при таком подходе надо признать, что зачастую при формально высоком уровне образования у женщин на их пути к социально сформированной должности могут быть выставлены такие барьеры умений и знаний, которые создают

Таблица 2. Сегрегация по характеру выполнения работы наемными работниками Эстонии (2005 г., в %)

Требуется ли Вашей основной работе...	Мужчины	Женщины
соответствия точным стандартам качества	70,7%	61,8%
самостоятельного оценивания качества своей работы	85%	84,7%
самостоятельного решения неожиданно возникающих проблем	85%	81,1%
выполнения монотонных заданий	53,4%	58,4%
выполнения сложных заданий	68%	52,1%
изучения нового	77,4%	76,8%

Источники: Европейское исследование условий труда (2005 г.), расчеты автора

необоснованно неравные условия работы в соответствующей должности. Например, чтобы достичь высших руководящих постов, требуется умение создавать и использовать сеть контактов, состоящую преимущественно из мужчин, которая важна не столько для результативной работы в должности, сколько выглядит подходящей для нее (например, ведение важных разговоров и принятие решений в бане).

Сегрегацию формируют также предпочтения и предубеждения. При таком подходе подразумевается, что у мужчин и женщин есть четкие предпочтения в выборе профессий и работ. Обратная сторона предпочтений – стереотипные дискриминирующие предубеждения в том, что мужчины и женщины изначально отдают предпочтение тем или иным профессиям и работам, и окружающие ждут от них такого выбора. Стереотипные ожидания в отношении трудовых ролей создают такое представление о ходе вещей и такое поведение, которое предполагает, что мужчины и женщины лучше подходят для четко определенных работ, например, женщины – для работы сиделками при больных, а мужчины – для работы хирургами.

Практика коллективного поведения, трудовых отношений и подбора персонала тоже может иметь гендерные различия, формирующие для мужчин и женщин разные карьерные пути внутри коллектива и разные принципы распределения работ между ними. Например, практики по подбору и найму людей для выполнения конкретных работ могут требовать от претендентов постоянной готовности к выполнению рабочих обязанностей, предполагая, что это снизит шансы женщин занять соответствующую должность, поскольку они из-за домашней и семейной нагрузки не смогут взять на себя еще один груз обязанностей.

Гендерная сегрегация в профессиях в значительной мере формирует и разные условия труда для мужчин и женщин с точки зрения, например, организации труда, оплаты труда и условий его безопасности. Они будут рассмотрены в следующих разделах.

IV. Организация труда

Организация труда включает социальные действия и процессы по организации деятельности на рабочем месте. Далее рассматривается, как организована работа с точки зрения времени, в какой мере работник может влиять на организацию своего рабочего времени и способы выполнения работы.

Прежде всего, обратимся к рабочему времени, а также охарактеризуем продолжительность рабочей недели, темп работы и выявим связанные с этим гендерные различия.

Из таблицы 3 явствует, что за период в десять лет средняя продолжительность рабочей недели сократилась как у работающих мужчин, так и у

Таблица 3. Обычная средняя продолжительность рабочего времени в Эстонии по основному месту работы (2001–2008, в часах)

	2001	2003	2005	2008
Всего	42	41,6	41,3	40,9
Мужчины	42,9	42,3	42,1	41,6
Женщины	41	40,8	40,6	40,2

Источники: Евростат, Labour Force Survey Series, Working Time

женщин. При том, что средняя продолжительность рабочей недели мужчин и женщин по основному рабочему месту в 2008 году различалась всего на 1 час и 24 минуты, среди мужчин было значительно больше работников, у которых рабочие недели были более продолжительными. По данным исследования «Трудовые ресурсы Эстонии»³, (2008 г), более 49 часов в неделю работало 7,4% мужчин и лишь 1,9% женщин. А по данным Европейского исследования условий труда (2005 г.), 40,3% мужчин и 67% женщин никогда не работали более 10 часов в день, 1–3 раза в месяц более 10 часов в день работали 21,6% мужчин и 9,8% женщин, более 3 раз в месяц – 28,5% мужчин и 18,5% женщин. Одним словом, как показывают исследования трудовых ресурсов и условий труда, мужчины работают в неделю дольше женщин, их рабочий день чаще бывает длиннее обычной продолжительности.

Кроме продолжительности рабочего времени организацию рабочего времени характеризует также темп работы. По данным Европейского исследования условий труда³ (2005 г.), работа 46% мужчин и 48% женщин не требует очень быстрого темпа, а работа 36% мужчин и 44% женщин не связана с напряжен-

ными сроками. Данные исследования показывают, что темп работы у мужчин зачастую выше, чем у женщин. Рисунок 3 иллюстрирует роль факторов, формирующих темп работы у мужчин и женщин.

Очевидно, что темп работы женщин чаще зависит от требований клиентов, пассажиров, учащихся, пациентов и т. д., а темп работы мужчин – от темпа работы коллег, целей производства и производительности, контроля со стороны руководителя и его распоряжений, автоматической скорости движения техники и продукции. Такие гендерные различия зачастую обусловлены гендерной сегрегацией в трудовой сфере.

Организацию рабочего времени характеризует также синхронизация, указывающая, в какое время суток и недели выполняется работа. Работа по вечерам, ночам и по выходным позволяет части работников совмещать трудовую жизнь с частной, например, можно после обучения днем работать по вечерам, хотя работа в такое время накладывает свои ограничения, например, уменьшает возможности пользоваться некоторыми видами услуг, участвовать в культурных мероприятиях, общаться с близкими, семьей, друзьями.

3 Расчеты автора.

Рисунок 3. Факторы, влияющие на темп работы (2005 г., в %)

Источники: Европейское исследование условий труда (2005 г.), расчеты автора

Таблица 4. Работа по вечерам, ночам и по выходным (2001–2008 гг., в %)

	2001	2003	2005	2008
Доля работающих, как минимум, половину рабочих дней в вечернее время (с 6 до 12 часов вечера)				
Всего	19,4	21,3	18,2	16,4
Мужчины	18,8	22,5	19,1	15,2
Женщины	20	20,1	17,3	17,6
Доля работающих, как минимум, половину рабочих дней в ночное время (после 12 часов ночи)				
Всего	7,4	8,6	6,9	5,7
Мужчины	8,0	10,4	8,3	6,6
Женщины	6,8	6,8	5,5	4,8
Доля часто работающих по субботам				
Всего	24,2	25,1	19,9	16,7
Мужчины	5,1	25,9	19,4	15,0
Женщины	23,3	24,3	20,3	18,4
Доля часто работающих по воскресеньям				
Всего	24,2	25,1	19,9	16,7
Мужчины	8,5	18,3	13,3	10,1
Женщины	15,5	17,1	14,5	12,1

Источники: Департамент статистики, исследование «Трудовые ресурсы Эстонии», база данных статистики рынка труда

Таблица 4 показывает, что хотя в течение десятилетия продолжительность работы по вечерам, ночам и выходным дням сокращалась, женщины чаще мужчин работают в вечернее и ночное время, а также и по выходным. Зачастую это обусловлено необходимостью совмещать трудовую жизнь с частной, или же выбором, заданным работодателем, который влияет на выбор женщин и их возможности в жизни вне работы.

Чтобы характеризовать различия в организации рабочего времени мужчин и женщин, важно знать, насколько сами работники могут контролировать свое рабочее время. По данным Европейского исследования условий труда 2005 года, рабочее время для 59% мужчин и 66% женщин Эстонии определяет предприятие или учреждение, и у работников нет возможности менять его самостоятельно. Таким образом, женщины трудятся на рабочих местах, где у них реже, чем у мужчин, бывает возможность самостоятельно выбрать график работы или формировать рабочее время. По данным того же исследования, 71% мужчин и 68% женщин Эстонии считают, что рабочее время хорошо согласуется с их семейными и общественными обязанностями вне

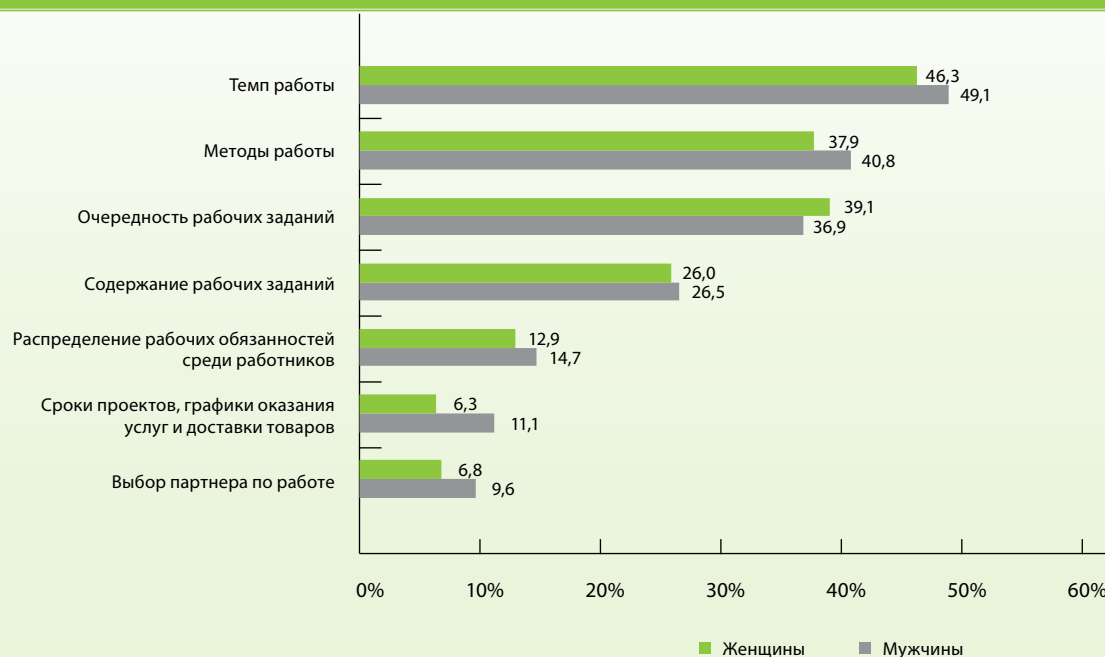
работы. Одним словом, рабочее время женщин чаще определяет работодатель, и организация рабочего времени женщин позволяет реже, но не существенно реже, согласовать свою работу с личной и семейной жизнью.

Помимо организации рабочего времени, следует рассмотреть и то, насколько мужчины и женщины могут влиять на другие аспекты организации труда (см. рисунок 4).

Рисунок показывает, что мужчины имеют больше возможностей влиять на организацию труда на своем рабочем месте, чем женщины, а женщины больше, чем мужчины, могут влиять лишь на очередность рабочих заданий.

В итоге, можно сказать, что гендерные различия во многом характеризуют социальные и властные отношения в трудовой сфере. Различие возможностей мужчин и женщин формировать свою организацию труда в широком смысле обусловлены социальными отношениями в обществе. Большая продолжительность рабочего времени у мужчин зачастую обусловлена гендерно-ролевыми ожиданиями и ролевым поведением мужчин, согласно которым деятельность мужчин в публичной сфере, в

Рисунок 4. Возможности работников Эстонии влиять на организацию труда (2005 г., в %)

Источники: Департамент статистики, исследование «Трудовые ресурсы Эстонии», расчеты автора

т. ч. в трудовой жизни, ценится больше, чем в других сферах (Odiņ 2007). То, что женщины чаще работают в нестандартных условиях организации труда (неполный рабочий день, вечерние часы, выходные дни), увеличивает их возможности быть занятыми на рынке труда независимо от обязанностей и потребностей частной и семейной жизни. Поскольку женщины зачастую являются второстепенными «кормильцами» в домохозяйстве, чей вклад в его доход меньше вклада мужчин, то они, главным образом, отвечают за работы и деятельность, связанные с домохозяйством (Tijdens 2001). Одновременно эта позиция может влиять на характер работы женщин (гендерная сегрегация) и структурирование времени частной и семейной жизни, а также приводить, например, к ухудшению благосостояния детей, снижению качества партнерских отношений, проблемам со здоровьем и т. д. (Presser и др. 2008, 83–84).

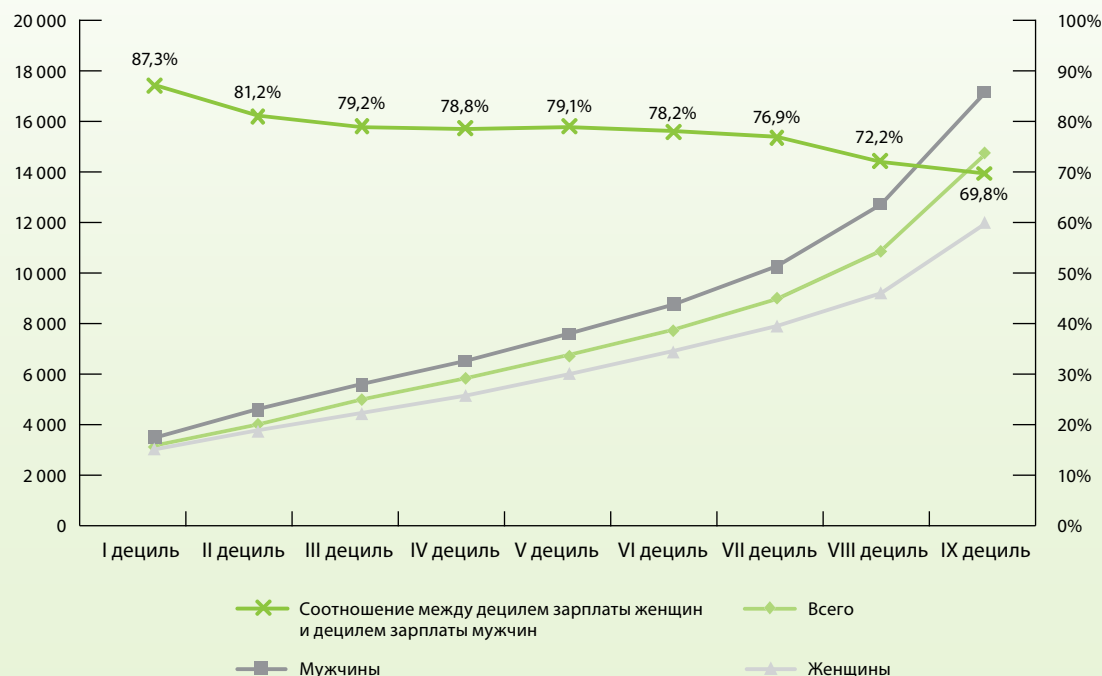
Меньший контроль над организацией труда со стороны женщин и меньшая автономия их труда обусловлены, скорее всего, властными отношениями по месту работы, позицией женщин в иерархии власти, а также непосредственно работой, которую они выполняют (Adler 1993, 461). Меньшей автономии труда сопутствует более низкая мотивация,

меньшая удовлетворенность работой, снижение качества трудовой жизни и эффективности труда (Sadler-Smith и др. 2003, 710), а также увеличение стресса на работе (Au 2004, 1342–1343).

V. Оплата труда и гендерная дифференциация в оплате труда

Важным условием, о котором договариваются работник и работодатель, является оплата труда. Работники соглашаются выполнять определенную работу и получают за нее плату. Рассмотрим, как различается оплата труда мужчин и женщин. Сравнительный анализ (подготовлен Департаментом статистики Эстонии в 2005 г.) почасовой оплаты труда мужчин и женщин показал, что в среднем зарплата женщин составляет 74,6% от зарплаты мужчин, и в разные годы это соотношение сохранялось неизменным (см. рисунок 5). Если же разделить работников полной занятости на основе средней брутто-зарплаты по децилям (первый дециль показывает зарплату, меньше которой получают 10% работников и т. д.), то окажется, что соотношение

Рисунок 5. Децили брутто-зарплаты работников полной занятости по гендерному признаку (2005 г., в кронах)

Источники: Департамент статистики, база данных статистики по зарплатам

децилей женщин и мужчин уменьшается в направлении больших децилей (см. рисунок 5).

Другими словами, в десятках высокого уровня зарплат женщины зарабатывают даже меньше, чем мужчины в десятках с низким уровнем зарплат. По данным Департамента статистики за 2005 год, 10% женщин зарабатывали более 12 000 крон в месяц, в то время как 10% мужчин зарабатывали более 17 200 крон, то есть верхний дециль женщин составлял 69,8% от верхнего дециля мужчин; в то время как 10% женщин зарабатывали менее 3100 крон в месяц, 10% мужчин зарабатывали 3436 крон в месяц, то есть нижний дециль женщин составлял 87,3% от нижнего дециля мужчин.

Труд и разная работа оплачиваются в обществе по-разному – на основании производительности труда или приданной им ценности. Приведенная выше таблица показывает соотношение между средней почасовой зарплатой женщин и мужчин по основным профессиям.

Можно убедиться, что независимо от профессии почасовая оплата женщин всегда меньше, чем

мужчин, и варьируется в пределах 67,2% от оплаты мужчин-специалистов и технических работников среднего уровня до 93,4% от оплаты мужчин квалифицированных работников сельского и рыбного хозяйств.

Кроме размера оплаты, важно рассмотреть и способы оплаты труда. Приведенный ниже анализ этих способов показывает, из каких компонентов состоит зарплата наемных работников и каковы тут гендерные различия.

По данным Европейского исследования условий труда 2005 года (см. таблицу 6), женщины Эстонии по сравнению с мужчинами чаще получают установленную основную зарплату, а мужчины, наоборот, чаще, чем женщины, работают сдельно или получают зарплату за производительность, а также доплаты, к примеру, за дополнительные или сверхурочные часы работы. Подобные средние различия в принципах оплаты труда мужчин и женщин способны влиять на возможности и мужчин, и женщин получать более высокую или одинаковую зарплату за одинаковую работу.

Таблица 5. Соотношение почасовой оплаты труда женщин и мужчин по профессиям (2001–2005 г., в %)

	2001	2002	2003	2004	2005
Всего	75,7	75,9	75,8	76,5	74,6
Законодатели, чиновники высшего уровня и руководители	83,5	78,3	79,6	81,9	80,7
Специалисты высшего уровня	74,3	72,8	73,1	75,4	76,2
Специалисты и технические работники среднего уровня	69,6	70,6	68,5	68,1	67,2
Чиновники	74,3	73,8	73,1	77,6	81,8
Работники сферы услуг и торговли	73,0	66,7	72,7	75,0	78,8
Квалифицированные рабочие сельского и рыбного хозяйств	91,6	86,7	79,6	84,4	93,4
Квалифицированные рабочие и ремесленники	78,0	77,1	76,3	74,9	67,6
Операторы машин и оборудования	84,8	90,4	86,1	82,1	79,8
Разнорабочие	71,6	75,7	74,2	76,2	73,2
Служащие Сил обороны	..	..	..	..	..

Источники: Департамент статистики, база данных статистики по зарплатам

Таблица 6. Компоненты зарплаты наемных работников в Эстонии (2005 г., в %)

	Мужч.	Женщ.	Всего
Установленная основная зарплата	71,5	87,1	79,5
Сдельная оплата или оплата за производительность	37,6	16,7	26,9
Доплата	60,5	49,5	54,8
Оплата за результативность (например, за показатели работы отдела)	17,3	13,9	15,5

Источники: Европейское исследование условий труда (2005 г.), расчеты автора

Также приведенные выше данные не дают твердой уверенности в том, что размер зарплаты мужчин и женщин и принципы оплаты труда обусловлены именно гендерными признаками, поскольку профессиональный и социальный фон мужчин и женщин может существенно различаться. При углубленном анализе делаются попытки вычислить и интерпретировать воздействие различных профессиональных факторов (умений, знаний, опыта, сферы деятельности, профессий) и социальных факторов (возраста, карьерных пауз в связи с репродуктивным поведением, совмещения трудовой и семейной жизни) на разницу уровней зарплат мужчин и женщин (см., например, Оахаса 1973).

Авторы исследования Praxis (2004 г.), опиравшиеся в своей работе на данные исследования «Трудовые ресурсы Эстонии» (1998–2000 гг.), пришли к выводу, что разница в уровне зарплат, обусловленная составом и структурой трудовых ресурсов, составляет 8,1–9%, а разница, обусловленная иными факторами, составляет 20,5–21,5% (Kallaste и Rõõm 2004, 16). Таким образом, разница в 8,1–9% между уровнем зарплат женщин и мужчин сохранялась бы даже при условии, что женщинам и мужчинам со схожими личностными характеристиками и одинаковыми характеристиками места работы платят одинаково. В следующем году по заказу Министерства социальных дел будет подготовлен новый углубленный анализ влияния на заработную плату мужчин и женщин факторов, обусловленных качествами работников, местом работы и способами оплаты труда.

Результаты углубленного анализа показывают, что различия в оплате труда женщин и мужчин имеют множество причин (см. также Wharton 2005). Например: если обеспечить мужчинам и женщинам равные возможности получать необходимые умения, знания и опыт, участвовать в конкурсах соискателей работы, быть избранными на ту или иную должность и т. д., то в этом случае влияние гендерной сегрегации в сферах деятельности и должностях на разницу в оплате труда уменьшится. Сократить разрыв в оплате труда можно, формируя систему оплаты труда таким образом,

чтобы различные сферы деятельности, должности и выполняемые работы не оценивались выше только на основании гендерных признаков. Иными словами, мужская работа не должна цениться как более производительная и потому оплачиваться выше только потому, что она мужская. Чтобы уменьшить влияние принципов оплаты труда, их надо формировать так, чтобы они не делили мужчин и женщин, чтобы исключали неравное отношение к мужским и женским работам. Например: чтобы оплата труда зависела от результатов работы, а не от различных для мужчин и женщин систем оплаты, от разницы поведения мужчин и женщин на переговорах о зарплате или прямого неравного обращения, когда мужчинам и женщинам платят по-разному только потому, что они разных полов. Пристальное внимание к гендерным причинам разницы в оплате труда поможет преодолеть как прямое, так и косвенное неравное обращение в трудовой жизни мужчин и женщин.

VI. Безопасность и гигиена труда

Будничная деятельность людей, в т. ч. работа, так или иначе, влияет на здоровье. Статья 2 Закона о безопасности и гигиене труда требует обеспечения такой безопасности труда, которая позволяет работнику выполнять свою работу в рабочее время, не подвергая опасности свое здоровье. Работы мужчин и женщин различаются. А в силу различия их ценностных, поведенческих установок и различия в обращении, мужчины и женщины могут выполнять одну и ту же работу по-разному, поэтому важно рассмотреть, как труд влияет на их здоровье.

Степень опасности труда отражают несчастные случаи на работе и распространение профессиональных заболеваний. Согласно статье 22 Закона о безопасности и гигиене труда, несчастным случаем считается случай, произошедший с работником при выполнении трудового задания или при выполнении иного задания с разрешения работодателя и повлекший за собой ущерб здоровью или смерть. По данным Инспекции по труду, в 2008 году произошло 3059 несчастных случаев на работе, 2671 из них – с мужчинами и 1388 – с женщинами. Таким образом, из всего числа несчастных случаев 66% произошли с мужчинами.

В силу профессиональной сегрегации несчастные случаи с женщинами чаще, чем с мужчинами,

происходят на работе в гостиницах и ресторанах (76%), в сфере информации и связи (53%), в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения (84%), в иных сферах – общественной, социальной и в сфере обслуживания – на женщин приходится 70% несчастных случаев.

Болезни, связанные с работой, – это профессиональные заболевания или болезни, вызванные работой. Они возникают из-за опасных для здоровья условий труда или способов выполнения работы (см. статью 23 Закона о безопасности и гигиене труда). По данным Инспекции по труду⁴, в 2008 году было диагностировано 75 случаев профессиональных заболеваний, из них 28 – у мужчин и 47 – у женщин. Также был диагностирован 261 случай заболеваний, вызванных работой, из них 128 – у мужчин и 134 – у женщин. Таким образом, из общего числа диагностированных профессиональных заболеваний 37,3% диагностированы у мужчин, на них же приходится 48,8% случаев заболеваний, вызванных работой.

Одним словом, статистика Инспекции по труду по несчастным случаям на работе и заболеваниям, вызванным работой, указывает, что из года в год росло число несчастных случаев на работе и сокращалось число случаев заболеваний, вызванных работой. Из собранных данных также следует, что работа влияет на здоровье мужчин и женщин по-разному. Если с мужчинами происходит больше несчастных случаев на работе и они чаще подвержены заболеваниям, вызванным работой, то женщины чаще страдают от профессиональных болезней и вызванных работой заболеваний. Исторически сложилось так, что наиболее опасные работы всегда выполняли мужчины, например, работы в добывающей и обрабатывающей промышленности; опасности же, с которыми сталкиваются женщины в своей традиционной сфере работ (рутинные движения, вынужденное положение тела), часто менее заметны, их сложнее избежать, они влияют кумулятивно. Хотя с женщинами происходит меньше несчастных случаев, они чаще мужчин сталкиваются с заболеваниями, вызванными работой, которые развиваются в течение длительного времени.

Влияние работы на здоровье обусловлено мерой опасности трудовой среды и организации труда. Мужчины, по сравнению с женщинами, чаще оценивают свою трудовую среду и характер работы как опасные, чаще работают в среде, отличающейся

⁴ Инспекция по труду, База данных по трудовой среде.

Таблица 7. Несчастные случаи на работе, профессиональные заболевания и заболевания, вызванные работой (2001–2008 гг., количество)

		2001	2003	2005	2008
Несчастные случаи на работе	Мужчины	2048	2273	2346	2671
	Женщины	1245	957	1085	1388
	Всего	3293	3230	3431	4059
Профессиональные заболевания	Мужчины	150	47	53	28
	Женщины	97	48	45	47
	Всего	247	95	98	75
Заболевания, вызванные работой	Мужчины	-	-	217	128
	Женщины	-	-	182	134
	Всего	-	-	399	262

Источники: Инспекция по труду, База данных по трудовой среде

факторами опасности. По данным Европейского исследования условий труда⁵ (2005 г.), 42% мужчин и 34% женщин считают, что их работа небезопасна и угрожает здоровью. Другие данные исследования утверждают, что 21% мужчин и 52% женщин трудятся в среде, где никогда или почти никогда не сталкиваются с физическими, химическими или биологическими факторами опасности. В очень опасной среде, где работник более 3/4 своего рабочего времени сталкивается с упомянутыми факторами опасности, трудятся 45% мужчин и 30% женщин, в опасной среде, где работник сталкивается с факторами опасности менее 3/4 рабочего времени, трудятся 34% мужчин и 18% женщин.

Опасной для здоровья работу могут сделать ее не эргономичный характер, плохая организация труда (причиняющие боль и изнуряющие позы, однообразие движений). По данным того же исследования, 17% мужчин и 24% женщин работают в условиях, при которых характер работы и ее организация не представляют угрозы их здоровью. По статистике работу очень опасного характера выполняют 52% мужчин и 51% женщин, а работу опасного характера – 31% мужчин и 24% женщин.

В итоге, данные Инспекции по труду и данные исследований показывают, что мужчины, как правило, работают в опасной трудовой среде, с ними на работе чаще происходят несчастные случаи. Опасности трудовой среды у женщин менее заметны,

влияние этих опасностей на здоровье формируется в течение длительного периода времени.

Таким образом, различия между мужчинами и женщинами в сфере безопасности и гигиены труда в значительной мере определяются трудовой сегрегацией. При этом одна и та же работа может по-разному влиять на мужчин и женщин, т. е. при выполнении одинаковой работы воздействие опасностей на здоровье мужчин и женщин может быть разным. Зачастую женщины работают в среде, сформированной с учетом особенностей и потребностей мужчин, одни и те же факторы опасности (например, химикаты) могут по-разному влиять на мужской и женский организм. Мужчины и женщины по-разному оценивают опасность различных ситуаций, мужчины не склонны спешить информировать обо всех опасных ситуациях на работе и проблемах со здоровьем, вызванных ею. Кроме того, организационная культура безопасности может по-разному относиться к работе мужчин и женщин, результатом чего может стать разный уровень гарантий безопасности труда для мужчин и женщин (см. доклад Gender issues in safety and health at work; Messing и др. 2006). Гендерно-чувствительный подход к формированию организационной культуры безопасности труда должен учитывать различие установок и шкалы ценностей у мужчин и женщин в этих вопросах, различие их знаний о безопасности, несхожесть поведения и различия в обращении с ними.

⁵ Расчеты автора.

VII. На пути к гендерно-сбалансированной трудовой жизни

В настоящей статье были показаны гендерные различия участия в трудовой жизни, разделении, организации, оплате и безопасности труда. Различия эти зачастую объясняют разницей возможностей мужчин и женщин, неравным обращением с ними на рынке труда. Гендерная практика общественной и трудовой жизни порой незаметна ни для участников процесса, ни для сторонних наблюдателей, а потому люди не всегда видят и могут верно оценить необоснованное неравенство возможностей и обращения на рынке труда, считая гендерные различия естественными и социально желательными.

Политика государства в сфере труда сознательно или подсознательно формирует гендерные различия и сходства в трудовых отношениях. Для истории политики сферы труда в Европе и Эстонии характерно колебания между гендерно-дискриминирующим, нейтральным и гендерно-чувствительным подходами (Smyth и др. 1998, 108, авторская адаптация). К примеру, в прошлом веке европейской и эстонской политике в сфере труда была свойственна сознательная дифференциация мужчин и женщин, задуманная, разумеется, для защиты женщин-работниц. Однако побочным результатом такой политики стало ослабление трудовых позиций женщин. Например: для них была строго ограничена работа в ночное время (Presser и др. 2008) и был установлен запрет на определенные опасные работы (доклад Report – Gender issues in safety and health at work). Подобная политическая «защита» имеет идеологическую подоплеку, укрепляет гендерные стереотипы, и в конечном итоге сохраняет гендерную сегрегацию, ограничивая участие женщин в трудовой жизни. Реакцией на эту политику были попытки отменить ограничительные «меры защиты», добиться гендерного равноправия: мужчины и женщины равны перед законом, они несут те же обязанности и права. Для современного трудового права Эстонии характерен, прежде всего, нейтрально-гендерный подход к сфере труда и трудовых отношений⁶.

⁶ Следует отметить, что вступивший в силу в июле 2009 года новый Закон о трудовом договоре отменил для работодателей запрет нанимать женщин на тяжелую и вредную для здоровья работу.

Однако такой нейтралитет часто оказывается слеп в том самом гендерном плане, в нем по умолчанию доминируют ценности и ожидания одного пола, он игнорирует сложные гендерные взаимоотношения в трудовой жизни, формирующие возможности, поведение и обращение с мужчинами и женщинами. Гендерно-чувствительный подход к трудовой жизни должен отражать различия между трудовым поведением мужчин и женщин и обращением с ними, причины этого, учитывать различия мужчин и женщин. Гендерно-чувствительная политика должна оспа-

Если жена сможет существовать на собственные заработки, зная при этом, что общество обязано помочь ей как матери, а также в воспитании детей, только при этих архиважных условиях она сможет освободиться от гнета единовластия мужа. Если муж перестанет быть для нее единственной опорой после рождения ребенка, то исчезнет и та серьезная причина, которая до сих пор неизбежно заставляла женщину направлять свои взгляды в его сторону.
(Альма Остра-Ойнас, 1924 г.)

ривать устоявшиеся представления о роли полов и гендерных ожиданиях, на базе которых для мужчин и женщин складываются различия возможностей, видов и условий труда. Процесс формирования такой политики может натолкнуться на вызовы, связанные с необходимостью принимать научно обоснованные решения, подкрепленные шкалой ценностей, которая определяет, какие гендерные особенности считать позитивными и, соответственно, поддерживать и сохранять, а какие – негативными, подрывающими гендерно-ролевые ожидания и трудовые отношения. Чтобы принимать такие решения и развивать трудовые правоотношения, требуются и политическая воля, и глубокое понимание социализации полов и гендерных трудовых отношений.

Использованные источники

- Adler, M. A. (1993). Gender Differences in Job Autonomy: The Consequences of Occupational Segregation and Authority Position. *The Sociological Quarterly*. 4, 449–465.
- Au, K., Cheung, M. W. L. (2004). Intra-cultural Variation and Job Autonomy in 42 Countries. *Organization Studies*. 25, 1339–1362.
- Baxter, J., Wright, E.O. (2000). The Glass Ceiling Hypothesis: A Comparative Study of the United States, Sweden, and Australia. *Gender and Society*. Vol. 14, No. 2, 275–294.
- Francesca, B., Verashchagina, A. (2009). *Gender segregation in the labour market: root causes, implications and policy responses in the EU*. European Commission.
- Hearn, J. (2002). Men, fathers and the state: national and global relations. Teoses B. Hobson (toim.) *Making Men into Fathers. Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*. Cambridge: Cambridge University Press, 245–272.
- Messing, K., Ostlin, P. (2006). *Gender Equality, Work and Health: A Review of the Evidence*. World Health Organization.
- Oaxaca, R. L. (1973). Male-Female Wage Differentials in Urban Labor Markets. *International Economic Review*. 14, 693–709.
- Odih, P. (2007). *Gender and Work in Capitalist Economies*. Open University Press.
- Ostra-Oinas, A. (1924). Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924-1926. Tallinn: Vaba Maa.
- Presser, H.B., Parashar, S., Gornick, J. C. (2008). Gender and nonstandard work hours in 12 European countries. *Monthly Labour Review*. Vol. 131, No.2.
- Report – *Gender issues in safety and health at work*. European Agency for Safety and Health at Work 2003. Published in 2003. Office for Official Publications of the European Communities.
- Rõõm, T., Kallaste, E. (2004). *Naised-mehed Eesti tööturul: palgaerinevuste hinnang*. Poliitikaanalüüs. 8/2004. Tallinn: Poliitikauuringute Keskus PRAXIS.
- Sadler-Smith, E., El-Kot, G., Leat, M. (2003). Differentiating Work Autonomy Facets in a Non-Western Context. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 24, No. 6, 709–731.
- Smyth, I., March, C., Mukhopadhyay, M. (1999). *A Guide to Gender-analysis Frameworks*. Oxfam GB.
- Tijdens, K. G. (2002). Gender roles and labor use strategies: Women's part-time work in the European Union. *Feminist Economics*. 8(1), 71–99.
- Vermeylen, G., Hurley, J. (2007). *Varieties of flexicurity: reflections on key elements of flexibility and security*. European Foundation for Improving Living and Working Conditions.
- Wharton, A.S. (2005). *Gendered jobs and gendered workers in The Sociology of Gender: An Introduction to Theory and Research*. Backwell Publishing.

Совмещение работы и семейной жизни

Леэни Ханссон

Резюме

.....

Многие исследования, в числе которых, например, «Мониторинг гендерного равноправия» (2005 г.), и регулярные опросы населения, проводимые социологами Института международных и социальных исследований Таллиннского университета, показывают, что стереотипные образы «отца-кормильца» и «матери-воспитательницы детей» очень сильно укоренились в нашем культурном пространстве, несмотря на высокий уровень занятости среди женщин Эстонии, их вклад в обеспечение материального благополучия семьи, а также существенно изменившиеся за последние десятилетия формы семейных отношений. Теоретическая литература, в свою очередь, в основном рассматривает роль родителей достаточно стереотипно, делая акцент на работе матерей, воспитывающих малолетних детей. До сих пор в ней уделялось мало внимания тем изменениям, которые происходят в разделении трудовых обязанностей внутри семьи, и участию отцов в воспитании детей. Законодательные меры, касающиеся совмещения работы и семейной жизни, также акцентируют внимание на женщинах с маленькими детьми.

Во многих странах в качестве меры, уравнивающей роли отца и матери в воспитании детей, применяют индивидуальное право обоих родителей на родительский отпуск. Однако статистика показывает, что на самом деле отцы сравнительно редко пользуются этим правом. В Эстонии тоже существует правовая основа для равного распределения внутрисемейных и родительских ролей, но правом на родительский отпуск пользуются преимущественно матери. Опыт же других стран показывает, что когда отцы вносят большой вклад в уход за младенцами, используя родительский отпуск, то это положительно влияет на семейные отношения, а в более широком плане и на общую ситуацию с гендерным равноправием.

Цель настоящего исследования – выяснить, как изменились общие установки в отношении стереотипных внутрисемейных ролей и как принятые в последние 10–15 лет меры в сфере семейной политики способствуют или препятствуют изменению стереотипов.

В исследовании использовались базы данных социальной статистики и материалы опросов населения «Работа, дом и свободное время», проведенных Институтом международных и социальных исследований Таллиннского университета в 1998, 2003 и 2008 гг.

ЛЕЭНИ ХАНССОН,
PhD, старший научный сотрудник и преподаватель Института международных и социальных исследований Таллиннского университета. Сфера научных интересов Леэни Ханссон – социология семьи, гендерные исследования, а также изучение социальных сетей и стилей жизни. Леэни Ханссон – член редколлегии журнала гендерных исследований Ariadne Lõng, один из авторов сборника «На пути к сбалансированному обществу» 2000 года.

Введение

.....

Конец 20-го века именуют эпохой принципиальных глобальных изменений, хотя во взаимосвязях мужчины-женщины-семья-работа все еще бытует множество традиционных и стереотипных представлений (Inglehart и Baker 2000). Для большинства стран Европы характерна высокая или растущая занятость женщин, но идеология таких отдельно стоящих сфер, как семья и работа, остается неизменной в том, что касается традиционной роли женщины как домашней хозяйки и воспитательницы детей (Beck-Gernsheim 2002).

Европейский Союз, придерживаясь принципа, по которому страны-члены при формировании семейной политики обязаны учитывать собственные установки и культурные ценности, до сих пор не разработал единую для союза семейную политику. В дискуссиях о совмещении работы и семейной жизни, которые проходят в ЕС, на первый план, как правило, ставится работа и делается упор на стандартизацию мер, связанных с ней.

Основная цель таких мер – это улучшение позиций женщин на рынке труда и создание для них равных с мужчинами карьерных возможностей (Pfau-Effinger 2003). Увеличение занятости женщин и смягчение неравенства на рынке труда – особая цель борьбы за гендерное равноправие. В странах, где демографические процессы негативно сказываются на возрастном составе населения, трудовая занятость важна с экономической и социальной точек зрения. Таким образом, такие широко применяемые для совмещения работы и семейной жизни меры, как гибкий график рабочего времени, дополнительные отпуска для матерей с малолетними детьми, гибкий график работы учреждений дневного ухода за детьми и т. д., на самом деле направлены прежде всего на то, чтобы матери могли как можно успешней выполнять свою трудовую роль. Домашнюю нагрузку женщин и распределение ее между супругами/партнерами по-прежнему считают вопросами, относящимися к сфере частной жизни, которые трудно поддаются законодательному регулированию, если поддаются ему вообще. В результате мы имеем ситуацию, когда политика, задуманная для того, чтобы облегчить женщинам совмещение работы и семейной жизни, ничуть не уменьшает их двойной нагрузки.

Классики семейной социологии (см. Steinmetz и др. 1990) утверждают, что внутрисемейные роли и властные отношения зависят как от социально-экономического статуса супругов и наличия экономических ресурсов, так и, например, от конкретного семейного цикла. Что касается семейного цикла, то тут особо важен период воспитания малолетних детей, поскольку традиционно считается, что именно мать после рождения детей концентрирует свои усилия в основном на семейной сфере. Поэтому у матери малолетних детей остается значительно меньше возможностей для генерирования материальных средств для семьи. О роли отца и равном участии родителей в воспитании детей семейная социология долгое время говорила довольно скупое. В последние десятилетия ситуация несколько изменилась: исследователи семейных отношений из многих стран, включая Эстонию, стали уделять больше внимания роли отца в семье (см. например, Lamb 2004; Almqvist 2008; Lammi-Taskula 2008; Gregory и Milner 2008; Haas и Hwang 2009; Pajumets 2007; Toming 2007 и др.). Роль отца рассматривается в аспектах отношений отец-ребенок, партнерства, а также в контексте эмоционально-психологического благополучия отца (подробный обзор см. Goldberg и др. 2009).

Основная цель настоящей статьи – дать общий обзор распределения семейных ролей, установок, касающихся совмещения работы и семейной жизни, а также изменений, произошедших в этой сфере за последние 10–15 лет.

Конституция Эстонии подчеркивает роль семьи в сохранении эстонского народа и его культуры. Семья – это среда, где приобретаются и передаются от поколения к поколению общие культурные ценности, нормы, традиции и обычаи. Однако ни в Законе о семье 1994 года, ни в обновленном его варианте определения семьи мы не находим. Демографическая статистика пользуется понятием семейного ядра и в качестве такового рассматривает лиц, проживающих в одном домохозяйстве, связанных между собой супружескими отношениями, свободным (гражданским) браком или отношениями родитель-ребенок (дети). В регулярных опросах населения «Работа, дом и свободное время», проводимых Институтом международных и социальных исследований ТЛУ, семья рассматривается как сообщество, идентифицирующее себя как семью и ответившее на вопросы, касающиеся семейной жизни.

Для анализа были использованы базы данных социальной статистики и материалы опросов «Работа, дом и свободное время», проведенных в 1998 и 2008 годах Институтом международных и социальных исследований Таллиннского университета (ИМСИ ТЛУ). Упомянутые опросы известны также под краткими заглавиями «Эстония '98» и «Эстония 2008»¹, соответственно годам их проведения (подробнее о них см. Hansson 2004 и 2009). В отдельных случаях для создания более полной картины использовались также и данные более ранних опросов («Эстония '85» и «Эстония '93»).

Семья и работа на шкале ценностей

Многочисленные исследования (см. Narusk и др. 1999; Heinla 2004; Järve 2006 и др.) показывают, что семья и работа для жителей Эстонии являются главными ценностями, особенно на том этапе жизни,

когда семья уже создана и заложена база для профессиональной карьеры. На рисунке 1 представлены данные опросов ИМСИ ТЛУ, проведенных в разные годы, по которым видно, какая часть мужчин и женщин считают для себя семью и работу *очень важными* в жизни. Для оценок использовалась пятибалльная шкала – от «очень важно» до «совсем не важно». На основании рисунка 1 можно сделать вывод, что и мужчины, и женщины ценили и ценят семью выше, чем работу. Доля женщин, считающих семью *очень важной* частью жизни, традиционно несколько больше, чем доля мужчин, придерживающихся такой же точки зрения. Изменения, происходившие в 1985–2008 гг. на семейной шкале ценностей мужчин и женщин, в общих чертах имеют одинаковую направленность, т. е. доля тех, кто считает семью очень важной частью жизни, выросла, а доля тех, кто считает очень важной работу, в последнее десятилетие несколько сократилась.

Данные рисунка 1 могут создать ложное впечатление, будто работа для жителей Эстонии не важна. На самом деле все обстоит иначе.

При трактовке рисунка важно учесть то, что ответ «очень важно» большинство респондентов

¹ Проведение опроса «Эстония 2008: Работа, дом и свободное время» финансировалось Институтом развития здоровья.

Рисунок 1. Шкала ценностей (семья и работа) мужчин и женщин в возрасте 18–69 лет, 1985–2008 гг., доля ответов «очень важно», в %

Источник: опросы «Работа, дом и свободное время», ИМСИ ТЛУ в 1985–2008 гг.

выбирало в связи с семьей, а ответ «важно» в связи с работой. Так, при опросе 1985 года 83% мужчин и 77% женщин сочли работу важной частью своей жизни (учитывались ответы «очень важно» и «важно»), а при опросе 2008 года такую же оценку дали 80% мужчин и 79% женщин. Доля людей, ответивших, что работа не имеет для них особой важности, была относительно небольшой. В то же время для 90-х годов прошлого века был характерен рост значения работы, а после 90-х годов был отмечен небольшой спад. Также следует отметить, что опрос 2008 года проводился в октябре, когда влияние экономического кризиса в Эстонии ощущалось еще не столь остро.

Что же касается семьи, то большая часть людей в Эстонии очень высоко оценивают семью на эмоциональном уровне. На основании же упомянутых опросов и данных других, более ранних, исследований можно сделать вывод, что наши респонденты высоко оценивают, скорее, не собственную, реально существующую семью, а некий символ близких отношений (Järve 2006).

Распределение ролей в семье

.....

О распределении семейных ролей и домашних работ можно говорить, прежде всего, в связи с теми семьями, где налицо оба супруга/партнера.

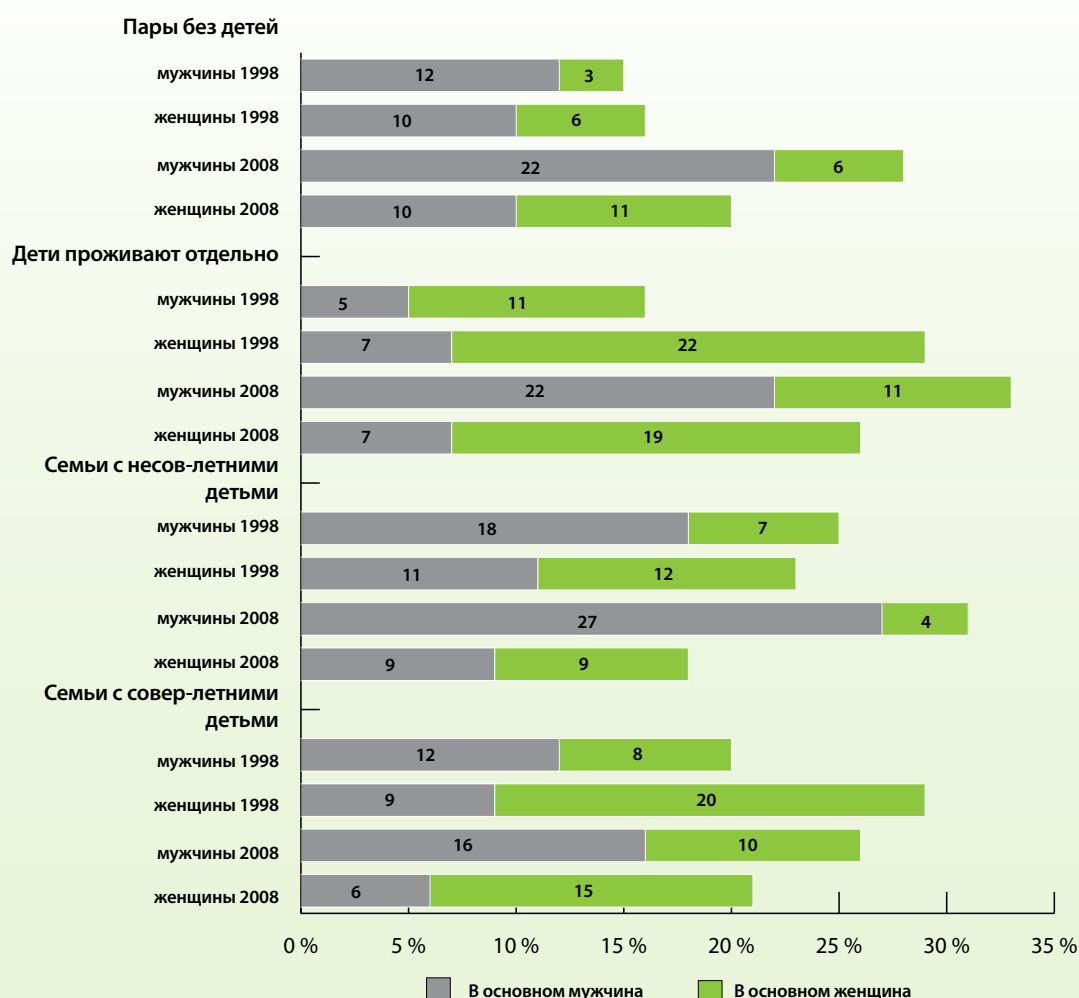
В дальнейшем анализе из базы данных опросов ИМСИ ТЛУ «Эстония '98» и «Эстония 2008» были выбраны мужчины и женщины, представляющие семейные пары. Выборка опроса 2008 года составила 1002, а выборка 1998 года – 1549 респондентов. Постоянные семейные пары можно разделить на четыре основные группы. В первую группу входят бездетные пары. По данным опроса 2008 года их доля составляла 17% от всех живущих совместно пар (в 1998 году – 11%). Вторую группу образуют пары, чьи дети уже проживают отдельно от родителей – 23% и 22% соответственно. Третья группа – семьи с несовершеннолетними детьми, т. е. пары, вместе с которыми проживает как минимум один ребенок, не достигший совершеннолетия. В 2008 году таких пар было 43%, в 1998 году – 50%. Четвертую группу (17% по результатам обоих опросов) составляют семьи с совершеннолетними детьми, которые проживают вместе с родителями. Указанные выше группы раз-

личаются не только по своему составу и семейному циклу, но и по семейному положению и среднему возрасту супругов/партнеров. Например, среди пар без детей в 2008 году состояли в законном браке 30%, а 70% состояли в свободном браке, причем средний возраст супругов или партнеров был 30 лет. Среди семей с несовершеннолетними детьми 60% состояли в законном и 40% – в свободном браке, средний возраст супругов/партнеров был 36 лет. В группе семей, где вместе с родителями проживали совершеннолетние дети или дети проживали отдельно от родителей, средний возраст супругов/партнеров составлял 54–57 лет, в большинстве случаев такие пары состояли в законном браке. При анализе основной акцент сделан на семьях с несовершеннолетними детьми, а для сравнения взяты семьи без детей и семьи с совершеннолетним ребенком/детьми, проживающим/-ими вместе с родителями.

Работы по дому

Согласно Закону о семье ЭР супруги и родители имеют равные права и обязанности. Проведенные в последние десятилетия социологические исследования показали, что реально в большинстве семей Эстонии сформировалось определенное разделение ролей и работ по дому. Женщины в части обеспечения экономического благосостояния семьи по-прежнему больше полагаются на мужчин (Hansson и Kelam 2004; Derman и др. 2005). В наших современных семьях доход мужчины зачастую выше, чем женщины, а выполняемые женщиной работы по дому позволяют семье отказаться от покупки некоторых важных услуг. Является ли в этом случае вклад женщины в обеспечение материального благосостояния семьи меньше мужского (см. Laidmäe 2006) – отдельная тема, которой стоит уделить особое внимание в дальнейших исследованиях. Тем не менее большинство женщин с несовершеннолетними детьми работают, многие – с полной занятостью, и как это свойственно обществу постсоциалистических стран, после трудового дня женщинам приходится делать еще много неоплачиваемой работы по дому, которую Арли Хохчайлд (Hochschild 1989) метко назвала «второй рабочей сменой». Наши более ранние исследования, например, проведенный в 2005 году мониторинг гендерного равноправия, показали, что мужчины отвечают прежде всего за такие работы по дому, как

Рисунок 2. Ответы мужчин и женщин на вопрос «Кто в вашей семье принимает решение относительно крупных затрат?», 1998 и 2008 гг., в % (в остальных случаях решения принимаются сообща)

Источники: опросы ИМСИ ТЛУ «Эстония '98» и «Эстония 2008»

уход за автомобилем и ремонт, т. е. работы, требующие периодически серьезных усилий, но не ежедневной траты времени. При таких работах зачастую используют помощь извне или находят человека или фирму, которые берут на себя выполнение наиболее крупных или сложных работ. При этом домашние работы – приготовление еды, мытье посуды, уход за одеждой и уборка – ложатся на плечи женщин и требуют ежедневных усилий и затрат времени.

Подводя итоги, можно сказать, что работы по дому или, пользуясь выражением Хохчайлд, «втор-

рая рабочая смена», до сих пор в наших семьях требуют от женщин больших затрат времени и сил, чем нагрузка, связанная с домашними работами у мужчин. Равномерное распределение домашней работы между супругами/партнерами позволило бы улучшить отношения внутри семьи, сгладить причины конфликтов и, в конечном итоге, позволило бы женщинам лучше справляться со своей профессиональной работой.

Важные решения

Каким образом строятся отношения в современных семьях Эстонии, как принимаются решения, касающиеся семьи и ее членов, за кем остается при этом последнее слово? Как наши прежние опросы населения (см. Hansson и Kelam 2004), так и опрос 2008 года показали, что в большинстве семей самые важные вопросы, касающиеся семейной жизни (например: вопросы о рождении детей, выборе образования для детей, выборе школы, проведении досуга, выборе друзей семьи и др.) решаются супругами или партнерами сообща. В тех случаях, когда решение принимает только один из супругов или партнеров, оно связано с традиционным разделением семейных ролей, то есть с женской и мужской сферой принятия решений. Сравнение результатов опросов населения, проведенных в разные годы, не выявило тут особых изменений.

Рисунок 2 иллюстрирует одну из наиболее интересных сфер принятия решений, с которой в большей или меньшей степени приходится сталкиваться каждой семье – планирование крупных затрат и текущих расходов. В этой сфере за последнее десятилетие произошли заметные и в чем-то неожиданные изменения. В 1998 году оценки мужчин и женщин в отношении того, кто принимает окончательные решения о крупных затратах, были относительно схожими – 13% мужчин, состоящих в законном или свободном браке, считали, что такие решения принимают они, и 10% женщин были с этим согласны.

На рисунке 2 видно, что по сравнению с 1998 годом к 2008 году во всех типах семей заметно увеличилась доля мужчин, которые оценивают свою роль в принятии решений о крупных затратах как более важную, чем роль в этом супруги. В то же время, если не учитывать мнение пар без детей, женщины видят свою роль в принятии решений о крупных затратах скорее менее значительной по сравнению с показателями 1998 года. Это отчасти подтверждает результаты исследований западных социологов (см. Steinmetz и др. 1990), которые говорят о том, что право решающего голоса в семье имеет тот, кто обладает большими материальными ресурсами. По данным Департамента статистики, средняя зарплата женщин в Эстонии ниже, чем у мужчин. Например, по данным исследования трудовых ресурсов Эстонии (2006), средняя нетто-зарплата женщин составляла 69% от средней зарплаты мужчин, причем наиболь-

ший разрыв обнаружен в группе респондентов 30–39 лет, где средняя зарплата женщин составила 66% от мужской. Данное исследование выявило также, что наибольшие различия между зарплатами мужчин и женщин были в семьях с детьми дошкольного возраста (см. Randoja 2008). Из-за гендерного неравенства в оплате труда в семье с двумя родителями больший доход, как правило, имеет мужчина, поэтому неудивительно, что за большей частью мужчин в таких семьях закрепилось право принятия решений о крупных затратах. С другой стороны, если сравнивать мнения женщин в 1998 и 2008 годах, то здесь изменения в их оценках были существенно менее значительными по сравнению с мужскими. Привлекает внимание и то обстоятельство, что расхождение в ответах мужчин и женщин увеличилось. Если в 2008 году в семьях с несовершеннолетними детьми более четверти мужчин утверждали, что именно они принимают решение о крупных семейных затратах, а согласились с этим всего 9% женщин. Представления мужчин и женщин относительно крупных семейных затрат и подоплека принятия соответствующих решений требуют дальнейшего подробного исследования.

Проблемы совместной жизни

Прежние опросы населения показали, что одним из основных источников разногласий и ссор в семье является распределение работ по дому (см. Hansson и Kelam 2004). По данным опроса 2008 года, респонденты, состоящие в законном или свободном браке, также назвали одной из наиболее частых причин ссор и разногласий между партнерами вопрос о распределении домашних обязанностей. За последние 15 лет, благодаря современной бытовой технике и общему улучшению технического оснащения жилья, характер таких обязанностей существенно изменился, поэтому данные 2008 года представляются весьма неожиданными. Доля женщин, считающих распределение домашних работ главной причиной семейных разногласий, в 2008 году даже выросла по сравнению с показателями 1998 года.

Второй по важности причиной семейных ссор и в 1998, и в 2008 годах была названа бесхозяйственность супруга(-и) или партнера(-ши). Но тут доля респондентов, считающих ее частой причиной конфликтов, за последнее десятилетие несколько уменьшилась. Если в 1998 году бесхозяйственность

Таблица 1. Основные причины ссор между супругами/партнерами в семьях разного типа (2008 г., в %)

	Пары без детей		Дети живут отдельно		Семьи с несовершенно-летними детьми		Семьи с совершенно-летними детьми	
	Муж-чины	Жен-щины	Муж-чины	Жен-щины	Муж-чины	Жен-щины	Муж-чины	Жен-щины
Безхозяйственность супруга(-и)	36	46	24	37	37	41	31	43
Употребление алкоголя супругом(-ой)	13	32	8	49	6	36	12	42
Работы по дому	77	67	60	64	74	79	64	73

Источник: Опрос ИМСИ ТЛУ «Эстония 2008»

партнера раздражала каждого второго респондента из десяти, то к концу 2008 года – только каждого четвертого. Очевидно, что экономические возможности семей в 1998 и 2008 годах были настолько разными, что траты, рассматривавшиеся в 1998 году как неэкономные, в 2008 году таковыми уже не считались.

В таблице 1 отдельно представлены оценки мужчин и женщин наиболее частых причин ссор в семьях разного типа. Из таблицы явствует, что мужчины и женщины по-разному понимают причины семейных ссор, причем разница особенно заметна в оценке ссор, связанных с употреблением алкоголя супругом(-ой) или партнером(-шей). В то же время и мужчины, и женщины всех сравниваемых типов семей в качестве основных причин семейных ссор указали также работы по дому. Причины ссор из-за домашних обязанностей перевесили все остальные причины: и безхозяйственность партнера, и злоупотребление алкоголем с его стороны.

Совмещение семейной жизни и работы

Значение работы

Что касается Эстонии, здесь мы имеем дело в основном с обществом наемных работников, т. е. для большей части населения труд за заработную плату является основным источником дохода для большей

части населения (Helemäe 2006). Поэтому мы посчитали важным выяснить, какова роль работы в жизни людей, а также узнать у респондентов, продолжили бы они работу или отказались от нее, если бы экономическая ситуация позволила сделать такой выбор.

В опросе 2008 года «Работа, дом и свободное время» респондентам предлагали ряд утверждений, касающихся семьи и работы, с которыми они могли согласиться или не согласиться. Исследование показало, что среди мужчин преобладали те, кто считает работу важнее семейной жизни. Одновременно более четырех женщин из десяти считали, что работа является для них таким же важным способом самореализации, как и для мужчин, т. е. чем-то большим, чем просто возможность заработать деньги. И хотя более половины женщин считают семью самым важным (поэтому работа порой остается на втором плане) аспектом жизни, среди них все же значительно больше, чем среди мужчин, тех, кто считает, что работа вносит в жизнь существенное разнообразие на фоне будничных домашних дел. А среди мужчин, наоборот, больше тех, кто находит, что работа отнимает часть их свободного времени. Поэтому не удивительно, что почти две трети мужчин заявили, что иногда испытывают чувство вины перед детьми за то, что не могут уделять им достаточного внимания.

От семейного цикла зависит то, на чем сосредотачиваются усилия людей – на семье или работе. В таблице 2 представлены установки мужчин и

женщин по отношению к семейной жизни и работе в семьях без детей и в семьях с несовершеннолетними детьми. Таблица показывает, что мужчины и женщины, не имеющие детей, чаще, чем матери и отцы несовершеннолетних детей, называют работу важным способом самореализации. В то же время, результаты опроса показывают, что мужчины и женщины, имеющие несовершеннолетних детей, ценят работу за то, что она вносит разнообразие в их будни. Наличие детей в семье по-разному влияет на установки мужчин и женщин, связанные с работой. По сравнению с другими группами среди женщин с несовершеннолетними детьми меньше всего тех (9%), для которых семья иногда остается на втором плане из-за работы. Среди мужчин с несовершеннолетними детьми, наоборот, доля таких утверждений самая большая (33%). Среди мужчин с несовершен-

нолетними детьми более 50% утверждали, что работа отбирает часть их свободного времени. Таким образом, с появлением в семье детей мужчины начинают больше внимания уделять работе, и почти две трети из них считают, что им не хватает времени на детей.

Опрос «Эстония 2008» показал, что если бы экономические условия позволили выбирать между работой и пребыванием дома, то каждый четвертый респондент продолжил бы работу с полной занятостью и каждый второй – с неполной занятостью. Таким образом, можно утверждать, что преобладающая часть мужчин и женщин продолжили бы трудиться, даже имея достаточные материальные ресурсы, другими словами – работа для жителей Эстонии является не только способом добычи средств к существованию. Но результаты опросов показывают также, что достаточно большое число мужчин и женщин,

Меняющаяся семья и социальные риски

Мари Калкун

Традиционная семья из мужчины и женщины, состоящих в официальном браке, и детей больше не является синонимом семьи. В Эстонии немало семей, где детей воспитывают родители, состоящие в свободном браке, а также семей, где детей воспитывает родитель-одиночка (как правило – мать). Родители более половины новорожденных детей (59%) в официальном браке не состоят, 13% детей воспитываются в семье с одним родителем (Sinisaar и Tammpuu, 2009). Все чаще возникают разговоры о сожительстве однополых взрослых, имеющих детей. Но достоверной информации об однополых сожительстве и количестве таких семей с детьми в настоящее время нет.

Наряду с официальным браком, иные формы семьи распространились в Эстонии, возможно, отчасти потому, что государственные законы, касающиеся семьи, базируются на индивидуальном праве и не учитывают семейного положения человека. Социальное страхование, строящееся на принципе солидарности, обеспечивается взносами индивида или тех, кто делает взносы за него. Компенсации по безработице, болезни, нетрудоспособности, рождению ребенка и уходу за ним в первые полтора года зависят от личного трудового дохода человека и уплаченных им налогов. Если многие люди не желают состоять в официальном браке и выбирают иной тип семьи, государство не может и не имеет права вынуждать их вступить в официальный брак. Покушение на свободу воли и ее выражение идет вразрез с правами человека.

Распространению нетрадиционных форм семьи сопутствовали до сих пор незнакомые нам социальные риски. Тут можно указать на проблемы наследования, взыскания алиментов, жилья, ухода за детьми, чрезвычайных медицинских ситуаций, а также проблемы с получением пособий от местных самоуправлений. Возникающие социальные проблемы ставят перед обществом и государством серьезный вопрос – как их решить? В обществе Эстонии дискуссии о вариантах преодоления только начинаются.

Отставив в сторону семьи с родителем-одиночкой¹ и обратившись к свободному браку, обнаружим целый ряд принципиальных вопросов. Во-первых, требуется ли дополнительное правовое регулирование для снижения социальных рисков и решения проблем тех, кто имеет возможность защитить свои права с помощью уже действующих законов? Вопрос актуален для гетеросексуальных пар, проживающих в свободном браке, поскольку для защиты своих прав они могут вступить в брак.

А люди, выбирающие нетрадиционную форму семьи, т. е. свободное сожительство, делают ли свой выбор осознанно, берут ли на себя ответственность за собственные поступки и их последствия? Если нет, то возможно, для решения проблем, вместо новых правовых актов и мер, будет достаточно повысить уровень их информированности? Разумеется, повышать сознательность населения необходимо, чтобы люди могли делать выбор обдуманно. Вопрос, однако, в том, насколько широко и хорошо возможно вести такую работу. Допустимо ли возлагать ответственность исключительно на самих людей, особенно если

¹ О родителях, воспитывающих ребенка в одиночку, вышел обзорный политико-аналитический материал в серии изданий Министерства социальных дел 4/2009. Sinisaar ja Tammpuu „Ühe vanemaga pered: probleemid, vajadused ja poliitikameetmed“.

работающих сегодня с полной занятостью, появившись возможность, предпочли бы работать с неполной занятостью. Подтверждением тому служит тот факт, что сегодня у работающих родителей остается слишком мало времени на семью и другие важные занятия. В принципе схожую картину давали и предыдущие опросы.

Можно предположить, что мужчины больше, чем женщины, ориентированы на продолжение работы с полной занятостью, но если сравнивать с данными 1993 года, различия между вероятным выбором мужчин и женщин несколько уменьшились. В 2008 году почти каждый второй мужчина, как и сходное число женщин, с появлением возможности выбрал бы работу с неполной занятостью. Среди женщин, если бы материальное положение позволяло сделать выбор – работать или нет, каждая

пятая продолжила бы работу с полной занятостью. Если на желание женщин остаться дома влияло наличие детей дошкольного возраста, то на мужчин этот фактор влияния не оказал. Из матерей с детьми до 3 лет, при наличии материальных возможностей, каждая четвертая осталась бы дома (из отцов – 1%), из матерей с детьми 3–6 лет дома остались бы 23%, из матерей с детьми 7–13 лет – 21%. При этом доля женщин, которые хотели бы продолжить работу с неполной занятостью, составила 50–54%.

Ряд более ранних исследований (см. Kinnunen и др. 1995; Mauno 1999 и т. д.) показал, что при совмещении семейной жизни и работы радости и проблемы работы влияют на семейную жизнь, а семейные проблемы – на работу. Прямое влияние на совмещение семейной жизни и работы оказывает распределение времени между семьей и работой,

последствия их поступков могут серьезно сказаться, например, на детях, воспитывающихся в свободном браке? Многие государства² Европы пошли тем путем, что определенный уровень (отличный от уровня брака и более низкий) прав и обязанностей гарантируется в различных законах также и гетеросексуальным парам, живущим в свободном браке. В отдельных странах предоставляется возможность зарегистрировать свободный брак, в результате чего на людей, состоящих в свободном браке, распространяются определенные права, которые, правда, уступают правам пар, состоящих в официальном браке.

В обществе Эстонии о правах и обязанностях гетеросексуальных пар, проживающих в свободном браке, говорится меньше, чем о необходимости юридического регулирования прав однополых пар. С одной стороны, для общества Эстонии характерны достаточно гомофобные установки (Eurobaromeeter nr 66, Maailma väärtuste uuring), а с другой – такие пары имеют иную юридическую историю, чем традиционный брак. Гомосексуальные пары, в отличие от гетеросексуальных, не имеют возможности реализовать свои права и обязанности через официальный брак. Дискуссии о законодательном регулировании прав и обязанностей однополых партнеров в Эстонии большей частью строятся либо на гомофобных аргументах, либо на вопросах об имущественных правах. Но если говорить о социальных рисках, то помимо имущественных вопросов таких пар, решаемых, к примеру, через форму частноправовых договоров, существует более сложная проблема прав и обязанностей в отношении детей как на уровне интерперсональных отношений спутников жизни, так и на уровне их отношений с государством и/или местным

самоуправлением. Как гарантировать семье с однополыми родителями, воспитывающими детей, право на получение пособий и услуг от государства или местного самоуправления? Как гарантировать (неродному) родителю, годами воспитывавшему ребенка, право после смерти биологического родителя или развода с ним продолжать заботиться о ребенке, встречаться и участвовать в его содержании? Как быть с правами ребенка? Как сделать, чтобы ребенок не лишился возможности встречаться со своим «другим» родителем, который на самом деле его вырастил? Подобные проблемы могут возникать и у свободно сожительствующих гетеросексуальных пар, если ребенок не усыновлен партнером.

В итоге следует сказать, что перед обществом стоит вызов, как гарантировать благополучие, права и обязанности взрослых и детей в ситуации, когда институт семьи изменился и продолжает меняться. Давайте обсудим!

Мари Калкун, МА, руководитель отдела семьи и детства Министерства социальных дел. Окончила Тартуский университет по специальности социология, долгое время работала в фирме маркетинговых исследований и консалтинговых услуг TNS Emor. Главные темы, которыми занимается Мари Калкун, – это координирование семейной политики и защита прав ребенка.

² Читайте подробнее о свободных браках и их правовом регулировании, например: Reinomägi A., „Abielu ja vaba kooselu: trendid, regulatsioonid ja hoiakud“, Sotsiaalministeeriumi toimetised 4/2008.

Таблица 2. Согласие с утверждениями о работе и семейной жизни мужчин и женщин в семьях без детей и в семьях с несовершеннолетними детьми (2008 г., в %)

	Без детей		С детьми	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Ориентированность на работу				
Для меня главное – работа, семья иногда остается на втором плане	12	16	33	9
Для меня работа – это важный способ самореализации	46	52	41	40
Работа вносит существенное разнообразие в жизнь на фоне будничных домашних дел	20	48	44	64
Работа поглощает часть моего свободного времени	43	40	54	32
Ориентированность на семью				
Для меня важнее всего – семья, работа иногда остается на втором плане	48	47	55	62
Из-за работы у меня страдают многие домашние дела	24	30	32	28
Иногда ощущаю чувство вины перед детьми, потому что не могу уделить им достаточно времени	-	-	63	45
Из-за работы и карьеры вынуждены отложить рождение детей	23	24	9	6
Мне не трудно совмещать работу и семейную жизнь	60	63	57	60

Источник: Опрос ИМСИ ТЛУ «Эстония 2008»

когда время для одной сферы урывается за счет другой. Если говорить общо, проблему совмещения работы и семейной жизни считают преимущественно проблемой матерей с малолетними детьми. Из данных, приведенных в таблице 2, явствует, что отцы тоже чувствуют и признают, что иногда из-за работы им не хватает времени на общение с детьми, но, в контексте традиционных гендерных ролей, в мужчине видят прежде всего гаранта материального благосостояния семьи. Роль мужчины как супруга/партнера и родителя зачастую остается на втором плане.

Меры, поддерживающие совмещение работы и семейной жизни

Исторически роль отца в семье строилась как роль кормильца, а не как воспитателя детей и активного участника бытовой жизни (Hearn 2002). О новом, заботливом виде отцовства стали говорить лишь несколько десятилетий назад. В то же время многие исследователи отмечают, что хотя дискурс отцовства меняется, реальное поведение отцов во многом еще ограничено социально сформированной гендерной ролью (Matta и Knudson-Martin 2006).

С 80-х годов прошлого века во многих западных странах принимались меры, касающиеся семьи

и отцов. Одна из них, призванная уравнивать роли мужчин и женщин в семье и пропагандировать роль отца в жизни своих детей, - это принятое в ряде стран Европы, право обоих родителей использовать индивидуальный родительский отпуск. Оно подразумевает, что определенная часть отпуска предназначена конкретно одному родителю и второму не передается (подробнее см. Järviste 2008). Например, в Северных странах установлены квоты на отцовский отпуск, т. е. в отличие от родительского отпуска, который мать и отец могут распределить между собой или использовать поочередно, котируемым отцовским отпуском может воспользоваться только отец, и не использованные дни такого отпуска матери передать нельзя. Многие исследования показывают, что большее участие отцов в жизни семьи и ребенка благотворно с точки зрения внутрисемейных отношений (см. Marsiglio и др. 2000; Lamb 2004 и др.). В то же время статистика утверждает, что отцы в Северных странах сравнительно редко пользуются не котируемым родительским отпуском (см. Gupta и др. 2006).

Период после восстановления независимости Эстонии характерен метаниями между разными системами ценностей.

Восстанавливая собственную государственность, у нас пытались восстановить и традиционные семейные ценности, стереотипные гендерные роли, связывавшие отца прежде всего со сферой работы,

а мать – со сферой семьи. Одновременно сверхлиберальная экономическая модель выдвигала на первый план ценности индивидуализма. Меры в сфере семейной политики (в широком ее понимании) были противоречивыми и не последовательными. То сначала закрывали детские сады², что поставило многих матерей, желавших продолжить работу, перед принудительным выбором остаться с детьми дома. То сочли, что детские сады можно заменить нянями-надомницами, хотя многим семьям оплата услуг таких нянь была не по карману и пропадал смысл возвращения матерей на работу. В практическом же смысле семейная политика ориентировалась на оказание материальной поддержки семьям с детьми, т. е. на выплату детских и семейных пособий.

К абсолютно новым мерам можно отнести принятый в 2004 году Закон о родительском пособии, призванный компенсировать отсутствие родителя на работе из-за рождения ребенка и последующего ухода за ним, а также стимулировать совмещение трудовой и семейной жизни. Принятию закона предшествовали острые дебаты о его целях, порядке начисления и выплаты пособия, условиях, сроках и гендерной направленности. Результатом стало то, что закон, задуманный как гендерно-нейтральный, на момент вступления в силу в 2005 году оставил отцов на шесть месяцев с рождения ребенка без права на родительское пособие.

Закон о родительском пособии не раз изменяли и исправляли. Поправка, позволившая отцу получать родительское пособие с момента достижения ребенком 70-дневного возраста, существенно усилила

роль отца на первом году жизни ребенка. Согласно действующему сейчас Закону о родительском пособии, и мать, и отец имеют право получать родительское возмещение с 70-го дня жизни ребенка до его 1,5 лет. На 70-й день после рождения младенца, когда у матери заканчивается отпуск по беремен-

Перепись населения обнаружила прискорбный факт – снижение прироста населения. Поэтому нам надо очень серьезно отнестись к организации защиты детей. На сегодняшний день у нас уже кое-что сделано для защиты детей и заботы о них, но сделано мало и однобоко.

(Ида Хеллат, 1924 г.)

ности и родам, семья может выбрать, кому из родителей далее получать родительское пособие, и в каком объеме использовать отпуск по уходу за ребенком. Компенсация заработной платы означает, что отец на тех же основаниях, что и мать, может оставаться дома с младенцем, получая зарплату, равную своей средней зарплате за календарный год, предшествовавший рождению малыша.

Статистика Департамента социального страхования показывает, что отец, использующий родительское пособие, скорее исключение, чем правило. В таблице 3 приведены данные на конец 2005–2008 годов и данные за 2009 год о назначенных родительских пособиях. В последние годы доля

² Под детскими садами здесь подразумеваются и сады, и ясли.

Таблица 3. Доля отцов, которые получили родительское пособие (2005–2009 гг., в %)

По состоянию на	Назначенные пособия			
	Назначено всего		В максимальном размере	
	Матери, %	Отцу, %	Матери, %	Отцу, %
31.12.2005	98,3	1,6	96,7	3,3
31.12.2006	97,9	2,0	96,2	3,8
31.12.2007	94,8	5,0	90,4	9,6
31.12.2008	94,2	5,6	84,5	15,3
30.11.2009	91,5	8,3	77,4	22,4

Источник: база данных Департамента социального страхования

отцов среди получателей родительского пособия постепенно растет, правда, в основном среди тех, кто получает его в максимально возможном размере.

Опираясь на данные последних лет о получателях родительского пособия, можно было бы сделать вывод, что традиционные семейные роли в Эстонии стали меняться, стали появляться заботливые отцы. Но следует помнить, что средний доход мужчин в Эстонии, как правило, выше, чем у женщин, и в условиях нестабильности экономики и рынка труда отец может остаться дома с детьми вместо матери не потому, что изменилась ролевая модель семьи, а потому, что с точки зрения семейного материального благополучия это более выгодно. А когда и в какой мере мы сможем говорить об изменении роли отца – покажет время.

Заключение

Опираясь на данные исследований и опросов, можно сказать, что в обществе Эстонии достаточно широко распространены стереотипные гендерные установки и традиционные модели семейных отношений. Свою роль, видимо, сыграли и лицемерие советской идеологии о предназначении мужчин и женщин, и противоречивость отечественного опыта последних двух десятилетий с их попытками найти собственный путь между традиционными семейными ценностями первой Эстонской Республики и индивидуалистическими ценностями либеральной экономической модели. Да и в сфере мер, касающихся семьи, нам не хватало последовательности. Вспомним, к примеру, опыт организации дневного присмотра за детьми. Путаницу и непоследовательность при разработке новой семейной политики во многом можно объяснить «детской болезнью» переходного периода, от которой в 21-м веке необходимо излечиться.

В то же время мы до сих пор мы все еще слышим и читаем о том, что женщины ориентированы на семью, а мужчины – на работу и карьеру. Но результаты исследований показывают, что оценки мужчинами и женщинами семьи и работы достаточно сходны: эти составляющие жизни важны для обоих полов. Исследования показывают также, что разница в ориентированности мужчин и женщин на работу–семью не очень существенная, а в последние годы она скорее сократилась, нежели увеличилась. Сделаны существенные шаги в направлении цен-

ностей Северных стран, где роли мужчин и женщин на работе и в семье ценятся одинаково. Все меры семейной политики, позволяющие лучше совмещать семейную жизнь и работу, можно только приветствовать. Однако они должны быть направлены не только на улучшение трудовой занятости среди женщин, но и на поддержку отцов при воспитании детей и в семейной жизни в целом. Последние изменения в Законе о родительском пособии убеждают, что движение идет именно в таком направлении.

Однако исследования показывают и то, что в большей части семей Эстонии внутрисемейные роли по-прежнему остаются традиционными. Своеобразие Эстонии в том, что разница между средними зарплатами женщин и мужчин делает из мужчин главных кормильцев даже в тех семьях, где супруги/партнеры придерживаются современного распределения гендерных ролей. А если это подкреплено представлением, будто у того, кто имеет больший доход, больше прав на принятие важных решений и меньше обязанностей по дому, то надеяться на уменьшение двойной нагрузки женщин не стоит. Известно, что первичная социализация ребенка происходит в семье. Существующее сегодня в основном традиционное разделение ролей создает ситуацию, при которой ребенок перенимает эти, довольно традиционные, ролевые модели. Так что сегодня семью можно считать одним из институтов воспроизводства стереотипных ролевых моделей. Ценности и установки меняются медленно, поэтому шаги и меры, способствующие изменению традиционных ролевых установок, помогают успешнее совмещать работу и семейную жизнь.

Использованные источники

- Almqvist, A.-L. (2008). Why most Swedish fathers and few French fathers use paid parental leave: an exploratory qualitative study of parents. *Fathering*. 6 (2), 192–200.
- Beck-Gernsheim, E. (2002). *Reinventing the Family*. Cambridge: Polity Press.
- Derman, N. u др. (2005). *Soolise võrdõigusslikkuse monitooring 2005*. Tallinn: Tallinna Ülikooli Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut ja Sotsiaalministeerium. [http://213.184.49.171/www/gpweb_est_gr.nsf/HtmlPages/SVmonitooring_2005/\\$file/SVmonitooring_2005.pdf](http://213.184.49.171/www/gpweb_est_gr.nsf/HtmlPages/SVmonitooring_2005/$file/SVmonitooring_2005.pdf).
- Goldberg, W.A., Tan, E.T., Thorsen, K.L. (2009). Trends to academic attention to fathers, 1930–2006. *Fathering*. 7 (2), 159–179.
- Gregory, A., Milner, S. (2008). Fatherhood regimes and father involvement in France and the UK. *Community, Work and Family*. 11 (1), 61–84.

- Gupta, N. D., Smith, N., Verner, M. (2006). Child care and parental leave in the Nordic countries: A model to aspire to? *ISA Discussion Paper*. 2014.
- Haas, L., Hwang C. P. Is fatherhood becoming more visible at work? Trends in corporate support for fathers taking parental leave in Sweden. *Fathering*. 7 (3), 303–321.
- Hansson, L., Kelam, A. (2004). Perekonk ja pere. Teoses Hansson, L. (toim.) *Valikud ja võimalused: argielu Eestis aastatel 1993–2003*. Tallinn: TPÜ Kirjastus.
- Hansson, L. (toim.) (2004). *Valikud ja võimalused: argielu Eestis aastatel 1993–2003*. Tallinn: TPÜ Kirjastus.
- Hansson, L. (toim.) (2009). *Töö, kodu ja vaba aeg: argielu Eestis aastatel 1985–2008*. Tallinn: TLÜ Kirjastus.
- Hearn, J. (2002). Men, fathers and the state: national and global relations. Teoses Hobson, B (toim.) *Making Men into Fathers. Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heinla, E. (2004). Eluväärtused. Teoses Hansson, L. (toim.) *Valikud ja võimalused: argielu Eestis aastatel 1993–2003*. Tallinn: TPÜ Kirjastus.
- Heinla, E. (2009). Eluväärtused Eesti taasiseseisvumise künnisel ja majanduskriisi eelõhtul. Teoses Hansson, L. (toim.) *Töö, kodu ja vaba aeg: argielu Eestis aastatel 1985–2008*. Tallinn: TLÜ.
- Helemäe, E. (2006). Sooline võrdväarsus töösfääris. *Soolise võrdõiguslikkuse monitooring 2005*. Tallinn: Tallinna Ülikooli Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut ja Sotsiaalministeerium.
- Hellat, I. (1924). Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924–1926. Tallinn: Vaba Maa.
- Hochschild, A. (1989). *The Second Shift*. New York: Viking Penguin.
- Inglehart, R., Baker, W. E. (2000). Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 65, 19–51.
- Järve, M. (2006). Sooline võrdõiguslikkus Eesti ühiskonnas: eluväärtused. *Soolise võrdõiguslikkuse monitooring 2005*. Tallinn: Tallinna Ülikooli Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut ja Sotsiaalministeerium.
- Järviste, L. (2008) *Isadust toetavad poliitikameetmed Eestis ja Euroopas. Sotsiaalministeeriumi toimetised*. 6/2008. Tallinn.
- Kinnunen, U., Loikkanen, E., Mauno, S. (1995). *Työn ja perheen vuorovaikutus: ongelmien yleisyys, syyt ja seuraukset*. Jyväskylän yliopiston perhetutkimusyksikön julkaisuja. 5.
- Laidmäe, V.-I. (2006). Sooline võrdõiguslikkus peresfääris: Majanduslik toimetulek. *Soolise võrdõiguslikkuse monitooring 2005*. Tallinn: Tallinna Ülikooli Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut ja Sotsiaalministeerium.
- Lamb, M. E. (2004). *The Role of Father in Child Development*. 4th edition. New York: Wiley.
- Lammi-Taskula, J. (2008). Doing fatherhood: understanding the gendered use of parental leave in Finland. *Fathering*. 6 (2), 133–148.
- Marsiglio, W., Amato, P., Day, R. D., Lamb, M. E. (2000). Scholarship on fatherhood in the 1990s and beyond. *Journal of Marriage and the Family*. 62, 1173–1191.
- Matta, D. S., Knudson-Martin, C. (2006). Father responsivity: Couple process and the construction of fatherhood. *Family Process*. 45 (1), 19–37.
- Mauno, S. (1999). *Job Insecurity as a Psychological Job Stressor in the Context of the Work-Family Interface*. Jyväskylä: University of Jyväskylä.
- Narusk, A., Hansson, L., Kelam, A., Laidmäe, V.-I. (1999). *Väärtushinnangute ja hoiakute muutumine Eestis. Eesti inimarengu aruanne 1999*. 30–35.
- Pajumets, M. (2007). Ei maksa selle isatamisega väga üle ka pingutada. Lapsevanemate isapuhkusest loobumise diskursused. *Ariadne Lõng*. VII 1/2, 49–64.
- Pfau-Effinger, B. (2003). *Family, Work and Culture in Europe*. Aldershot: Ashgate.
- Randoja, M. (2008). *Naised ja mehed palgatööjõus. Eesti Statistika Teemaleht*. 3/2008.
- Soolise võrdõiguslikkuse monitooring 2005. Tallinn: Tallinna Ülikooli Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut ja Sotsiaalministeerium.
- Sotsiaalkindlustusameti andmebaas. http://www.ensib.ee/frame_eelarve.html
- Statistikaameti andmebaas. <http://www.stat.ee/valdkonnad/rahvastik/rahvastikusyndmused>
- Steinmetz, S., Clavan, S., Stein, K. (1990). *Marriage and Family Realities: Historical and Contemporary Perspectives*. Harper & Row Publishers.
- Toming, M.-L. (2007). Isarolli muutumine – isa lapsega kodus. *Ariadne Lõng*. VII 1/2, 65–76.

Бедность как гендерно-дифференцированное явление

Марре Кару

Резюме

.....

Повсюду в Европе бедность имеет гендерно-дифференцированный характер: мужчины и женщины бедны в разной степени, причины их бедности тоже разные. Поэтому выявление и учет этих гендерных различий позволит сделать борьбу с бедностью более эффективной.

В Эстонии, как и в большинстве стран Европы, бедность среди женщин выше, чем среди мужчин – в бедных домохозяйствах женщин больше. Бедность особенно бросается в глаза в домохозяйствах, где женщина является единственным взрослым, например, в неполной семье, а также среди одиноких пожилых людей. С одной стороны, доходы таких домохозяйств малы, так как они находятся на содержании одного человека. С другой стороны, положение женщин на рынке труда хуже – уровень занятости и размер зарплаты у них в среднем ниже, чем у мужчин. При том, что безработица является одним из основных факторов бедности, не всегда и дохода от работы хватает на содержание домохозяйства. Людей в такой ситуации называют работающими бедными, среди них тоже преобладают женщины. За более слабой позицией женщин на рынке труда стоят традиционные гендерные роли и многочисленные их обязанности в домашней сфере, препятствующие равенству конкуренции с мужчинами на рынке труда.

Несмотря на то, что для снижения уровня бедности важно оказывать прямую поддержку группам риска (например: через выплату семейных пособий и пособий на ребенка родителю-одиночке, через пенсионную систему и выплату прожиточных пособий), прежде всего необходимо делать ставку на самостоятельное выживание людей. Меры, направленные на обеспечение гендерного равенства, способны оказать существенную помощь в увеличении материальной независимости женщин, а также снизить уровень феминизации бедности. В то же время, важно уделять внимание таким группам риска бедности, представителями которых, как правило, являются мужчины – бросившие учебу в школе, страдающие от алкогольной или наркотической зависимости, бездомные.

МАРРЕ КАРУ, МА,
аналитик Центра
политических
исследований Praxis,
докторант отделения
социологии и социальной
политики Тартуского
университета, степень
магистра анализа
социальной политики
получила в Леувенском
университете (Бельгия).
Темы работ Марре
Кару: гибкие формы
труда при совмещении
трудовой и семейной
жизни, отцовский отпуск
по уходу за ребенком,
эффект родительского
возмещения, условия
труда, коллективные
трудовые отношения,
равные возможности на
рынке труда.

Введение

.....

В Европе по состоянию на 2007 год проживали в относительной бедности 16% мужчин и 18% женщин, всего – 79 млн. граждан государств Европейского Союза (Евростат 2009). Почти во всех государствах Европейского Союза уровень бедности среди женщин превышал уровень бедности среди мужчин, а, по данным Евростата, в Эстонии разница в уровнях бедности мужчин и женщин, составлявшая 5%, была выше, чем в любой другой стране ЕС. В Эстонии в относительной бедности живут 22% женщин и 17% мужчин. Еще более заметны гендерные различия в группах рисков – среди пожилых людей и родителей-одиночек.

Таким образом, налицо феминизация бедности. Впервые о ней заговорили в США в 70-х годах прошлого века (Goldberg и Kremen 1990), но аналогичная тенденция наблюдается и в Европе, и в остальном мире. В свете общих тенденций развития общества растущая доля бедных женщин кажется парадоксальной, поскольку именно в последние десятилетия в мире немало сделано в части обеспечения гендерного равенства – повсюду приняты антидискриминационные законы, заметно улучшилось положение женщин в образовании и на рынке труда (Bianchi 1999). В Эстонии женщин с высшим образованием больше, чем мужчин, большинство женщин работают, то есть обеспечивают себя, что должно гарантировать им независимость и самостоятельное выживание.

Казалось бы, положение женщин в Эстонии и их самостоятельное выживание сегодня должно быть лучше, чем когда-либо ранее. Но в обществе произошли и другие изменения. И наиболее важными стали изменения в семье: браки откладываются, растет число разводов, внебрачные дети становятся обычным явлением (McLanahan и Kelly 1999). В контексте разнообразия семейных форм и разрушающейся традиционной семьи все больше женщин, которые вынуждены или хотят самостоятельно содержать себя и детей. Но домашние обязанности и воспитание детей понижает их конкурентоспособность на рынке труда. Например, именно женщины берут отпуск по уходу за ребенком и остаются дома с заболевшими детьми. Такое положение вещей может затруднять продвижение женщины по карьерной лестнице, влиять на заработную плату или даже на

поиск работы. При этом гендерная дифференциация в оплате труда и концентрация женщин на низкооплачиваемых рабочих местах приводят к тому, что личный доход женщин в среднем ниже мужского. Поэтому у женщины существенно выше риск оказаться бедной, особенно если она неожиданно оказывается единственным кормильцем в семье.

Общество вынуждает женщину под страхом голода и нищеты надеяться на семью, точнее – на мужчину, который был бы ей опорой в такие времена, и тем самым оно снова и снова подчиняет женщину авторитету мужчины. Уже само осознание женщиной того, что она не в состоянии выжить своими силами, что она нуждается в поддержке мужчины, крадет у женщин интерес к самостоятельному заработку, ставит на первый план семейные вопросы, делает ее равнодушной к труду и безынициативной.
(Эмма Ассон-Петерсон, 1924 г.)

Заметная доля мужчин тоже живет в домохозяйствах, где доход ниже черты относительной бедности, однако доля бедных мужчин все же меньше, при этом механизмы как мужчины и женщины попадают в разряд бедных, а также выхода из бедности у мужчин и женщин разные (Cantillon и Nolan 2001). Бедность женщин в основном обусловлена обязанностями, связанными с детьми, и худшим, по сравнению с мужчинами, положением на рынке труда (Peterson и Lewis 2001). Бедность женщин бывает тесно связана и с другими событиями в их жизни, такими как развод, воспитание ребенка в статусе матери-одиночки, вдовство.

Для мужчин риск бедности существенно связан, например, с долговременной безработицей, освобождением из мест заключения, бездомностью.

Факторами риска для них являются также отчисление из школы, алкоголизм и наркомания. Притом что большинство групп риска состоят преимущественно или из женщин, или из мужчин, гендерная перспектива важна и при анализе групп, в которые входят как мужчины, так и женщины,

поскольку позволяет выявить причины, масштаб и формы бедности и социального отчуждения. В качестве примера можно привести эмигрантов и людей с ограниченными возможностями здоровья (Fagan и др. 2006).

Жизнь в бедности порождает множество различных проблем. Продолжительное существование на малые доходы провоцирует стресс, пагубно сказывается на качестве жилья и здоровье человека, а также может привести к социальной изоляции (Fagan и др. 2006). В бедности проблемы громоздятся одна на другую, и в экстремальных случаях они способны привести к бездомности и другим социальным проблемам. Бедности женщин сопутствует бедность детей, то есть феминизация бедности ведет к ее ювентизации – углублению бедности детей (Bianchi 1999). Дети, растущие в бедности, с большой долей вероятности в будущем могут оказаться безработными, низкооплачиваемыми работниками, иметь слабое здоровье, а в дальнейшем перенести бедность на своих детей. Разорвать цепь бедности, передаваемой из поколения в поколение – один из самых серьезных вызовов начала 21-го века (Vleminckx и Smeeding 2001).

Цель данного раздела – дать обзор уровня бедности в Эстонии за последнее десятилетие, сосредоточив внимание, прежде всего, на гендерной дифференциации бедности, а также причинах бедности мужчин и женщин. Вначале будут рассмотрены понятие бедности, способы ее измерения, затем – бедность мужчин и женщин в Эстонии, кто из мужчин и женщин Эстонии беден, помогает ли работа преодолеть бедность. В конце будет рассмотрена роль социальной политики в сокращении бедности и ее феминизации.

Что такое бедность и как ее измеряют?

Бедность – это одно из тех интуитивно осознаваемых и обиходно используемых понятий, у которого есть целый ряд определений, величин и способов измерения. Бедность – настолько многоплановое и сложное явление, что однозначно сформулировать это понятие невозможно. Бедность определяли как отчуждение от обычной жизни общества из-за отсутствия ресурсов (Townsend 1979). Исследования бедности чаще всего сосредотачиваются на ее

денежном измерении, т. е. на доходах, которые проще всего измерить. Однако только денежное измерение не способно описать индивидуальный опыт людей, живущих в бедности, и их отчуждение от разных аспектов общественной жизни. В этом случае пользуются, к примеру, концепцией качества жизни Эрика Аллардта (Erik Allardt 1993), которая, помимо материальных потребностей, выделяет также социальные запросы и запросы, направленные на развитие личности. Но расширенными трактовками бедности редко пользуются при ее анализе и в статистике. В настоящей публикации акцент тоже сделан в основном на бедности по уровню доходов в силу большей доступности таких данных.

Один из главных вопросов – что принимать за основу измерения бедности по уровню доходов – бедность абсолютную или относительную. Граница абсолютной бедности рассчитывается на основе расчета минимума расходов. Домохозяйства, живущие в абсолютной бедности, не имеют достаточных ресурсов для удовлетворения минимальных жизненных потребностей, соответствующих нормам и стандартам общества: покупать еду, иметь жилье.

Другой подход считает бедными тех, чьи доходы значительно ниже доходов остальных членов общества. Такую бедность называют относительной. Относительная бедность характеризует распределение доходов в обществе, и относительно бедными считаются те домохозяйства, чей доход на каждого члена уступает определенному уровню дохода, т. е. является ниже черты относительной бедности. Предполагается, если доходы оказались ниже черты относительной бедности, то это значит, что они не соответствуют минимальному стандарту жизни, принятому в обществе. Наиболее распространенный показатель относительной бедности – это 60% от медианы дохода члена домохозяйства при удельном весе потребительских расходов 1:0,5:0,3¹. Согласно им удельный вес расходов на второго взрослого члена домохозяйства составляет 50% от веса расходов первого члена домохозяйства, а вес расходов на потребление ребенка младше 14 лет составляет 30%.

1 При относительной бедности удельный вес расходов домохозяйства равен 1:0,5:0,3, т. е. доля потребления второго и каждого следующего взрослого члена домохозяйства равна 0,5, а доля потребления каждого ребенка – 0,3. Доход, разделенный на сумму удельных весов потребления в домохозяйстве, называют эквивалентным нетто-доходом. К числу бедных относят те домохозяйства, чей эквивалентный нетто-доход ниже 60% медианы эквивалентного нетто-дохода. Подробнее об измерении бедности см. например Tiit 2006.

С позиции индивидуума абсолютная бедность является существенно более серьезной проблемой по сравнению с относительной бедностью, поскольку у людей, живущих в абсолютной бедности, не хватает ресурсов, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум (см. таблицу 1). В то же время жизнь человека за чертой относительной бедности также существенно ограничивает его возможности выбора и участия в общественной жизни. Европа нацелена, скорее, на создание общества всеобщего благосостояния, чем общества, обеспечивающего лишь прожиточный минимум (Евростат 2005). Поэтому и в Эстонии, и в остальной Европе, накапливая и анализируя статистику, усилия концентрируют в основном на рассмотрении относительной бедности.

Третий параметр бедности, уходящий в сторону от параметра денежных сумм и рассматривающий условия проживания людей, – это депривация, или материальная обездоленность. Под депривацией, которая используется Евростатом, подразумеваются девять конкретных вещей (видов деятельности и т. п.), которые общество считает необходимыми для нормальной жизни, и при опросах членов домохозяйств всегда спрашивают, могут ли они позволить себе их. Если индикатор денежной бедности указывает, прежде всего, на наличие у человека определенных ресурсов и возможностей, то параметры депривации указывают на условия жизни человека независимо от размера его доходов. Многие исследования показали, что денежная бедность и депривация не всегда сопутствуют друг другу, например, бедные в денежном плане семьи могут не страдать от депривации, в то время как от нее могут страдать небогатые семьи (Russel и Whelan 2004). Таким образом, реальный быт и условия жизни людей напрямую не связаны с размером дохода домохозяйства, но в значительной мере они формируются теми решениями членов домохозяйств, которые связаны с выбором и различными расходами.

Различающееся поведение домохозяйств – одна из причин, усложняющих анализ бедности в гендерном аспекте. Поскольку бедность большей частью измеряется на уровне домохозяйства или семьи, то предполагается, что внутри домохозяйства распределение ресурсов происходит равномерно, и что все члены домохозяйства в равной мере страдают от бедности. В то же время неизвестно, какие решения внутри домохозяйства связаны с распределением ресурсов. Неизвестно, насколько и в какой мере действительно осуществляется совмес-

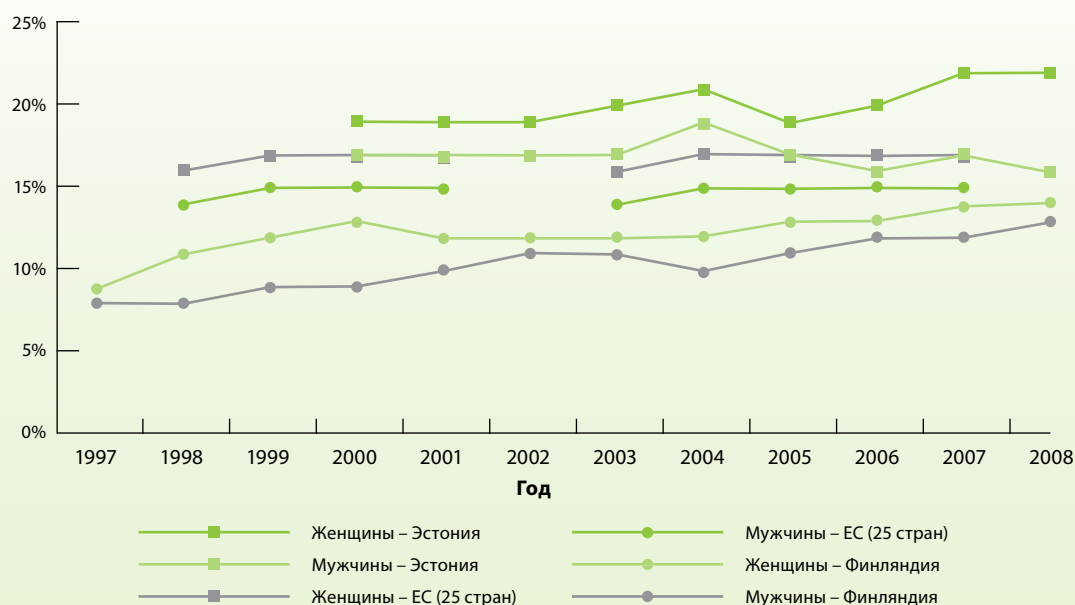
тное использование ресурсов, как распределяются доходы супругов или спутников жизни при оплате расходов – идет ли речь об общих деньгах, или в какой мере каждый в отдельности расходует именно те деньги, которые зарабатывает. Также неизвестно, в какой мере несет расходы женщина, ответственная за быт и воспитание детей, или как распределяются расходы в семьях, где работает только один взрослый. Например, для почти половины семей в Эстонии характерно, что решения о ежедневных покупках женщины и мужчины принимают совместно, но в 36% семей стороной, имеющей решающий голос, является в основном или всегда мужчина. Кроме того, почти у половины людей в связи с использованием денег возникают разногласия с супругом(-ой) или спутником(-ницей) жизни (Vainu 2009).

Таким образом, в связи с людьми, живущими в партнерских отношениях или в иных формах домохозяйства, возникает целый ряд нерешенных вопросов, касающихся использования и распределения общих ресурсов, что указывает на то, что обычные индикаторы бедности не могут дать точного представления о распространении в обществе бедности мужчин и женщин. Предположение о том, что ресурсы в домохозяйстве распределяются на равной основе, очевидно, не соответствует действительности. Например, проведенное в Англии исследование показало, что женщины, проживающие в партнерских отношениях с мужчинами, тратят по сравнению с ними больше денег на еду, услуги по присмотру за ребенком, образование и детскую одежду (Pahl 2000).

Поскольку зарплаты женщин в среднем меньше, чем у мужчин, и они менее активны на рынке труда (см. также главу 20 о рынке труда), то и личных денег на расходы у них, соответственно, меньше. Личный доход придает больше свободы при принятии решений и независимости от других людей, что для женщин с детьми может быть очень важным фактором, например, в случаях семейного насилия, развода и в других негативных обстоятельствах, когда необходимо позаботиться о собственном жилье и обеспечить содержание ребенка. 45% замужних женщин и 54% женщин с детьми в Эстонии считают, что они зависят материально от кого-то из членов своей семьи, главным образом от супруга (Vainu 2009).

Принимая во внимание то, что бедность – явление многоплановое, при измерении которого (особенно на уровне индивидуума) возникает немало методологических трудностей, следующий раздел

Рисунок 1. Уровень относительной бедности по гендерному признаку в Эстонии, Европейском Союзе (25 стран) и Финляндии (1997–2008 гг., в %)

Источник: Евростат

будет посвящен обзору бедности мужчин и женщин в Эстонии на основе имеющейся статистики. Далее будут рассмотрены причины различия бедности мужчин и женщин и механизмов обеднения. Наибольшее внимание будет уделено материальной бедности, с упором на относительную бедность, и в пределах возможного будут рассмотрены также абсолютная бедность и обездоленность.

Бедность мужчин и женщин в Эстонии

В Эстонии показатели бедности исчисляются регулярно в течение уже более десяти лет. Со временем уровень абсолютной бедности существенно понизился, но уровень относительной бедности в целом остается стабильным, хотя и немного вырос. Исследования, проведенные в середине 90-х годов прошлого века, не показали гендерного различия в степени абсолютной бедности. К примеру, в 1997 году за чертой абсолютной бедности жили 37,2% мужчин и 37,9% женщин (Kutsar и др. 1999). К 2004 году уровень абсолютной бедности опустился до 17%, а к 2008 году – до 8%, но каким было при этом

гендерное различие – неизвестно. В обстановке экономического спада, когда существенно возрастает безработица и сокращаются зарплаты, можно предположить и заметный рост абсолютной бедности. По состоянию на III квартал 2009 года безработица составляла уже 14,6% (Департамент статистики). В 2000 году, когда безработица была также высока, показатель абсолютной бедности составлял 26%.²

Уровень относительной бедности в Эстонии 2000–2007 годов стабильно держался в пределах 18–19%. В течение всего периода доля женщин, живущих за чертой относительной бедности, превышала долю мужчин. При этом бедность женщин имела тенденцию роста. Если в 2000 году за чертой относительной бедности жили 19% женщин, то в 2008 году – уже 22%. Это на 5% превышает средний показатель по Европейскому Союзу (25 стран) (см. рисунок 1). За то же время бедность мужчин снизилась с 17 до 16%, что близко к среднему показателю по Европейскому Союзу. По данным Евростата, в 2007 году в среднем 15% мужчин и 17% женщин

² Хотя данные 2000 года дают основание для спекуляций на тему роста абсолютной бедности, в 2009 и 2010 годах она может и не подняться до высокого уровня, поскольку благодаря изменениям в системе социальных пособий (прежде всего в системе страхования от безработицы) помощь теперь получает большее число людей.

Таблица 1. Черта относительной и абсолютной бедности, минимальная зарплата, средняя зарплата мужчин и женщин (2000–2008 гг., в кронах)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Прожиточный минимум, т. е. черта абсолютной бедности*					1836	1938	2081	2341	
Черта относительной бедности	1490	1575	1731	1936	2332	2846	3479	4340	
Черта относительной бедности, если в домохозяйстве 2 взрослых и 2 ребенка	3129	3308	3634	4066	4897	5977	7306	9113	
Минимальная зарплата				2160	2480	2690	3000	3600	4350
Средний доход мужчин**				7361	8001	9122	10685	12977	14671
Средний доход женщин**				5459	5962	6690	7648	9229	10742

Источник: Департамент статистики

Примечания:

* До 2004 года черту абсолютной бедности рассчитывали по другой методике.

** Облагаемое социальным налогом денежное вознаграждение за труд наемного работника, служащего; стипендия, пособие и пенсия, выплачиваемые при трудовых или служебных отношениях; вознаграждение, выплачиваемое на основании закона или другого правового акта за трудовую деятельность; вознаграждение, выплачиваемое после прекращения трудовых или служебных отношений.

Европейского Союза жили за чертой относительной бедности. Показатель бедности варьируется от страны к стране, но показатели бедности женщин почти везде выше показателей бедности мужчин. В Финляндии, например, в 2008 году за чертой бедности жили 12% мужчин и 14% женщин. (Евростат). Таким образом, уровень относительной бедности среди мужчин Эстонии соответствует среднему уровню бедности мужчин по Европейскому Союзу, но бедность женщин существенно выше средней европейской бедности женщин. В 2008 году лишь в Латвии уровень бедности женщин (28%) был выше соответствующего показателя по Эстонии.

Какие домохозяйства считаются в Эстонии бедными? В 2007 году черта абсолютной бедности

была установлена на доходе в 2341 крону на первого взрослого члена домохозяйства. Живущими в относительной бедности считались те, у кого доход домохозяйства составлял 4339 крон в месяц на первого взрослого члена семьи (таблица 1). Чтобы домохозяйство оставалось выше черты относительной бедности, в нем, по расчетам, на прочих взрослых должна была приходиться минимум половина этой суммы, а на каждого ребенка – одна треть. Таким образом, домохозяйство с двумя детьми и двумя взрослыми считалось живущим в относительной бедности, если его месячный доход был менее 9113 крон. Черту относительной бедности поднял стремительный рост зарплат – ведь еще годом ранее она была на уровне 7306 крон (Департамент ста-

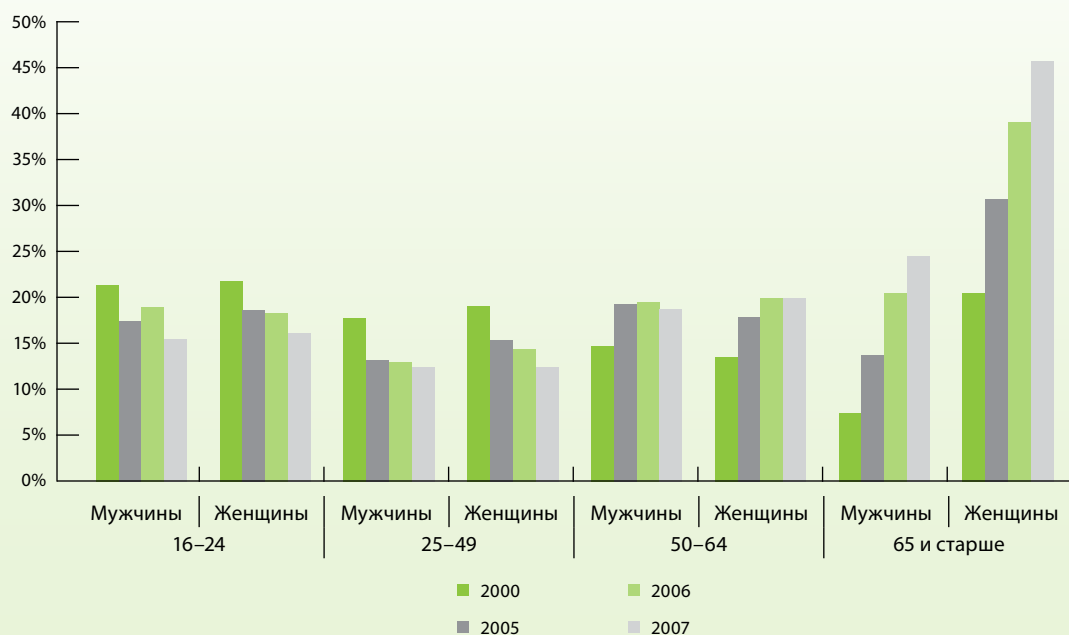
Таблица 2. Индекс глубины относительной бедности (2000–2007 гг., в %)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Мужчины	26,7	27,6	27,6	24,4	28,6	26,5	24,2	23,8
Женщины	23,2	21,7	21,9	22,5	20,8	20,1	18,5	19,3

Источник: Департамент статистики.

Примечание: Индекс глубины бедности показывает, насколько ниже относительно черты бедности расположен медианный доход лиц, живущих в бедности. При сравнении данных 2000–2003 гг. с более поздними данными следует учитывать, что в 2004 году источник данных изменился.

Рисунок 2. Степень относительной бедности по гендерным и возрастным группам (2000 г.; 2005–2007 гг., в %)

Источник: Департамент статистики

тистики). Иными словами, уровень относительной бедности существенно зависит от общего распределения и неравенства зарплат, а общий рост зарплат поднимает черту бедности.

Изменения размера минимальной зарплаты в свою очередь влияют на уровень бедности. В Эстонии размер минимальной заработной платы ежегодно устанавливается по итогам переговоров между социальными партнерами, т. е. между профсоюзами и работодателями. Чем синхроннее уровень минимальной заработной платы движется с ростом зарплат, тем меньше неравенство в оплате труда и меньше людей, живущих в бедности.

Таблица 1 демонстрирует размеры установленной государством минимальной зарплаты и размеры средних зарплат мужчин и женщин за последние годы и позволяет лучше оценить размеры бедности. Видно, что с 2005 года минимальной зарплаты не хватало даже на то, чтобы обеспечить достаточный доход домохозяйству, состоящему из одного человека – минимальная зарплата оставалась ниже черты относительной бедности. Однако минимальной зарплаты хватало на то, чтобы помочь

семье выбраться из абсолютной бедности. В 2001 году социальные партнеры договорились к 2008 году поднять минимальную зарплату до уровня в 41% от средней зарплаты, но в 2008 году она составила лишь 34% (Karu и Nurmela 2008). Минимальная зарплата и ее размер имеют потенциал влияния на гендерную дифференциацию бедности и бедность женщин, поскольку женщины чаще мужчин работают на низкооплачиваемых местах. По данным Департамента статистики, в 2007 году минимальную зарплату получали 3,5% мужчин и 5,9% женщин. В 2003 году минимальную зарплату получали 7,3% женщин и 5,5% мужчин (Министерство социальных дел, 2008). Средний доход женщин был также значительно ниже среднего дохода мужчин (таблица 1).

Однако, несмотря на то, что уровень относительной бедности женщин выше бедности мужчин, живущие в бедности мужчины беднее женщин. То, насколько бедны бедные, характеризует индекс глубины относительной бедности, он показывает, насколько доходы людей, живущих в бедности, отличаются от черты бедности. Таблица 2 демонстрирует, как с течением времени менялась ситуация,

Таблица 3. Средняя пенсия по старости в кронах и в соотношении с уровнем бедности и прожиточным минимумом (2003–2008 гг., в %)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Средняя пенсия по старости*	1985	2244	2558	3027	3541	4356
В соотношении с уровнем относительной бедности	102,5%	96,2%	89,9%	87%	81,6%	
В соотношении с прожиточным минимумом		122%	132%	145,5%	151,2%	

Источник: *Департамент статистики, расчеты автора

Таблица 4. Относительная бедность по типам домохозяйств (2000 и 2007 гг., в %)

	2000	2007
Домохозяйство без детей	16,6	24,6
Домохозяйство с одним человеком	30,1	52,1
...одиноким мужчиной	31,7	42,1
...одинокой женщиной	29,3	57,6
Одинокий человек младше 65 лет	29,4	30,8
Одинокий человек 65 лет или старше	31	79,5
Пара в возрасте до 65 лет без детей	11,8	10
Пара без детей, в которой минимум один партнер старше 64 лет	9	14,5
Другое домохозяйство без детей	13,5	9,3
Домохозяйство с детьми	19,5	15,1
Взрослый и ребенок (дети)	37,2	39,7
Пара с одним ребенком	13	10,5
Пара с двумя детьми	16,4	10,6
Пара минимум с тремя детьми	22,9	21,5
Другое домохозяйство с детьми	19,3	8,8

Источник: Департамент статистики

тем не менее доходы мужчин, живущих в бедности, по состоянию на 2007 год оставались ниже черты бедности приблизительно на одну четверть. Доходы женщин, живущих в бедности, в среднем на 19% ниже черты относительной бедности. То есть риск бедности у женщин выше, чем у мужчин, но доходы женщин, живущих в относительной бедности, в среднем несколько выше доходов бедных мужчин.

Приведенные выше данные указывают на то, что положение и качество жизни людей, живущих в бедности, могут существенно варьироваться в зави-

симости от глубины бедности и других обстоятельств, например: от качества их жилья или продолжительности жизни в состоянии бедности. Положение тех, кто живут в бедности непродолжительное время, например, по причине кратковременной безработицы, явно лучше, чем у тех, кто живет в бедности длительное время и не имеет возможности хорошо питаться, приобретать товары длительного пользования или ремонтировать и обставлять жилье.

Поэтому при описании бедности важно рассмотреть и то, как денежный дефицит отражается на будничной жизни людей. Тут используется показатель обездоленности, т. е. показатель депривации. По данным Евростата, в 2007 году в Эстонии показатель уровня обездоленности и у мужчин, и у женщин равнялся 41% (средний по ЕС – 40%). Это значит, что 41% людей не могли себе позволить трех или более вещей/действий из следующего перечня: раз в год недельный отпуск вне дома; через день употреблять в пищу мясо, курицу или рыбу; поддерживать достаточное тепло в жилом помещении; оплачивать коммунальные услуги; покрывать неожиданные расходы; позволить себе (при желании) покупку стиральной машины, цветного телевизора, телефона, личного автомобиля.

Какие мужчины и женщины – бедные?

.....

Из сказанного выше следует, что относительная бедность мужчин и женщин, а также глубина бедности различаются. Чтобы выявить скрытые причины различия, полезно рассмотреть более детально, кто же эти бедные мужчины и женщины. Обще-принято считать, что гендерная дифференциация

Таблица 5. Обездоленность и проблемы с жильем, % жителей, лишенных одной или более вещей/возможностей по типам домохозяйств (2008 г., %)

	Экономическая стесненность	Товары длительного пользования	Жилье
Все домохозяйства	50	21	28
Родители-одиночки	63	42	31
Одинокaя женщина	61	31	34
Одинокoй мужчина	55	31	45
Одинокa старше 65 лет	74	31	43

Источник: Евростат

Примечание: **Экономическая стесненность:** человек не может позволить себе одну или более из следующих вещей/возможностей: 1) раз в год недельный отпуск вне дома; 2) употреблять через день мясо, курицу или рыбу; 3) поддерживать достаточное тепло в жилом помещении; 4) оплачивать коммунальные счета; 5) покрывать неожиданные расходы. **Товары длительного пользования:** домохозяйство может себе позволить (по желанию): 6) стиральную машину, 7) цветной телевизор, 8) телефон, 9) автомобиль. **Жилье:** 1) протекает крыша; отсыревшие стены, пол или фундамент; 2) нет достаточного освещения; 3) нет ванны или душа; 4) нет туалета.

Таблица 6. Уровень относительной бедности в соотношении с образованием и полом среди 16-летних и старше, (2003 г., в %)

	Мужчины	Женщины	Всего
I уровень или ниже	23,9	28,8	26,6
II уровень	17,0	19,7	18,4
III уровень	8,4	13,2	11,5

Источник: «Доход и условия жизни»,
Департамент статистики.

бедности существует, прежде всего, потому что одинокие матери и незамужние женщины беднее, чем отцы-одиночки и холостяки (Christopher и др. 2002, Christopher и др. 2001). Действительно, среди женщин две основные группы риска составляют пожилые и матери-одиночки. При том, что пожилые

мужчины и отцы-одиночки явно подвергнуты большому риску бедности, чем остальные мужчины, все же большую часть среди пожилых и родителей-одиночек составляют женщины.

То, что риск бедности у пожилых женщин, а также у пожилых мужчин, существенно выше, чем у молодых женщин и мужчин, иллюстрирует рисунок 2. В уровне относительной бедности мужчин и женщин Эстонии заметного различия не отмечается до возраста 65 лет. С этого возраста бедность женщин возрастает скачкообразно. В 2007 году в бедности жили 46% женщин старше 65 лет, и лишь 24% мужчин того же возраста. По сравнению с 2000 годом уровень бедности пожилых людей существенно вырос по сравнению с остальными возрастными группами – тогда самая высокая бедность отмечалась среди молодых мужчин и женщин в возрасте 16–24 лет.

Очевидно, что такие изменения обусловлены ситуацией в экономике и на рынке труда, а также государственными мерами и пенсиями, прежде всего, их размером по сравнению со средней зарплатой. Поскольку основным источником дохода для пожилых людей служит пенсия, то за резким ростом относительной бедности пожилых стоит то обстоятельство, что рост зарплат, поднявший уровень относительной бедности, оказался быстрее роста средней пенсии. Если в 2003 году пенсия в среднем равнялась 102% от уровня относительной бедности, то к 2007 году она составляла лишь 81,6%. В то же время средняя пенсия росла заметно быстрее, чем прожиточный минимум (см. таблицу 3). Доля пенсии от средней зарплаты в 2000–2006 годах составляла около 36–40% (Тенденции развития социальной сферы в 2000–2006 гг.).

В ситуации экономического спада, когда зарплаты сокращаются, а пенсии увеличиваются или остаются на прежнем уровне, можно ожидать понижения уровня относительной бедности среди пожилых людей и роста уровня относительной бедности среди молодых возрастных групп.

Значительная часть женщин старше 65 лет живут в одиночестве из-за меньшей продолжительности жизни мужчин. При расчете относительной бедности учитывается, что в домохозяйстве с двумя взрослыми на оплату жилья и других постоянных затрат на каждого человека приходится меньше расходов, чем в домохозяйстве с одним взрослым. Таким образом, одиночество – существенный риск бедности и для мужчин, и для женщин. Действи-

Таблица 7. Относительная бедность по статусам на рынке труда, (2000–2007 гг., в %)

	Мужчины			Женщины		
	2000	2004	2007	2000	2004	2007
Работающий(-ая)	8,6	6,9	6	10,5	8,1	8,6
Неработающий(-ая)	26,8	29,4	35,7	25,9	29,9	39,4
...безработный(-ая)	49	61,4	61,6	50	57,5	57
...пенсионер(-ка) по старости	14,3	10,8	30,6	20	28	48,6
... иной неактивный	27,3	31,6	34,4	28,3	27,6	25,8

Источник: Департамент статистики

Примечание: Процент отражает долю лиц, чей эквивалентный нетто-доход ниже черты относительной бедности.
(В 2004 году изменился источник данных, поэтому данные показатели не совсем сопоставимы с данными более ранних лет.)

тельно, около 80% одиноких людей старше 65 лет живут в относительной бедности, этот показатель заметно выше показателя 2000 года (31%) (см. таблицу 4). В Эстонии около 75 тысяч одиноких женщин старше 65 лет, в то время как число одиноких мужчин в этом возрасте всего около 18 тысяч, что соответственно составляет 10% всех женщин и 3% всех мужчин Эстонии. Такая разница между одинокими пожилыми женщинами и мужчинами обуславливает существенное различие показателей гендерной бедности.

При анализе гендерной дифференциации бедности также используется понятие домохозяйства, и сравниваются между собой уровни бедности домохозяйств с главой женского пола и домохозяйств с главой мужского пола. Главой домохозяйства считается человек с наибольшим доходом. Тийт (Tiit 2006), опираясь на данные 2005 года, показала, что между возрастом и полом главы домохозяйства существует важная взаимосвязь. Она считает, что риску бедности подвержены прежде всего те домохозяйства, главой которых являются женщины в возрасте 20–39 лет.

По-видимому, это указывает на домохозяйства родителей-одиночек. Около 40% домохозяйств, в которых только один взрослый и ребенок или несколько детей, живут в относительной бедности (см. таблицу 6). С течением времени бедность родителей-одиночек выросла, в 1999 году 28,4% из них жили в относительной бедности (Trumm 2005). Общий уровень относительной бедности семей с

детьми составляет 15,1%, у семей с небольшим числом детей (от одного до двух) – около 11%. В Эстонии домохозяйства с родителем-одиночкой составляют существенную часть всех семей с детьми. В 2007 году в Эстонии насчитывалось 24 000 домохозяйств с одним родителем, что составило 15% от всех семей с детьми. Только 7% из них были семьи с отцами-одиночками (Sinisaar и Tammpuu 2009).

Семьи с родителями-одиночками – одно из самых наглядных проявлений гендерной дифференциации бедности. И дело не только в том, что в такой семье один взрослый кормилец – тогда бы уровень бедности отцов-одиночек и матерей-одиночек был бы сходным. На примере США можно утверждать, что большая часть детей, живущих за чертой бедности – это дети матерей-одиночек (Thibos и др. 2007). К сожалению, неизвестно, каково в Эстонии положение отцов-одиночек по сравнению с матерями-одиночками.

При рассмотрении уровня обездоленности различных домохозяйств, на первый план опять же выступают родители-одиночки и одинокие пожилые люди. Таблица 5 демонстрирует три параметра обездоленности – экономическая стесненность, недоступность товаров длительного пользования и состояние жилья. Экономическая стесненность, т. е. положение, при котором домохозяйство не может позволить себе даже раз в год провести отпуск вне дома, раз в неделю есть мясо, курицу или рыбу, поддерживать достаточное тепло в жилом помещении, оплачивать коммунальные услуги, покрывать нежиз-

данные расходы, особенно характерна для одиноко живущих людей старше 65 лет, родителей-одиночек, а также одиноких женщин. Особенно велика доля тех, кто не может позволить себе недельного отпуска вне дома – 44% всех домохозяйств, 56% родителей-одиночек и 71% пожилых людей. Мясо, курицу или рыбу не могут позволить себе как минимум раз в неделю 5% людей, 9% родителей-одиночек и 11% людей старше 65 лет.

Больше всего трудностей с приобретением товаров длительного пользования у родителей-одиночек, чаще всего они не могут позволить себе покупку автомобиля (41%) и компьютера (15%). У тех, кто живут в относительной бедности, экономическая стесненность больше. Например, 19% родителей-одиночек, живущих в бедности, не могут позволить себе через день есть мясо, курицу или рыбу, а 59% не могут купить автомобиль (Евростат). Если жить без автомобиля можно, то здоровое и достаточ-

ное питание крайне важно с точки зрения здоровья человека и развития детей.

Больше всего проблем с жильем у одиноких мужчин – в 2008 году 45% из них имели проблемы: с протекающей крышей, стенами или полом (26%), освещением (9%), отсутствием ванны или душа (29%), туалета (22%). Крайним проявлением жилищных проблем является бездомность. Хотя о количестве бездомных точных данных нет, в общем известно, что бездомность чаще угрожает мужчинам, чем женщинам. Известно, что в приютах для бездомных в основном пребывают мужчины. В 2003–2008 гг. в Эстонии в среднем 80–83% клиентов приютов составляли мужчины.³ Таким образом, несмотря на то, что в целом уровень женской бедности выше мужской, мужчины чаще становятся бездомными или живут в нищете. К сожалению, нет информации

3 Министерство социальных дел: <http://www.sm.ee/meie/statistika/sotsiaalvaldkond/sotsiaalhoolekanne/kodutute-oomaja-teenus.html>

Женщины, мужчины и пенсия

Лаури Леппик

В Эстонии благосостояние пожилых людей зависит главным образом от государственной пенсии. Для людей в возрасте от 65 лет и старше государственная пенсия является основным источником дохода. По данным Департамента статистики, в 2007 году пенсия составляла 89% от всех доходов женщин 65 лет и старше, а заработная плата – 9%. У мужчин той же возрастной группы пенсия составляла в среднем 76% и заработная плата – 22% от всех доходов.

Различия между средним размером пенсий по старости мужчин и женщин пока невелики. По данным Государственного регистра пенсионного страхования, в начале 2007 года средняя пенсия по старости, назначенная мужчинам, была лишь на 75 крон больше средней пенсии по старости у женщин. Гендерный разрыв составляет 2,4% (Sotsiaalministeerium, 2008). Если гендерная дифференциация зарплат в Эстонии самая значительная по Европе, то гендерная дифференциация пенсий – одна из самых малых. Относительно небольшое гендерное различие в размере пенсий объясняется высоким уровнем трудовой занятости женщин, а также зачислением в их трудовой стаж тех лет до 1998 года, когда женщины не работали, воспитывая детей до трехлетнего возраста. Кроме того, один из родителей имеет право на два года дополнитель-

ного стажа на каждого ребенка, которого он воспитывал до конца 1998 года минимум в течение восьми лет. На практике этим правом пользуются преимущественно матери, так как пенсионного возраста они достигают раньше мужчин, а значит, могут раньше воспользоваться этой льготой. Следует учесть и то, что формула начисления пенсии позволяет перераспределять доход. В 2009 году базовая часть пенсии (не зависящая от стажа и размера заработной платы) составляла 38% от пенсии по старости.

Надо иметь в виду и то, что с 1999 года существенно изменились основы пенсионного права. Они коснулись всех тех, кто начали или начнут получать пенсию после 1999 года. Очевидно, что за счет страховой части государственной пенсии, исчисляемой на основании сумм уплаченного социального налога, будет постепенно расти разница в размерах мужской и женской пенсий. Причиной тому будет явный разрыв в зарплатах мужчин и женщин (в 2007 году, по данным Евростата, он составлял 30,3% (Sotsiaalministeerium 2009)), а также то обстоятельство, что с 1999 года периоды ухода за малолетними детьми идут в пенсионный зачет по существенно меньшей ценности, чем было ранее. Если до 1999 года один год ухода за малолетним ребенком шел в пенсионный зачет родителя как год, в который он получал бы среднюю зарплату, то с 1999 года расчеты изменились. Теперь в период ухода за ребенком государство платит за родителя социальный налог, исчисляя его со среднемесячной ставки заработной платы, которая в 1999–2006 годах составляла менее половины минимальной заработной платы и лишь в 2008 году достигла

об уровне бедности и обездоленности таких специфических мужских групп риска, как лица, освободившиеся из мест заключения или наркозависимые.

Помимо типа семьи существует, очевидно, и ряд иных факторов, приводящих к бедности. Наиболее важным из них является образование – чем выше образование, тем меньше риск бедности. Высшее образование называют фактором профилактики бедности (Tiit 2006). Это касается и мужчин, и женщин. Однако на всех уровнях образования бедность женщин остается все-таки выше бедности мужчин. В 2003 году из женщин с высшим образованием 13,2% жили в бедности.

Как видим, низкий уровень образования является фактором, существенно повышающим риск бедности как среди мужчин, так и среди женщин. Прерванное обучение в Эстонии – проблема, прежде всего, молодых мужчин. В 2008 году около одной пятой мужчин 18–24 лет имели основное или

более низкое образование⁴ и при этом обучение не продолжали. Среди девушек того же возраста с более низким образованием не продолжали обучение 8,7% (Департамент статистики). Большинство этих молодых людей, вероятно, не повысят уровень своего образования и в будущем, поэтому им труднее будет найти работу, иметь хороший заработок, они больше подвержены риску бедности. Из всех трудовых ресурсов Эстонии в 2008 году 14% мужчин и 8% женщин имели самый низкий уровень образования. Высшее образование в Эстонии имеют 42% женщин и 26% мужчин. Таким образом, связанные с образованием риски бедности являются прежде всего проблемой мужчин и в первую очередь тех, кто прервал обучение на раннем этапе.

⁴ Образование первого уровня или ниже (в т. ч. молодежь без начального образования, с начальным, с основным или профессионально-техническим образованием).

уровня минимальной заработной платы. Если разница между зарплатами мужчин и женщин не уменьшится и не изменятся принципы расчета пенсии, то к 2050 году разница в размере мужской и женской пенсий превысит 15% (расчеты автора).

С 2002 года к государственной пенсионной системе добавилась система обязательной накопительной пенсии. Размер накопительной пенсии зависит от длительности периода накопления (на что, в свою очередь, влияют срок присоединения к системе и трудовая занятость), размера заработной платы и нетто-эффективности пенсионного фонда. Ясно, что различия в трудовой занятости и размерах зарплат мужчин и женщин приведут к различиям в размерах накопительных пенсий. Пробелы в периоде накопления пенсии из-за отпуска по уходу за детьми отчасти компенсируют введенные с 2004 года дополнительные государственные взносы в период выплаты родительского пособия (1% от суммы родительского пособия), но они составляют всего лишь 1/6 от предшествующих взносов родителя. Следует также учесть, что по Закону о накопительных пенсиях, страхователь при заключении пенсионных договоров обязан учитывать для мужчин и женщин одного возраста показатели предполагаемой для них продолжительности жизни, а в случае с пенсионным фондом одинаковую для мужчин и женщин расчетную продолжительность выплат. Учитывая, что в 2008 году ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в возрасте 65 лет реально различалась более чем на 5 лет, использование унифицированных показателей

смертности при расчете накопительной пенсии приведет к ее существенному гендерному перераспределению. Более короткая продолжительность жизни мужчин, особенно их смертность до достижения пенсионного возраста, означает, что женщины чаще будут наследовать паи накопительной пенсии своих супругов. ●

Использованные источники

-
- Sotsiaalministeerium (2008). Sotsiaalvaldkonna arengud 2000–2006: Trendide kogumik.
- Sotsiaalministeeriumi Toimetised nr 2/2008.
- Sotsiaalministeerium (2009). Tervis, töö- ja sotsiaalelu 2000–2008. Tallinn.

Лаури Леппик, PhD, профессор социальной политики Таллиннского университета. Основная тема его исследований – социальное страхование, в т. ч. пенсии. Лаури Леппик – член Европейского комитета по социальным правам, Европейского института социального страхования, научного совета по социальной статистике Департамента статистики.

Лучшее средство против бедности – работа, но не всегда

Работа – лучшая страховка от бедности и для мужчин, и для женщин. В 2007 году из безработных мужчин в относительной бедности жили 61,6%, а из женщин – 57%. Среди работающих мужчин в бедности жили только 7%, среди работающих женщин – 8,6%.

Таким образом, бедных женщин несколько больше среди работающих, а бедных мужчин – среди безработных.

Возможным объяснением, почему безработица больше сказывается на мужчинах, может быть то обстоятельство, что рядом с женщиной, когда она лишилась работы, вероятней всего остается работающий спутник жизни, чей заработок позволяет содержать всю семью, с одной стороны – благодаря большей занятости среди мужчин, а с другой – благодаря более высокому уровню мужских зарплат. В то время как у мужчины, оставшегося без работы, скорее всего не будет рядом работающей или достаточно хорошо зарабатывающей спутницы. Пассивность на рынке труда также увеличивает риск бедности, но этот риск все же меньше, чем у безработных. Частично это обусловлено добровольным характером явления «неактивности» на рынке труда, она наблюдается лишь тогда, когда экономическое положение семьи позволяет не быть активным, например, когда женщина решает стать домохозяйкой.

Хотя работа – лучший способ обеспечить человеку его существование, она не всем помогает выбраться из бедности. В 2008 году 6% мужчин и около 9% женщин были т. н. работающими бедными (англ. *working poor*), чьи домохозяйства жили за чертой относительной бедности, несмотря на то, что люди работали. Если в Эстонии проблема работающих бедных больше касается женщин, то в Европейском Союзе в среднем – больше мужчин. В 2007 году в Европейском Союзе в среднем 9% работающих мужчин и 7% работающих женщин жили за 60-процентной чертой относительной бедности. Хотя уровень бедности работающих женщин ненамного выше уровня бедности работающих мужчин, их позиция на рынке труда хуже позиции мужчин (см. главу 20 о рынке труда). Для рынка труда Эстонии характерна сильная гендерная сегрегация, кроме того, Эстония является страной с самой значительной гендерной дифференциацией по зарплате

в Европе. На низкооплачиваемых рабочих местах трудятся преимущественно женщины, это подтверждают и данные о численности женщин, получающих минимальную зарплату. Кроме того, по данным Департамента статистики, в 2007 году 22,6% женщин относились к низшему квинтилю по доходам (мужчин – 16,9%). Низкую зарплату, т. е. менее 60% от средней зарплаты, в 2007 году получали 21% женщин и только 5,8% мужчин (Karu и Nurmela 2009).

Поскольку личные доходы женщин зачастую ниже мужских, то это ставит под угрозу их независимость и самостоятельное выживание. Те женщины, которые состоят в браке или партнерских отношениях с супругом или спутником жизни, являющимся главным или единственным кормильцем, находятся всего лишь в шаге от бедности. При разводе или смерти супруга/спутника жизни они не всегда способны обеспечить себе и детям достаточный доход (Thibos и др. 2007). Это видно и по родителям-одиночкам, в Эстонии в 2008 году 28% из них жили в относительной бедности, при том что работали (средний показатель по ЕС – 20%, Евростат). Таким образом, семьям с родителями-одиночками работа не помогает выйти из бедности. К сожалению, неизвестно, на каких рабочих местах и с какой рабочей нагрузкой трудятся родители-одиночки. Поскольку такие родители, помимо роли кормильца, выполняют также домашние и воспитательные обязанности, можно полагать, что их выбор в части места работы и карьеры ограничен.

То, что бедность работающих людей относительно ниже в сравнении с теми, кто не работает, будет верно и для безработных, пенсионеров по старости, и других неактивных на рынке труда. Ситуация, когда у человека нет работы, и он не ищет ее, представляет существенно более высокий риск бедности для мужчин, нежели для женщин (34% неактивных мужчин и 26% неактивных женщин живут в относительной бедности). Однако среди женщин неактивных существенно больше, чем среди мужчин. В 2008 году в Эстонии 11 тысяч женщин не работали из-за необходимости ухода за детьми или другими членами семьи, 28 тысяч женщин находились в отпуске по уходу за ребенком, 23 тысячи не работали по болезни или из-за травмы, около 5000 отчаялись найти работу или были пассивны по иным причинам. Всего неактивных женщин насчитывалось 66 тысяч. По сходным причинам неактивными были 38 тысяч мужчин. Для улучшения трудовой занятости женщин

важными являются возможности и меры, способствующие совмещению работы и семейной жизни.

Одним из существенных способов содействия выходу женщин на рынок труда без ущерба для семейной жизни считается неполная занятость (неполный рабочий день). Но неполная занятость подразумевает и более низкую зарплату. По данным Евростата, в Эстонии уровень бедности среди работников с неполной занятостью в 2007 году составил 16% (средний по ЕС – 12%), в то же время среди работников с полной занятостью он был 7%. В 2008 году в Эстонии с неполной занятостью работали 8,7% женщин и 2,8% мужчин (Департамент статистики). Эти цифры снова подтверждают тот факт, что работа действительно является лучшим средством против бедности, но не всякая работа помогает людям выйти из положения бедных.

Бедность и социальная политика

.....

Борьба с бедностью и обеспечение выживания людей – одна из наиболее важных целей социальной политики. Самостоятельное выживание людей и социальную вовлеченность поддерживают различные виды государственной политики, начиная с системы образования, рынка труда, а также мер, способствующих совмещению работы и семейной жизни – все это расширяет возможности людей успешно действовать на рынке труда. Однако в обществе есть и слабые члены, которые не в состоянии самостоятельно обеспечивать себя или чье выживание затруднено в силу определенных событий. С одной стороны, социальная политика расширяет возможности равенства в обществе, содействует самостоятельному выживанию слабейших членов, обеспечивая необходимыми для этого умениями, знаниями, условиями. С другой стороны, в связи с различными рисками она предусматривает денежную помощь тем, кто в ней нуждается.

Денежные пособия – прямой способ улучшить обеспеченность людей. Если бы в Эстонии не было социальных пособий и пенсий, и все люди существовали исключительно на заработную плату, то в 2007 году 39,4% женщин и 32,6% мужчин жили бы в относительной бедности (Департамент статистики). Благодаря социальным пособиям в относительной бедности живут 22% женщин и 16,5% мужчин. Иными словами, социальные пособия снижают уро-

вень бедности мужчин на 16,1%, а бедности женщин – на 17,4%.

Одно из наиболее важных направлений социальных усилий, снижающее уровень бедности, – пенсионное обеспечение. Поскольку у большинства людей пенсионного возраста нет иных доходов, то без пенсии могли бы выжить очень немногие, а 81,7% мужчин и 85% женщин старше 65 лет оказались бы за чертой относительной бедности. Без поддержки государства уровень бедности среди лиц трудоспособного возраста был бы ниже, в 2007 году 24,6% мужчин и 26,9% трудоспособных женщин жили в домохозяйствах, где личные доходы, без социальных пособий, были недостаточными для выживания. Процент самостоятельного выживания трудоспособных людей в последние годы вырос – в 2004 году без пособий в относительной бедности жили бы 28,3% мужчин и 30,1% женщин (Департамент статистики). Для людей экономически активного возраста предусмотрены самые разные пособия: семейные (семьям с детьми), детские (для родителей-одиночек), есть страхование от безработицы, пособия для людей с ограниченными возможностями здоровья и т. п. Важны и такие услуги, которые, не увеличивая напрямую доходы, сокращают расходы. Это субсидированные услуги по присмотру за детьми, субсидированный транспорт, школьное питание, уход за пожилыми и т. п.

Для социальных пособий важно найти баланс, при котором помощь обедневшим или рискующим оказаться в бедности людям не снижала мотивации искать работу, работать и обеспечивать себя самостоятельно. Другими словами, следует избегать ситуаций, когда из-за государственной системы пособий людям окажется выгодней не работать или работать с меньшей нагрузкой и за минимальную зарплату. Анализ показывает, что система пособий в Эстонии редко создает такие ситуации. Например, в 2004 году лишь 1–2% людей были в ситуации, когда в семье с двумя детьми и двумя взрослыми одному из взрослых не было смысла идти работать за минимальную зарплату, когда второй неактивен, иначе домохозяйство потеряло бы право на пособия, но доход его при этом не увеличился (Võrk и Paulus 2006).

Обеспечение самостоятельности выживания при профилактике бедности особенно важно в контексте феминизации бедности. Большая экономическая независимость женщин и равенство возможностей на рынке труда содействовали бы лучшей обеспеченности не только одиноких пожилых

женщин, матерей-одиночек, но и остальных женщин. Одним из главных факторов, ослабляющих позицию женщин на рынке труда, являются их обязанности по воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства. Из-за этого, как и прежде, женщины вынуждены прерывать карьеру, отказываться от возможностей карьерного продвижения, соглашаться на низкую зарплату, а в итоге получать меньшую пенсию. Таким образом, все меры, направленные на расширение равных возможностей, важны также с точки зрения выживания и преодоления бедности среди женщин.

Социальная политика способна также улучшить ситуацию с начислением различных пособий и страховых возмещений, например, через учет того времени, которое женщины, отсутствуя на работе, затратили на уход за детьми. Например, важно, чтобы пенсионная система зачисляла в трудовой стаж период, когда родитель находится в отпуске по уходу за ребенком. Это стало бы дополнительным вкладом в будущую пенсию. Законы не должны создавать ситуаций, когда женщины, находившиеся в отпуске по уходу за ребенком, по возвращении на работу лишаются права на компенсацию по болезни, так как в предыдущие месяцы не имели зарплаты.

Если в отношении женщин, как правило, речь идет о тех аспектах социальной системы, которые обуславливают женское неравенство, то в отношении мужчин, в основном речь идет о выпадении из системы социальной защиты, отчасти обусловленном поведением самих мужчин. Они не регистрируются как безработные, не ходатайствуют о прожиточном пособии, берутся за случайные работы, не охваченные социальной защитой, или же становятся бездомными после разрыва семейных отношений (Kutsar и др. 1999).

В связи с родителями-одиночками, помимо государственной поддержки, не менее важна и поддержка со стороны второго родителя. Конечно, государство может помочь одному родителю, востребовав с другого (чаще – с отца ребенка) прожиточное пособие на ребенка, но простота или сложность участия матери-одиночки на рынке труда во многом все же зависит от того, насколько она может разделить свои обязанности по воспитанию ребенка с кем-либо еще. Тут важную роль играют и участие отца, и гибкость и доступность услуг по присмотру за детьми. Уровень бедности работающих матерей-одиночек заметно выше уровня бедности прочих работающих людей. Возможно, причиной тому являются трудности с совмещением работы и семейной жизни.

Кутсар (Kutsar) и другие исследователи еще в 1999 году рекомендовали ряд мер по снижению гендерной бедности, которые представляются адекватными и для нынешнего общества. Для снижения уровня бедности женщин через государственную политику рекомендовалось: уменьшить дискриминацию по признаку пола, возрасту, оплате труда, профессии; на рынке труда повысить конкурентоспособность женщин, живущих за чертой бедности; усилить социальную защиту женщин, живущих за чертой бедности, приняв во внимание их репродуктивную и воспитательную роли; скорректировать целевое назначение пособий, связанных с материнством (система прожиточного пособия). Для снижения уровня бедности мужчин рекомендовалось снизить риски выпадения мужчин из системы социальной защиты и их отчуждения, а также содействовать восстановлению и увеличению их занятости и конкурентоспособности на рынке труда.

Заключение

Хотя статистические данные о влиянии экономического спада на условия жизни и бедность поступят позднее, уже сегодня можно предсказать, что растущая безработица увеличит как абсолютную, так и относительную бедность. Если в ситуации экономического подъема и стремительного роста зарплат в наиболее слабой позиции были пенсионеры, то в новой ситуации самыми незащищенными будут те, чье благополучие зависит от рынка труда. При неожиданной потере работы выживание и степень риска бедности людей зависят от состава их домохозяйств, статуса на рынке труда, помощи близких, государственных пособий и схем страхования. Чтобы успешно бороться с бедностью, важно знать, какие группы риска существуют, и от чего зависит их выживание.

Бедность не исчезнет даже в долговременной перспективе улучшения экономической ситуации. Она по-прежнему остается важной социальной проблемой, для борьбы с которой при ограниченных ресурсах требуются как можно более эффективные меры. Поскольку в ближайшее время снижения гендерной дифференциации не предвидится, то было бы полезно подойти к ней с учетом разнохарактерности бедности среди мужчин и среди женщин, а также и ее причин.

Так как механизмы обеднения мужчин и женщин, а также преодоления его различны, необходимо ввести новые параметры изучения бедности. Одним из таких параметров могли бы стать индикаторы на уровне индивидуума (Cantillon и Nolan 2001). На основе используемых сегодня индикаторов мы можем анализировать гендерную дифференциацию бедности только на уровне домохозяйств, в которых единственным кормильцем является женщина. При этом неизвестно, какова ситуация у мужчин и женщин, живущих в партнерских отношениях, и каковы группы риска среди мужчин. Также мало известно о благосостоянии и бедности более узких групп риска, например, таких как лица, освободившиеся из мест заключения. Тут, видимо, речь идет о людях, стоящих лицом к лицу с весьма специфическими проблемами выживания.

С точки зрения социальной политики гендерная дифференциация бедности – это, прежде всего, вопрос равных возможностей и гендерного равноправия. Чтобы снизить уровень бедности женщин, необходимо с помощью профилактических мер обеспечить общее равенство на рынке труда, сделав упор на сглаживании различий между мужчинами и женщинами в трудовой занятости, их активности и зарплате. Гендерное неравноправие связано с исторически сложившимися и до сих пор сохраняющимися традиционными ролями женщин и мужчин, традиционным разделением труда. При том что женщины активно вышли на рынок труда, мужчины отнюдь не столь же активно берут на себя часть женских обязанностей и роли в домашней сфере. И поскольку женщины несут двойную нагрузку дома и на работе, их возможности на рынке труда, а значит и возможности независимого выживания, ограничены. Отсюда следует, что принимаемые меры и политики, направленные на обеспечение равноправия мужчин и женщин на рынке труда и совмещение трудовой и семейной жизни, в долгосрочной перспективе позволят снизить уровень феминизации бедности.

Комплексный подход к проблеме равноправия полов, с помощью которого к вопросам гендерного равноправия можно привлечь политики разных сфер, несомненно, является одним из ключевых слов.

Изменения в обществе не происходят быстро. До тех пор, пока сохраняются различия в доходах женщин и мужчин, и такие группы риска бедности, как родители-одиночки и пожилые люди, необхо-

димо оказывать им поддержку с помощью услуг и пособий. Отдельного внимания требуют не только родители-одиночки и пожилые, но и больные и люди с ограниченными возможностями здоровья. Не стоит забывать и о малочисленных группах риска, жизнь которых сопряжена со множеством неблагоприятных обстоятельств и факторов, осложняющих выживание. Они тоже нуждаются в особом внимании.

Использованные источники

-
- Allardt, E. (1993). Having, loving, being: an alternative to the Swedish model of welfare research. Teoses M. Nussbaum, A. Sen (toim.) *The Quality of Life*. Oxford: Clarendon Press, 88–94.
- Asson-Peterson, E. (1924). Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924–1926. Tallinn: Vaba Maa.
- Bianchi, S. M. (1999). Feminization and juvenilization of Poverty: Trends, relative risks, Causes and Consequences. *Annual Review of Sociology*. 25, 307–333.
- Cantillon, S., Nolan, B. (2001). Poverty within households: measuring gender differences using nonmonetary indicators. *Feminist Economics*. Taylor and Francis Journals, 7 (1), 5–23.
- Christopher, K., England, P., McLanahan, S., Ross, K., Smeeding, T.M. (2001). Gender inequality in poverty in affluent nations: the role of single motherhood and the state. Teoses K. Vleminckx, M. S. Smeeding (toim.) *Child Well-Being, Child Poverty and Child Policy in Modern Nations*. 199–220.
- Christopher, K., England, P., Smeeding, T. M., Phillips, K. R. (2002). The gender gap in poverty in modern nations: Single motherhood, the market, and the state. *Sociological Perspectives*. 45, 219–242.
- Eesti Statistika. *Naised ja Mehed – Women and Men*. (2007). Statistikaamet.
- Eurostat. Eurostat and mebaas: <http://ec.europa/eurostat>.
- Eurostat. (2005). „Material deprivation in the EU”. *Statistics in Focus*. 21/2005. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-NK-05-021/EN/KS-NK-05-021-EN.PDF
- Eurostat. (2009). Population and Social Conditions. *Statistics in focus*. 46/2009.
- Fagan, C., Urwin, P., Melling, K. (2006). *Gender inequalities in the risks of poverty and social exclusion for disadvantaged groups in thirty European countries*. Luxembourg: Office for Official Publications for the European Communities.
- Goldberg S., Kremen E. (1990) *The feminization of poverty: Only in America?* New York: Praeger.
- Karu, M. (2009). *Töö-ja pereelu konflikt, töökorraldus ja töödandjate toetused töötajatele. Euroopa Sotsiaaluuringu analüüs*. Poliitikauuringute Keskus PRAXIS.
- Karu, M., Nurmela, K. (2008). Social partners reach agreement on minimum wage for 2008. *European Industrial Relations Observatory* 14-01-2008.
- Karu, M., Nurmela, K. (2009). *Estonia: EWCO comparative analytical report on „Working poor”*. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions.

- Kreizberg, M. (2003). *Vaesus ja ebavõrdsus. Leibkonna elujärg 2002*. Tallinn: Statistikaamet.
- Kutsar, D., Trumm, A., Juhkam, R., Jõeorg, M., Leppik, L., Mäe, Ü., Paavel, V. (toim). (1999). *Vaesuse leevendamise Eestis: taust ja sihiseaded*. Tartu: Tartu Ülikool.
- McLanahan, S., Kelly, E. (1999). The Feminization of Poverty: Past and Future. Teoses J. Chafetz (toim.) *Handbook of the Sociology of Gender*. New York: Plenum Publishing Corp., 127-145
- Pahl, J. (2000). The gendering of spending within households. *Radical Statistics*. 75, 38–48, Autumn.
- Peterson, J., Lewis, M. (2001). *The Elgar companion to Feminist economics*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Russel, H., Whelan, C. (2004). *Low income and deprivation in Europe*. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. Luxembourg.
- Sinisaar, H., Tammpuu P. (2009). *Ühe vanemaga pered: probleemid, vajadused ja poliitikameetmed*. Sotsiaalministeeriumi toimetised. Poliitikaanalüüs 4/2009. Tallinn.
- Sotsiaalministeerium. (2008a). *Tervis, töö ja sotsiaalelu 2007*. Tallinn: Sotsiaalministeerium.
- Sotsiaalministeerium. (2008b). *Töövaldkonna areng 2007*. Tallinn: Sotsiaalministeerium.
- Statistikaameti andmebaas <http://pub.stat.ee>
- Thibos, M., Lavin-Loucks, D., Martin, M. (2007) *The Feminization of Poverty*. The J. McDonald Williams Institute.
- Tiit, E.-M. (2006). Vaesus ja selle mõõtmine. Vaesuse suundumused Eestis. *Sotsiaalministeeriumi toimetised*. 8/2006. Tallinn.
- Townsend, P. (1979). *Poverty in the United Kingdom*, Hardmonsworth, Penguin Books.
- Trumm, A. (2005). Poverty in Estonia: Overview of main trends and patterns of poverty in the years 1996-2002. Project „Poverty, social assistance and social inclusion - developments in Estonia and Latvia in a comparative perspective”. *FAFO report 497*. <http://www.fafo.no/pub/rapp/497/497.pdf>
- Vainu, V. (2009). *Ankeetküsitluse „Naised ja mehed Eestis: Hoiakud ja olukord 2009” tulemused*. Sotsiaalministeerium / Turu-Uuringute AS.
- Vleminckx, K., Smeeding, M.S. (2001). Ending child poverty in industrialised nations in Vleminckx, Smeeding (eds.) *Child Well-Being, Child Poverty and Child Policy in Modern Nations* pp.
- Võrk, A., Paulus, A. (2006). Eesti sotsiaaltoetuste ja maksude mõju inimeste tööjõupakkumise stiimulitele (Analysis of labour supply incentives in the Estonian tax-benefit system), research report. PRAXIS 2006.

Насилие в партнерских отношениях. Тенденции XXI века в Эстонии

Кадри Соо
Сирье Отставел

Резюме

.....

В статье внимание акцентируется на насилии в партнерских отношениях как подтипе насилия в близких отношениях. Раскрываются термины и новые теоретические подходы к объяснению этого вида насилия. Объектом рассмотрения является в основном насилие мужчин над женщинами и наоборот – агрессивность женщин по отношению к партнерам мужского пола. Затронут также и вопрос о насилии в отношениях однополых партнеров. Статья дает обзор распространения насилия в партнерских отношениях, гендерных различий типов насилия и их последствий. Рассматриваются также тенденции в профилактике, вмешательстве и пресечении насилия в партнерских отношениях за последнее десятилетие на законодательном и политическом уровне, а также на уровне гражданских объединений.

КАДРИ СОО, МА, научный сотрудник Института социологии и социальной политики Тартуского университета, докторант ТУ. Ее научная работа посвящена темам насилия и прав человека. Статьи и аналитические работы Кадри Соо посвящены вопросам трактовки насилия, сексуального насилия над несовершеннолетними, насилия над женщинами, сексуальной эксплуатации в местах заключения, а также детской и семейной политики.

СИРЬЕ ОТСТАВЕЛ – опытный практик в сфере борьбы с насилием в отношении женщин. В 2002 году была одним из учредителей Тартуского приюта для женщин, первого подобного в Эстонии, долгое время работала его руководителем. Сирье Отставел является членом правления Союза женских приютов Эстонии. Как признанный преподаватель и эксперт Сирье Отставел участвовала в многочисленных международных и национальных проектах по борьбе с насилием над женщинами.

Введение

На Западе дискуссии и исследования вопросов насилия в партнерских отношениях начались активно с 1970-х годов (Carlson 2008). В то время источником насилия видели женатого мужчину, а жертвой – его супругу. Позднее было обнаружено, что жертвой насилия женщина может стать и вне официального брака, к примеру, в свободном сожительстве, на свидании, и даже сама женщина способна проявлять насилие в отношении своего партнера. С накоплением информации о наличии людей разной сексуальной ориентации, в последние два десятилетия объектом внимания становится также агрессия и ее причины в гомосексуальных отношениях (Irwin 2008).

Как социальную проблему, насилие в сексуальных партнерских отношениях в Эстонии стали осознавать с начала нового тысячелетия. С 2001 года был проведен ряд исследований, на эстонском языке вышло несколько изданий на данную тему, состоялись конференции, курсы и кампании, был внесен ряд изменений в законодательство. Однако до сих пор нет репрезентативного и качественного обзора проявлений насилия в партнерских отношениях в целом.

Данная статья делает акцент на механизмах насилия в партнерских отношениях, исходя из гендерного аспекта. На основании исследований последнего десятилетия, а прежде всего, на основании исследования безопасности, проведенного Департаментом статистики в 2009 году, в статье анализируется распространение насилия и его последствия для жертв.

Термин «насилие в партнерских отношениях» используется потому, что он наиболее точно соответствует характеристике агрессии в отношении интимного партнера, не указывая при этом на пол жертвы или насильника, и одновременно подходит и для гетеросексуальных, и для гомосексуальных пар. В литературе на эстонском языке используется также термин «насилие в близких отношениях» (см. Allaste и Võõbus 2008, Kase 2004), но близкие отношения – это не синоним интимных отношений, они не всегда подразумевают сексуальные партнерские отношения. Насилие в близких отношениях подразумевает разного рода ненадлежащее обращение и

насилие между людьми, находящимися в близких отношениях, в т. ч. насилие родителей в отношении к детям и наоборот.

Типы и трактовки насилия в партнерских отношениях

Побудительной причиной насилия большей частью служит стремление показать свою власть и контроль над партнером. Насилие, будь оно физическим, сексуальным, эмоциональным или экономическим, – средство, с помощью которого насильник старается установить систематический контроль над жертвой, чтобы управлять ее ежедневным поведением в нужном насильнику направлении. Джонсон (Johnson 2008) называет такой контроль принудительным и в соответствии с его масштабом выделяет четыре типа насилия в партнерских отношениях: террор, насильственное сопротивление, ситуационное насилие и взаимный насильственный контроль.

В случае террора насильник осуществляет постоянный контроль над жизнью партнера, не проявляющего насилия, используя для этого угрозы, унижение, ограничение свободы передвижения и общения и/или физическое насилие. Манипулирование детьми и подавление экономической независимости партнера (например: запрет на работу или препятствование работе, лишение денег) – важные компоненты формирования зависимого положения жертвы, достижения ее повиновения. Насильственное сопротивление отличается от террора тем, что в этом случае партнер, страдающий от террора в партнерских отношениях и не применяющий принудительного контроля, оказывает сопротивление для самообороны или мести. Высшей точкой сопротивления может стать причинение серьезных повреждений насильнику или даже смерть. Если принудительный контроль взаимен, то оба партнера ведут себя во взаимоотношениях как террористы.

Ситуационное насилие – один из наиболее распространенных типов насилия, отличный от остальных. Согласно социологическим данным к этому типу относятся 86% всех случаев насилия в партнерских отношениях (Johnson 2008). От терроризма ситуационное насилие отличает отсутствие принудительного контроля. Насилие большей частью является следствием эмоционального напряжения,

нерешенных конфликтов или способом привлечь к себе внимание партнера. Такого рода насильниками, а также инициаторами насилия могут выступать и тот и другой партнер.

Интерес всегда представляло деление жертв и насильников по гендерному признаку. По данным исследований, проводившимся в Эстонии, и данным, описанным в литературе, на одного мужчину-жертву приходится девять женщин-жертв (см. Kase и Pettai 2005). Но поскольку тут не дано деления насилия по типам, это соотношение невозможно перенести на насилие в партнерских отношениях. Джонсон (Johnson 2008), проанализировав отношения между мужчинами и женщинами по своей типологии, утверждает, что 89% террористов в партнерских отношениях – мужчины, а 85% тех, кто применяет насилие при сопротивлении, – женщины. При ситуационном насилии соотношение мужчин и женщин среди жертв и насильников почти равное.

Насилие мужчин в отношении женщин

Насилие в отношении женщин – это демонстрация мужчинами своей власти и мужественности, акт, направленный на сохранение неравенства в гендерной структуре (Connel 2005, Hearn 1998). Высокая оценка мужчин и маскулинности характерна для патриархального общества. Мужчины с детства перенимают распространенные в обществе нормы гендерной дифференциации, в том числе идеалы гегемонии маскулинности: властность, максимум контроля, активность, независимость, сила и т. д. При этом часть мужчин может считать контроль над женщинами даже одним из признаков мужественности. Мужчины, которые не уверены в том, что их маскулинность соответствует воображаемому стандарту, т. е. чувствуют потерю власти и контроля, стараются утвердить собственную мужественность, прибегая к насилию (Kaufman 2009, Kimmel 2002). Таким образом, насилие в отношении женщин – не что иное как инструмент завладения мужчиной контроля и утверждения собственной мужественности.

Среди комментаторов публикаций в СМИ дискуссию вызвал вопрос, почему избиваемая женщина не уходит от мужа-изувера, а годами живет с ним, страдая от унижения и насилия. В данном случае дело идет не о мазохизме, а о сложной ситуации, отягощенной материальными, юридическими, соци-

альными и психологическими факторами. Самым большим препятствием для прекращения таких отношений является мужчина, который, чтобы женщина не ушла от него, пользуется той же тактикой, что и при установлении контроля (Johnson 2008). Как пример можно привести лишение денег, запрет

Женщина Эстонии должна смело вступать в борьбу за общее дело страны. Женщина Эстонии работает и выступает вместе с мужчиной, но она не должна забывать о своих особых женских интересах. Женщины должны иметь равные права с мужчинами, и в земельном вопросе женщины тоже должны иметь те же права, что мужчины. Необходимо узаконить защиту прав женщин и детей, равную оплату труда за одинаковую работу, отменить постыдную регламентацию проституции.
(Мариэ Рейсик, 1917 г.)

на работу или препятствование ей, манипуляция правом на уход за ребенком, отказ от уплаты алиментов, лишение жилплощади, угрозы убийством, социальная и/или физическая изоляция и т. п. (Barnett 2000, Johnson 2008, Soo и Laas 2009). Неработающая женщина с малолетними детьми в данной ситуации защищена менее всего, поскольку материально зависит от мужчины, из-за этого ей сложно уйти, и зачастую она вынуждена долгие годы оставаться в замкнутом круге насилия.

Насилие женщин в отношении мужчин

Многие исследования подтверждают, что женщины, как и мужчины, способны применять насилие к своим супругам или спутникам жизни, но частота применения, тип, последствия и мотивация у них иные (Kimmel 2002). Во-первых, женщины проявляют его не так часто и не в столь серьезных формах, как мужчины – насилие женщин в основном психическое

или это легкие формы физического насилия (бросание вещей в партнера, толчки, удары) (Saunders 1986, Tjaden и Thoennes 2000). Во-вторых, женщины не наносят мужчинам таких серьезных повреждений, как мужчины женщинам, и мужчины испытывают меньший страх перед насилием женщин, чем женщины перед насилием со стороны мужчин (Tjaden и Thoennes 2000). В-третьих, побуждением к насилию у женщин является самооборона или месть, а не стремление иметь контроль и власть, как это свойственно мужчинам-террористам в партнерских отношениях (Kimmel 2002). Три четверти случаев насилия со стороны женщин к своим партнерам – это самооборона (Gelles и Straus 1999). В двух словах: насилие и механизмы его использования в гетеросексуальных отношениях гендерно-ассиметричны (Kimmel 2002).

Насилие при гомосексуальных связях

Насилие в партнерских отношениях однополых партнеров часто как проблема или игнорируется, или воспринимается сквозь призму гомофобии (Younglove и Vitello 2003). Хотя насилие в гомосексуальных парах отнюдь не редкое явление, исследовалось оно мало. Среди теоретиков идут споры о том, насколько адекватно феминистский подход способен трактовать насилие в партнерских отношениях между однополыми партнерами. С феминистской точки зрения насилие в гомосексуальных парах определяется теми же установками, что и при гетеросексуальных отношениях, считающихся нормой и поддерживающих неравенство, а также традиционным распределением гендерных ролей (Irwin 2008, Ristock 2002). Например, считается, что лесбиянки, усвоившие феминизированные черты поведения в партнерстве (заботливость, пассивность, покорность), с большей долей вероятности являются жертвами, а лесбиянки в маскулинной роли могут быть доминирующими партнерами, способными к насилию. Противники такого подхода отмечают, что неравенство власти – действительно важный фактор, обуславливающий насилие, но доминирование одного партнера в данном случае не обусловлено социально сформированными гендерными ролями, а совсем иными обстоятельствами, в т. ч. материальными и социальными (Younglove и Vitello 2003). Эмпирических данных, подтверждающих первое или второе мнение, мало, требуются более глубокие исследования.

Представленный выше обзор показывает, что насилие насилию рознь (например: террор в партнерских отношениях vs ситуационное насилие в партнерских отношениях), а женщины и мужчины воспринимают его по-разному. Далее речь пойдет о том, какие тенденции прослеживаются в освещении и изучении насилия в партнерских отношениях в Эстонии, оказании помощи и защите прав партнеров.

Тенденции в освещении и решении проблемы насилия в партнерских отношениях в Эстонии

С 2001 года на эстонском языке вышел целый ряд серьезных изданий на темы насилия в партнерских отношениях и насилия в отношении женщин в целом. В качестве примеров можно привести следующие издания: «Открой глаза!», «Голоса молчащих», «Насилие в близких отношениях», «Почему он это делает?», «Что думают озлобленные и все контролирующие мужчины». Немало тематических статей опубликовано в СМИ (например: статьи журналистки К. Ибрус в газете Eesti Päevaleht). В конце 2009 года в рамках благотворительной телепрограммы «Рождественский туннель», организованной Эстонской общественной телерадиовещательной корпорацией, прошел сбор пожертвований в поддержку деятельности женских приютов. Собрано было более 1,5 млн. крон.

Помощь жертвам насилия и лицам, уличенным в его применении

Значительную роль в деле оказания помощи жертвам насилия и развития темы выполняли гражданские объединения, которые проводили тематические курсы, семинары, конференции и кампании. Например, в 2005 году неформальное объединение Эстонский центр социальных программ (MTÜ Eesti Sotsiaalprogrammide Keskus) провело общегосударственную кампанию «Если любовь причиняет боль», целью которой было стимулировать женщин, переживших насилие, обращаться за помощью в приюты и группы поддержки (опорные группы). В течение ряда лет в нескольких городах Эстонии работали девять групп поддержки для женщин, но их деятельность прекратилась из-за отсутствия финанси-

вания. Начиная с 2006 года в Таллинне, Харьюмаа и Раквере под руководством неформального объединения «Освободись от насилия» (MTÜ Vägivallast Vabaks) работали реабилитационные группы для мужчин, признанных виновными в преступлениях, связанных с насилием в близких отношениях. С 2009 года услуги этих групп покупает Таллиннская тюрьма, в группы по решению суда или уголовных надзирающих направляют осужденных из Таллинна и Харьюмаа. Необходимость в аналогичных группах есть и в других регионах, но дело тормозит отсутствие средств.

Первый в Эстонии приют для женщин был открыт в Тарту в 2002 году. Тогда это было новым явлением: приют предлагал помощь женщинам (в том числе с детьми), пережившим насилие. Ранее в приютах или центрах защиты матери и ребенка помощь оказывалась только тем, у кого были дети в возрасте до шести лет. Сейчас в Эстонии работают девять приютов (Тарту, Таллинн, Ида-Вирумаа, Ляэне-Вирумаа, Вильянди, Ярвамаа, Валга, Рапла, Пярну), которые одновременно могут принять 67 женщин (при необходимости и с детьми). Помимо безопасного временного размещения они предлагают первичные консультации, поддержку и помощь при обращении в официальные учреждения, как на месте, так и по телефону. В большинстве приютов оказывают юридическую и психологическую помощь. В 2006 году в стране был создан Эстонский союз женских приютов, а в 2008 году заработал общегосударственный телефон помощи женщинам, ставшим жертвами насилия – 1492.

В работе женских приютов есть региональные различия, обусловленные в основном нестабильностью финансирования и поддержки со стороны местных самоуправлений. Как образцовый пример можно привести Тартускую городскую управу, которая бесплатно предоставляет приютам помещения и стабильно покупает их услуги. До сих пор основным спонсором приютов был Совет по налогу на азартные игры, но главным минусом этой модели финансирования является ее проектная основа и нестабильность.

Изменения в законодательстве

Пенитенциарный кодекс квалифицирует насилие в партнерских отношениях в основном как ненадлежащее физическое обращение, т. е. «нанесение

вреда здоровью другого человека, нанесение ударов, избиение или иное ненадлежащее физическое обращение, причиняющее боль» (ст. 121). До 2004 года Пенитенциарный кодекс связывал ненадлежащее физическое обращение преимущественно с частным обвинением. Полиция не занималась такими расследованиями, жертва должна была самостоятельно обращаться в суд, платить залог и доказывать происшедшее. Ясно, что случаи легкого физического насилия просто не доходили до суда. По Пенитенциарному кодексу, вступившему в силу с 2004 года, физическое насилие в легкой форме уже является уголовным преступлением, полиция на основании поступившего заявления обязана заниматься расследованием случаев ненадлежащего физического обращения. И хотя по законам Эстонии полиция вправе начать уголовное производство даже в том случае, если есть основание полагать, что совершено преступление, в случаях с насилием в партнерских отношениях, стражи порядка, как правило, ждут заявления жертвы, чтобы не вмешиваться в ситуацию вопреки желанию пострадавшей стороны.

Если обратиться к данным Министерства юстиции о зарегистрированных преступлениях, то цифры говорят сами за себя: в 2003 году по статье 121 зарегистрировано 118 преступлений, в 2004 – 1329, в 2005 – 3456, в 2006 – 3700, 2007 – 4570 и в 2008 – 5174 (зарегистрированные преступления с 2003 по 2008 гг.). Разумеется, не все эти случаи связаны с насилием в партнерских отношениях, отдельного учета таких случаев не ведется. Но на основании приведенных цифр можно утверждать, что изменение закона было полностью оправданным, и пострадавшие готовы чаще обращаться в полицию.

В 2004 году вступил в силу Закон о помощи жертве, согласно которому у жертв есть право на получение помощи для сохранения или улучшения способности к выживанию, а также право ходатайствовать о компенсации расходов на психологическую помощь и компенсации имущественного ущерба или ущерба, вытекающего из нетрудоспособности жертвы. В 2005 году вступил в силу Закон о государственной юридической помощи, который позволяет малообеспеченным людям воспользоваться этим видом помощи. Тем не менее, сегодня преждевременно говорить о всеобщей доступности юридической помощи. Практика показывает, что мотивация адвокатов оказывать качественные юридические услуги в рамках государственной юриди-

ческой помощи низка, как низка и государственная почасовая оплата их услуг.

В 2006 году в законодательстве появились два важных изменения, позволяющие вводить запрет на приближение к жертве ради ее защиты. Если в большинстве стран Европы введение временного запрета на приближение к жертве входит в компетенцию полиции, то в Эстонии эту меру защиты частной жизни и иных прав личности пострадавшего может вводить только суд на время уголовного производства. Лишь в декабре 2009 года было санкционировано нарушение запрета – за него теперь можно получить наказание от денежного штрафа до одного года лишения свободы. В 2006–2008 годах в Эстонии судом были назначены 23 временных запрета на приближение к жертве (Tamm и Tammiste 2009).

Ходатайствовать о запрете на приближение можно также через гражданский суд и на основании Закона об обязательственном праве. По этому закону в случае нанесения телесных повреждений, вреда здоровью, нарушений неприкосновенности частной жизни и других прав личности для виновного можно требовать запрета на приближение к пострадавшему, а также регулировать вопросы использования жилья, общения и т. д. Запрет на приближение согласно этому закону с 2006 года применялся в 17 случаях (там же).

В 2006 году в законодательстве появилось изменение, которое существенно ухудшает для жертвы насилия шансы разделить через суд совместно нажитое имущество и, тем самым, расстаться с пар-

тнером-насильником. Ранее за раздел совместно нажитого имущества надо было платить госпошлину в размере 2600 крон, с 2006 года по Закону о государственной пошлине она была приравнена к процентной ставке от стоимости имущества, которую устанавливает государство. Правда, государство все же предусмотрело возможности ходатайствовать об освобождении от госпошлины, выплате пошлины по частям или сокращении ее, но, к сожалению, рядовые граждане, как правило, не знают о них, и зачастую сложные ситуации остаются без нужного решения.

Сегодня в Эстонии уголовным законодательством не охвачено такое проявление насильственного поведения как навязчивое преследование. Приведем простой пример: бывший супруг или партнер звонит жертве по 50–60 раз в сутки. По нынешним законам такое поведение пресечь невозможно, жертва преследования не может получить защиту и помощь от органов правопорядка. Наказуемым должно быть также нарушение домашнего покоя. По действующему законодательству государство защищает общественный порядок, а вот найти защиту от насильника в собственном доме очень сложно. В других странах полиция имеет право незамедлительно на короткий срок выводить насильника из дома.

Опыт работы женских приютов подсказывает, что в Эстонии крайне необходимо создать фонд, призванный ежемесячно выплачивать пособия родителям-одиночкам, если другой родитель не выполняет своей обязанности по содержанию детей.

Таблица 1. Опыт пережитого насилия со стороны нынешнего или прежнего партнера (2009 г., в %)

Ситуации	Мужчины		Женщины	
	да	нет	да	нет
А. Партнер препятствовал общению с друзьями или родственниками	22	78	20	80
В. Респондент отказывался от проведения досуга, занятий хобби и т. п. из-за запрета со стороны партнера	22	78	22	78
С. Партнер запугивал или угрожал до такой степени, что респондент испытывал страх	6	94	23	77
Д. Респондент боялся возвращаться домой позднее оговоренного времени, опасаясь реакции партнера (например, насилия)	11	89	21	79
Е. Партнер грозил причинить физическую боль респонденту или тому, о ком заботится респондент	2	98	13	87
Ограничение общения и досуга (пережитые ситуации А и/или В)	32	68	30	70
Серьезное запугивание и угрозы (пережитые ситуации С Д и/или Е)	16	84	32	68
Опыт психического насилия	36	65	41	59

Источник: «Исследование безопасности» (OVU) 2009 г., Департамент статистики

Сейчас родители-одиночки оставлены с этой проблемой один на один, и неуплата алиментов зачастую позволяет насильнику негативно влиять на материальное благосостояние другой стороны даже после развода. С 2006 года появилась возможность наказывать людей, умышленно уклоняющихся от уплаты алиментов, но и она не гарантирует поступления алиментов родителю, в одиночку воспитывающего ребенка/детей. С 1 января 2008 года действует Закон о прожиточном пособии, на его основании родитель-одиночка в праве ходатайствовать о трехмесячном прожиточном пособии через Департамент социального страхования, если обратился в суд для востребования алиментов от другого родителя. Недавняя инициатива Министерства юстиции – опубликовать в Интернете имена родителей, уклоняющихся от уплаты алиментов более 60 дней. На такую публикацию (чтобы она не повредила интересам детей) должно быть получено разрешение того родителя, перед которым возникла задолженность.

В Эстонии до сих пор нет программы по профилактике, пресечению и помощи от насилия в партнерских отношениях. В 2006–2008 годах под руководством Министерства социальных дел был разработан проект программы по профилактике и пресечению насилия в близких отношениях, но, к сожалению, до его реализации дело не дошло. В конце 2009 года ситуация была такова: под руководством Министерс-

тва юстиции разрабатывалась программа по борьбе с насилием на 2010–2014 годы, охватывающая различные целевые группы.

В итоге можно сказать, что в период 2004–2009 годов произошли заметные изменения в законодательстве, позволяющие обеспечить лучшую защиту и помощь жертвам насилия в партнерских отношениях. В то же время приходится констатировать, что отдельные законодательные изменения оказались половинчатыми и малоэффективными в реальной жизни. Явственно ощущается отсутствие системной государственной программы действий.

Распространение насилия в партнерских отношениях в Эстонии

Исследования насилия в партнерских отношениях в 2000–2008 гг.

Начиная с 2001 года, в Эстонии был проведен ряд исследований насилия над личностью. Поскольку эти исследования исходили из достаточно широких дефиниций насилия (например: насилие в отношении женщин, насилие в семье), систематизированный обзор насилия в интимных партнерских отношениях сделать по ним невозможно. К примеру,

Таблица 2. Опыт пережитого физического насилия со стороны нынешнего или прежнего партнера (2009 г., в %)

Ситуации	Мужчины		Женщины	
	да	нет	да	нет
A. Умышленное бросание предмета с целью причинить жертве боль	12	88	15	85
B. Умышленные толчки или захваты с целью причинить жертве боль	9	91	28	72
C. Удар ладонью	23	77	24	76
D. Удар кулаком или каким-либо твердым предметом	6	94	13	87
E. Избиение	2	98	10	90
F. Удушение, сдавливание или причинение ожогов	1	99	5	95
G. Удар ножом или иным острым предметом или выстрелы в жертву	1	99	1	99
H. Причинение физической боли иным способом	2	98	6	94
Физическое насилие в легкой форме (пережитые ситуации A, B и/или C)	28	72	36	64
Физическое насилие в тяжелой форме (пережитые ситуации D, E, F и/или G)	7	93	16	84
Опыт физического насилия	29	71	37	63

Источник: «Исследование безопасности» (OVU) 2009 г., Департамент статистики

Рисунок 1. Комбинации типов насилия по гендерному признаку респондентов (2009 г., в %)

Все типы вместе составляют 100%
ФН – физическое насилие

Источник: «Исследование безопасности» (OVU) 2009 г., Департамент статистики

первое исследование было сосредоточено главным образом на проявлениях насилия против личности в семье, на работе и в общественных местах (Pettai 2002). По его данным, женщины (21%) чаще мужчин (16%) оказывались жертвами насилия над личностью, причем женщины чаще страдали от насилия в семье (63% от всех случаев пережитого физического и сексуального насилия), чем мужчины (9%). В ходе исследования было установлено, что в половине актов насилия над женщинами в семье насильником выступал супруг или спутник жизни, а в трети случаев – иной член семьи. Мужчины оказывались преимущественно жертвами других членов семьи или знакомых. Доля случаев насилия, примененного партнерами в отношении мужчин, не упоминалась вообще.

Следующее исследование акцентировало внимание не только на случаях домашнего насилия, но и на случаях проявления насилия в общественных местах (Pettai и Proos 2003). Респондентами были мужчины и женщины, но выводы были сделаны только в отношении женщин. Исследованием установлено, что каждая пятая совершеннолетняя женщина подвергалась насилию (в т. ч. насилию в партнерских отношениях) в течение года до проведения опроса.

Больше других от насилия страдали женщины в возрасте 21–30 лет, особенно состоящие в свободном браке. В двух третях случаев насильником выступали супруги или сожители, спутник жизни, остальные случаи имели место вне семьи.

В 2004–2005 гг. Ляэнесская префектура полиции внедрила новую систему сбора информации о насилии в семье: по каждому вызову в связи с насилием заполнялся лист с детальным описанием обстоятельств. Собранная информация показала, что в семье насильником, как правило, оказывается мужчина, а жертвой – женщина (Kase и Pettai 2005). Из всех зарегистрированных случаев 70% были связаны с насилием в партнерских отношениях. К сожалению, из отчета невозможно узнать о гендерном разделении сторон конфликтов в партнерских отношениях. Данные исследования рожениц показывают, что случаи домашнего насилия, особенно физического, чаще всего приходится на период беременности (Kase и Pettai 2006). 12% родивших женщин во время беременности подвергались насилию со стороны своего спутника жизни.

Помимо названных исследований, проводились также опросы экспертов (Kase и Pettai 2003), а также исследования методом проведения качест-

венного интервью (Soo и Laas 2009) о последствиях насилия у женщин, а также о причинах насилия и его сущности с точки зрения насильников женского и мужского пола (Allaste и Võõbus 2008). Насколько известно авторам публикации, тема насилия в однополых партнерских отношениях в Эстонии исследованиями не затрагивалась.

В итоге можно сказать, что до 2009 года в Эстонии обзора насилия в интимных партнерских отношениях не было. До сих пор ни одно исследование не дало надежной информации о масштабе распространения в стране насилия в партнерских отношениях и его последствиях для мужчин и женщин. На мужчин, как на потенциальных жертв или вообще не обращали внимания, или же данные о них воспринимали как малозначительные с точки зрения (углубленного) анализа.

Насилие в партнерских отношениях по результатам исследования безопасности, 2009 год

Более обстоятельно проблема была изучена в рамках Исследования безопасности (OVU), проведенного Департаментом статистики Эстонии в 2009 году. Его опрос охватывал мужчин и женщин в возрасте от 15 до 74 лет. Из 3788 респондентов 46% составляли мужчины и 54% женщины. 68% из них были эстонцы, остальные – представители русской или других национальностей.

Опыт пережитого насилия

Результаты опроса показали, что около половины респондентов имели опыт пережитого психического, физического и/или сексуального насилия со стороны их нынешнего или бывшего партнера. Хотя статистическое различие показателей у мужчин и женщин не велико, женщины все же несколько чаще мужчин оказывались жертвами насилия (51% и 47% соответственно). Они больше подвергались психическому, физическому и сексуальному насилию.

Данные показали, что по некоторым видам психического насилия опыт женщин и мужчин одинаков, по другим видам насилия прослеживается явное различие (см. таблицу 1). Например: среди мужчин и женщин примерно равное количество тех, чей партнер препятствовал их общению с друзьями

и родственникам, запрещал заниматься хобби или проводить досуг желаемым образом. В то же время женщины в два раза чаще подвергались серьезному запугиванию (насилием) и угрозам.

К сожалению, данные исследования не выявляют причин применения насилия. Например, неизвестно, были ли поводом препятствовать общению с друзьями, родственниками, проведению досуга злонамеренные придирки, зависть, стремление все держать под контролем или же иные причины – стремление уберечь партнера от плохих друзей и вредных привычек (употребление алкоголя, например) или желание чаще видеть его в семье помощником в домашних делах.

Из форм физического насилия респонденты, мужчины и женщины поровну, чаще всего сталкивались с ударом рукой (см. таблицу 2). Весьма распространено бросание в партнера каких-либо предметов. В этих случаях женщины оказывались пострадавшими немногим чаще мужчин. Заметно большее различие отмечено в случаях умышленных толчков или захватов, тут женщины оказывались жертвами в три раза чаще, чем мужчины. Среди жертв физического насилия в более тяжелых формах (удары кулаком, избиение, удушение, стрельба) явно преобладали женщины. Сексуальное насилие в основном применялось в отношении партнеров женского пола (7%). Из мужчин лишь единицы признались, что имели опыт принуждения их к половому акту угрозами или силой.

Поскольку в рамках исследования не изучалось взаимное насилие, т. е. также насилие и со стороны пострадавшего, можно лишь предполагать, что какие-то из актов физического насилия над пострадавшим были совершены в целях самозащиты. По результатам исследования неясен и пол насильника. 6% мужчин и 4% женщин сообщили, что их спутники жизни принадлежат к одному с ними полу. Поскольку в рамках исследования внимание не акцентировалось на опыте насилия в существующих партнерских отношениях, то невозможно с уверенностью установить, в какой мере насилие проявляется между спутниками жизни одного пола.

Результаты отражают также аккумуляцию определенных типов насилия. Например, почти все мужчины и женщины, которые пережили насилие в тяжелой форме, становились также жертвами физического насилия в легкой форме. Схожая тенденция отмечается и в случаях запугивания и угроз: пере-

жившие их лица говорили также об ограничении общения и досуга.

Рисунок 1 отражает опыт мужчин и женщин, подвергавшихся разным видам насилия. Мужчины чаще женщин испытывали либо только ограничения общения и досуга, либо и то и другое вместе с легкими формами физического насилия. Женщины, напротив, чаще мужчин оказывались жертвами запугивания, угроз, ограничения общения и физического насилия в легкой форме. 14% женщин, помимо выше указанных видов насилия, испытывали также тяжелые его формы; мужчин с таким опытом было в 2,5 раза меньше.

Женщины чаще мужчин подвергались физическому и сексуальному насилию. Например, 46% пострадавших мужского пола утверждали, что у них в жизни был лишь один инцидент переживания физического и/или сексуального насилия и у 46% было от двух до пяти инцидентов. Среди женщин единичный опыт пережитого насилия имели 36%, опыт от двух до пяти раз – 39%. Шесть или более случаев насилия пережили 8% мужчин и 25% женщин.

Опыт пережитого насилия в партнерских отношениях за последний год и типология пострадавших

Каждый десятый респондент пережил насилие в партнерских отношениях в течение года перед проведением опроса. Заметных различий между опытом мужчин и женщин не отмечено. От психического насилия пострадали 8% мужчин и 7% женщин, а от физического – 5% мужчин и 4% женщин. Возможно, что эти результаты обусловлены методикой: в ходе исследования использовался инструмент измерения, сходный со шкалой измерения конфликтных тактик Страуса (Straus и др. 1980), где упор делается на регистрации проявлений разных видов насилия, а не на его мотивах, побуждениях, установках и схемах. Но именно эти факторы, главным образом, и привносят различия в опыт пережитого насилия у женщин и мужчин (Kimmel 2002; Tjaden и Thoennes 2000).

Лицо, пережившее минимум один раз психическое, физическое и/или сексуальное насилие за 12 месяцев до проведения опроса, – это, как правило, мужчина или женщина в возрасте до 29 лет, состоящий(-ая) в свободном браке (см. таблицу 3).

Вероятность стать жертвой насилия с возрастом уменьшается. Мужчины неэстонской национальности чаще чувствовали себя пострадавшими от насилия, чем женщины или мужчины эстонской национальности. В уровнях образования респондентов значительных различий не отмечено, лишь женщины с основным образованием несколько чаще становились жертвами насилия, чем женщины со средним специальным или высшим образованием. Больше всего жертв насилия было среди учащихся, за ними следовали безработные, а меньше всего жертв было среди пожилых людей. Насилие проявляется чаще в семьях с несовершеннолетними детьми. Среди женщин-респондентов жертвами чаще становились те, у кого был меньше уровень дохода.

Последствия последнего случая пережитого физического/сексуального насилия, предшествовавшего опросу

Последним случаем пережитого насилия у мужчин в основном было физическое насилие в легкой форме, преимущественно удар ладонью (93%). Последний инцидент у женщин большей частью тоже был связан с легкой формой физического насилия (78%), но каждая пятая женщина пережила физическое насилие в тяжелой форме, а некоторые – сексуальное насилие.

Последний случай насилия имел существенно более серьезные последствия для здоровья (прежде всего психического и физического) женщин, чем для здоровья мужчин. 42% женщин и 18% мужчин страдали симптомами депрессии (подавленность, трудности с концентрацией, нарушения сна, снижение самооценки). Кроме того, женщины больше мужчин испытывали страх. 20% мужчин и 46% женщин, переживших насилие, получили травмы.

В ходе исследования у респондентов спрашивали, как они охарактеризовали бы последний случай пережитого насилия: было ли это преступлением, проступком или простой случайностью. Выяснилось, что женщины чаще мужчин называли последний случай преступлением (20%) или проступком (44%). Одна пятая мужчин считала случившееся проступком, и только треть – преступлением. 79% мужчин и 35% женщин восприняли последний акт насилия как случайное происшествие. Такое различие в оценках показывает, что насилие в отношении женщин имеет значительно более серьезный вес,

Таблица 3. Социально-экономические и демографические показатели респондентов, переживших насилие в партнерских отношениях в течении последних 12 месяцев (2009 г., в %)

	Мужчины		Женщины	
	да	нет	да	нет
<i>Возраст</i>				
15–29 лет	20	80	18	82
30–49 лет	11	89	9	91
50–64 лет	7	93	4	96
65–74 лет	2	98	2	98
<i>Национальность</i>				
Эстонец	10	90	9	91
Русский или другая национальность	16	84	7	93
<i>Образование</i>				
I уровень	15	85	12	88
II уровень	10	90	9	91
III уровень	12	88	6	94
<i>Социально-экономический статус респондента</i>				
Работающий	12	88	8	92
Безработный	15	85	13	87
Учащийся	25	75	21	79
Неработающий	12	88	10	90
Пенсионер по возрасту, пенсионер по нетрудоспособности	4	96	4	96
<i>Тип отношений с нынешним партнером</i>				
законный брак	9	91	7	93
свободный брак	13	87	13	87
не состоит в законном / свободном браке, состоит в партнерских отношениях	13	87	8	92
<i>Тип домохозяйства по числу детей на иждивении</i>				
один ребенок	16	84	12	88
два или более детей	13	87	13	87
без детей	9	91	5	95
<i>Доход респондентов по децилям дохода</i>				
1–3 дециль	13	87	13	87
4–6 дециль	10	90	6	94
7–10 дециль	11	89	7	93

Источник: «Исследование безопасности» (OVU) 2009 г., Департамент статистики

чем насилие в отношении мужчин. Во-первых, удары и толчки женщин и мужчин имеют разную силу. Это подтверждают и различия в степени тяжести нанесенных повреждений. К тому же, большая часть мужчин, по-видимому, не воспринимает насилие со стороны женщин сколько-нибудь серьезно, рассматривая его как нечто беспокоящее, нежели пугающее и опасное.

Заключение

Насилие в партнерских отношениях – серьезная и распространенная проблема в Эстонии. Последнее десятилетие было отмечено повышением интереса к ней. Если в начале тысячелетия казалось, что речь идет о табуированной теме, а общество считало маловажным для себя защищать и помогать жертвам такого насилия, то к концу первого десятилетия ситуация заметно изменилась. Повысился уровень

информированности общества о проблеме, о насилии в партнерских отношениях заговорили СМИ, вышли в свет тематические издания, улучшилось законодательство и работа правоохранительных структур, увеличилось число приютов, а у людей, переживших насилие, повысилась готовность искать помощи. В то же время имеется и немало проблем. Еще остаются пробелы в законодательстве, недофинансируется деятельность неформальных объединений, возможности оказания помощи жертвам насилия распределены по Эстонии неравномерно и находятся в зависимости от их регистрации по месту жительства. На уездном уровне отсутствует сотрудничество местных самоуправлений в деле обеспечения доступности помощи жертвам насилия.

Информации об изменениях в проявлении насилия в партнерских отношениях за последнее десятилетие нет. В Эстонии не ведется унифицированный сбор статистики, отражающей насилие в партнерских отношениях. Конечно, приюты регистрируют число обращений и постояльцев, также проводят анализ данных по типам насилия, но в них обращается лишь очень малая часть жертв, что не отражает реального масштаба проблемы. На основании полицейской статистики и статистики преступности невозможно установить, сколько конкретно фактов насилия имело место между партнерами.

По данным социологических исследований тоже невозможно проследить тенденции проявления насилия в партнерских отношениях, так как в более ранних исследованиях терминологически насилие трактовалось весьма широко, и не было конкретных данных о масштабе насилия в партнерских отношениях. Репрезентативные данные об опыте насилия в партнерских отношениях есть только по 2009 году. Согласно результатам этого исследования, с насилием со стороны нынешнего или прежнего партнера сталкивались 51% женщин и 47% мужчин. Женщины чаще мужчин подвергались психическому, физическому и сексуальному насилию. От насилия, пережитого за последний год перед проведением опроса, пострадало почти равное число партнеров мужского и женского пола. Кроме того, результаты показали, что насилию подвергаются чаще молодые партнеры, люди, состоящие в свободном браке, а также женщины с малым доходом и несовершеннолетними детьми.

Использованные источники

- Allaste, A.-A., Võõbus, V. (2008). *Vägivald lähisuhetes: selle põhjused ja võimalikud lahendused*. Tallinn: Tallinna Ülikool.
- Barnett, O. W. (2000). Why battered women do not leave, Part I. External inhibiting factors within society. *Trauma, Violence, and Abuse*. 1(4), 343–372.
- Carlson, B. E. (2008). Intimate partner violence. Teoses C. M. Renzetti, J. L. Edleson (toim.) *Encyclopedia of interpersonal violence*. SAGE Publication, 371–375.
- Connell, R. W. (2005). *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.
- Elatiabi seadus. *Riigi Teataja I*, 2007, 25, 130, (12.12.2009).
- Gelles, R., Straus, M. (1999). Profiling violent families. Teoses A. Skolnick, J. Skolnick (toim.) *The family in transition*, New York: Longman, 414–431.
- Hearn, J. (1998). *The violence of men. How men talk about and how agencies respond to men's violence to women*. London: Sage Publications.
- Irwin, J. (2008). (Dis)counted stories. Domestic violence and lesbians. *Qualitative Social Work*. 7(2), 199–215.
- Johnson, M. P. (2008). *A typology of domestic violence. Intimate terrorism, violent resistance, and situational couple violence*. Boston: Northeastern University Press.
- Karistusseadustik. *Riigi Teataja I*, 2001, 61, 364, (05.10.2009).
- Kase, H. (2004). *Lähisuhte vägivald*. Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut.
- Kase, H., Pettai, I. (2003). *Vägivald mõju naiste tervisele. Meedikute küsitluse tulemused*. Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut.
- Kase, H., Pettai, I. (2005). *Perevägivald Lääne-Eestis 2004–2005. Politseistatistika analüüs*. Tallinn: Lääne politseiprefektuur, Eesti Avatud Ühiskonna Instituut, Eesti Sotsiaalprogrammide Keskus.
- Kase, H., Pettai, I. (2006). *Sünnitaja käitumine ja koduvägivald Eestis*. Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut.
- Kaufman, M. (2009). The construction of masculinity and the triad of men's violence. Teoses O. E. Tracy (toim.) *The social construction of difference and inequality. Race, class, gender, and sexuality*. New York: McGraw-Hill Higher Education.
- Kimmel, M. S. (2002). „Gender Symmetry” in Domestic Violence. A Substantive and Methodological Research Review. *Violence Against Women*. 8(11), 1332–1363.
- Kriminaalmenetluse seadustik. *Riigi Teataja I*, 2003, 77, 166, (18.01.2010).
- Ohvriabi seadus. *Riigi Teataja I*, 2004, 2, 3, (05.10.2009).
- Pettai, I. (2002). Naistevastane vägivald – tabuprobleem Eestis. Teoses H. Kase (toim.) *Vaikijate hääled. Raamat soolisest vägivallast. Räägivad ohvrid. Nõustavad eksperdid. Analüüsivad teadlased*, Tallinn: Põhjalaade Ministrite Nõukogu, Eesti Avatud Ühiskonna Instituut.
- Pettai, I., Proos, I. (2003). *Vägivald ja naiste tervis. Uuringu aruanne*. Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut.
- Registreeritud kuriteod 2003–2008. Justiitsministeeriumi kodulehekül, <http://www.just.ee/39930>, (05.10.2009)
- Reisik, M. (1924). *Esimehe Eesti Naiskongress 1917. Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924–1926*. Tallinn: Vaba Maa.

- Riigilõivuseadus. *Riigi Teataja I*, 2006, 58, 439, (05.10.2009).
- Riigi õigusabi seadus. *Riigi Teataja I*, 2004, 56, 403, (05.10.2009).
- Ristock, J. (2002). *No more secrets: Violence in lesbian relationships*. New York: Routledge.
- Saunders, D. G. (1986). When battered women use violence. Husband-abuse or self-defense? *Violence and Victims*. 1, 47–60.
- Soo, K., Laas, A. (2009). *Naistevastane vägivald paarisuhtes ja töökohal. Vägivalla mõju naistele*. Tartu.
- Straus, M. A., Gelles, R. J., Steinmetz, S. K. (1980). *Behind Closed Doors: Violence in the American Family*. New York: Doubleday.
- Tamm, K., Tammiste, B. (2009). *Lähenemiskeelu kasutamine kriminaalmenetluses*. Tallinn: Justiitsministeerium.
- Tjaden, P., Thoennes, N. (2000). Prevalence and consequences of male-to-female and female-to-male intimate partner violence as measured by the National Violence Against Women Survey. *Violence Against Women*. 6, 142–161.
- Võlaõigusseadus. *Riigi Teataja I*, 2001, 81, 487, (05.10.2009).
- Younglove, J. A., Vitello, C. J. (2003). Domestic violence: Same-sex partners. Teoses *Encyclopedia of Murder and Violent Crime*. SAGE Publications: http://sage-ereference.com/violentcrime/Article_n134.html (24.09.2009).

Гендерные различия в сфере здоровья

Таави Лай

Резюме

.....

В данной статье внимание акцентировано на гендерном аспекте неравенства в сфере здоровья. В отдельных случаях рассматриваются различия, связанные с возрастом, доходом и образованием. Но основной интерес представляют гендерные различия в оценке здоровья, образа жизни, доступности услуг здравоохранения и общего статуса здоровья. За основу такого выбора взято допущение, что оценка здоровья, образ жизни и доступность услуг здравоохранения в существенной мере влияют на возникновение болезней, пользование услугами здравоохранения и в конечном итоге – на общее здоровье населения. При том, что в настоящей статье акцент делается на описании гендерных различий в сфере здоровья, она не ставит целью дать оценку справедливы или несправедливы случаи неравномерного распределения таких различий. Говоря о неравенстве в сфере здоровья, как правило, мы подразумеваем различия между группами населения в данной сфере, причиной которых являются социально-экономические или другие факторы, которые изменяются путем вмешательства.

Представленные в публикации результаты позволяют сделать вывод, что за последние десять лет состояние здоровья населения Эстонии улучшилось. Об этом свидетельствуют, например, увеличение продолжительности жизни и улучшение оценок состояния здоровья жителями страны. При этом поведение женщин, влияющее на здоровье, улучшалось быстрее или ухудшалось медленнее, чем у мужчин. Также можно сказать, что предпринятые в последнее десятилетие шаги по улучшению поведения, влияющего на здоровье населения, оказались более эффективными для женщин. Однако следует констатировать, что для сокращения гендерных различий в сфере здоровья народонаселения в целом необходимо больше внимания уделять мерам укрепления здоровья, четко направленным на целевые группы.

ТААВИ ЛАЙ, старший аналитик отдела информации и анализа сферы здравоохранения Министерства социальных дел, лектор Института здравоохранения Тартуского университета. Окончил медицинский факультет Тартуского университета. Научно-исследовательская работа Таави Лай посвящена темам здоровья народонаселения, экономических последствий заболеваемости населения, эффективности вложений в здоровый образ жизни, а также анализу влияний на систему здравоохранения. Он – автор многочисленных публикаций в эстонских и зарубежных изданиях.

Введение

.....

Под неравенством в сфере здоровья обычно понимают неравное или несправедливое распределение между группами населения определенных аспектов в сфере здоровья и связанных с этим социально-экономических факторов. В данном обзоре акцентируется внимание, прежде всего, на описании гендерных различий, а в некоторых случаях – различий, связанных с возрастом, доходом и образованием.

Неравенство – серьезный аспект не только для системы здравоохранения, но и для принятия политических решений в целом, так как здоровье – это уникальный ресурс, являющийся условием полноценной жизни и важным фактором, обуславливающим широту возможностей выбора для индивида и общества (Sep 2000). Тем самым здоровье можно считать одним из основных прав человека. Конституция Эстонии тоже устанавливает равное право на защиту здоровья, как основное право каждого человека, иными словами, всем должны быть обеспечены одинаковые возможности для крепкого здоровья.

Рассматривая вопрос неравенства в сфере здоровья, целесообразно определить, каких различий в ней можно избежать, какие можно изменить и, таким образом, выделить те, которыми целесообразней всего заниматься. Общепринято, что биологические и генетические различия в здоровье изменить нельзя.

В гендерных различиях состояния общего здоровья человека генетические, биологические и эволюционные факторы играют важную роль, но они все же не определяют общего состояния здоровья человека, тут важны еще и поведение в сфере здоровья, окружающая среда и социально-экономические факторы.

Однако точно неизвестно, насколько значительна роль тех или иных факторов и тем самым какие гендерные различия в сфере здоровья следует относить к несправедливым (Whitehead 1990). По этой же причине в данном обзоре акцент делается в основном на описании гендерных различий в сфере здоровья без попыток дать оценку справедливости или нет.

Классический, до сих пор бытующий подход к проблеме, предполагает, что целенаправленные усилия позволяют устранить те различия в сфере здоро-

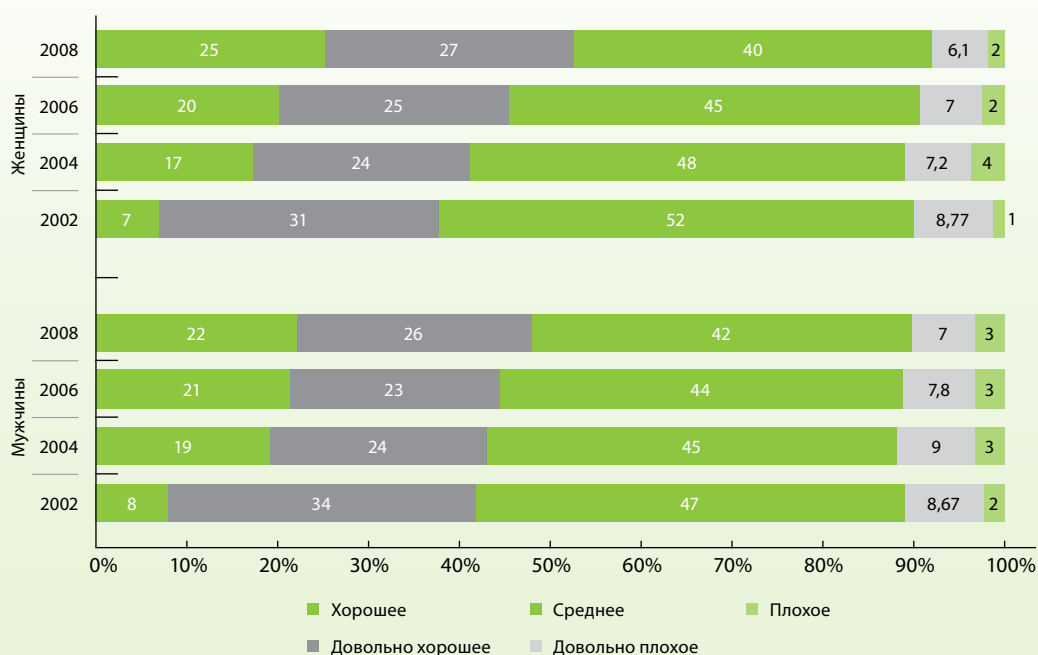
вья, которые обусловлены следующими факторами: нездоровое поведение индивида, обусловленное его выбором и его социальной средой; нездоровая психическая и физическая окружающая среда; нерегулярность обращений за врачебной помощью первой необходимости и методов укрепления здоровья; нерегулярность информации о состоянии здоровья; понижение социального статуса из-за плохого здоровья (Mackenbach и Bakker 2002). Различия в здоровье, обусловленные этими факторами, считаются несправедливыми, поскольку устранимы, а сокращение их количества требует внимания, независимо от их источника и содержания (Whitehead и Dahlgren 2006).

Общее собрание Союза женских организаций Эстонии считает необходимым призвать всех женщин Эстонии к участию в борьбе против пьянства, чтобы освободить семьи Эстонии от этого безобразного порока, убивающего жизнеспособность народа.

(Из протокола собрания представителей Союза женских организаций, 1923 г.)

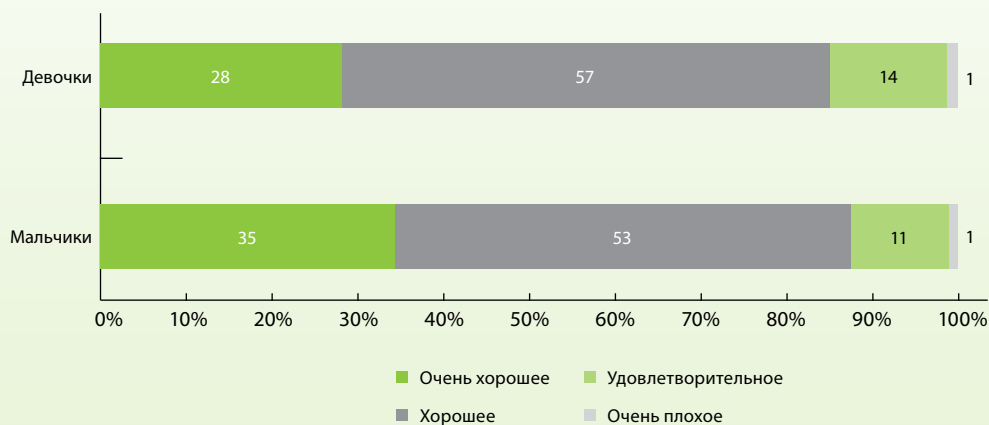
Различия в здоровье, обусловленные указанными выше факторами, исследовались и устанавливались в Эстонии с 2000 года (Kunst и др. 2002a, Kunst и др. 2002b, Leinsalu 2002, Leinsalu и др. 2003, Habicht 2003, Kasmel и др. 2004, Habicht и Kunst 2005, Rooväli и Kiivet 2006, Habicht и др. 2006). За рубежом систематические исследования неравенства в сфере здоровья стали проводить в 19 веке, главным образом они основывались на данных о смертности. Особое значение тема неравенства в сфере здоровья приобретает с 1980-х годов, когда начала формироваться политика охраны здоровья (Townsend и др. 1982), а международным приоритетом она стала в 2000-х годах (Mackenbach 2006, Judge и др. 2006, WHO 2005). В глобальном масштабе пол – один из множества факторов, с точки зрения которого рассматривается неравенство в сфере здоровья (Commission on Social Determinants

Рисунок 1. Оценки состояния своего здоровья мужчинами и женщинами (2000–2008 гг., в %)

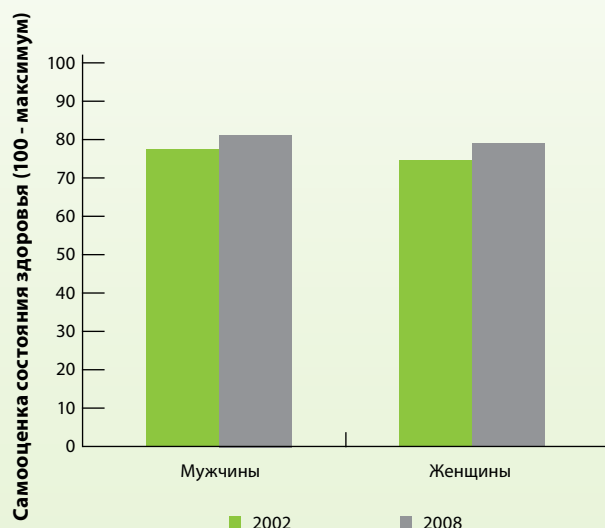
Источник: «Исследование поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья»

Рисунок 2. Оценки состояния своего здоровья мальчиками и девочками (2006 г., в %)

Источник: «Исследование поведения школьников Эстонии в сфере здоровья»

Рисунок 3. Суммарная оценка качества жизни, обусловленного состоянием здоровья, по 100-балльной шкале (2002 и 2008 гг.)

Источник: «Исследование поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья»

of Health 2008). Одновременно получают развитие подходы, акцентирующие внимание исключительно на гендерных различиях в сфере здоровья, а также на реализации мер по информированию, изменению политики и законодательства с целью ликвидации такого рода гендерного неравенства (Euroopa Nõukogu 2008, Payne 2009).

В рамках данного обзора внимание акцентировано на различиях в оценке здоровья, образа жизни, доступности услуг здравоохранения и общего статуса здоровья. Обзор не включает детальных показателей заболеваемости, смертности и пользования услугами здравоохранения. Такой выбор обусловлен главным образом тем, что избранные к рассмотрению темы ранее в Эстонии не находили комплексного отражения. Не менее важной причиной такого выбора является то, что именно оценка здоровья, здоровое поведение и доступность услуг здравоохранения в существенной мере влияют на заболеваемость, пользование услугами здравоохранения и в конечном итоге – на общее состояние здоровья населения.

ранения и в конечном итоге – на общее состояние здоровья населения.

Оценка состояния здоровья

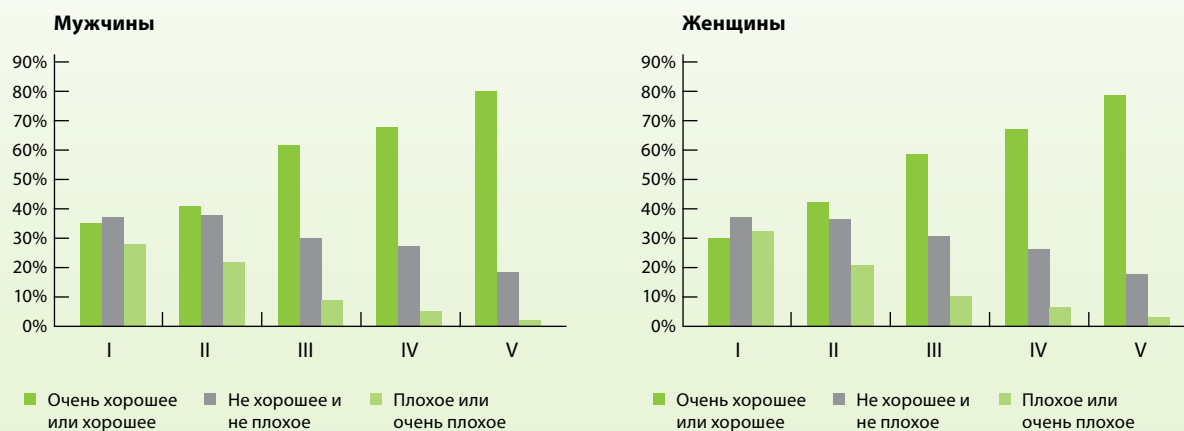
Болезни и другие проблемы здоровья влияют на то, как люди оценивают состояние собственного здоровья: чем тяжелее состояние, тем ниже оценка. В то же время человек меняет свой образ жизни или отправляется на прием к врачу только в том случае, если его собственная оценка своего здоровья начинает вызывать тревогу. Таким образом, субъективное представление человека о своем здоровье и сложности возникшей проблемы – важный фактор формирования его здорового образа жизни. Оценка состояния здоровья (и концепция качества жизни, связанная с этой оценкой) – единственный показатель, одновременно отражающий все три аспекта здоровья: отсутствие физических страданий, социальное и психическое благополучие. Проще всего оценку состояния здоровья можно описать, пользуясь определениями: очень хорошее, хорошее, удовлетворительное, плохое и очень плохое.

По данным Исследования поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья, в 2002 году состояние своего здоровья оценили как хорошее или очень хорошее 42% мужчин и 38% женщин (см. рисунок 1). Такое распределение соответствует классическим результатам, когда мужчины, как правило, оценивают свое здоровье выше женщин даже при объективно худшем его состоянии. В последующие годы оценка здоровья у мужчин и женщин улучшилась: в 2008 году свое здоровье назвали хорошим или очень хорошим 48% мужчин и 52% женщин. Заслуживает внимания тот факт, что к 2008 году процент женщин, оценивающих свое здоровье как хорошее или очень хорошее, превышал процент мужчин, давших аналогичную оценку. Иначе говоря, в 2002–2008 годах оценки женщин повышались значительно быстрее: в этот период доля мужчин, считающих состояние своего здоровья хорошим или очень хорошим, увеличилась на 6%, а доля женщин – на 14%, т. е. рост более чем в два раза.

Оценку состояния здоровья мальчиков и девочек измеряется в рамках исследования поведения школьников в сфере здоровья (Aasvee и др. 2007).

Как и ожидалось, подростки 11, 13 и 15 лет оценивали состояние своего здоровья выше, чем

Рисунок 4. Оценки своего здоровья мужчинами и женщинами в зависимости от квинтиля дохода (2008 г., в %)

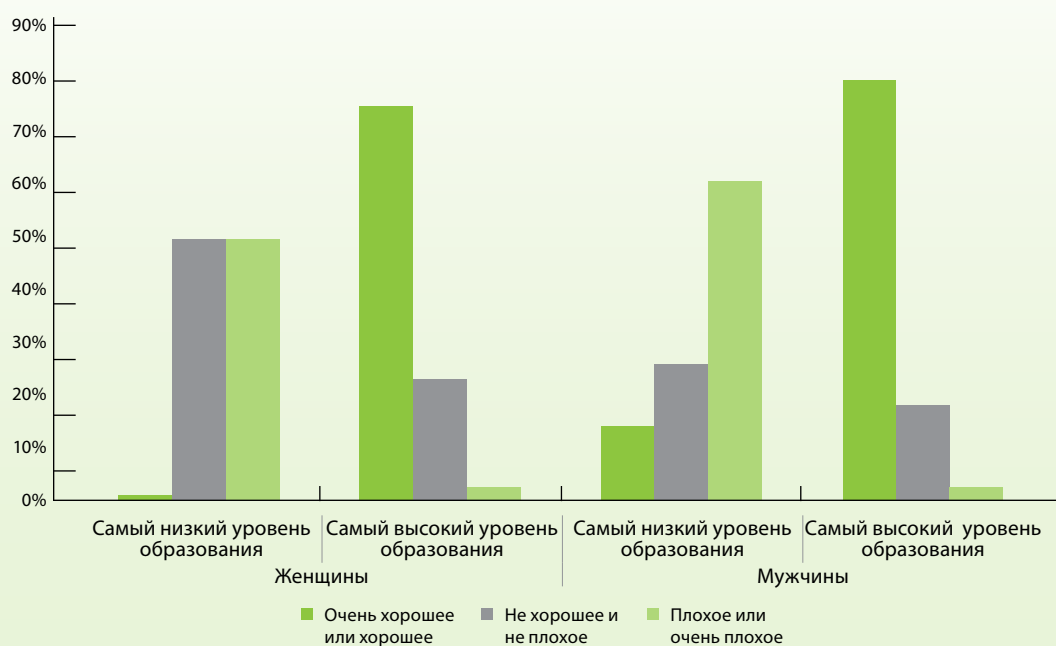
Источник: «Эстонское социальное исследование», 2008 г.

взрослые: в 2005/2006 учебном году 88% мальчиков и 85% девочек оценили свое здоровье как хорошее или очень хорошее (см. рисунок 2). В отличие от взрослых мальчики последовательно оценивали свое здоровье выше, чем девочки, но аналогично взрослым оценки девочек улучшались быстрее оце-

нок мальчиков. По сравнению с 2002 годом доля тех, кто оценивал состояние своего здоровья выше среднего, выросла среди девочек на 7%, а среди мальчиков на 2%.

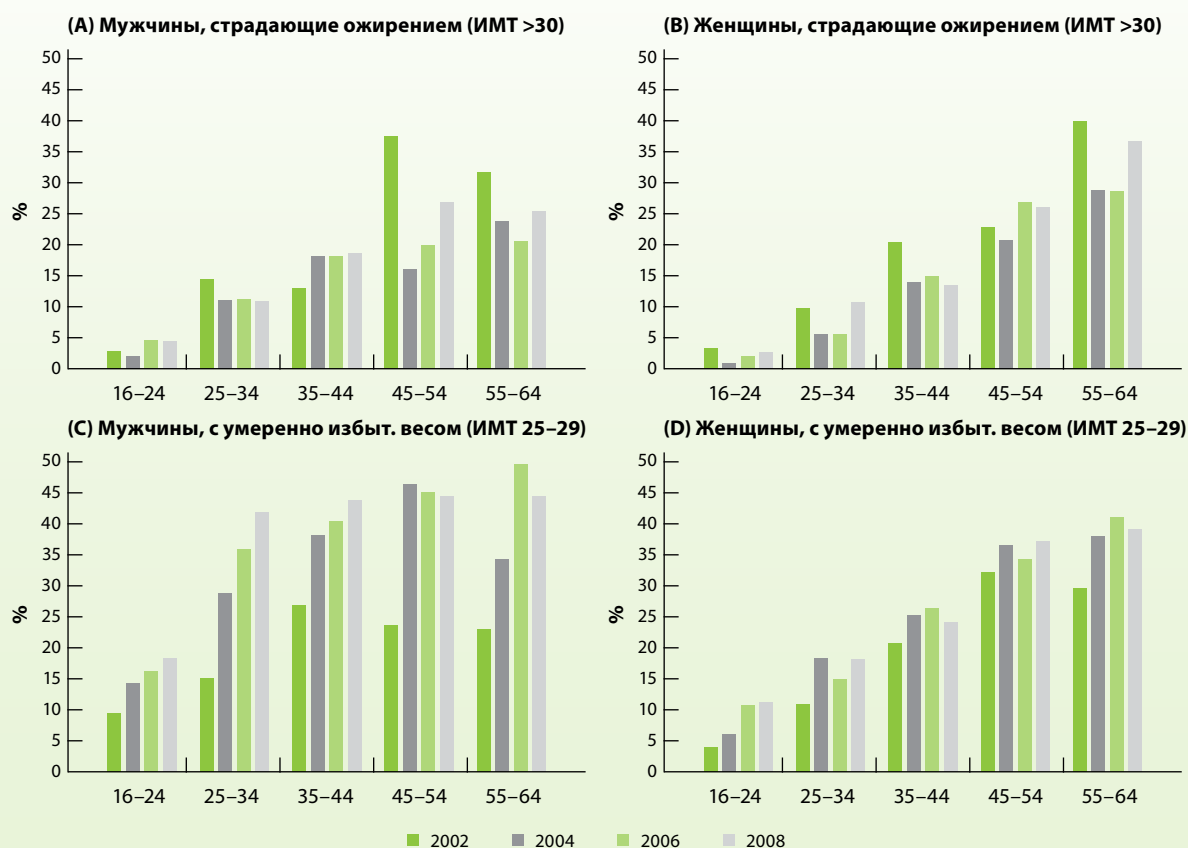
Помимо приведенных выше очень общих оценок, жители Эстонии в 2002 и 2008 годах давали

Рисунок 5. Оценки состояния своего здоровья мужчинами и женщинами в группах с самым низким и с самым высоким уровнями образования (2008 г., в %)

Источник: «Эстонское социальное исследование», 2008 г.

Рисунок 6. Мужчины и женщины Эстонии с умеренно избыточным весом и ожирением (2000–2008 гг., в %)

Источник: «Исследование поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья»

оценку здоровью, отвечая также на более конкретные вопросы. Благодаря этому мы имеем более точные оценки здоровья по 100-балльной шкале (100 баллов – наилучшее из возможного состояния и 0 – наихудшее из возможного состояния). Эти оценки позволяют измерить различия в состоянии здоровья населения по гендерным группам, а также сопоставить с показателем наилучшего из возможного состояния здоровья.

Здесь снова обнаруживается, что в последние годы качество жизни, связанное со здоровьем, у женщин повышалось быстрее, чем у мужчин (см. рисунок 3). В 2008 году 79% женщин и 81% мужчин оценили качество жизни, связанное со здоровьем, как наилучшее из возможного. По сравнению с 2002 годом, рост этого показателя у женщин составил 5%, у мужчин 4%. Если наметившиеся тенденции не изменятся, то недалеко время, когда и по этому показателю роли женщин и мужчин поменяются.

Различия в оценках здоровья между группами с разными доходами заметно превышают гендерные различия внутри самих групп. В группах населения с самыми высокими и самыми низкими доходами количество людей, оценивающих свое здоровье как хорошее или очень хорошее, различалось у мужчин в 2,3, а у женщин в 2,6 раза (см. рисунок 4). Гендерные различия в основном проявляются в группе с самыми низкими доходами, где мужчин, оценивающих свое здоровье как хорошее и очень хорошее, было приблизительно на 5% больше. В общих чертах доходы на оценку состояния здоровья мужчинами и женщинами влияют сходно.

Уровень образования на оценку здоровья у мужчин и женщин влияет значительно больше, чем доходы. Например, в 2008 году среди женщин с самым низким уровнем образования почти полностью отсутствовали те, которые оценивают свое здоровье как хорошее или очень хорошее, зато среди

мужчин их оказалось почти 14% (см. рисунок 5). В то же время среди мужчин с самым низким уровнем образования (по сравнению с женщинами с аналогичным уровнем образования) количество лиц, оценивших свое здоровье как плохое или очень плохое, было больше на 10%.

Оценки здоровья мужчин и женщин с самым высоким уровнем образования относительно схожи: среди мужчин больше тех, кто оценивает свое здоровье как хорошее или очень хорошее, а среди женщин – тех, кто оценивает состояние своего здоровья как среднее. Количество лиц, оценивающих свое здоровье как плохое, в группе этого уровня образования равномерно невелико. Аналогично результатам оценок групп по уровню доходов, оценки групп разного уровня образования имели больше гендерных различий. Например, между группами с самым низким и самым высоким уровнем образования различие в мужских оценках здоровья как хорошее или очень хорошее достигало порой 6-кратного размера, а у женщин даже 81-кратного.

Подытоживая тему оценки состояния здоровья, можно сказать, что, несмотря на порой весьма различающиеся оценки групп по доходам и уровню образования, гендерные различия в них остаются незначительными. Одновременно имеющиеся данные не позволяют сделать выводы о том, как зависит примерное равенство мужских и женских оценок от большей доли женщин с высшим образованием и большей доли мужчин с высоким уровнем доходов. Предыдущие данные говорят в пользу того, как важно учитывать различия между группами по уровню образования и уровню доходов для сокращения различий в гендерных оценках здоровья и планирования политики дальнейшего укрепления здоровья населения Эстонии.

Поведение, влияющее на здоровье

Деятельность, поведение и в целом образ жизни влияют на состояние здоровья человека. Здоровое поведение подразумевает позитивный образ жизни и поведение, направленное на улучшение здоровья. Термином нездоровое поведение обозначают негативное поведение, наносящее здоровью вред. В первом случае мы имеем дело со здоровым образом жизни, во втором – с нездоровым образом жизни.

Описывая и оценивая, как поведение людей и всего народонаселения, сказывается на здоровье, следует помнить, что все его уровни тесно связаны между собой. Например, в связи с курильщиком вероятность злоупотребления алкоголем выше, а в связи с неправильным питанием меньше вероятность физической активности. Взаимосвязи поведения, влияющего на здоровье, и болезней сложны и тесно переплетены. Например, возникновению сердечно-сосудистых заболеваний способствуют неправильное питание, малая физическая активность, курение и употребление алкоголя, а также масса тела, меняющаяся под комплексным воздействием указанных факторов.

Как уже было сказано, все виды поведения человека влияют на его здоровье, но главными из них следует считать те, которые связаны с привычками питания, физической активностью, курением и употреблением алкоголя. Их мы и рассмотрим.

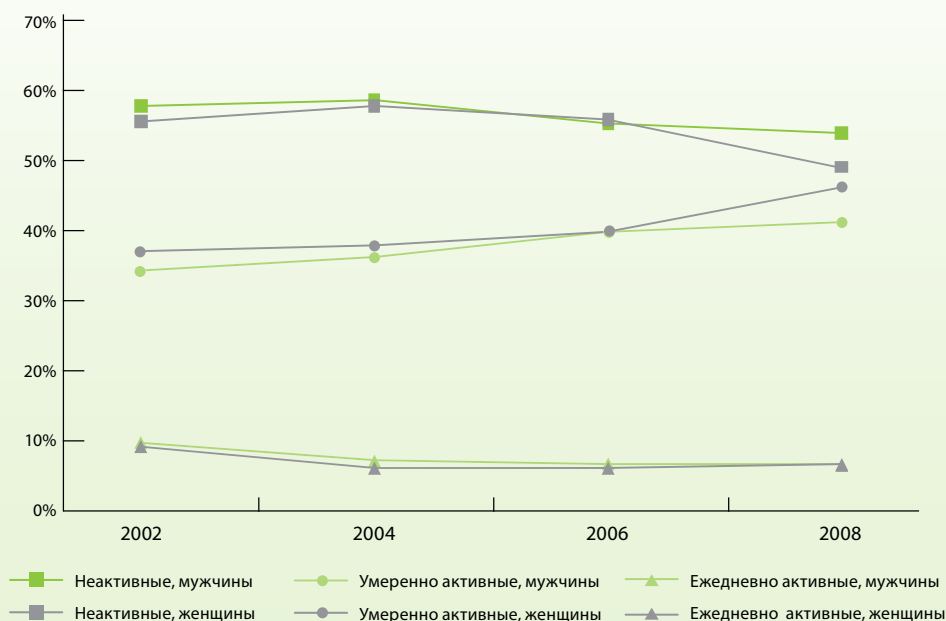
Питание и физическая активность

Данные о привычках питания взрослого населения страны отслеживает Исследование поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья, которое фиксирует частоту потребления различных продуктов, таких как овощи, хлеб и т. д. Но для того, чтобы понять, как питание влияет на здоровье, надо знать также и количество потребляемых продуктов, которое, однако, это исследование не фиксирует. Поэтому вместо данных о питании мы используем данные об избыточном весе, которые позволяют в свете показателей физической активности косвенно оценить привычки питания людей.

Если значение индекса массы тела (ИМТ), устанавливаемого по соотношению роста и веса человека, превышает 25 – это считается классическим показателем избыточного веса. Избыточный вес, в свою очередь, подразделяется на умеренно избыточный, когда индекс массы тела находится в пределах от 25 до 29, и сильно избыточный (ожирение), когда индекс превышает 30.

В 2000 году среди мужчин и среди женщин было около 40% людей с избыточным весом, которые достаточно равномерно распределялись по группам людей с умеренно избыточным весом и с ожирением (см. рисунок 6). К 2008 году доля мужчин с избыточным весом увеличилась до 56%, и доля женщин – до 50%. В основном увеличение шло за счет людей с

Рисунок 7. Сравнительные данные мужчин и женщин с разной степенью физической активности (2002–2008 гг., в %)

Источник: «Исследование поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья»

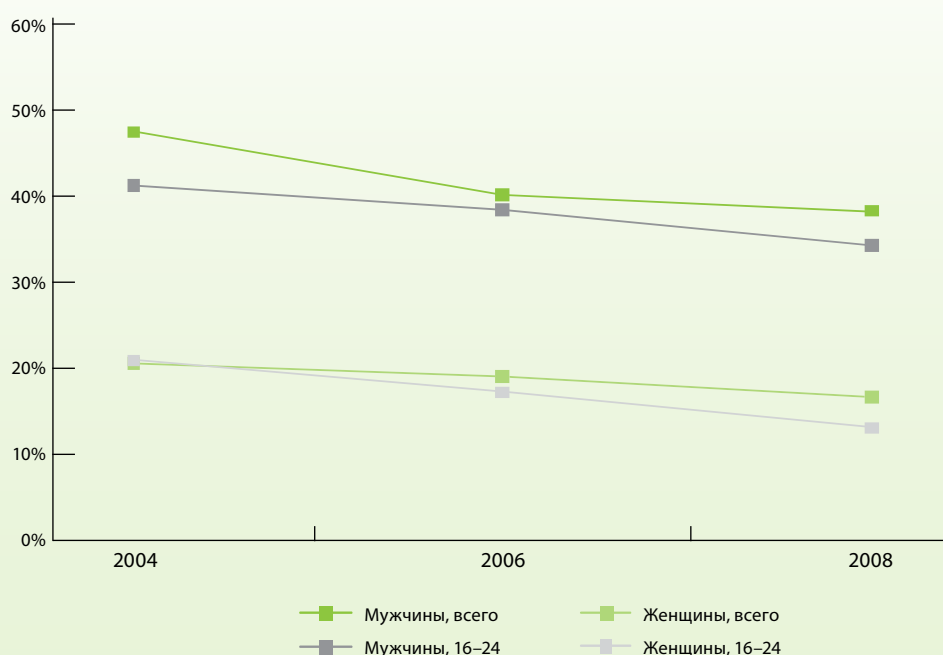
умеренно избыточным весом – среди мужчин их стало в 2, а среди женщин в 1,6 раза больше. Некоторые изменения обнаружены были и среди людей, страдающих ожирением, но четких тенденций здесь все-таки не было отмечено.

Стремительней всего показатель умеренно избыточного веса вырос среди мужчин в возрасте 25–34 лет – в 2,8 раза (рост 27%), т. е. в 2008 году среди мужчин этого возраста было более 42% с умеренным избыточным весом. Менее всего показатель умеренно избыточного веса у мужчин изменился в возрастной группе 16–24 лет (рост 9%). Этот наименьший показатель среди мужчин совпал с показателем роста числа женщин с умеренно избыточным весом в той же возрастной группе (16–24 лет). В итоге можно сказать, что среди мужчин, как минимум, половина с умеренно избыточным весом или ожирением приходится на возраст старше 25 лет, а среди женщин – старше 45 лет. Таким образом, основные гендерные различия по избыточному весу обнаруживаются в возрастной группе 16–44 лет. При этом самые значительные различия наблюдаются в группе 25–34 лет, где доля мужчин с избыточным весом почти в два раза превосходит долю женщин с избыточным весом.

Росту показателя числа людей с избыточным весом сопутствовал и рост показателя числа людей с умеренной физической активностью (см. рисунок 7). Это происходило, прежде всего, за счет сокращения показателей количества людей с высокой физической активностью и физически неактивных людей. Неактивными в данном случае считаются люди, которые занимаются спортом в свободное время менее трех раз в месяц, а умеренно активными – те, которые занимаются спортом не менее 1–6 раз в неделю. По данным Исследования поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья, к 2008 году показатель физически неактивных среди мужчин снизился до 53%, а показатель физически неактивных среди женщин – до 48%. Доля ежедневно активных людей как среди мужчин, так и среди женщин, уменьшилась до 7%. В то же время доля умеренно активных людей среди мужчин увеличилась до 40%, а среди женщин – до 45%.

Характеризуя тенденции физической активности, как положительный момент, можно отметить увеличение доли физически активных людей, но это все же не компенсировало влияния изменившихся привычек питания. Возможно, негативное влияние оказало также уменьшение доли людей с высокой степенью физической активности. К сожалению,

Рисунок 8. Изменения количества постоянных курильщиков в возрастных группах мужчин и женщин 16–24 лет и среди общего числа мужчин и женщин (2004–2008 гг., в %)

Источник: «Исследование поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья»

данных об интенсивности физической активности населения, позволяющих оценить это влияние, нет.

Гендерные различия, к сожалению, все-таки увеличились. Среди женщин показатель физически неактивных уменьшался быстрее – к 2008 году физически активных женщин было на 5% больше, чем физически активных мужчин. Тревогу вызывают, прежде всего, изменения среди молодых мужчин: в возрастной группе 16–24 лет доля ежедневно физически активных людей сократилась почти в 2 раза (с 15% до 8%). Выяснилось также, что в 2008 году почти половина мужчин сохраняла физическую активность до 34 лет, в то время как половина женщин сохраняла ее до 44 лет. Кроме того, с 25-летнего возраста показатель физической активности женщин превышает соответствующий показатель мужчин.

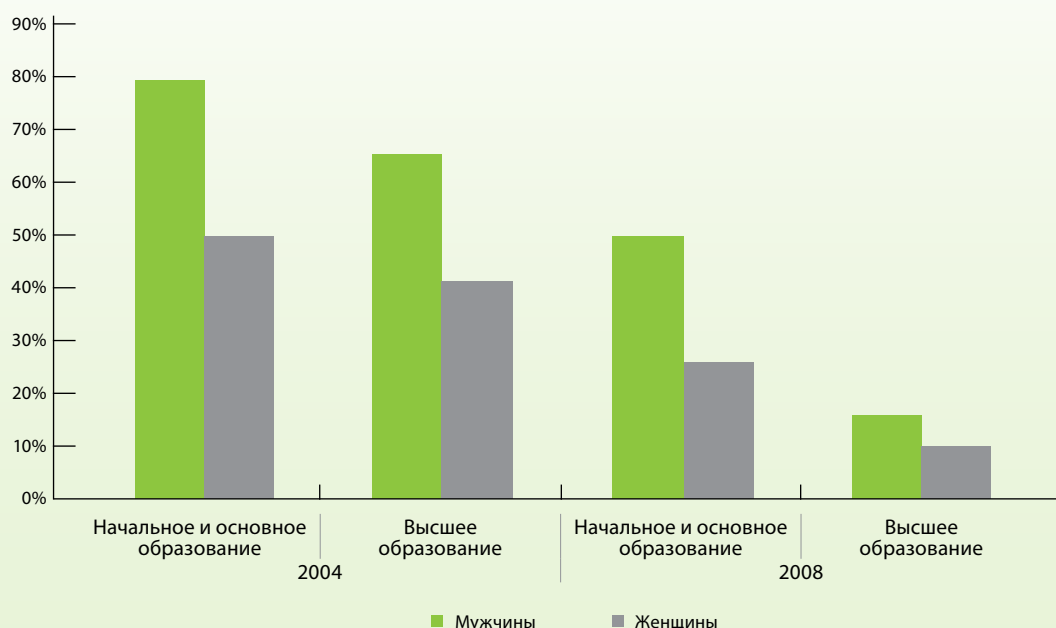
Таким образом, основные гендерные различия в связи с питанием и физической активностью наблюдаются в возрастной группе 25–44 лет, где среди женщин больше физически активных и меньше с избыточным весом. Однако за последние годы отмечается не только рост физической активности мужчин и женщин, но и рост числа тех, кто

имеет избыточный вес. Иначе говоря, повышение физической активности населения было недостаточным, чтобы остановить увеличение его избыточного веса, обусловленное изменившимися привычками питания и количеством энергии, получаемой с пищей. Эти изменения более всего видны по молодым, среди них рост людей с избыточным весом был самым быстрым.

Курение и употребление алкоголя

Источником данных о курении и употреблении алкоголя, как и данных о поведении, влияющем на здоровье, является Исследование поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья. В 2008 году в стране постоянными курильщиками были 38% мужчин и более чем в половину меньше (17%) женщин (см. рисунок 8). И среди мужчин, и среди женщин доля постоянных курильщиков с 2004 года уменьшилась, но, к сожалению, немного: среди мужчин – на 9%, среди женщин – на 4%. При этом неизменным остался показатель курящих от случая к случаю (7% у мужчин и 8% у женщин в 2008 г.).

Рисунок 9. Количество постоянных курильщиков в группах мужчин и женщин с самым низким и самым высоким уровнем образования (2004 и 2008 гг., в %)

Источник: «Исследование поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья»

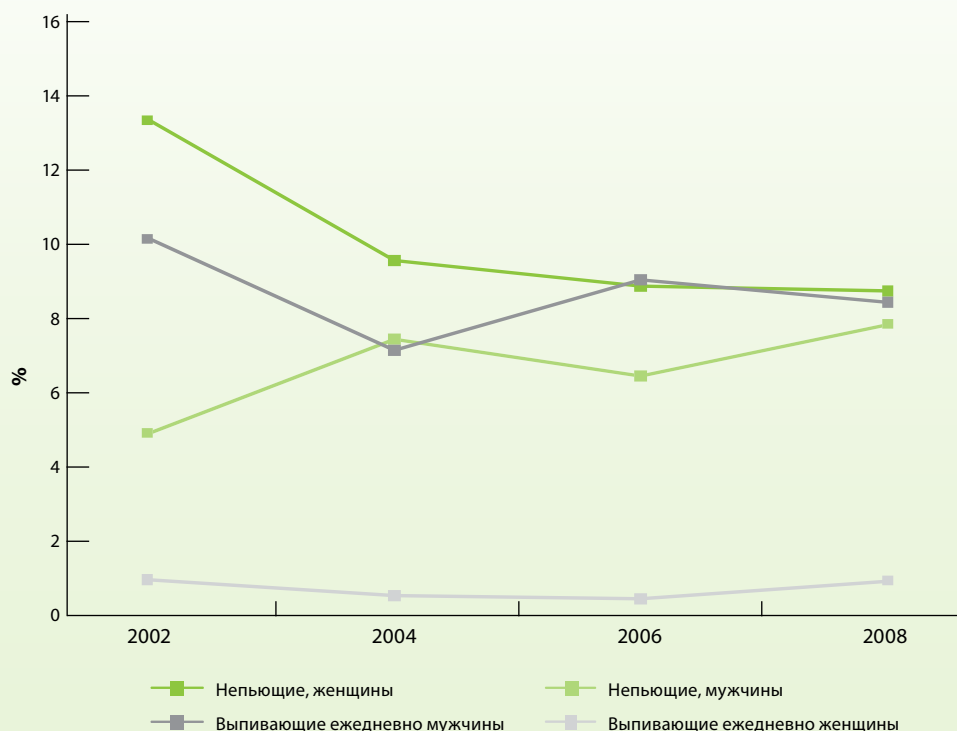
Сокращение числа постоянных курильщиков-мужчин объясняется ростом числа отказов от курения и уменьшением числа начинающих курильщиков. Среди женщин в основном идет уменьшение числа начинающих курильщиков, число же отказов от курения, по сравнению с ним невелико. Последняя тенденция особенно видна по группе женщин 16–24 лет, где сокращение числа постоянных курильщиков шло быстрее среднего, а новых курильщиков добавилось меньше всего. (В 2004 году некурящих женщин было 44%, в 2008 году – 60%). В отличие от женщин того же возраста сокращение числа постоянных курильщиков среди мужчин в возрасте 16–24 лет не достигало среднего показателя.

С 2004 по 2008 год быстрее всего число постоянных курильщиков снижалось среди людей с высшим образованием. Как среди мужчин, так и среди женщин с высшим образованием их число сократилось более чем в 4 раза, и в 2008 году доля постоянных курильщиков составляла среди них соответственно 16% и 10% (см. рисунок 9). Среди мужчин с начальным и основным образованием число постоянных курильщиков уменьшилось лишь

в 1,6 раза, а среди женщин – в 1,9 раза; к 2008 году постоянных курильщиков среди мужчин с самым низким уровнем образования было 50%, а среди женщин 26%. В отличие от ситуации 2004 года к 2008 году была обнаружена тесная связь между уровнем образования и курением, с повышением уровня образования сокращалась доля курильщиков. Кроме того, отмечено было, что с повышением уровня образования растет и число людей, отказывающихся от постоянного курения.

Во время проведения в 2008 году исследования поведения взрослого населения в сфере здоровья 8% мужчин и 1% женщин признались в ежедневном употреблении алкоголя. Число женщин, не употребляющих алкоголь, в отличие от числа мужчин, по сравнению с 2002 годом сократилось: в 2008 году количество мужчин и женщин, не употребляющих алкоголь, было одинаковым – 8% (см. рисунок 10). Столь противоположные изменения четко прослеживаются среди людей 16–24 лет, где рост числа употребляющих алкоголь мужчин и сокращение употребления алкоголя женщинами шли самыми быстрыми темпами, а показатель числа употребляющих алкоголь сравнялся на 10–11%.

Рисунок 10. Сопоставление количества непьющих и ежедневно выпивающих мужчин и женщин 16–24 лет (2002–2008, в %)

Источник: «Исследование поведения взрослого населения Эстонии в сфере здоровья»

И все же данные о тех, кто не употребляет алкоголь, и тех, кто употребляет алкоголь ежедневно, значительно уступают данным о тех, чье отношение к алкоголю находится в промежутке между этими полюсами. Несколько раз в месяц алкоголь употребляют 36% мужчин и 43% женщин, причем по сравнению с 2002 годом их стало больше соответственно на 12% и 13% больше. Несколько раз в неделю алкоголь употребляют 35% мужчин и 13% женщин, причем показатель таких потребителей среди мужчин вырос на 10%, а среди женщин на 6%.

Таким образом, аналогично ситуации с физической активностью, за счет крайностей участилось т. н. среднее поведение. Одновременно выросло и количество потребляемого абсолютного алкоголя в среднем на человека: с 7,5 литров в 2000 году до почти 12 литров к 2008 году (Eesti Konjunktuaari Instituut 2009). Опираясь на приведенные выше данные, можно сказать, что существенный вклад в уве-

личение среднего объема потребляемого алкоголя внесло сокращение числа людей, не употребляющих алкоголь, и рост частоты «среднего» или «умеренного» потребления алкоголя.

Доступность услуг здравоохранения

По данным Больничной кассы Эстонии, в 2008 году мужчины посещали врачей 1,3 млн. раз и женщины – 2,3 млн. раз. В то время среднее число мужчин в составе населения страны немногим превышало 600 тыс. человек, а среднее число женщин – чуть более 700 тыс. человек, т. е. на одного мужчину приходилось 2,1 и на одну женщину – 3,2 посещения врача. В силу различных факторов женская статистика посещений вполне ожидаема. По данным мировой литературы, женщины зачастую аналогичному с муж-

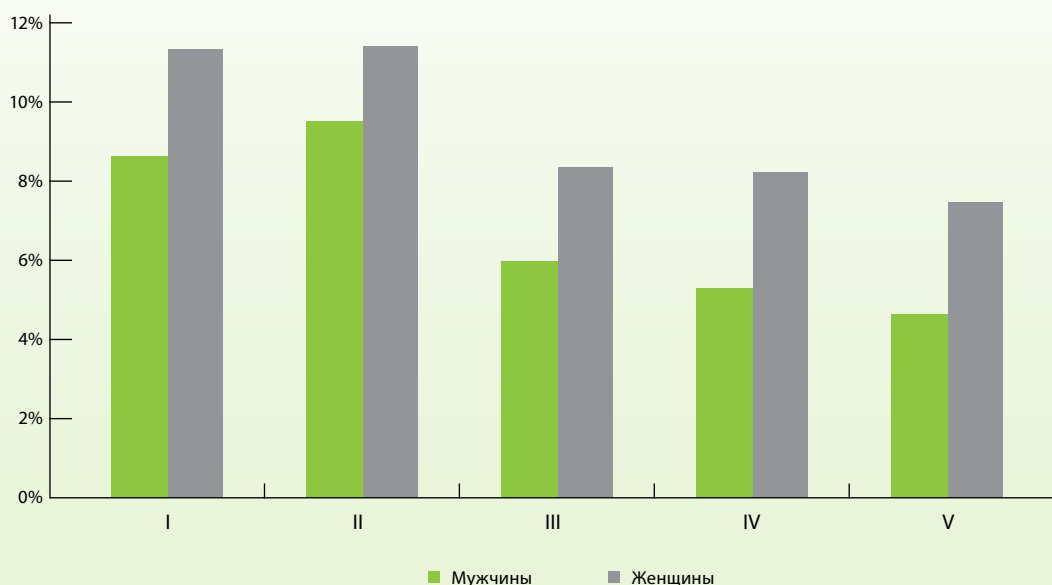
Рисунок 11. Доля пациентов, не попавших на прием к семейному врачу среди мужчин и женщин по квинтилям дохода (2008 г., в %)

I квинтиль – самый низкий доход; V квинтиль – самый высокий доход

Источник: «Эстонское социальное исследование», 2008 г.

Рисунок 12. Соотношение мужчин и женщин, не попавших на прием к врачу-специалисту, по квинтилям дохода (2008 г., в %)

I квинтиль – самый низкий доход; V квинтиль – самый высокий доход

Источник: «Эстонское социальное исследование», 2008 г.

чинами состоянию здоровья дают более негативную оценку, большая продолжительность жизни женщин создает предпосылки для более частого возникновения хронических заболеваний, кроме того, такие гендерно-специфические состояния, как беременность, служат причиной частого обращения к услугам здравоохранения. Доступность медицинских услуг также может повлиять на статистику пользования ими. Ниже мы подробно рассмотрим вопрос доступности различных частей системы здравоохранения, а также

препятствий на пути к ним, которые ставят людей с проблемами здоровья в неравное положение.

Первый контакт с системой здравоохранения Эстонии у населения в большинстве случаев происходит на ее первом уровне, т. е. у семейного врача. На проблемы с записью на прием к семейному врачу чаще всего указывают мужчины с самым низким уровнем дохода (8% от числа представителей этой группы, см. рисунок 11). У женщин те же проблемы также обнаруживаются в группе с самым низким уровнем дохода (6% от числа представительниц

Сексуальное здоровье и пол

Кай Парт

Культурные и социальные установки оказывают сильное влияние на сексуальное поведение людей. Половые различия в сексуальном поведении в традиционных обществах больше, чем в малых странах, где социальные роли женщин и мужчин гибче, а статус женщин выше (Bajos и Marquet, 2000).

Марстон и Кинг (Marston и King 2006) в своей обзорной статье пишут, что традиционные ожидания в отношении сексуального поведения женщин и мужчин заключают в себе многие риски. Так, от женщин при вступлении в брак ждут невинности, а мужчина должен рано проявлять свою гетеросексуальную активность, получать удовольствие от секса, удовлетворять женщин, при этом женщин, получающих удовольствие от секса, считают легкодоступными; мужчина выступает инициатором сексуальных отношений, а женщине отводится пассивная роль. Парадоксальным образом наличие презерватива или требование его использовать для женщин служит стигматизирующим признаком при том, что именно на женщину возлагается ответственность за нежелательную беременность. Если женщины не говорят откровенно о своих предпочтениях, а мужчины стараются показать себя опытными в сексе, отношения между партнерами будут затруднены. Когда секс для женщины связан прежде всего с любовью и всеохватными чувствами, то сексуальный акт происходит не как результат логичного, спланированного или рационального поведения, а спонтанно, зачастую без контрацептивов. Стремясь угодить партнеру и сохранить отношения любой ценой, женщина способна отодвинуть свои желания и потребности на второй план и вести себя во вред самой себе. Неравенство в отношениях, в свою очередь, способствует сексуальной эксплуатации и насилию (там же).

Влияние гендерно-ролевых установок на сексуальное поведение в Эстонии особо не изучалось. Однако есть сравнительные данные о сексуальном поведении преимущественно молодых мужчин и женщин.

Условием сексуального здоровья и ответственного сексуального поведения являются знания о сексуальности. Знания молодежи, прежде всего девушек, о сексуальности начали меняться в качественно лучшую сторону с 1990-х годов (Parr и др. 2001). Тенденция сохраняется и поныне: девушки 14–29 лет более информированы, чем юноши, о способах заражения ВИЧ, передаче инфекций от матери к ребенку, способах предотвращения половых инфекций (Lõhmus и Trummal 2007). Девушки, в отличие от парней, позитивнее относятся к использованию презервативов и терпимее к людям, зараженным ВИЧ (там же). Улучшению знаний молодежи о сексе способствовало введение с 1996 года в школьную программу обязательного предмета «Человековедение», в рамках которого рассматриваются темы сексуального образования. Результаты молодежного исследования KISS показали, что если в 1994 году лучшие знания о сексе показали те учащиеся 9-х классов, которые имели опыт полового контакта, то в 1999 году лучшую информированность показали те, кто посещал школьные уроки сексуального воспитания (Part и др. 2008). Сегодня мы не имеем данных об уровне школьного сексуального образования, не знаем, какие темы рассматриваются более подробно, а какие менее, не знаем, каков эффект этого образования.

В Эстонии 20 века, как и в Северных странах, хотя и поколением позже, произошло снижение возрастного уровня людей, впервые вступающих в половые отношения. По данным исследования межчеловеческих и интимных отношений (Haavio-Mannila и Kontula 2001), женщины, родившиеся в 1977–1980 годах, начинали сексуальную жизнь в среднем на пять лет, а мужчины – в среднем на три с половиной года раньше тех, кто родился в 1927–1931 годах. Если мужчины старших поколений начинали сексуальную жизнь на два года раньше женщин (в поколении 1927–1931 годов рождения мужчины начинали сексуальную жизнь в среднем 19,7 лет, женщины в 22,3 года), то в более поздних поколениях это

этой группы). При этом в группе с самыми высокими доходами никаких гендерных различий в вопросе доступности услуг семейного врача нет. Иными словами, и для мужчин, и для женщин доступность услуг семейного врача преимущественно зависит от уровня доходов, а не от гендерных признаков.

В случае с обращением к врачам-специалистам ситуация весьма схожая: гендерные различия проявляются в два раза реже различий по группам с разным уровнем дохода. При этом и препятствий, и гендерных различий в доступности услуг врачей-спе-

циалистов несколько больше. Женщины с доходами, аналогичными мужским, чаще (на 2,5%) признавали наличие проблем с доступом на прием к врачу-специалисту (см. рисунок 12).

Самые большие проблемы мужчины и женщины групп разного уровня доходов имели с доступом к услугам врачей-специалистов стоматологической сферы (см. рисунок 13), здесь тоже различия в доступности преимущественно определялись уровнем дохода, а не гендерными признаками. У людей с самым низким доходом почти в 6 раз чаще возни-

половое различие стирается. Высказывается мнение, что это — отражение выравнивания возможностей в других сферах жизни — образовании, работе, политике, семье и досуге (Bajos и Marquet 2000).

В последние годы заметно увеличилось число людей, использующих презерватив при первом половом акте: если среди респондентов 16–18 лет, участвовавших в исследовании 2003 года, презервативом пользовались 59%, то в 2007 году — уже 75% (Lõhmus и Trummal 2007). Положительный эффект связан в основном с образованием, а не с полом респондентов.

Влияние установок, связанных с полом, на мотивацию использования презерватива исследовалось в интервью, проводившихся с молодежью 16–24 лет (Trummal 2009). Респонденты считали, что задумываться о контрацептивах и последствиях пренебрежения ими — это в основном забота женщины, а о наличии презерватива должен позаботиться скорее мужчина. Отвечавшие полагали, что девушки не носят с собой презервативы, так как не предполагают, что вечер завершится половым актом, а юноши именно к нему и готовятся. Более юные девушки добавляли, что использовать или не использовать презерватив, зависит от юноши, поскольку влюбленность делает девушку слабей и податливей на уговоры юноши.

В итоге можно сказать, что в Эстонии прежние многочисленные различия в сексуальном поведении женщин и мужчин сократились или исчезли совсем. Это может указывать на выравнивание возможностей. Притом что уровень сексуального образования девушек выше уровня юношей, на использование презерватива по-прежнему заметное влияние оказывают стереотипные установки как мужчин, так и женщин.

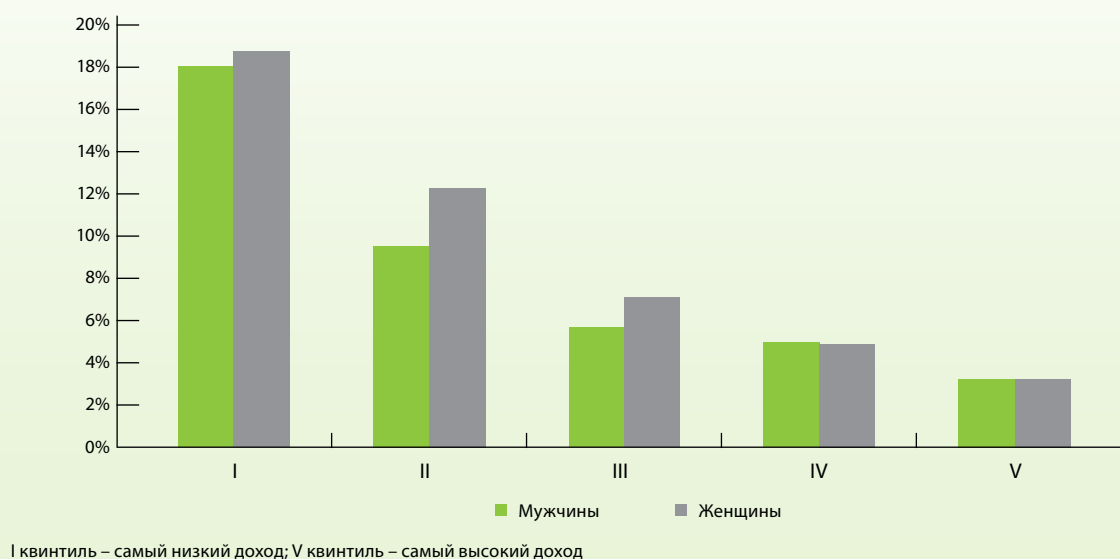
Дальнейшее изучение связей пола и сексуального здоровья позволит лучше понять, почему информационных кампаний и бесплатных раздач презервативов недостаточно для изменения сексуального поведения людей. ●

Использованные источники

- Bajos, N., Marquet, J. (2000). Research on HIV sexual risk: Social relations-based approach in a cross-cultural perspective. *Social Science & Medicine*. 50, 1533–46.
- Haavio-Mannila, E., Kontula, O. (2001). *Seksin trendit meillä ja naapurissa*. Helsinki: Werneri Söderström OY.
- Lõhmus, L., Trummal, A. (2007). HIV-i temaatikaga seotud teadmised, hoiakud ja käitumine eesti noorte hulgas. Tallinn: Tervise Arengu Instituut. http://www2.tai.ee/teated/GF/HIV_noorteuurimus_2007.pdf (14.12.2009)
- Marston, C., King, E. (2006). Factors that shape young people's sexual behaviour: a systematic review. *The Lancet*, 368, 1581–6.
- Papp, K., Part, K., Tõrik, S. (2001). KISS noorsoouuring 1999. Tartu: Eesti Pereplaneerimise Liit, Tartu Noorte Nõustamiskeskus. http://www.tai.ee/failid/Web_version_of_book_Kiss_Noorsoouuring_1999.htm (14.12.2009)
- Part, K., Rahu, K., Rahu, M., Karro, H. (2008). Factors associated with Estonian adolescents' sexuality-related knowledge: Findings from the 1994 and 1999 KISS studies. *The European Journal of Contraception and Reproductive Health Care*. 13, 173–181.
- Trummal, A. (2009). Kondoomi kasutamist mõjutavad tegurid 16–24-aastaste noorte hulgas. Fookusgruppide intervjuude analüüs. Tallinn: Tervise Arengu Instituut. http://www.tai.ee/failid/Noorte_fookusgrupid_kondoom_04.2009.pdf (14.12.2009)

Кай Парт — врач-гинеколог и преподаватель Клиники Тартуского университета. Долгое время работала консультантом и гинекологом в Тартуском молодежном консультационном центре. Она — составитель школьных учебных пособий по сексуальному воспитанию, вела курсы повышения квалификации для учителей анатомии и школьных медработников, выступала с лекциями о сексуальном образовании и репродуктивном здоровье на курсах в Тартуском университете.

Рисунок 13. Количество пациентов, не попавших на прием к стоматологу, среди мужчин и женщин по квинтилям дохода (2008 г., в %)

Источник: «Эстонское социальное исследование», 2008 г.

кали проблемы с доступностью услуг стоматолога, чем у людей с самым высоким доходом, при этом частота возникновения проблем у мужчин и женщин различалась максимум на 3%.

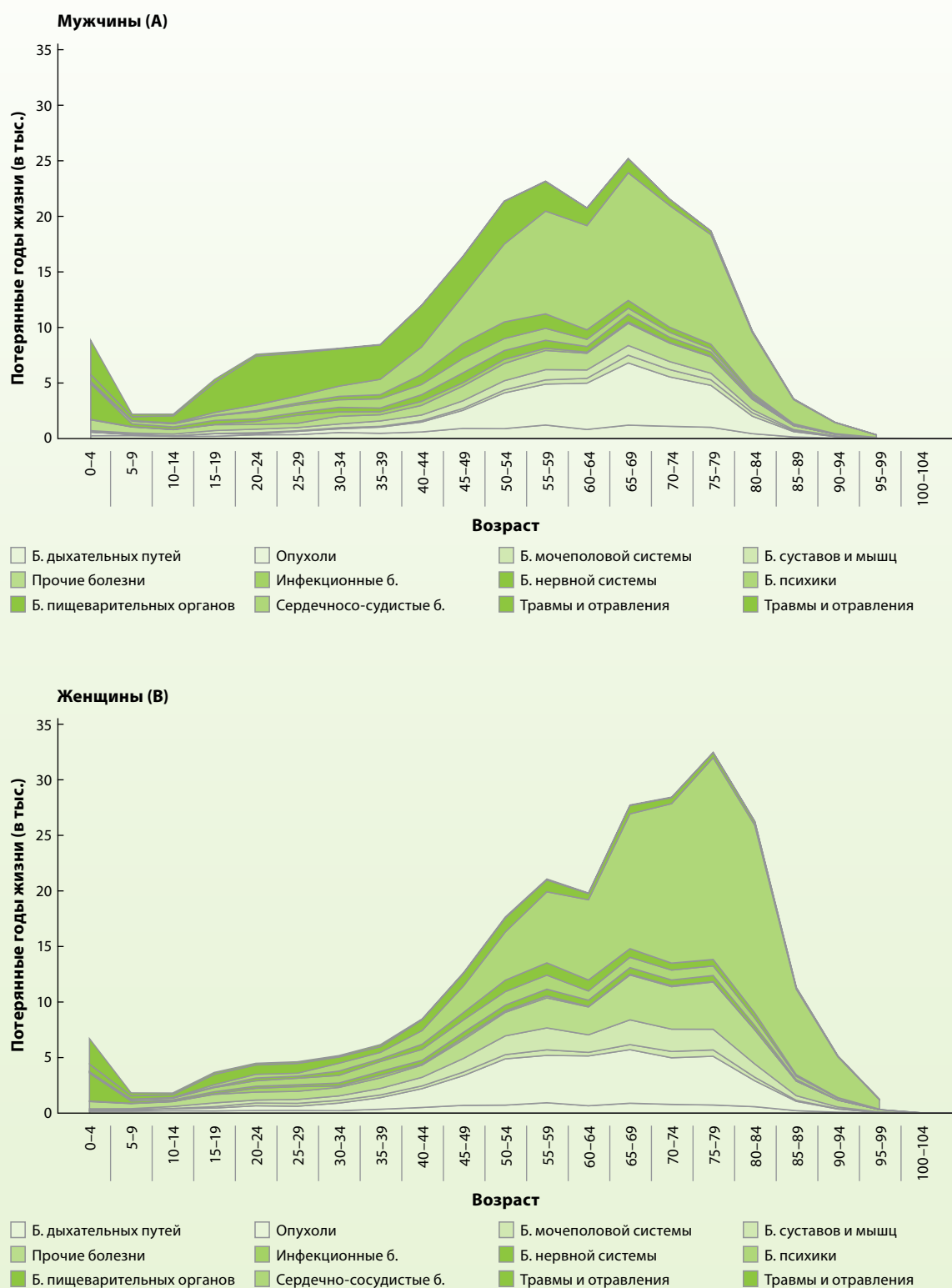
Причины, по которым пациенты не попадали на прием к семейному врачу, врачу-специалисту и стоматологу, у мужчин и у женщин относительно схожи и различаются скорее только между группами разного уровня доходов. В случае с семейным врачом у женщин было две основных причины: длинные очереди и желание пациенток дождаться улучшения своего состояния (соответственно 34% и 22% случаев). Основные причины, почему мужчины не попали на прием к семейному врачу, были те же, что у женщин, но в обратном порядке: главной причиной было желание подождать улучшения состояния (26% случаев), и за ней – длинные очереди (24%). В случае с приемом врача-специалиста на первый план опять же вышли длинные очереди: 69% случаев у мужчин и 50% у женщин. Обнаружилось, что чем выше доход человека, тем существенней для него становится причина длинных очередей, в то время как в группах с низким доходом более важным препятствием являются материальные проблемы. Материальные проблемы особенно четко прослеживаются в связи

с мужчинами, у которых в группе с самым низким доходом они стали причиной непосещения семейного врача в 13% случаев и причиной непосещения врача-специалиста – в 17% случаев (у женщин соответственно 0% и 8%).

В отличие от приема у семейного врача и врача-специалиста причины, по которым пациенты не приходили на прием к стоматологу, были главным образом материальными: на них ссылались 79% мужчин и 87% женщин. У мужчин с самым высоким доходом, помимо материальной причины, фигурировала причина нехватки времени из-за работы или ухода за кем-то (23% случаев), в то время как у мужчин с самым низким доходом речь шла лишь о материальных причинах.

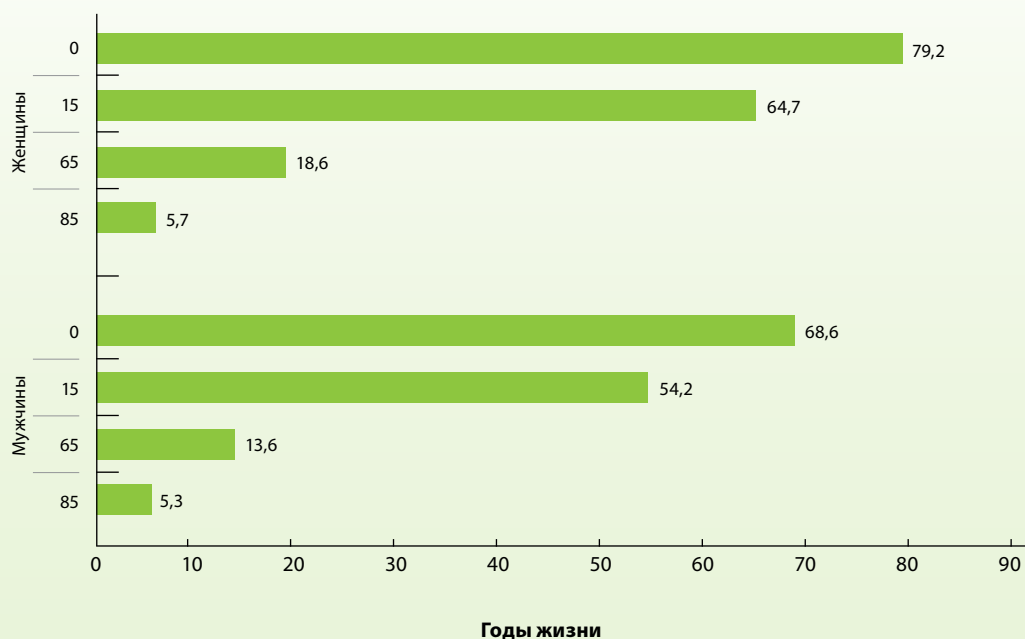
Исходя из приведенных данных, можно сказать, что гендерные различия в вопросе доступа к услугам здравоохранения минимальны по сравнению с различиями между группами разного уровня доходов. И хотя средний доход мужчин и женщин различен, невзирая на это женщины пользуются услугами здравоохранения значительно чаще, чем мужчины.

Рисунок 14. Распределение болезней по гендерно-возрастным группам и по основным группам болезней (2006 г., тыс. лет)

Источник: Министерство социальных дел

Рисунок 15. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в возрасте 0, 15, 65 и 85 лет (2008 г., годы)

Источник: Департамент статистики Эстонии

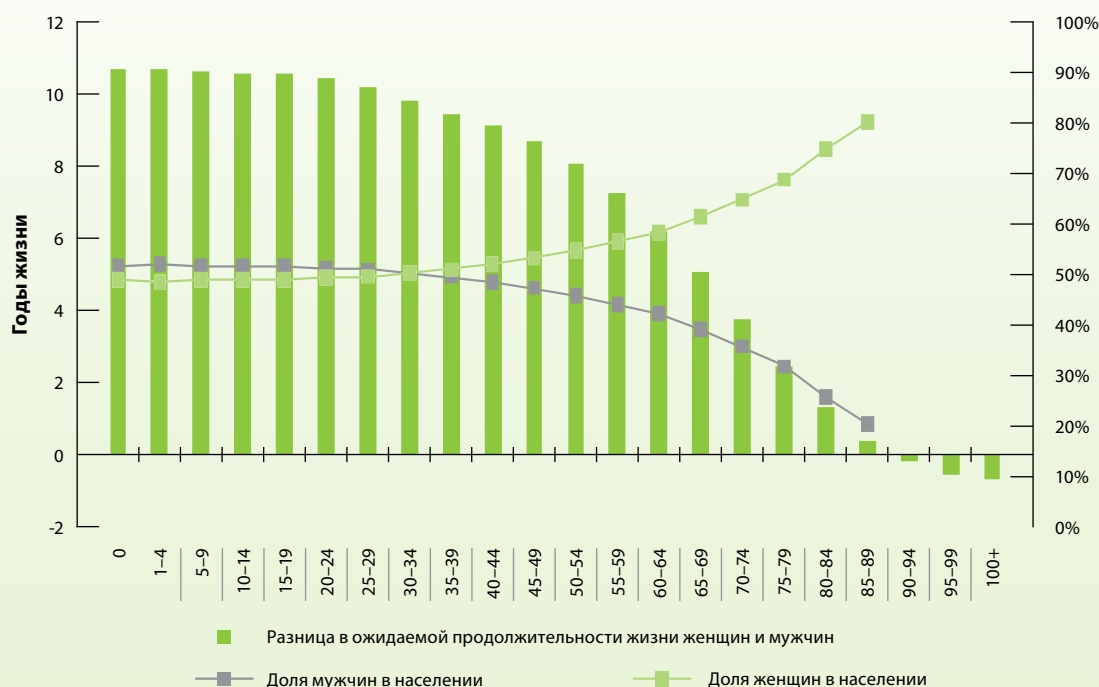
Потеря здоровья – потерянные годы жизни

Особенностью методики оценки потери здоровья, в отличие от предыдущих методик, является то, что она сводит воедино показатели смертности, ожидаемой продолжительности жизни, заболеваемости и качества жизни. В результате вычисляется время, потерянное из-за преждевременной смерти (потери из-за смертности) и болезни (потери по болезни), которое человек мог использовать, оставаясь здоровым. Такой подход позволяет сопоставлять влияние смертей и болезней на здоровье населения и получать общую картину проблем здоровья народонаселения. Самые свежие данные о потерях здоровья населения Эстонии относятся к 2006 году, когда у мужчин они суммарно составили 224 710 и у женщин 249 811 лет жизни. При том, что мужчины и женщины теряют годы жизни почти в равном количестве, мужчины теряют их в основном из-за ранней смерти, а женщины из-за

болезней в пожилом возрасте. Например, на возрастную группу мужчин 15-64 лет приходится 69% потерь из-за ранних смертей. Всего к 65 годам мужчины теряют 64% возможной продолжительности жизни, женщины – 48%.

Как было отмечено, у женщин преобладают годы жизни, потерянные из-за болезней, прежде всего хронических болезней в пожилом возрасте (см. рисунок 14). В силу столь принципиальных различий есть и существенные различия в болезнях, являющихся причинами потери лет жизни у мужчин и у женщин. Как у мужчин, так и у женщин главный фактор потери здоровья – сердечно-сосудистые заболевания, за которыми следуют опухоли. Но если у мужчин на третьем месте стоят травмы и отравления, то у женщин – заболевания суставов и мышц. Существенные гендерные различия отмечены внутри групп указанных выше недугов. Например, в группе людей, страдающих опухолями, у мужчин главной проблемой является рак легких, связанный с курением. У женщин в этой группе самая большая проблема – рак груди, обусловленный генетической

Рисунок 16. Различия в ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин (столбцы по левой оси) и доля во всем населении (линии по правой оси) в 2008 г.

Источник: Департамент статистики Эстонии

предрасположенностью, риск возникновения которого усилен употреблением алкоголя.

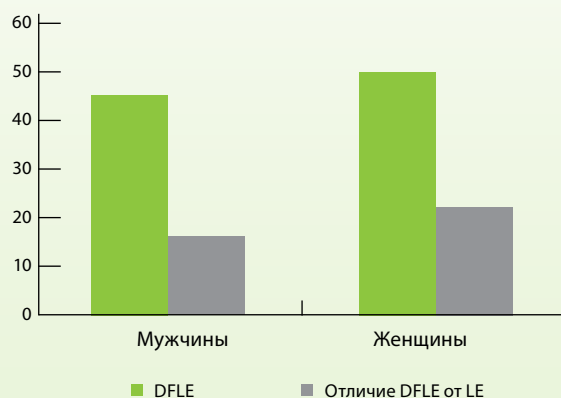
Из сказанного выше явствует, что главными источниками потерь здоровья мужчинами и женщинами Эстонии являются проблемы, тесно связанные с образом жизни. К примеру, причинами заболеваний сердечно-сосудистой системы служат употребление алкоголя, малая физическая активность, курение и нездоровые привычки питания. Возникновение опухолей (рак легких, рак груди) также в большой степени связано с особенностями образа жизни. Риск появления рака толстой кишки во многом обусловлен привычками питания. Со злоупотреблением алкоголем тесно связан цирроз печени, занимающий 11-е место в списке мужских заболеваний. Значительная часть травм и отравлений у мужчин связана с употреблением алкоголя и высокой степенью рискованного поведения в целом.

Ожидаемая продолжительность жизни

.....

На продолжительность жизни людей влияет множество факторов, и те, что были рассмотрены выше, безусловно, играют важную роль. Ожидаемая продолжительность жизни сформировалась в один из наиболее распространенных в мире индикаторов здоровья населения. Ожидаемая продолжительность жизни подразумевает количество лет, которые теоретически человек мог бы прожить при условии неизменности показателя смертности населения. Продление ожидаемой продолжительности жизни – основная цель «Программы развития здоровья населения на 2009–2020 гг.» (RTA), направленной на укрепление здоровья населения Эстонии (Sotsiaalministeerium 2008). Программа предусматривает гендерно-специфические цели ожидаемой продолжительности жизни, и хотя сокращение гендерных различий не является ее прямой целью, достижение большего

Рисунок 17. Ожидаемая продолжительность жизни без ограничений по здоровью женщин и мужчин и ее отличия от ожидаемой продолжительности жизни (2007 г., годы)

Источник: Евростат

DFLE – Disability Free Life Expectancy, т. е. ожидаемая продолжительность жизни без ограничений по здоровью; LE – Life Expectancy, т. е. ожидаемая продолжительность жизни.

равенства между группами населения входит в нее как важная часть.

В 2008 году в Эстонии ожидаемая продолжительность жизни для новорожденных составляла 74 года, по сравнению с 2000 годом этот показатель увеличился почти на 4 года. За последние 20 лет самой короткой ожидаемая продолжительность жизни была в 1994 году, по сравнению с 2008 годом она увеличилась на 8 лет. В сравнении со средним показателем по Европейскому Союзу ожидаемая продолжительность жизни в Эстонии растет значительно быстрее, но разрыв с показателем по ЕС все еще остается большим.

Самой серьезной проблемой, связанной с ожидаемой продолжительностью жизни в Эстонии, является разница в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин, которая с 1989 года стабильно остается в пределах от 9 до 11 лет. В 2008 году разница в ожидаемой продолжительности жизни у мужчин и женщин на момент рождения составляла 10,6 года, т. е. у родившихся в том году женщин есть надежда прожить в среднем до 79,2 лет и у мужчин – до 68,6 лет (см. рисунок 15). Важно и то, что более короткая ожидаемая продолжительность

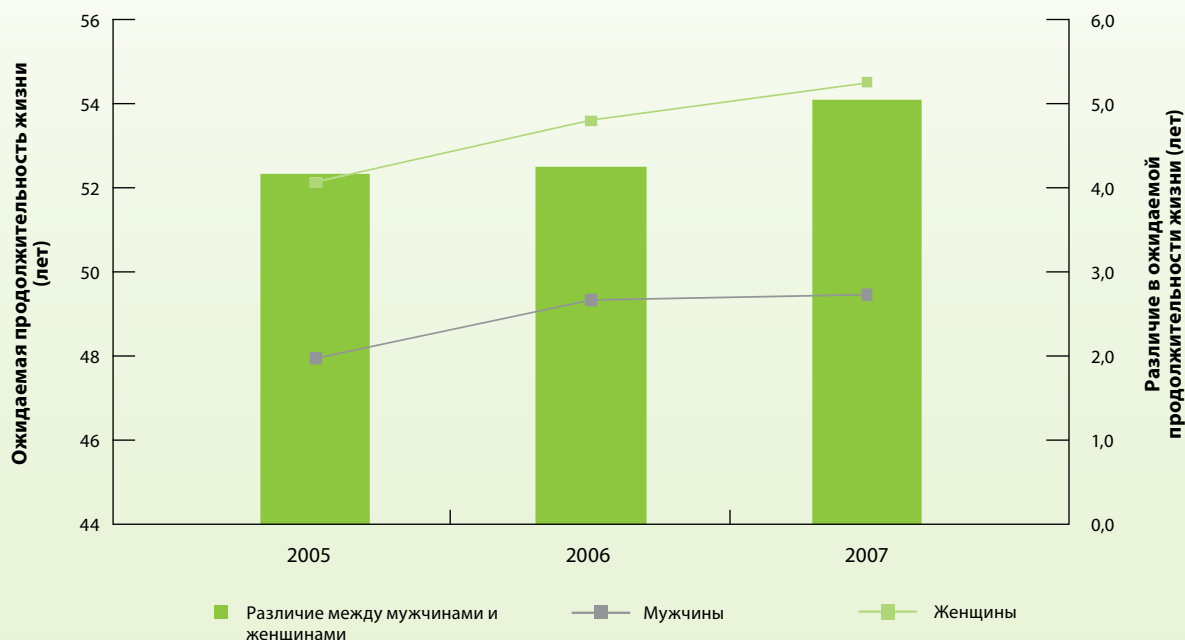
жизни мужчин отмечается почти во всех возрастных группах: так даже у 65-летних женщин есть надежда прожить в среднем на 5 лет дольше мужчин (см. рисунок 16). У мужчин надежда дождаться равной с женщинами продолжительности жизни есть только в возрасте старше 85 лет, когда их доля в этой возрастной группе составит 20%, а ожидаемая продолжительность жизни – примерно 5 лет (см. рисунок 16).

Различия в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин обусловлены ранней смертностью мужчин: в 2008 году 40% мужчин и 17% женщин умерли, не достигнув возраста 65 лет и, соответственно, 92% и 70%, не достигнув 85 лет. Ранняя смертность мужчин тесно связана с рисковым для здоровья поведением: употреблением алкоголя, малой физической активностью, отравлениями и травмами (как уже указывалось в настоящем обзоре).

Поскольку расчеты ожидаемой продолжительности жизни базируются на статистике смертей и на возрасте умерших, ее показатель не отражает состояния здоровья людей в течение жизни. И хотя каждая смерть, возраст умершего и ее причина указывают на состояние здоровья человека при жизни, для лучшего отражения влияния состояния здоровья на основе метода ожидаемой продолжительности жизни был введен индекс ожидаемой продолжительности жизни без ограничений по здоровью (Disability free life expectancy, сокр. DFLE). Для этого классические показатели ожидаемой продолжительности жизни пересчитывают, исходя из оценок, которые люди дают своим проблемам здоровья и степени их тяжести. Таким образом, DFLE, или ожидаемая продолжительность жизни без ограничений по здоровью, подразумевает время жизни без всяких заболеваний.

У родившихся в 2007 году в Эстонии мужчин ожидаемая продолжительность жизни без ограничений по здоровью составляла 50 лет, у женщин – 55 лет. Поскольку в 2007 году ожидаемая продолжительность жизни мужчин была около 67 лет, то из-за ограничений по здоровью они могут потерять 18 лет, а женщины, исходя из того, что ожидаемая продолжительность жизни у них 79 лет, из-за ограничений по здоровью могут потерять 24 года (см. рисунок 17). У женщин потеря лет по индексу DFLE будет, вероятно, большей из-за большей продолжительности жизни и увеличения хронических заболеваний в пожилом возрасте. Если смотреть на общие показатели, то мужчины по-прежнему остаются в

Рисунок 18. Ожидаемая продолжительность жизни без ограничений по здоровью женщин и мужчин и ее гендерные различия (2005–2007 гг., годы)

Источник: Евростат

менее благоприятном положении: у тех из них, кто родился в 2007 году, ожидаемая продолжительность жизни без проблем со здоровьем будет в среднем на 5 лет короче, чем у женщин. И в связи с мужчинами, и в связи с женщинами вызывает беспокойство тот факт, что их годы здоровья заканчиваются прежде, чем они достигнут пенсионного возраста.

Помимо сказанного, заставляет задуматься тот тревожный факт, что в 2005–2007 гг. разница в ожидаемой продолжительности жизни без ограничений по здоровью между мужчинами и женщинами увеличилась почти на один год не в пользу мужчин (см. рисунок 18). Учитывая общую стабильность показателей, тут мы имеем дело с довольно значительным изменением. Однако слишком короткий период сбора данных все же не позволяет говорить, имеем ли мы дело с временным изменением или же с долговременной тенденцией. Но как бы то ни было, это тревожный сигнал с точки зрения перспектив здоровья населения.

Следует упомянуть, что ожидаемая продолжительность жизни без ограничений по здоровью наряду с классической ожидаемой продолжитель-

ностью жизни является вторым важным индикатором здоровья населения в государственной программе развития здоровья населения, цель которой – добиться, чтобы к 2020 году ожидаемая продолжительность жизни без ограничений по здоровью у мужчин составляла 60 лет, у женщин – 65 лет. Сравнение этих целей и существующего положения показывает, что для этого показателя DFLE программа не предполагает сокращения гендерных различий.

Заключение

Неравенство в сфере здоровья – широко исследуемая и обсуждаемая тема как в Эстонии, Европе, так и во всем мире. В сфере здоровья неравными считаются те различия, которые можно предотвратить или изменить. Однако в связи с гендерными различиями здоровья, помимо уже указанных причин, важную роль играют генетические факторы. Обусловленные ими различия здоровья нельзя рассматривать как неравенство. Поскольку интерес к теме неравенс-

тва в сфере здоровья напрямую связан с важным для всех принципом справедливости, а определить предотвратимую часть различий здоровья зачастую не представляется возможным, то, прежде всего, надо для всех людей создавать равные возможности иметь наилучшее здоровье. Таков важнейший вызов современной политике здравоохранения.

Факторы неравенства в сфере здоровья разнообразны, сложны и тесно переплетены. К примеру, материальное благосостояние повышает мотивацию и улучшает возможности следить за своим здоровьем, а хорошее здоровье дает больше возможностей для работы, которая опять же позволяет улучшить материальное положение. Унифицированный подход к политике здравоохранения, направленный на устранение всех аспектов неравенства в сфере здоровья и одновременно включающий все меры по его уменьшению, выработать крайне сложно.

Наиболее полный охват направлений развития сферы здравоохранения предлагает «Программа развития здоровья населения на 2009–2020 гг.» (RTA). Она включает целый ряд специфических стратегий, как, например, «Государственную стратегию профилактики заболеваний сердечнососудистой системы на 2005–2020 гг.» (Südamestrateegia), касающуюся наиболее актуальной для Эстонии темы с точки зрения здоровья. Цели упомянутых и не упомянутых здесь стратегий традиционно формулируются раздельно для мужчин и женщин (при необходимости учитывают иное разделение населения на группы). При этом они, как правило, не выделяют задач сокращения гендерных различий в сфере здоровья и не предусматривают гендерно-специфических мер.

Данные настоящего обзора позволяют сделать четыре важных констатации. Во-первых, за последние десять лет здоровье населения Эстонии улучшилось. Об этом свидетельствуют, например, увеличившаяся продолжительность жизни и улучшившиеся оценки состояния здоровья. Улучшению здоровья способствовала не только реализация плановых стратегий и мероприятий вне конкретных стратегий, но и общее развитие общества Эстонии, а также рост благосостояния населения. Оценить вклад каждой из этих составляющих в общую картину улучшения здоровья населения трудно, в нашем контексте важнее то, что, не смотря на положительные сдвиги, различия в здоровье мужчин и женщин остались без изменений. Здоровье мужчин хуже здоровья женщин, мужчины по-прежнему больше женщин наносят вред собственному здоровью.

Во-вторых, поведение женщин, связанное со здоровьем, улучшалось быстрее (или ухудшалось медленнее), чем у мужчин. Число мужчин с избыточным весом росло быстрее, чем число женщин; женщины проявляли большую, чем мужчины, физическую активность. Прибавление новых курильщиков среди женщин шло медленнее, и, как следствие, доля курящих женщин сокращалась быстрее. Поскольку наибольшие различия в поведении, влияющем на здоровье, сохраняются в возрастной группе 16–44 лет, тенденция не позволяет разглядеть существенных возможностей для сокращения гендерных различий в сфере здоровья, скорее, она заставляет опасаться, что различия останутся или даже возрастут.

В-третьих, все меры, предпринятые за последние десять лет ради здорового поведения населения, наибольший эффект дали у женщин. По опыту других стран известно, что сложнее и дороже всего доводить меры до более низких социально-экономических групп, но если сосредоточить все внимание на уровне населения в целом, то есть на т. н. среднестатистическом человеке – это чревато ростом различий в сфере здоровья. По соображениям эффективности и ее соотношения с затратами то, что делалось в последние годы, делалось именно на среднестатистическом уровне. И по результатам можно предположить, что в гендерном аспекте такие факторы, как СМИ, уровень образования и др. наилучшим образом сработали для женщин. Кроме того, эффективность мер для женщин оказалась выше, вероятно, и в силу их гендерной роли, для которой характерно более сдержанное, чем у мужчин, поведение. Женщины не противоречат своей гендерной роли, когда меняют свое поведение в пользу сохранения здоровья. Классические исследования в сфере здоровья также показывают, что женщины, по сравнению с мужчинами, оценивают одни и те же состояния здоровья как более тяжелые, и, исходя из этого, стараются изменить свое поведение в пользу здорового образа жизни. Тем не менее, следует констатировать, что однозначное объяснение причин изменения поведения, влияющего на здоровье, найти трудно и даже невозможно.

В-четвертых, для уменьшения гендерных различий в сфере здоровья следует шире использовать меры, направленные на целевые группы населения. Поскольку предпринятые ранее меры гендерных различий в сфере здоровья не сократили, а изменения в отношении к здоровью у мужчин происходят медленно, то желательно поддержать уже проделан-

ное усилиями специфической групповой направленности, учитывая особенности групп, находящихся в неблагоприятном положении. При планировании и реализации всех мероприятий политики здравоохранения обязательно следует учитывать их возможный негативный гендерный эффект во всех гендерных и социально-экономических группах. Первым из возможных шагов могло бы стать более регулярное, чем прежде, измерение неравенства в сфере здоровья, позволяющее повысить уровень информированности, поддержать дискуссии на тему неравенства в сфере здоровья, помочь выбору и реализации социально-политических решений.

Использованные источники

- Aasvee, K., Poolakese, A., Minossenko, A., Kurbatova, A. (2007). *Eesti kooliõpilaste tervisekäitumise uuring: 2005/2006 õppeaasta*. Tallinn: Tervise Arengu Instituut, http://www2.tai.ee/uuringud/Rahva_tervis/Eesti_kooliõpilaste_tervisekäitumise_uuring_2007.pdf (12.12.2009).
- Commission on Social Determinants of Health (2008). *Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Final Report of the Commission on Social Determinants of Health*. Geneva, World Health Organization http://whqlibdoc.who.int/publications/2008/9789241563703_eng.pdf (22.12.2009).
- Eesti Konjunkturi Instituut. (2009). *Eesti alkoholiturg 2008. aastal*. Tallinn. http://www.ki.ee/publikatsioonid/valmis/Eesti_alkoholiturg_2008._aastal.pdf (24.11.2009).
- Eesti Statistika. <http://www.stat.ee>. Tallinn, 2009.
- Euroopa Nõukogu. (2008) *Recommendation of the Committee of Ministers to member states on the inclusion of gender differences in health policy*. CM/Rec(2008)1. Brüssel; Euroopa Nõukogu. http://www.coe.int/t/e/human_rights/equality/PDF/Rec_2008_1_en.pdf (22.12.2009).
- Eurostat. <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home> Luxembourg, 2009.
- Habicht, T. (2003). Tervise piirkondlik ebavõrdsus. Teoses H. Kaldu (toim.) *Eesti regionaalarengu sotsiaalmajanduslik käsitlus*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 91–131.
- Habicht, J., Kunst, A. E. (2005). Social Inequalities in Health Care Services Utilisation after Eight Years of Health Care Reforms: a Cross-Sectional Study of Estonia, 1999. *Social Science and Medicine*. Vol 60, No 4, 777–787.
- Habicht, J., Xu, K., Couffinal, A., Kutzin, J. (2006). Detecting Changes in Financial Protection: Creating Evidence for Policy in Estonia. *Health Policy and Planning*. Vol 21, No 6, 421–431.
- Jesse, M., Habicht, J., Aaviksoo, A., Koppel, A., Irs, A., Thomson, S. (2004). *Health Care Systems in Transition: Estonia*. <http://www.euro.who.int/document/e85516.pdf> (30.04.2007).
- Judge, K., Platt, S., Costongs, C., Jurczak, K. (2006). *Health Inequalities: A Challenge for Europe*. http://www.dh.gov.uk/prod_consum_dh/groups/dh_digitalassets/@dh/@en/documents/digitalasset/dh_4121583.pdf (30.04.2007).
- Kasmel, A., Helasoja, V., Lipand, A., Prättälä, R., Klumbiene, J., Pudule, I. (2004). Association Between Health Behaviour and Self-Reported Health in Estonia, Finland, Latvia and Lithuania. *European Journal of Public Health*. Vol 14, No 1, 32–36.
- Kunst, A. E., Leinsalu, M., Habicht, J., Kasmel, A., Niglas, K. (2002a). *Social Inequalities in Health in Estonia. Technical Document*. [http://213.184.49.171/est/HtmlPages/kunstII/\\$file/kunstII.pdf](http://213.184.49.171/est/HtmlPages/kunstII/$file/kunstII.pdf) (22.12.2009).
- Kunst, A. E., Leinsalu, M., Kasmel, A., Habicht, J. (2002b). *Social Inequalities in Health in Estonia. Main Report*. Tallinn: Ministry of Social Affairs of Estonia.
- Leinsalu, M. (2002). Social Variation in Self-Rated Health in Estonia: A Cross-Sectional Study. *Social Science & Medicine*. Vol 55, No 5, 847–861.
- Leinsalu, M., Vagero, D., Kunst, A. E. (2003). Estonia 1989–2000: Enormous Increase in Mortality Differences by Education. *International Journal of Epidemiology*. Vol 32, No 6, 1081–1087.
- Mackenbach, J., Bakker, M. (Toim.) (2002). *Reducing Inequalities in Health: A European Perspective*. London: Routledge.
- Mackenbach, J. P. (2006). *Health Inequalities: Europe in Profile*. http://www.fco.gov.uk/Files/kfile/HI_EU_Profile.0.pdf (30.04.2007).
- Naisorganisatsioonide Liidu Asemikkude Kogu koosolek. (1923). Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924–1926. Tallinn: Vaba Maa.
- Payne S. (2009). *How can gender equity be addressed through health systems? World Health Organization and European Observatory on Health Systems and Policies*. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe.
- Rand, D. (2007). *Tubaka tarvitamisega seotud olukord Eestis*. http://www.tai.ee/failid/Tubaka_olukord_UEN_idele.doc (30.04.2007).
- Rooväli, L., Kiivet, R. A. (2006). Geographical Variations in Hospital Use in Estonia. *Health and Place*. Vol 12, No 2, 195–202.
- Sen, A. (2000). *Development as Freedom*. New York, Random House, Inc.
- Sotsiaalministeerium. (2008). *Rahvastiku tervise arengukava 2009–2015*. Tallinn: Sotsiaalministeerium. http://www.sm.ee/fileadmin/meedia/Dokumendid/ASO/RTA/Rahvastiku_tervise_arengukava_2009-2020.pdf (24.11.2009).
- Sotsiaalministeerium. (2005). *Südameveresoonekonnahaiguste ennetamise riiklik strateegia 2005–2020*. Tallinn: Sotsiaalministeerium. <https://www.riigiteataja.ee/ert/act.jsp?id=852525> (24.11.2009).
- Townsend, P., Davidson, N., Whitehead, M. (1982). *Inequalities in Health (The Black Report and the Health Divide)*. London: Penguin.
- Whitehead, M. (1990). *The Concepts and Principles of Equality and Health*. Copenhagen: World Health Organization.
- Whitehead, M., Dahlgren, G. (2006). *Levelling Up (Part 1): A Discussion Paper on Concepts and Principles for Tackling Social Inequities in Health*. <http://www.euro.who.int/document/e89383.pdf> (30.04.2007).
- World Health Organization. (1998). *Tervisedenduse glossaar*. Genf: WHO. <http://www.terviseinfo.ee/web/failid/WHOGLOSSARY.RTF> (24.11.2009).
- World Health Organization. (2005). Health for All policy framework for the WHO European Region: 2005 update. *European Health for All Series*. 7. Copenhagen: World Health Organization.

Множественная дискриминация – от термина к вопросам правовой базы и защиты

Кристийна Альби
Мари-Лийз Сеппер

Резюме

.....

Статья раскрывает суть множественной дискриминации и знакомит с ее видами. В центре анализа — формы дискриминации, при которых помимо неравного обращения по гендерному признаку имеет место неравное обращение еще как минимум по одному личностному признаку. Авторы также интересуются вопросом иерархии дискриминационных признаков. Наряду с международными инструментами и инструментами Европейского Союза рассмотрению подлежат тенденции институциональных и правовых реформ в Эстонии за последние пять лет. Публикация дает обзор положения социальных групп, члены которых наиболее подвержены риску множественной дискриминации.

КРИСТИЙНА АЛЬБИ,
LLM, советник Канцелярии канцлера юстиции.
Сфера ее деятельности
– вопросы равного обращения, гражданства и миграционного права.
Степень магистра получила на юридическом факультете Центрально-Европейского университета по программе “Права человека”.

МАРИ-ЛИЙЗ СЕППЕР,
DEA, советник при уполномоченном по гендерному равноправию и равному обращению.
Участница разработки проекта Закона о гендерном равноправии, редактор ряда книг о правах человека и гендерном равноправии.

Введение

.....

Разработка концепции множественной дискриминации и исследования соответствующей проблематики были предопределены углубленным анализом гендерного неравенства. Данная статья раскрывает понятие множественной дискриминации, т.е. дискриминации, которая имела место из-за различных личностных признаков, а также знакомит с разными ее формами.

В центр анализа авторы ставят формы гендерной дискриминации,отягощенные неравным обращением еще как минимум по одному признаку. Делается попытка ответить на вопрос, почему и в каких случаях дискриминации следует параллельно рассматривать также ряд личностных признаков. Исследуется и вопрос иерархии дискриминационных признаков, т.е. как различия в масштабе запретов на виды дискриминации влияют на распознавание множественности дискриминации. Для этого наряду с международными инструментами и инструментами Европейского Союза рассматриваются тенденции институциональной реформы и правовых актов Эстонии за последние пять лет. Кроме Закона о гендерном равенстве (эст. Soolise võrdõiguslikkuse seadus, далее – SoVS) в Эстонии принят Закон о равном обращении (эст. Võrdse kohtlemise seadus, далее – VõrdKS), который существенно расширил компетенцию уполномоченного по гендерному равенству. С 2009 года надзор за исполнением упомянутых выше законов осуществляет уполномоченный по гендерному равенству и равному обращению. Авторы анализируют, насколько успешной может стать т.н. система двух законов и одного института, призванная в числе прочего вскрывать и расследовать случаи множественной дискриминации.

О терминах

Говоря о множественности форм дискриминации, следует помнить, что термины «гендерная дискриминация» и «гендерное неравенство» имеют разное значение. В настоящей статье под дискриминацией понимаются различные формы противоправного обращения, определение которым дано в действующих правовых актах Эстонии. Определение этого термина в Законе о гендерном равенстве, в свою

очередь, опирается на правовые акты Европейского Союза. Дискриминация – это четкая правовая концепция, которой руководствуется правозащитный орган, принимая решения о том, является или нет конкретная жизненная ситуация дискриминирующей.

Из смыслового различия терминов прямой и косвенной дискриминации (SoVS § 3 lg 1 p 3; § 3 lg 1 p 4) вытекает, что в первом случае в результате неравного обращения пострадавшим является конкретный индивид или индивиды. Прямая дискриминация подразумевает, что с индивидом обращались хуже, чем с другим лицом в аналогичной ситуации, ввиду их разной половой принадлежности. При этом для распознавания дискриминации не важно, был ли ему причинен измеримый имущественный или нематериальный ущерб. Например, в случае с объявлением о вакансии охранника с оговоркой, что работа предлагается исключительно мужчинам, все женщины, пожелавшие претендовать на данное вакантное рабочее место, имеют право обратиться в правоохранительные органы. Тем самым, все они имеют право обратиться в правозащитный орган, отстаивая свои интересы. Слово «прямая» указывает на то, что обращение с человеком находится в прямой зависимости от его половой принадлежности.

При косвенной дискриминации пол не является очевидным критерием, влияющим на суть определенного решения или правового акта, обычая или поведения. Тем не менее, она ставит лицо одного пола в худшее положение по сравнению с лицами иного пола. Например, если условием для получения определенной трудовой льготы, продвижения по службе и т.п. является определенный непрерывный трудовой стаж, то, на первый взгляд, тут мы не имеем дело с гендерным критерием. Но дальнейший анализ показывает, что в отпуск по уходу за ребенком уходят в подавляющем большинстве женщины, т.е. их трудовые отношения прерываются на определенный период времени, значит, работникам женского пола будет труднее, чем мужчинам, выполнить поставленное выше условие. Таким образом, возникает сомнение, что данное условие может быть косвенно дискриминирующим.

Гендерное неравенство – понятие более широкое, чем дискриминация, и труднее определяемое. К гендерному неравенству, т.е. к расслоению по половому признаку, в числе прочего приводит и дискриминация, но она не является единственной причиной. К неравенству приводят также исторически сложившиеся властные отношения, обычаи, гендерно-ролевые

стереотипы и т. п. Можно сказать, что дискриминация проявляется тем чаще, чем выше уровень неравенства. Сформировавшееся на рынке труда гендерное неравенство (женщины чаще выполняют низкооплачиваемую и менее престижную работу) только усиливает стереотипы и предубеждения в отношении женского пола. Предубеждение работодателя, который считает, что женщины за аналогичную работу не могут и не должны получать зарплату, аналогичную мужской, тоже чревато дискриминацией. Когда из всех кандидатов на вакантную должность традиционно отдадут предпочтение мужчине, оставляя в стороне женщину с более высокой или аналогичной квалификацией (т. е. прямо дискриминируют женщину), то такая практика приводит к гендерному неравенству на рынке труда, а еще шире – к гендерному неравенству в обществе.

В итоге в качестве различия дискриминации и неравенства можно привести то, что если обузданием дискриминации занимаются при помощи законодательных запретов, то от неравенства стремятся избавиться в основном при помощи политических мер.

Женщина не во всем осознала свои права, а также те обязанности, которые зависят от ее политического равноправия. Теперь задача и обязанность женщины – делом доказать, что ее борьба за равноправие была осознанной. (Мария Рейсик, 1924 г.)

Понятие множественной дискриминации

Формирование понятия множественной дискриминации

В 80-х годах прошлого века в Соединенных Штатах Америки было опубликовано немало работ о положении чернокожих женщин в обществе.¹ Эта социальная

¹ «Все женщины – белые, все чернокожие – мужчины, но только некоторые из нас – храбрые: исследования чернокожих женщин» – под таким заголовком в 1982 году в США вышел сборник статей под редакцией Глории Т. Халл, Патрисии Белл Скотт и Барбары

группа была многократно маргинализирована относительно власти и прав. Неравенство, ставшее частью жизни чернокожих женщин, стали чаще замечать и описывать, когда направления движений за права женщин и гражданские права афроамериканцев пересеклись с тенденциями феминистских и антирасистских исследований. Американская феминистка, ученый-юрист, один из ведущих теоретиков критического подхода к расовой теории Кимберли Криншоу (Kimberlé Crenshaw) одной из первых определила и использовала термин межсекторальной дискриминации (англ. inter-sectional discrimination).

Криншоу отметила, что парадигма исследования гендерного неравенства базируется на опыте белых женщин, а масштаб расовой дискриминации измеряется, исходя из положения наиболее привилегированных чернокожих, т. е. мужчин.² По мнению Криншоу, понятия расовой и гендерной дискриминации включили опыт лишь узкого круга людей, обойдя опыт неравенства чернокожих женщин. Но именно исследования, пролившие свет на положение чернокожих женщин в обществе, позволили выявить, что их опыт властных гендерных отношений во многом зависит от этнического, культурного, социального и экономического фона (Shoben 1980, Williams 1991).

Концепция межсекторальной дискриминации вытекает из предпосылки, заключающейся в том, что люди и человеческие сообщества – это комплексные явления. Помимо половой самоидентификации, человек ощущает свою принадлежность к определенной этнической, возрастной, религиозной и т. п. группе. Частью самосознания и одним из оснований отнесения себя к группе является также сексуальная идентичность. Криншоу утверждала, что при межсекторальной дискриминации мы имеем дело с чем-то большим, чем с параллельной дискриминацией

Смит (Gloria T. Hull, Patricia Bell Scott, Barbara Smith). Заглавие сборника отсылает к книге белл хукс (bell hooks) «Ain't I a Woman: Black Women and Feminism» (1981 г.), в предисловии которой она пишет, что «все женщины – белые, а все черные – мужчины». Заглавие книги белл хукс, в свою очередь, инспирировано докладом рабыни из Северной Америки Соджонер Трут (Sojourner Truth) «Ain't I a Woman», с которым она выступила в 1851 году на собрании, посвященном правам женщины (см. перевод ее речи на эстонский язык в Интернете: <http://estonian.estonia.usembassy.gov/root/pdfs/ajaloolised-dokumendid/ndisajaloo-allikmaterjal.pdf>).

² Подробнее см. K. Crenshaw, Demarginalising the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics. 1989 University of Chicago Legal Forum 139. Помимо прочего в этой статье Криншоу анализирует, как «феминистская и антирасистская политика парадоксальным образом может способствовать маргинализации вопроса о насилии в отношении чернокожих женщин», с. 1251–1282.

индивидуума по нескольким признакам. Различные признаки личности (принадлежность к нескольким маргинализированным группам общества) влияют не только друг на друга, но и на социально-правовое положение индивидуума, поэтому их нельзя разделять или анализировать в отдельности. Лица с комбинацией различных признаков образуют социальные группы, чье положение в обществе уникально как в широком смысле (правовом и реальном обращении с ними в разных сферах), так и в более конкретном (по отношению к правовым нормам, запрещающим дискриминацию). То, что человек принадлежит к нескольким маргинализированным социальным группам, может только отодвинуть его еще дальше на периферию общества и повысить риск оказаться жертвой дискриминации. Это также является серьезным поводом для анализа межсекторальной/множественной дискриминации и поиска решений на уровне правового и политического регулирования.

Зачастую при анализе неравенства рассматривается только один признак индивида, в результате чего некоторые аспекты неблагоприятного положения или обращения с ним или группой индивидов могут остаться без внимания. Примером тому служит торговля женщинами и девочками, которую, как правило, считают вопросом гендерного неравенства. Для того, чтобы найти адекватные решения проблемы торговли людьми, необходимо учитывать также этническое происхождение жертв, поскольку маргинализированные по расовому или национальному признаку женщины с большей долей вероятности становятся жертвами такой торговли (Fredman 2005). Комплекс личных признаков следует учитывать также и в случаях сексуального домогательства, поскольку, кроме гендерного признака, в этом случае часто играют свою роль возраст пострадавшего, семейное положение и сексуальная ориентация.³

Концепция множественной дискриминации, т. е. дискриминации по нескольким различным лич-

ностным признакам (англ. multiple discrimination), разработанная в академической литературе, старается включить в исследования случаи, когда люди подвергаются отчуждению или неравному обращению из-за особенностей комбинации личностных признаков, социального положения и/или в силу доминирующих предубеждений, когда для описания и анализа ситуации традиционного метода выявления дискриминации «по единственному признаку» недостаточно.

Учитывая это, в 1995 году в т. н. Пекинскую платформу действий, принятую по результатам Всемирной конференции по положению женщин в Пекине, был включен пункт, обращающий внимание на необходимость анализа множественной дискриминации и параллельно существующих форм дискриминации. Конференция констатировала, что возраст, недуги, социально-экономическое положение, расовая и этническая принадлежность создают для женщин в обществе дополнительные барьеры.

В конвенциях по правам человека можно найти ссылки на Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, в которой упоминается множественная дискриминация. В преамбуле конвенции значится также, что для полной реализации прав мужчин и женщин необходимо ликвидировать расизм и расовую дискриминацию. Об этом же гласит статья 6 Конвенции ООН о правах инвалидов, согласно которой страны, присоединившиеся к ней, признают, что инвалиды-женщины и девочки подвергаются множественной дискриминации, и обязуются принять меры, обеспечивающие им всю полноту реализации прав и основных свобод человека.⁴

Из правовых актов Европейского Союза следует указать на пункт 14 пояснений к Директиве Совета ЕС 2000/43/ЕС (вменяющей принцип равного обращения независимо от расового или этнического происхождения лиц), по которому ЕС в контексте борьбы с расовой и этнической дискриминацией обязан способствовать равноправию женщин и мужчин, поскольку женщины зачастую страдают от множественной дискриминации. На форму множественной дискриминации женщин указывает и третий пункт пояснений к Директиве Совета ЕС 2000/78/ЕС, устанавливающей общие положения равного обращения при устройстве на работу и выборе профессии.

3 Подробнее об этом см. An Intersectional Approach to Discrimination: Addressing Multiple Grounds In Human Rights Claims, Ontario Human Rights Commission, 2001. В Интернете: http://www.ohrc.on.ca/en/resources/discussion_consultation/DissIntersectionalityFtns/view (20.10.2009).

С. Фридман в своей статье «Double Trouble: Multiple Discrimination and EU law» отмечает, что поведение, считающееся в отношении белых женщин ущемляющим и оскорбительным, часто считается менее проблематичным, если объектом такого поведения является чернокожая женщина или иммигрантка, поскольку по стереотипному представлению их считают более распушенными или равнодушными к такому поведению. В странах ЕС от домогательств чаще страдают, например, женщины цыганских групп рома и синти.

4 Конвенция вступила в силу 03.05.2008 г. Эстонская Республика подписала ее 25.09.2007 г., но до сих пор не ратифицировала.

Виды множественной дискриминации

Теоретики выделяют несколько видов множественной дискриминации. Ниже мы кратко представим два из них. Поскольку речь пойдет о новой для отечественного правоведения концепции, соответствия терминов на эстонском языке условны. Авторы полагают, что в качестве общего понятия можно оставить термин множественной дискриминации, охватывающий также подвиды данного явления. Аналогичной точки зрения придерживаются и многие европейские авторы новейших исследований (Makkonen 2002, с. 10).

Во-первых, *межсекторальной дискриминацией* называется ситуация, когда неблагоприятное обращение имеет место в силу нескольких признаков индивида, но при этом выделить влияние отдельно взятых признаков не представляется возможным (англ. *inter-sectional discrimination*). Классическим примером являются исторические случаи, когда цыганских женщин и женщин с умственными нарушениями подвергали принудительной стерилизации. Такое обращение имело место из-за комбинации двух признаков индивида, ни один из которых невозможно выделить особо.

Описанный пример иллюстрирует отличие множественной дискриминации от дискриминации по одному признаку. При правовой квалификации множественной дискриминации важна принадлежность индивида к определенной социальной группе. В отличие от дискриминации по одному признаку для выделения группы необходимо учитывать несколько индивидуальных признаков.

Во-вторых, при *составной дискриминации* (англ. *compound discrimination*)⁵ мы имеем дело с неравным обращением, обусловленным суммарным влиянием нескольких признаков, но тут можно выделить причинное влияние отдельных признаков. Составную дискриминацию наглядно проиллюстрировал судебный процесс 1983 года в Великобритании *Perera v. Civil Service Commission (nr 2)*.⁶ Причиной разбирательства послужило то, что работодатель при наборе персонала установил для кандидатов множество условий, в том числе по возрасту, опыту работы в Великобритании, владению английским языком

и гражданству. Истец не мог получить работу, поскольку несоответствие одному из условий, хоть и не означало отказа в ее предоставлении, тем не менее существенно снижало вероятность быть нанятым. Несответствие кандидата нескольким условиям оставляло еще меньше шансов. В данном примере речь идет о нескольких индивидуальных признаках, которые кумулятивно могли неблагоприятно повлиять на положение истца. Однако, в отличие от первого примера, здесь роль разных признаков в дискриминации можно выделить.

Наиболее распространенные формы множественной дискриминации

.....

Распознавание множественной дискриминации затруднено именно потому, что разные признаки воздействуют суммарно, выделить каждый для анализа сложно, если вообще возможно. Для того чтобы органы, занимающиеся фактами дискриминации, могли распознать множественную дискриминацию, они должны располагать серьезными данными и знанием о том, какие именно социальные группы находятся в наиболее неблагоприятном или уязвимом положении. Необходимо также понимание тенденций, приводящих к дискриминации: доминирующих в обществе предубеждений и стереотипных представлений о членах определенной группы.

Таким образом, для оценки множественной дискриминации необходимо наличие данных о признаках пола, расы, возраста и др. Зачастую такая статистика труднодоступна. Если не собирать данные по различным признакам, какая-то социальная группа с ее проблемами может оказаться вне поля зрения⁷. Ниже дается обзор наиболее распространенных форм множественной дискриминации. Проведенные исследования позволяют описать и ситуацию в Эстонии.

Чаще всего гендерный признак усиливает прочие индивидуальные признаки, становящиеся причиной дискриминации. Суммарное влияние уси-

⁵ Подробнее см. Burri ja Schiek 2009.

⁶ Ссылка указана в исследовании Европейской Комиссии 2007 года «Tackling Multiple Discrimination. Practices, Policies and Laws», с. 16.

⁷ С. Фридман ссылается на исследование, проведенное в Ирландии, судя по которому, государственной статистики людей с ограниченными возможностями здоровья как бы не существует, хотя на самом деле эта группа людей страдает от сложной дискриминации, включающей также расовую и этническую. Дискриминация наличествует не только в системах сервиса и социального обеспечения, но и внутри самого сообщества людей с недугами.

ливают, прежде всего, признаки расы, этнического происхождения, возраста, социально-экономического статуса⁸, вероисповедания, сексуальной идентичности и недуга.

Во многих странах Европейского Союза женщины-представительницы национальных меньшинств, а также пожилые, чернокожие и женщины с ограниченными возможностями здоровья составляют наиболее маргинализированные социальные группы. Вне зависимости от пола иммигранты в странах ЕС сосредоточиваются в определенных секторах рынка труда. При этом именно женщины-иммигрантки чаще всего выполняют неопределенного статуса низкооплачиваемую, непрестижную работу уборщиц, домработниц, поварих, сиделок и т. п.⁹ Как правило, сокращения бюджетов публичной службы и сферы социального обеспечения больше всего затрагивают женщин; особенно уязвимы в этом отношении женщины из групп иммигрантов, национальных меньшинств и женщины с ограниченными возможностями здоровья, на которых в результате ложится непропорционально тяжелая нагрузка (Fredman 2005). Чем больше индивид отклоняется от нормы, тем больше вероятность, что он будет дискриминирован по нескольким признакам.

Ниже мы приводим краткий обзор возможных форм множественной дискриминации.

8 Хотя директивы ЕС такого признака дискриминации не упоминают, он присутствует, помимо Конституции Эстонии, в международных конвенциях о правах человека и правовых актах многих стран ЕС. Недавно верховный комиссар ООН по правам человека Нави Пиллэй отметила, что, несмотря на успехи в борьбе с дискриминацией, в мире все еще существует прискорбная женская бедность. По словам Пиллэй, это явление является тяжким следствием того, что в оплате труда мужчин и женщин до сих пор нет равенства, что женщины чаще мужчин становятся жертвами насилия, дискриминации по расовому и гендерному признакам. Интернет-ссылка: <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DoubleOdds.aspx> (02.10.2009).

9 Исследование, проведенное в 2003 году Европейским центром по надзору за проявлениями расизма и ксенофобии, показало, что в Испании все иммигранты сталкиваются с дискриминацией на рынке труда, но по сравнению с мужчинами иммигранты-женщины вынуждены чаще соглашаться на менее квалифицированную работу, нежели позволяет им их профессиональная подготовка. В целом, в ЕС отмечается тенденция изоляции от рынка труда женщин, прибывших из исламских стран. Отчасти причиной тому является внутриобщинная гендерная дискриминация, а общество в целом относится неблагоприятно к таким женщинам из-за их этнической принадлежности. В Эстонии ситуация довольно схожа с общеевропейской.

Положение в Эстонии женщин-представительниц национальных меньшинств

Из результатов различных исследований следует, что жители Эстонии неэстонской национальности находятся на рынке труда в менее благоприятном положении, чем эстонцы. Это отражают как показатели высокого уровня безработицы¹⁰ среди них, так и более низкие доходы.¹¹

По данным Департамента статистики, уровни занятости коренного населения и иммигрантов (в исследовании иммигрант определен как человек, родившийся в Эстонии или вне ее, но оба родителя которого родились за границей) довольно схожи. Различия обнаруживаются по возрастным и гендерным группам. В группе активного трудоспособного возраста (25–49 лет) уровень безработицы среди иммигрантского населения почти в два раза выше, чем среди коренного населения (7,2% и 4,0% соответственно). Самый низкий уровень трудовой занятости (38%) наблюдается среди женщин группы новейших иммигрантов (т. е. тех, кто прибыл в Эстонию после 1992 года). По профессиям доля иммигрантов наиболее высока там, где не требуется высокая квалификация (разнорабочие и квалифицированные рабочие), и здесь опять же самые большие различия наблюдаются среди женщин (Järv 2009, с. 34–42). Кроме того, женщинам приходится чаще поступаться своей квалификацией: каждая четвертая иммигрантка работает на должности, требующей более низкого, чем у нее, уровня образования. На низкооплачиваемых работах трудится половина женщин-иммигранток и 13% мужчин-иммигрантов. Среди коренных жителей, работающих на низкооплачиваемых должностях, разрыв между женщинами и мужчинами не столь значителен: из женщин на таких должностях работает одна треть, а из мужчин – одна десятая (Randoja 2009, с. 100–111).

10 По данным Департамента статистики, во II квартале 2009 года уровень безработицы среди эстонцев составлял 11,3%, среди неэстонцев – 17,6% (Eesti statistika kvartalikiri 3/09, с. 61–62).

11 По результатам мониторинга интеграции за 2008 год видно, что основной причиной различия в доходах эстонского и русскоязычного населения является значительно меньшее представительство русскоязычных жителей с высшим образованием в группе лиц с высокими доходами, что может указывать на трудности с доступом к высокооплачиваемым должностям. Из результатов мониторинга также следует, что наиболее проблемной группой населения являются лица, не имеющие гражданства Эстонии (Kasearu и Trumm 2008, с. 16, Lauristin 2008).

Из данных Департамента статистики также следует, что если в большинстве стран Европейского Союза уровень женской безработицы постоянно несколько превышает уровень мужской безработицы, то в Эстонии в 2009 году безработица снова стала главным образом проблемой мужчин. Во II квартале 2009 года уровень безработицы среди мужчин составил 17%, а среди женщин – 10%. При этом уровень безработицы среди мужчин неэстонской национальности был 22,7%, а среди мужчин-эстонцев – 13,7%, в то же время уровень безработицы среди женщин неэстонской национальности всего на 3% превышал уровень безработицы среди женщин-эстонок. Причинами столь значительных гендерных различий называют структурные изменения в строительном и промышленном секторах, а также большую готовность женщин выполнять низкооплачиваемую и не соответствующую их уровню образования работу (Eesti statistika kvartalikiri 3/09, с. 62–63).

В 2007 году в рамках Европейского года равных возможностей было проведено исследование «Положение женщин-представительниц национальных меньшинств на рынке труда Эстонии», авторы которого попытались оценить, в какой мере гендерный и этнический статус представляют собой двойной фактор риска (Anspal и др. 2007, с. 4.). По их заключению, стремительный экономический рост предшествующих лет мало сказался на показателе безработицы среди представителей национальных меньшинств – он постоянно сохранялся высоким, достигая почти десяти процентов. Однако в аналитической части указывается, что разрыв уровней безработицы среди женщин-представительниц национальных меньшинств обусловлен скорее этническим, нежели гендерным фактором, поскольку безработица среди представителей национальных меньшинств мужского и женского пола сохранялась примерно на одном уровне. Авторы исследования пришли к выводу, что с точки зрения доступа к рынку труда и оплаты труда в качестве группы риска следует выделить молодых женщин (как из национальных меньшинств, так и эстонок)¹².

12 По данным Департамента статистики, из-за спада экономики на рынке труда Эстонии больше всего пострадали жители 15–24 лет, безработица среди которых (24,5%) в I квартале 2009 года выросла более чем в три раза по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года. В составе молодых трудовых ресурсов доминируют юноши, которые приходят на рынок, получив профессионально-техническое образование, раньше молодых женщин, получающих высшее образование, требующее более длительного срока обучения. Безработица среди молодых мужчин (30,1%) в

В связи с доступом к руководящим постам или должностям ведущих специалистов важную роль играет владение государственным языком и наличие гражданства Эстонии. Не менее важно также наличие среднего и высшего образования, но этот аспект имел определяющее значение больше для женщин эстонской национальности, чем для представительниц национальных меньшинств.¹³ При прочих равных условиях фактор принадлежности к женскому полу негативнее влиял на женщин эстонской национальности, чем на женщин из национальных меньшинств. Авторы исследования выяснили, что лишь около половины различий в возможностях получить руководящую должность у лиц эстонской национальности и представителей национальных меньшинств можно объяснить переменными факторами. Для женщин труднодоступность определенных должностей может быть полностью объяснена этническими различиями, а для мужчин она по большей части остается необъяснимой.

Авторы пришли к выводу, что в масштабе всей Эстонии разница в уровне зарплат у женщин эстонской национальности и представительниц национальных меньшинств по большей части объяснима, однако в Таллинне, где рынок труда более однороден, обнаружены большие и необъяснимые различия (свыше 20%). И у работников эстонской национальности, и у работников из национальных меньшинств налицо значительные необъяснимые различия в зарплате. Таким образом, в зарплатах женщин из национальных меньшинств был выявлен «двойной разрыв», который обусловлен и принадлежностью к женскому полу, и национальной принадлежностью. Авторы отмечают, что необъяснимые различия нельзя интерпретировать непосредственно как дискриминацию, но они могут указывать на присутствие дискриминации (Anspal и Kallaste 2007, с. 20).

I квартале 2009 года почти в два раза превышала безработицу среди молодых женщин (17,7%) (Eesti statistika kvartalikiri 3/09, с. 61, 63).

13 Результаты Мониторинга интеграции 2008 года показывают, что независимо от национальности образование является существенным фактором, определяющим размер дохода, но в случае с эстоноязычным населением прослеживается более сильное влияние на доходы, нежели среди русскоязычного населения. Исследования этнической дифференциации зарплат также подтвердили, что в случае с эстоноязычным населением уровень зарплат в большей степени зависит от образования, чем в случае с русскоязычным населением, т. е. эстонцы с высшим образованием зарабатывают значительно больше, чем эстонцы с более низким уровнем образования, однако в случае с распределением уровней зарплат среди русскоязычного населения образование не играет столь существенной роли (Kasearu и Trumm 2008, с. 3).

Несмотря на то, что исследование опиралось на статистику докризисного периода, а данные рынка труда 2009 года указывают на возросший уровень мужской безработицы из-за структурных изменений, результаты исследования все же показывают, что в известных случаях женщины неэстонской национальности могут на рынке труда сталкиваться с множественной дискриминацией. Из него также явствует, что положение молодых женщин на рынке труда более сложно, что тоже, возможно, указывает на наличие множественной дискриминации. Практика уполномоченного по гендерному равноправию и равному обращению также подтверждает наличие в Эстонии серьезной проблемы дискриминации молодых женщин на рынке труда, связанной с планированием семьи, беременностью и наличием детей (Kõiv 2009).

Рома, синти и другие кочевые сообщества

Самыми многочисленными группами риска множественной дискриминации в Европе являются общины этнических групп рома, синти и другие кочевые сообщества. Члены этих этнических общин находятся в особенно уязвимом положении и часто становятся жертвами дискриминации на рынке труда и в системе образования. Но в самом неблагоприятном положении находятся женщины рома. К примеру, уровень отсева девочек рома из школ выше, чем мальчиков рома. Девушки и женщины рома и синти рано выходят замуж, поэтому на их школьном образовании часто ставит крест рождение детей. Низкому уровню образования, жизни на окраинах, ответственности за детей, лежащей в основном на плечах женщин, сопутствует также низкий уровень трудовой занятости, который у женщин рома ниже, чем у мужчин рома.

Данных об условиях жизни и социальном положении рома в Эстонии немного. Исследование «Женщины в цыганских общинах Эстонии», проведенное в рамках Года равных возможностей (2007 г.), дает некоторое представление об их положении (Tali и др. 2007). Однако тут следует иметь в виду, что данные исследования собраны и выводы сделаны на основании всего лишь пятнадцати т. н. открытых интервью, и что акцент в основном делался на изучении культурной идентичности и обычаев рома. Статус женщин рома во многом зависит от образа жизни и традиций этнической группы.

Основные зафиксированные случаи неравного обращения были связаны с приемом на работу, с учреждениями образования, публичной средой (оскорбления, выражение предубеждений), торговыми и сервисными центрами. Большинство семей, к которым относились опрошенные женщины и в которых оба родителя были этническими рома, имели материальные проблемы, обусловленные высоким уровнем безработицы среди членов общины. Большинство женщин лично сталкивались (или слышали от других членов общины) с проблемами неравного обращения на рынке труда, оттеснением из числа претендентов на вакансии. Ни у одной из пятнадцати опрошенных не было среднего образования, три женщины были неграмотны, лишь три имели постоянную работу.

Проведенное в Эстонии исследование выявило, насколько важно, анализируя любые данные, учитывать фоновое культурное своеобразие этнической общины. Например, причиной низкого уровня образования женщин рома отчасти может быть традиционное главенство в семье мужа, который вправе запретить жене учиться, общаться с другими мужчинами, ограничить свободу ее передвижения. Во-вторых, по обычаю общины, детей зачастую обучают в домашних условиях. За воспитание и обучение детей отвечает мать, которая, как правило, сама не имеет достаточного образования. Роль женщин рома в общине и семье традиционна. На их плечах лежит домашнее хозяйство, забота о детях. Это тоже влияет на возможности получения образования и позицию на рынке труда. Девочки, из-за традиции ранних браков и ввиду обязанности заботиться о младших в семье, часто оставляют школу, не доучившись (Tali и др. 2007, с. 31).

В своих ответах респонденты из Эстонии называли конкретные случаи дискриминации. Например, школа, куда рома пытались записать своих детей, делала все возможное, чтобы отказать им. Причиной отказа называли, в том числе, и нежелание школы принимать «цыганских детей». В третьем отчете Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью касательно Эстонии указывалось, что в Валга и Тарту детей рома направляли в школу для детей с нарушениями психики только потому, что они не говорят по-эстонски. Это подтвердили и некоторые респонденты исследования «Женщины в цыганских общинах Эстонии», имевшие личный негативный опыт.

В итоге можно сказать, что положение женщин рома иллюстрирует множественную уязвимость и маргинализацию социальной группы, которые обусловлены, с одной стороны, стереотипами внешнего отношения к ней, чреватого дискриминацией, а с другой стороны, их подчиненным положением по отношению к доминантным членам собственной общины, в данном случае – к мужчинам.

Положение женщин с ограниченными возможностями здоровья

Одна из наиболее распространенных форм множественной дискриминации связана с сочетанием гендерного признака и недуга (а также возраста). Эта форма в Эстонии углубленно не исследовалась.

У термина «недуг» нет единого определения. Согласно статье 5 Закона о равном обращении физическим или психическим недугом считается полное нарушение анатомической, физиологической или психической структуры или функций человека, а также такое их отклонение, которое в значительной мере и длительное время неблагоприятно сказывается на совершении повседневных действий. Исходя из этого, определенные симптомы болезни мы можем рассматривать как недуг в значении, установленном в Законе о равном обращении.

Отчет 2008 года о развитии Эстонии в гуманитарном измерении приводит следующие данные: разница между ожидаемой продолжительностью жизни женщин и мужчин составляет более 11 лет, а разница в возрасте, до которого мужчины и женщины доживают, сохранив здоровье, составляет всего три года. У мужчин этот возраст – 49,4 года, у женщин – 53,7 года. Причем у женщин и мужчин неэстонской национальности показатели еще ниже (Eesti Inimarengu Aruanne 2008, с. 36). По данным Департамента статистики о гендерном различии хронической заболеваемости жителей страны в возрасте от 16 лет и старше, в возрастной группе от 55 до 64 лет хронические заболевания имеют 57,1% женщин и 58,1% мужчин, в возрастной группе 65 лет и старше эти показатели еще выше – соответственно 81,9% и 74,2%. По состоянию здоровья в своих повседневных действиях ограничены 9,9% женщин и 13,1% мужчин 55–64 лет, и 31,4% женщин и 30,7% мужчин в возрасте 65 лет и старше.

Вопрос о множественной дискриминации может быть поднят и в связи с большей нагрузкой

женщин по уходу за членами семьи. Дискриминация по признаку недуга может проявляться и в том случае, если сам индивид здоров, но к нему относятся неблагоприятно из-за того, что он связан с лицом с ограниченными возможностями здоровья (ухаживает за членом семьи с ограниченными возможностями здоровья).¹⁴ Указанный принцип следует иметь в виду при применении законов Эстонии.

К сожалению, не было проведено исследований с целью анализа положения женщин с ограниченными возможностями здоровья на рынке труда и в других сферах. Поэтому не представляется возможным сделать более обобщенные выводы о дискриминации женщин с ограниченными возможностями.

Примеры из судебной практики

Европейский суд пока не выносил решений, признающих наличие множественной дискриминации. Однако в литературе приводится ряд судебных разбирательств, в которых усматривалась дискриминация по нескольким признакам.¹⁵

Решение по делу *Allué 33/88* и по объединенным судебным делам *C-259/91, C-331/91 и C-332/91* касалось права женщин-иммигранток на свободное передвижение. Основанием для судебного разбирательства стал тот факт, что с женщинами-иностранками, работающими в университетах Италии ассистентами преподавателей иностранных языков, в отличие от их местных коллег заключали трудовые договора сроком всего на один год.

Из далекого прошлого судебной практики стоит вспомнить известные процессы, когда, помимо дискриминации по гендерному признаку, под вопросом было и неравное обращение из-за возраста (судебные дела *Defrenne* и *Marshall*). До 2000 года в правовом поле ЕС не было нормы, запрещающей дискриминацию по возрасту, поэтому суд в своем решении

14 Решение Большой палаты Европейского суда C-303/06 от 17.07.2008 (ходатайство о предварительном решении представил Employment Tribunal Великобритании) – *S. Coleman v Attridge Law, Steve Law*, с. 56. Суд счел, что запрет на прямую дискриминацию распространяется не только на лиц с ограниченными возможностями здоровья. Если работодатель обращается с работником с ограниченными возможностями хуже, чем обращался, обращается или мог бы обращаться с другим работником в аналогичной ситуации, или если доказано, что причиной худшего обращения с данным работником является недуг его ребенка, уход за которым он обеспечивает в основном самостоятельно, то такое обращение нарушает п. «а», ч. 2, ст. 2 Директивы Совета ЕС 2000/43/ЕС, устанавливающей запрет на прямую дискриминацию.

15 Подробнее см. обзор судебной практики Burri и Schiek 2009.

не мог указывать на данный признак. Однако суд получил возможность дать оценку возрастной дискриминации в процессе по делу *Lindorfer'a*. В его случае Европейский суд счел, что неравное обращение в связи с полом и возрастом при предоставлении права на пенсию, обоснованное таблицей страхования, не является запрещенной дискриминацией по возрастному признаку.

Правовое регулирование множественной дискриминации

Правовые рамки

Принципы равного обращения в правовом поле Эстонии, помимо Конституции, прописаны также в Законе о гендерном равноправии и Законе о равном обращении. На их принятие в значительной мере повлияли нормы европейского права. Далее будет сделан обзор действующих юридических норм и проведен анализ того, насколько действующие правовые нормы позволяют разрешить случаи множественной дискриминации.

Согласно ч. 1 ст. 12 Конституции ЭР перед законом все равны. Никто не может быть подвергнут дискриминации из-за национальной, расовой принадлежности, цвета кожи, пола, языка, происхождения, вероисповедания, политических или иных убеждений, а также имущественного и социального положения или по иным признакам.

1 мая 2004 года вступил в силу Закон о гендерном равноправии. Цель закона – обеспечить вытекающее из Конституции Эстонской Республики право на равное обращение людям обоих полов, содействовать равноправию мужчин и женщин как одному из основных прав человека, общему благу во всех сферах жизни общества (SoVS § 1 lg 1). Данный закон применяется во всех сферах жизни общества. Требования закона не применяются к отправлению религиозных обрядов во включенных в реестр религиозных объединениях и к работе в качестве духовных лиц, а также к отношениям в сфере семейной или частной жизни (SoVS § 2).

1 января 2009 года вступил в силу Закон о равном обращении. Цель закона – обеспечить защиту лиц от дискриминации по признаку национальности (этнической принадлежности) и расы, цвета кожи, вероисповедания или убеждений, воз-

раста, физического или психического недуга или сексуальной ориентации (VõrdKS § 1 lg 1). Судя по материалам рассмотрения проекта закона, принять закон посчитали необходимым прежде всего чтобы далее применять директивы Европейского Союза. В основу разработки законопроекта были заложены минимальные требования европейских директив.¹⁶

Поэтому в Законе о равном обращении, аналогично директивам, сфера применения закона поставлена в зависимость от дискриминационного признака. Так, дискриминация по вероисповеданию или убеждениям, возрасту, недугу или сексуальной ориентации запрещена законом лишь в сфере труда, в то время как дискриминация по национальному (этническому), расовому признаку или цвету кожи запрещена, помимо сферы трудовых отношений, в сфере услуг социального обеспечения, здравоохранения, социального страхования, образования, торговли и сервиса.¹⁷

Иными словами, в сложившейся ситуации законы гарантируют защиту от дискриминации в зависимости от того, по какому признаку человек пострадал от нее. В результате пострадавшие могут оказаться без надлежащей защиты. Кроме того, различия в правовых стандартах затрудняют разрешение случаев множественной дискриминации.

Столь разные законодательные условия и гарантии защиты от разных видов дискриминации представляются проблематичными как с конституционной точки зрения, так и с точки зрения международных соглашений, которыми связана Эстония. Согласно первому предложению ч. 1 ст. 13 Конституции каждый имеет право на защиту со стороны государства и закона. Согласно ст. 14 Конституции, обеспечение прав и свобод является обязанностью законодательной, исполнительной и судебной властей, а также местных самоуправлений. Кроме того, многие международные соглашения обязывают государство гарантировать защиту от дискримина-

16 См. пояснительную записку к проекту Закона о равном обращении (384 SE) в Интернете: www.riigikogu.ee. Благодаря Закону о равном обращении у нас приняты директивы Совета ЕС 2000/43 и 2000/78.

17 Подробнее о сфере применения закона см. ст. 2 Закона о равном обращении. Также ч. 3 ст. 2 Закона о равном обращении устанавливает, что Закон о равном обращении не исключает применения требований равного обращения в трудовых отношениях на основании иных признаков, не указанных в ч. 1 ст. 1, прежде всего в связи с исполнением семейных обязанностей, социальным статусом и представительством интересов работников либо членством в объединении работников, знанием языка или исполнением воинской обязанности.

ции не только в трудовой сфере, но и в иных сферах общественной жизни.¹⁸

Во время рассмотрения в парламенте законопроекта о равном обращении канцлер юстиции представил Рийгикогу свое мнение (18-1/080993), в котором указал на пробелы в перечне сфер применения закона, увязку сфер применения с признаками дискриминации, противоречащую обязанности государства быть гарантом защиты граждан от неравного обращения (см. ч. 1 ст. 12, а также ст. 13 и 14 Конституции ЭР). К сожалению, парламент не учел замечаний канцлера.

Дифференциация защиты по признакам дискриминации затрудняет рассмотрение случаев множественной дискриминации. Как уже отмечалось, запрет на дискриминацию по гендерному признаку применяется во всех сферах жизни (за двумя исключениями). Закон гарантирует также достаточно широкую защиту от дискриминации по национальному или расовому признаку, в то время как защита от дискриминации по другим признакам гарантируется только в сфере труда. Это значит, что если дискриминация проявляется вне сферы труда, и в дополнение к гендерному признаку она может быть обусловлена вероисповеданием, убеждениями, возрастом, недугом или сексуальной ориентацией человека, то в этом случае определение случаев множественной дискриминации становится затруднительным в юридическом плане.

Материалы обсуждения Закона о равном обращении не дают однозначного ответа, как законодатели предполагали рассматривать случаи, не подпадающие под сферу регулирования Закона о равном обращении. Часть 3 статьи 2 Закона о равном обращении устанавливает лишь то, что закон не исключает применения требований равного обращения в трудовых отношениях на основе признаков, не указанных в части 1 статьи 1, прежде всего в связи с исполнением семейных обязанностей, социальным статусом, представительством интересов работников либо членством в объединении работников, знанием языка или исполнением воинской обя-

занности.¹⁹ Формулировка частей 1–3 статьи 2 Закона о равном обращении может дать основание утверждать, что законодатель дал исчерпывающий перечень случаев, по которым лицу гарантирована защита от дискриминации. При рассмотрении разных версий проекта Закона о равном обращении подчеркивалось, что принятие законопроекта необходимо для последующего принятия директив Европейского Союза, в то время как уже сама по себе статья 12 Конституции гарантирует защиту от дискриминации во всех сферах общественной жизни.²⁰

Теоретический подход признает т. н. теорию тройственного влияния основных прав, согласно которой влияние основных прав расширяется на правоотношения частных лиц (Alexy 2001, с. 84). Ч. 1 ст. 19 Конституции Эстонии также устанавливает право каждого на свободную самореализацию; каждый, пользуясь своими правами и свободами и, исполняя обязанности, должен уважать и учитывать права и свободы других людей, а также соблюдать законы. Исходя из тройственного влияния основных прав, последние воздействуют на все сферы правоотношений, поэтому их следует учитывать, разрешая конфликты, связанные с основными правами. Но при этом не следует забывать, что действие основных прав в частных отношениях слабее, чем в отношениях с государством, поскольку частное лицо в случае спора может противопоставить запрету на дискриминацию собственное право на свободу (Alexy 2001, с. 84). Кроме того, общие конституционные обязанности могут быть непонятны отдельным лицам (Annus 2006, с. 236). Хотя теория и признает влияние основных прав на частноправовые отношения, все же тройственное влияние, прежде всего, отражается в том, как основные права трактуются законами.²¹

19 Для сравнения: ч. 2 ст. 2 проекта Закона о равном обращении 67 SE I (отклонен) устанавливала: «настоящий Закон не отрицает требований равного обращения на основании признаков, не указанных в ч. 1 ст. 1».

20 См. например стенограмму второго чтения Закона о равном обращении (262 SE) от 21.10.2008 г., первое чтение Закона о равном обращении (384 SE) от 19.11.2008 г., второе чтение Закона о равном обращении (384 SE) от 09.12.2008 г.

21 Доктор Алекси (Alexy) различает также прямое и опосредованное тройственное влияние. Опосредованное означает, что основные права и принципы берутся в расчет исключительно при интерпретации общих статей. По прямому тройственному воздействию из норм основных прав, как из объективно обязывающего конституционного права, вытекают также непосредственные субъективные личные права индивидуума (Alexy 2001, с. 85).

18 Важными международными документами, обязывающими государство гарантировать высокий уровень защиты, являются, к примеру, Европейская конвенция о защите прав и основных свобод человека (ст. 14), исправленная и дополненная Европейская социальная хартия (ст. 15), Международный пакт ООН о гражданских и политических правах (ст. 26), Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах (ч. 2 ст. 2), Конвенция ООН о правах ребенка (ч. 1 ст. 2) и Хартия Европейского Союза об основных правах (ст. 21).

Таким образом, прямое применение Конституции в частноправовых спорах – это скорее теоретическая, нежели практическая возможность, но необоснованным является установление настолько разных степеней защиты в зависимости от признаков дискриминации. Для большей правовой ясности и эффективной защиты основных прав законодатель обязан на уровне закона точнее регулировать вопросы законоприменения. Для этого надо найти баланс между различными благами и обеспечением основных прав.

Следует также отметить, что в эстонском законодательстве нет определения множественной дискриминации. В результате, множественная дискриминация может остаться без внимания при рассмотрении дискриминационного спора, если пострадавший не сумеет выделить этот аспект ущемления своих прав, а тот, кто разрешает спор, обратить на это внимание.

Европейской комиссией подготовлен проект директивы Совета ЕС, предусматривающей применение принципа равного обращения независимо от вероисповедания или убеждений, недуга, возраста или сексуальной ориентации. Цель документа – расширить применение принципа за пределы трудовых правоотношений на сферы социальной защиты, здравоохранения, образования и торговли и общественных услуг. Новый документ нацелен также на унификацию антидискриминационных юридических стандартов. Поправки к проекту директивы, поступившие от Европейского парламента, предлагают дать в директиве дефиницию множественной дискриминации. Соответствующее дополнение определяет множественную дискриминацию как ущемление прав на основе двух или более признаков, перечисленных в статьях 12 и 13 Учредительного договора Европейского сообщества (Договор о деятельности Европейского Союза, статьи 18 и 19).²²

Как одно из обстоятельств, затрудняющих обнаружение множественной дискриминации, названо требование европейского права о референт-

ном лице (Nousiainen 2008, с. 33; Burri и Schiek 2009, с. 18). Соответствующие директивы Европейского Союза определяют прямую дискриминацию как ситуацию, в которой с одним лицом из-за его пола обращаются хуже, чем обращались, обращаются или могли бы обращаться с другим лицом в аналогичной ситуации.²³ В Законе о гендерном равноправии и в Законе о равном обращении прямая дискриминация определена аналогично (SoVS § 3 lg 1 p 3 и VõrdKS § 3 lg 2).

Требование выявлять референтное лицо может затруднить распознавание дискриминации. Особенно сложно соблюсти его в случаях множественной дискриминации, поскольку такого лица в аналогичной пострадавшему ситуации просто может не оказаться (например, при подаче заявки на замещение вакантной должности кандидаты женского и мужского пола, являющиеся представителями национального меньшинства и т. п.). Заметим, что в соответствии с приведенной выше дефиницией референтное лицо может быть гипотетическим, поскольку в расчет принимается то, как в аналогичной ситуации могли бы обращаться с другим лицом. Содержательных примеров тому в судебной практике пока нет, но гипотетическое референтное лицо можно сконструировать, исходя из социологических данных о наиболее часто встречающихся формах дискриминации.

Необходимо также отметить, что при распознавании дискриминации надо помнить о конституционных рамках, запрещающих ущемление прав по каким-либо признакам. То есть, чтобы распознать неравное обращение, следует установить, было ли обращение неблагоприятным по конкретному признаку. Благоприятное обращение с другим лицом в аналогичной ситуации может стать основанием для сомнений в дискриминации, но отсутствие конкретного референтного лица не всегда означает, что дискриминации не было. Подтверждение дискриминации можно найти по иным данным (объяснения работодателя, документальные свидетельства и т. п.).

С учетом сказанного выше, при определении референтного лица во время распознавания случаев дискриминации следовало бы иметь в виду совокупность обстоятельств конкретного случая. Определить референтное лицо особенно трудно при множественной дискриминации.

Для юридической ясности и эффективной защиты прав личности необходимо унифицировать

22 Доклад Европейского парламента A6-0149/2009 от 20.03.2009 г. Дополнение предлагает следующее определение: «Речь идет о множественной дискриминации в случае, если дискриминация осуществляется: а) по вероисповеданию или убеждениям, недугу, возрасту или сексуальной ориентации безразлично в какой из комбинаций; б) по одному или более признаков, указанных в части 1, а также по одному из следующих признаков: 1) полу (если жалоба находится в сфере регулирования директивы 2004/113/ЕС и настоящей директивы), 2) расовому или этническому происхождению (если жалоба находится в сфере регулирования директивы 2000/43/ЕС и настоящей директивы), 3) по национальности (если жалоба находится в сфере регулирования статьи 12 Учредительного договора ЕС) (Дополнение 37).

23 См. например, ст. 2(1)(а) директивы 2006/54.

гарантии защиты от различных видов дискриминации, чтобы принцип равного обращения был распространен также и на случаи ущемлений по вероисповеданию, убеждениям, недугу, возрасту или сексуальной ориентации, а не только на случаи в сферах труда, социальных услуг, здравоохранения, образования, торговли и общественных услуг. Выявлению множественной дискриминации будет способствовать и большая терминологическая точность в правовых актах.

Меры предупреждения множественной дискриминации

В предыдущем разделе были рассмотрены вопросы правовой оценки случаев множественной дискриминации. Как указывалось в первом разделе публикации, множественная дискриминация может проявлять себя как структурное неравенство, при котором трудно выявить конкретного нарушителя прав, однако множественная дискриминация проявляется также и в форме маргинализации отдельных групп общества.

Для таких проявлений неравенства могут потребоваться предупредительные (проактивные) меры. Закон о гендерном равноправии и Закон о равном обращении не ограничивают применение мер, направленных на смягчение или предотвращение неравенства, обусловленного определенными личностными признаками (SoVS § 5 lg 2 p 5 и VördKS § 6). Законы обязывают поощрять гендерное равноправие и равное обращение. Согласно ч.1 ст. 9 Закона о гендерном равноправии государственные учреждения и органы местных самоуправлений должны систематически и целенаправленно содействовать развитию равноправия. В их задачи входит изменение условий и обстоятельств, мешающих гендерному равноправию. Часть вторая той же статьи обязывает указанные выше учреждения, планируя, реализуя и оценивая государственные, региональные и институциональные стратегии, политику и программы действий, руководствоваться различиями потребностей и общественного статуса мужчин и женщин, принимать в расчет то, как повлияют принимаемые меры на положение мужчин и женщин в обществе. Законы также обязывают способствовать гендерному равноправию и равному обращению в сфере образования (SoVS § 10 и VördKS § 13). Осуществляя такие меры, надо

помнить о множественной дискриминации, ее влиянии на женщин, принадлежащих к определенным социальным группам.

Приведенные выше примеры форм множественной дискриминации касались прежде всего рисков рынка труда. Эти риски следует иметь в виду при формировании мер рынка труда. Например, ч. 5 ст. 10 Закона об услугах и пособиях рынка труда называет лицами, входящими в группу риска, тех, чье привлечение к работе может быть затруднено. Такими лицами являются: 1) безработные с ограниченными возможностями здоровья, нуждающиеся в дополнительной помощи, обусловленной недугом; 2) безработные 16–24 лет; 3) безработные от 55 лет до возраста выхода на пенсию по старости; 4) безработные, которые до постановки на учет ухаживали за лицами с ограниченными возможностями здоровья; 5) безработные, не владеющие эстонским языком, что препятствует их привлечению к работе.

Таким образом, в правовых актах определены соответствующие группы риска.

Однако с учетом возможной угрозы дискриминации данных групп и их неблагоприятной позиции на рынке труда, активные инструменты рынка труда необходимо применять более широко, т. е. не только лишь в отношении безработных. В качестве позитивной, с точки зрения гендерного равноправия, можно назвать инициативу министерства социальных дел, делающую акцент на предложении услуг рынка труда наиболее уязвимым целевым группам (женщины национальных меньшинств, которых могут дискриминировать по нескольким признакам: жертвы семейного и сексуального насилия; жертвы торговли людьми и проституции) (Законопроект от 22.12.2009 г. «Условия предоставления пособий по ходатайству и инструкция по контролю за использованием пособий при использовании меры «Развитие гендерного равноправия»).

Необходимо также сделать и дополнительные шаги по сокращению случаев гендерного неравноправия (гендерная дифференциация по уровню зарплат, ущемление прав в связи с беременностью и воспитанием малолетних детей, непомерные семейные обязанности женщин), поскольку дополнительная дискриминация по иным признакам только усиливает гендерное неравенство в обращении.

Множественная дискриминация и средства правовой защиты

Помимо определения множественной дискриминации, ее правового регулирования, требуются еще и эффективные средства правовой защиты от нее.

Юридическая практика показывает, что в суд и в другие надзорные инстанции поступает мало жалоб, касающихся непосредственно дискриминации. Поэтому важно иметь внесудебные институты, которые могут консультировать жертв дискриминации, помогать в составлении жалоб, решать споры во внесудебном порядке. Не менее важно повышать и юридическую грамотность населения, способствуя тем самым профилактике дискриминации.

Директивы Европейского Союза обязывают формировать институты содействия равному обращению, в задачи которых входит анализ, наблюдение и оказание необходимой помощи в случаях нарушений равноправия.

Однако данное обязательство ограничивается лишь сферой дискриминации по гендерному, национальному или расовому признаку.

В компетенцию соответствующего учреждения должно входить оказание жертвам дискриминации независимой помощи при составлении и подаче жалоб, проведение независимого расследования случаев дискриминации, публикация независимых отчетов, представление независимых рекомендаций по дискриминирующим обстоятельствам.²⁴

В Эстонии внесудебными инстанциями, занимающимися решением вопросов дискриминации, являются уполномоченный по гендерному равноправию и равному обращению, канцлер юстиции²⁵ и комиссии по трудовым спорам.

24 Ст. 13 директивы Совета ЕС 2000/43/ЕС от 20.06.2000 г.; ст. 8а директивы Европейского парламента и Совета ЕС 2002/73/ЕС от 23.09.2002 г.; ст. 12 директивы Совета ЕС 2004/113/ЕС от 13.12.2004 г.; ст. 20 директивы Европейского парламента и Совета ЕС 2006/54/ЕС от 05.07.2006 г. Ст. 20(2)(d) последней упомянутой директивы предусматривают также обязанность обмена данными с европейскими органами (будущим Европейским институтом гендерного равноправия). Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью, подчиняющаяся Совету ЕС, приняла рекомендацию за номером 2, которая рассматривает создание на государственном уровне институтов по борьбе с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и нетерпимостью (CRI(97)36).

25 Каждый имеет право обращаться к канцлеру юстиции для проведения примирительного производства, если считает, что физическое или частноправовое юридическое лицо дискриминировало его в связи с полом, расой, национальностью (этнической принадлежностью), цветом кожи, языком, происхождением, вероисповеданием или религиозными убеждениями, политичес-

При подготовке Закона о равном обращении больше всего споров вызвал вопрос: кому будет вменен надзор за исполнением закона – уполномоченному по гендерному равноправию или специально созданному для этого институту. Круглый стол женских объединений Эстонии представил Рийгикогу обращение, в котором указал на опасность придания уполномоченному по гендерному равноправию дополнительных обязанностей, что чревато ухудшением ситуации с гендерным равноправием в стране. Комитет ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) в своих замечаниях от 2007 года также выразил беспокойство в отношении планов расширения компетенции уполномоченного по гендерному равноправию.

Однако Рийгикогу все же решил расширить сферу ведения уполномоченного по гендерному равноправию, и со вступлением в силу Закона о равном обращении (1 января 2009 года) у нас появился институт уполномоченного по гендерному равноправию и равному обращению. Уполномоченный является независимым и беспристрастным экспертом, который, действуя самостоятельно, следит за исполнением Закона о равном обращении и Закона о гендерном равноправии, а также выполняет обязанности, возложенные на него законом. В компетенцию уполномоченного входит: консультации и помощь при представлении жалоб на проявления дискриминации, формулирование мнения по фактам вероятной дискриминации на основании заявлений или по собственной инициативе на основании полученной информации. Уполномоченный анализирует влияние законов на положение лиц повышенного риска дискриминации и положение мужчин и женщин в обществе; вносит в Правительство Эстонской Республики, правительственные учреждения, а также местные самоуправления и их учреждения предложения по изменению и дополнению правовых актов; информирует и консультирует Правительство Рес-

кими или иными убеждениями, имущественным или социальным положением, возрастом, физическим или психическим недугом, сексуальной ориентацией, или другим, указанным в законе, дискриминационным признаком (Закон о канцлере юстиции, ст. 19, ч. 2). Вопрос о дискриминации может быть поднят в рамках процедуры омбудсмена, когда канцлер юстиции осуществляет контроль за соблюдением государственными учреждениями, учреждениями или органами местного самоуправления, публично-правовыми юридическими лицами либо выполняющими публичные задачи физическими или частноправовыми юридическими лицами (далее – поднадзорное учреждение) принципа обеспечения основных прав и свобод, а также обычая добропорядочного администрирования (Закон о канцлере юстиции, ст. 19, ч. 1, ст. 33).

публики и правительственные учреждения, а также учреждения местного самоуправления по вопросам применения Закона о равном обращении и Закона о гендерном равноправии; публикует отчеты о применении принципа гендерного равноправия и равного обращения, работает в сотрудничестве с другими лицами и учреждениями, способствуя обеспечению гендерного равноправия и равного обращения, а также принимает меры по обеспечению равного обращения и гендерного равноправия.

Из всего вышесказанного следует, что уполномоченный может представлять мнение о случаях дискриминации, но не может выражать обязывающие суждения при разрешении споров или применять иные меры принуждения. В то же время по закону уполномоченный обладает достаточно широкими возможностями для проведения анализа влияния правовых актов, внесения предложений по их изменению или дополнению. Таким образом, компетенция уполномоченного – это, прежде всего, его роль как консультанта частных лиц и публичного сектора в вопросах равного обращения, а не роль внесудебной инстанции, занимающейся решением споров, связанных с проявлением дискриминации.

Отметим, что и для законодательств о равноправии и дискриминации других стран Европы характерна ориентированность на унификацию мер защиты от дискриминации и формирование органов обеспечения равноправия, работающих со всем разнообразием его нарушений (Nousiainen 2008, с. 28–29). Например, прежде разрозненные, такие органы теперь объединены в Великобритании и Франции.

В числе прочих, одним из аргументов в пользу объединенного органа может служить необходимость более эффективного рассмотрения случаев множественной дискриминации (Nousiainen 2008, с. 30–31). Такой орган, занимаясь разрешением спорных случаев, имел бы возможность оценивать проявления дискриминации и по отдельно взятым признакам, и по их совокупности, освободив пострадавшее лицо от необходимости подавать по нескольким жалобам в разные органы. Предполагается, что объединенные органы смогут более эффективно заниматься случаями дискриминации, способствуя развитию равенства, поскольку авторитет их будет больше, а уровень экспертиз выше, да и ресурсы они будут расходовать бережней (Nousiainen 2008, с. 30–31).

Государство с его правовым полем и обычаями легитимизма достаточно свободно в своих решениях о компетенции надзорного органа. Но надзорный орган должен быть независимым и самостоятельным, а для выполнения функций ему должно быть гарантировано достаточное количество средств.

Как уже говорилось, уполномоченный имеет достаточно полномочий, чтобы выражать мнение не только по жалобам, но и по сути законов, давать оценку их влияния на представителей обоих полов. На практике же уполномоченный не проводил анализа соответствующих правовых актов и не оценивал их влияния. С учетом того, что у уполномоченного по гендерному равноправию увеличился объем работы в связи с получением дополнительных полномочий, в пояснительной записке к проекту Закона о равном обращении предусмотрели выделение уполномоченному дополнительных ресурсов на персонал и административные расходы. На самом деле бюджетом 2009 года уполномоченному не было выделено никаких дополнительных ресурсов, хотя еще в 2007 году Комитет ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин обращал внимание на ограниченность средств, выделяемых уполномоченному. Так что на сегодняшний день эффективной работе уполномоченного мешает главным образом дефицит выделенных ресурсов, а не установленное законодательством ограничение компетенции или несогласованность.

Заключение

Изложенное дает представление о множественной дискриминации, ее наиболее распространенных формах, а также о самых важных правовых вопросах, возникающих при рассмотрении фактов множественной дискриминации на основе действующего законодательства Эстонии.

Притом что положение социальных групп, наиболее подверженных риску дискриминации, рассматривается лишь в нескольких исследованиях, а собранная по этому вопросу статистика скудна, имеющиеся данные все же указывают на возможности проявления множественной дискриминации. Прежде всего следует обратить внимание на положение женщин-представительниц национальных меньшинств и особенно на положение женщин этнической группы рома. Кроме неравного обращения

по гендерному признаку, в Эстонии возможны проявления неравенства в обращении, обусловленные нарушениями здоровья и возрастом.

Одним из основных препятствий для эффективного реагирования на случаи множественной дискриминации является различие законодательных гарантий защиты, зависящих от признаков дискриминации. Для юридической ясности и эффективности защиты прав личности необходимо унифицировать гарантии защиты от дискриминации и распространить применение принципа равного обращения на дискриминацию по признакам вероисповедания или убеждений, недуга, возраста или сексуальной ориентации, а не только на сферу труда, социальных услуг, здравоохранения, образования, торговли и общественных услуг. Выявлению множественной дискриминации поможет и уточнение соответствующего термина в правовых актах.

Следует также иметь в виду, что множественная дискриминация зачастую находит свое выражение в маргинализации отдельных социальных групп. Для предупреждения подобных явлений, возможно, требуются определенные профилактические меры, особенности таких групп следует учитывать при формировании политики. Поскольку факты множественной дискриминации связаны зачастую с усугубленной дискриминацией по признаку пола, необходимо сделать дополнительные шаги для сокращения гендерного неравенства.

Использованные источники

- Alexy, R. (2001). *Põhiõigused Eesti põhiseaduses*. Juridica eriväljaanne.
- Annus, T. (2006). *Riigiõigus*. Kirjastus Juura.
- Anspal, S., Kallaste, E. (2007). *Vähemusrahvusest naiste olukord Eesti tööturul. Uuringuraport Eesti Sotsiaalministeeriumile*. Poliitikauuringute Keskus Praxis. Tallinn. http://www.sm.ee/fileadmin/meedia/Dokumendid/Sotsiaalvaldkond/kogumik/V_C3_A4hemusrahvustest_20naiste_20olukord_20t_C3_B6_C3_B6turul_1.pdf (04.10.2009).
- Burri, S., Schiek, D. (2009). *Multiple Discrimination in EU Law. Opportunities for legal responses to intersectional gender discrimination?* The European Network of Legal Experts in the Field of Gender Equality. <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=641&langId=et&moreDocuments=yes> (20.10.2009).
- Crenshaw, K. (1989). Demarginalising the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics. *University of Chicago Legal Forum*. 139.
- Eesti Inimarengu Aruanne 2008. (2009). Tallinn: Eesti Koostöö Kogu. http://www.kogu.ee/public/EIA08_est.pdf.
- Euroopa Komisjon (2007). Tackling Multiple Discrimination. Practices, Policies and Laws. www.ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=776&langId=en (21.10.2009).
- Fredman, S. (2005). Double Trouble: multiple discrimination and EU law. *European Anti-Discrimination Law Review*. No 2.
- Järv, K. (2009). Uusimmigrandid Eestis. Teoses *Immigrantrahvastik Eestis 2009*. Statistikaamet.
- Kasearu, K., Trumm, A. (2008). Eesti- ja venekeelse elanikkonna aineolukord ja eluga rahulolu. Väljaandes *Integratsiooni monitooring 2008*. <http://www.rahvastikuminister.ee> (27.09.2009).
- Kõiv, S. (2009). Vanemliku võrdõiguslikkuse on Eestis veel pikk maa. *Postimees*. 12.05.2009.
- Lauristin, M. (2008). Kodanikud ja mittekodanikud: venekeelse elanikkonna erinevad kategooriad ja lõimumistendentsid. Väljaandes *Integratsiooni monitooring 2008*. <http://www.rahvastikuminister.ee> (27.09.2009).
- Makkonen, T. (2002). *Multiple, Compound and Intersectional Discrimination: Bringing the Experiences of the Most Marginalized to the Fore*. Institute For Human Rights. Åbo Akademi University. www.abo.fi/instut/imr/norfa/timo.pdf (21.10.2009).
- Nousiainen, K. (2008). Unification (or not) of Equality Bodies and Legislation. *European Gender Equality Law Review* No 2/2008.
- Ontario Human Rights Commission (2001). An Intersectional Approach to Discrimination: Addressing Multiple Grounds In Human Rights Claims. http://www.ohrc.on.ca/en/resources/discussion_consultation/DissIntersectionalityFmts/view (20.10.2009).
- Pillay, N. (2009). Väljavõte kõnest. <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DoubleOdds.aspx> (02.10.2009).
- Randoja, M. (2009). Põlis- ja immigrantrahvastiku tööelu kvaliteet. Väljaandes *Immigrantrahvastik Eestis 2009*. Statistikaamet.
- Rassismi ja sallimatuse vastu võitlemise Euroopa komisjoni kolmas aruanne Eesti kohta (2006). <http://www.coe.ee/?op=body&id=203> (19.10.2009).
- Reisik, M. (1924). Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924–1926. Tallinn: Vaba Maa.
- Shoben, E. W. (1980). Compound Discrimination: The Interaction of Race and Sex in Employment Discrimination. *N.Y.U. Law Review* 55, 793.
- Statistikaameti andmebaas 16-aastaste ja vanemate pikaajalise haiguse olemasolu kohta soo ja vanuserühma järgi 2008. aasta seisuga. <http://www.stat.ee> (08.03.2010).
- Statistikaamet (2009). *Eesti statistika kvartalikirj 3/09*.
- Tali, M., Kollom, K., Velberg, M. (2007). *Naised Eesti mustlaskogukondades. Uuringu aruanne*. Tallinn. http://www.sm.ee/fileadmin/meedia/Dokumendid/Sotsiaalvaldkond/kogumik/Naised_20Eesti_20mustlaskogukondades_uuringuraport_1.pdf (19.10.2009).
- Williams, P. J. (1991). *The Alchemy of Race and Rights*. Cambridge. Harvard University Press.

Международное право

- Inimõiguste ja põhivabaduste kaitse konventsioon (Конвенция о защите прав человека и основных свобод) (RT II, 01.04.1996, 11/12, 34).
- Parandatud ja täiendatud Euroopa sotsiaalharta (Исправленная и дополненная Европейская социальная хартия) (RT II, 04.07.2000, 15, 93).
- ÜRO kodaniku ja poliitiliste õiguste rahvusvahelise pakt (Международный пакт ООН о гражданских и политических правах) (RT II, 30.04.1993, 10/11, 11).
- ÜRO lapse õiguste konventsioon (Конвенция ООН о правах ребенка) (RT II, 09.05.1996, 16, 56).
- ÜRO konventsioon naiste diskrimineerimise kõigi vormide likvideerimise kohta (Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин) (RT II, 08.03.1995, 5/6, 31).
- ÜRO majanduslike, sotsiaalsete ja kultuurialaste õiguste rahvusvahelise pakt (Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах) (RT II, 30.04.1993, 10/11, 13).
- ÜRO naistevastase diskrimineerimise likvideerimise komitee kokkuvõtted märkused Eesti valitsusele 10.08.2007 (Замечания Комитета ООН по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, представленные правительству Эстонии 10.08.2007), CEDAW/C/EST/CO/4.
- ÜRO puuetega inimeste õiguste konventsioon (Конвенция ООН о правах инвалидов) (Riigi Teatajas avaldamata).

Правовые акты Европейского Союза

- Euroopa Liidu lepingu konsolideeritud versioon (ELT C115, 9.5.2008).
- Euroopa Liidu toimimise lepingu konsolideeritud versioon (C 115/47).
- Euroopa Liidu põhiõiguste harta (2007/C 303/01).
- Euroopa Nõukogu 29.06.2000 direktiiv 2000/43/EÜ, millega rakendatakse võrdse kohtlemise põhimõtte sõltumata isikute rassilisest või etnilisest päritolust (EÜT L 180, 19.07.2000, lk 22–26).
- Euroopa Nõukogu 27.11.2000 direktiiv 2000/78/EÜ, millega kehtestatakse üldine raamistik võrdseks kohtlemiseks töö saamisel ja kutsealale pääsemisel (EÜT L 303, 02.12.2000, lk 16–22).
- Euroopa Parlamendi ja nõukogu 05.07.2006 direktiiv 2006/54/EÜ meeste ja naiste võrdsete võimaluste ja võrdse kohtlemise põhimõtte rakendamise kohta tööhõive ja elukutse küsimustes (uuestisõnastamine) (ELT L 204, 26.07.2006, lk 23–36).
- Euroopa Parlamendi ja Nõukogu 23.09.2002 direktiiv 2002/73/EÜ, millega muudetakse EÜ Nõukogu direktiivi 76/207/EMÜ meeste ja naiste võrdse kohtlemise põhimõtte rakendamise kohta seoses töö saamise, kutseõppe ja edutamisega ning töötingimustega (EÜT L 269, 5.10.2002 lk 15–20).
- Nõukogu 13.12.2004 direktiiv 2004/113/EÜ meeste ja naiste võrdse kohtlemise põhimõtte rakendamise kohta seoses kaupade ja teenuste kättesaadavuse ja pakkumisega (ELT L 373, 21.12.2004, lk 3–43).

Решения Европейского суда

- C-303/06 Coleman (EKL 2008, lk I-5603)
- 33/88 Allué (EKL 1989, lk 1591)
- Ühendatud kohtuasjad C-259/91, C-331/91 ja C-332/91 Allué и др. (EKL 1993, lk I-4309)
- 149/77 Defrenne (EKL 1978, lk 1365)
- C-227/04 P Lindorfer (EKL 2007, lk I-6767)
- 152/84 Marshall (EKL 1986, lk 723).

Законопроекты, рекомендации и отчеты

- Euroopa Nõukogu direktiivi eelnõu, millega rakendatakse võrdse kohtlemise põhimõtet sõltumata isikute usutunnistusest või veendumustest, puudest, vanusest või seksuaalsest sättumusest KOM(2008)426 lõplik, 2008/0140(CNS).
- Euroopa Parlamendi 20.03.2009 raport, nr A6-0149/2009.2.
- Euroopa Nõukogu rassismi ja sallimatuse vastu võitlemise Euroopa komisjoni soovitus nr 2, mis käsitleb rassismi, ksenofoobia, antisemitismi ja sallimatuse vastu võitlemise eri institutsioone riiklikul tasandil (CRI(97)36).

Законы Эстонии

- Eesti Vabariigi Põhiseadus (Конституция Эстонской Республики)
- Soolise võrdõiguslikkuse seadus (Закон о гендерном равенстве)
- Võrdse kohtlemise seadus (Закон о равном обращении)
- Õiguskantsleri seadus (Закон о канцлере юстиции)

Законопроекты, стенограммы заседаний Рийгикогу и другие правовые материалы

- XI Riigikogu stenogrammid: 21.10.2008 võrdse kohtlemise seaduse (262 SE) teine lugemine.
- 19.11.2008 võrdse kohtlemise seaduse (384 SE) esimene lugemine, 09.12.2008 võrdse kohtlemise seaduse (384 SE) teine lugemine. <http://www.riigikogu.ee> (04.10.2009).
- Sotsiaalministeeriumi poolt 22.12.2009 algatatud eelnõu "Meetme „Soolise võrdõiguslikkuse edendamine“ avatud taotlemisel toetuse andmise tingimused ja toetuse kasutamise seire eeskiri". <http://eoigus.just.ee> (10.01.2010).
- Võrdse kohtlemise seaduse eelnõu (384 SE) seletuskiri. www.riigikogu.ee (08.03.2010).
- Õiguskantsleri arvamus Riigikogu põhiseaduskomisjonile võrdse kohtlemise seaduse eelnõu 262 SE II kohta (asi nr 18-1/080993). Vt õiguskantsleri 2008. aasta tegevuse ülevaade. http://www.oiguskantsler.ee/public/resources/editor/File/Aasta_2008__levaade_.pdf (20.09.2009).

Торговля людьми и проституция – отчетливые проявления гендерного неравенства

Кристийна Лухт

Резюме

.....

Статья рассматривает торговлю людьми и проституцию как проявления гендерного неравенства. В материале кратко представлены различные формы торговли людьми, а также делается вывод, что в контексте Эстонии и Европы торговля людьми связана в основном с сексуальной эксплуатацией женщин в форме проституции.

В статье анализируются основные причины торговли женщинами и связи между торговлей людьми и проституцией, а также описываются последствия сексуальной эксплуатации. Уделяется внимание роли мужчин в секс-индустрии, тому, как в обществе относятся к проституции, причиной и следствием которой является широкий спектр социальных проблем.

В статье представлены точки зрения официальных властей и населения, выделены как позитивные тенденции развития, так и проблемы, наиболее серьезными из которых можно считать низкий уровень информированности населения и ведомств о проблемах проституции. В заключении делается вывод о том, что, несмотря на позитивные изменения, произошедшие за последние десятилетия в Эстонии, определенные общественные установки остаются неизменными и по-прежнему способствуют распространению торговли женщинами.

КРИСТИЙНА ЛУХТ,
МА, главный специалист
Министерства
социальных дел, с
2002 года занимается
темами торговли
людьми и проституции,
совершенствовалась
за рубежом. На сегодня
Кристийна Лухт –
признанный эксперт
по вопросам торговли
людьми и проституции.
Участвовала в ряде
национальных и
международных проектов
против торговли людьми.
Она – авторитетный
наставник и лектор.

Введение

Торговля людьми – это проблема, анализ которой и данные о сторонах, связанных с ней, особенно жертвах и их эксплуататорах, четко указывают на широкое распространение гендерного неравенства в мире. В глобальном контексте среди жертв различных видов торговли людьми можно обнаружить и мужчин, но в Эстонии большинство жертв торговли людьми составляют женщины, эксплуатируемые в качестве дешевой рабочей силы, а также в секс-индустрии. Если эксплуататорами рабочей силы могут быть и мужчины, и женщины, то в сексуальной индустрии жертвами являются большей частью женщины, а эксплуататорами – мужчины. Различие позиций женщин и мужчин ярко выявляется и в том, как общество относится к торговле женщинами. Дело идет о сфере, где оправдание неравенства считается естественным, где большинство скорее поддерживает сохранение неравенства, а не критикует его. Тематика, рассматриваемая в статье, проливает свет на неравные возможности женщин и мужчин, как в глобальном, так и конкретно в эстонском контексте.

В Эстонии в течение последнего десятилетия шли многочисленные дискуссии на темы проституции и торговли людьми: обсуждались и вопросы легализации проституции, и вопросы запрета на покупку сексуальных услуг.¹ Были проведены различные исследования, делались попытки анализиро-

вать суть, причины и следствия проблем. Профилактическая работа и помощь жертвам осуществлялись в рамках активной совместной работы государства и негосударственного сектора, международных проектов, информационных кампаний, были созданы женские приюты и центр реабилитации для женщин², вовлеченных в проституцию, и жертв торговли людьми. Официальное отношение к данной теме меняется в позитивном направлении. Всеми, вероятно, уже забыта попытка в середине 1990-х годов узаконить проституцию в целях сбора налогов. Разработана государственная программа по предотвращению торговли людьми³, определены задачи полиции, прокуратуры и других государственных учреждений. Однако следует признать, что уровень информированности жителей страны о причинах и следствиях проблемы остается по-прежнему невысоким, из-за чего большая часть людей снисходительна к проституции, не воспринимая ее в качестве компонента глобальной торговли людьми. Низкий уровень информированности препятствует выработке и осуществлению эффективных программ действий, а на политическом уровне бросается в глаза робость при рассмотрении конкретных тем. Когда разговор заходит о проституции, нередко можно услышать, что продажа сексуальных услуг – это свободный выбор женщины. Ниже этот и подобные ему аргументы будут рассмотрены детально. Исходной точкой зрения послужит понимание того, что проституция – это насилие над женщиной.

Статья разъясняет понятие торговли людьми, связь такой торговли с проституцией, дает обзор ситуации в Эстонии в сопоставлении с данными как отечественных, так и зарубежных исследований. Также будут проанализированы основные причины и следствия торговли женщинами, роль мужчин в распространении проституции и торговли людьми. Будет представлен обзор установок населения и лиц, принимающих решения по проблемам, которые рассматривает настоящая публикация, а также сделана попытка показать, как общественные установки

1 23 ноября 1993 года либералы Даймар Лийв, Аап Нельяс и представитель партии «Союз Отечества» Хейки Раудла представили в Рийгикогу проект Закона о легализации проституции. Из мнений, опубликованных в прессе см. например: Harjo, S. Justiitsminister ei pea prostitutsiooni keelustamist mõttekaks. Hommikuleht, 2. 12.1993; Aotäht, A. Prostitutsioon: poolt ja vastu. Postimees, 25.11.1993; интервью с Яаном Кийвитом (Jaani Kiivit). Helsingin Sanomat, 17.12. 1993; интервью с Даймар Лийв (Daimar Liiv). Iga teine kolmas koolitüdruk oleks nõus hakkama prostitutsiooniga. Päevaleht, 28.01.1994. В 2000 году вице-мэр Таллинна Ивар Виркус выступает с предложением создать улицы красных фонарей (см. интервью с Виркусом в Eesti Ekspress, 4.05.2000). Обзор дискуссий см., например: Kagge, R. Eliitlõbumajad punaste laternate tänavaks. Postimees, 18.05.2000; Prostitutsiooni teema Eestis 1992–2000. Postimees 18.05. 2000; Karpa, K. Tallinn otsib õiget kohta lõbumajade rajoonile. Ärioleht, 9.05.2000. О дискуссиях по запрету покупки сексуальных услуг см., например: Kalamees, K. Oviir ärgitab prostitutsiooni vastu võitlema. EPL, 27.11.2002; Simson, P. Ekspert: seksist eest karistus. EPL, 2.04.2004; Rahumägi, J. Pimesikumäng seksist ümber. Postimees, 13.03.2006; Piirsalu, J. и Koch, T. Kolmandik soovib seksist eest ranget karistust. EPL, 19.04.2004; Mikko, M. Seksist tuleks kriminaliseerida kogu EL-s. Postimees, 2.02.2006; Riigikogu ja Eduskunta õiguskomisjonid arutavad seksist keelustamist. Riigikogu pressiteade 28.03.2006; Niitra, S. Evelyn Sepp: isad võiks mõelda, et lõbumajades töötavad kellegi tütreid. Postimees, 12.06.2008.

2 Вовлеченный в проституцию – это человек, который регулярно или периодически получает от другого человека деньги или товар в качестве оплаты за предоставление сексуальной услуги независимо от того, определяет ли он эту деятельность осознанно как источник доходов или нет. Термин принят в 2005 году в связи с созданием государственной стратегии борьбы с ВИЧ и СПИДом. Целью принятия данного термина было стремление избежать навешивания ярлыков на лиц, занимающихся проституцией. См. www.tai.ee/failid/HIV_ja_AIDSi_strateegia_01.12.2005.doc

3 Программа борьбы с торговлей людьми на 2006–2009 гг., см. www.just.ee/18886

влиять на распространение торговли людьми. В приложении к статье дан краткий обзор проводимой профилактической работы и помощи жертвам, отдельно эти сферы публикация не рассматривает.

Торговля людьми в Европе и Эстонии: термин и статистика

Трактовку понятия «торговля людьми» дает Протокол «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности», который Эстония ратифицировала в 2004 году (RTII, 07.04.2004, 7, 23). Торговля людьми – это преступление, цель которого – эксплуатация человека в проституции, на принудительной работе или службе, удержание в рабстве или аналогичном рабству положении, принудительное лишение человека органов. Согласие жертвы на куплю-продажу не смягчает тяжести преступления. Торговля может осуществляться при помощи принуждения силой, похищения, обмана, злоупотребления властью, а также злоупотребления уязвимым положением жертвы. Торговля людьми может быть трансграничной и внутригосударственной. Как видим, трактовка достаточно широкая.

По данным Международной организации труда, каждую минуту в мире сексуальной эксплуатации или трудовому рабству подвергаются 2,5 миллиона жертв в возрасте 18–24 лет, большинство которых – женщины (ILO Factsheet 2007). Считается, что за границу продают около 600 000–800 000 человек в год, большей частью – женщин, с целью сексуальной эксплуатации (Trafficking in Persons Report 2008; Europol 2009). О торговле человеческими органами до сих пор нет достаточной информации, опираясь на которую, можно было бы оценить масштаб этой проблемы (IOM 2008).

В Эстонии и через Эстонию за рубеж в основном идет торговля женщинами с целью их сексуальной эксплуатации. Торговля людьми внутри страны главным образом идет в направлении Таллинна, а через Эстонию – преимущественно в направлении Северных стран, в меньшей мере – в Голландию, Германию, Италию, Испанию, Бельгию, США (Inimkaubanduse vastu võitlemise arengukava aruandlus; Trafficking in Persons Report, 2007; The Organisation..., 2008).

В Эстонию в меньшей мере сбывают женщин из России, Молдавии, Белоруссии, Латвии (Trafficking in Persons Report 2008). Согласно проведенному в 2008 году исследованию торговли людьми в Швеции, Финляндии и Эстонии, предполагается, что в Эстонии в сфере проституции заняты 3000–5000 женщин, по оценке полиции – около 1000 (The Organisation..., 2008), а согласно исследованию IOM (2005) – 1000–1500.

Необходимо отменить регламентацию проституции, поскольку она унижает личность женщины. Необходимо начать последовательную борьбу с социальными причинами проституции. (Резолюция Первого общегосударственного конгресса женщин Эстонии, 1917 г.)

В законодательстве Эстонии понятия торговли людьми нет, поэтому при расследовании преступлений, связанных (или могущих быть связанными) с торговлей людьми, применяются иные статьи, такие как обращение в рабство, содействие проституции, склонение несовершеннолетнего к проституции, купля-продажа ребенка и др. В 2007 году в регистре уголовных правонарушений было зарегистрировано 135 преступлений, связанных с торговлей людьми, в 2008 году – 189. Приюты и реабилитационный центр, специализирующиеся на оказании помощи жертвам, в 2008 году приняли 55 жертв – все они были женщинами, подвергшимися сексуальной эксплуатации.

Что касается трудового рабства, то таких зарегистрированных случаев в Эстонии лишь единицы – не всегда легко разграничить эту форму эксплуатации и нарушения трудовых правоотношений. В Эстонии тоже нередки случаи невыплаты зарплат, «выплаты в конверте». Они, безусловно, негативны для работников, но не подпадают под международное определение торговли людьми (Inimkaubanduse ohvri tuvastamise juhised 2009).

Из случаев торговли человеческими органами в Эстонии имел место лишь один в 1998 году, когда при участии иностранных граждан были проведены запрещенные операции по пересадке почек (Karra и

Kook 1998). С тех пор случаев незаконных обследований людей, трансплантации, склонения к донорству не регистрировалось.

Таким образом, как уже отмечалось, при рассмотрении торговли людьми в контексте Эстонии прежде всего можно анализировать механизмы торговли женской проституцией, ее причины и следствия.

Причины торговли людьми и связь с проституцией

В части причин торговли людьми и в том, почему, главным образом, торгуют женщинами, до сих пор нет единства мнений, более того, можно сказать, что по большинству причин не ведется даже споров.

Доклад, подготовленный в 2006 году для Европейского парламента, по материалам более ранних исследований и обзоров называет в качестве основных причин торговли людьми бедность, безработицу, гендерную дискриминацию, недостаточное образование, коррупцию, спрос на дешевую рабочую силу и секс-услуги (EP Session document A6-0368 2006).

В докладе выделены также факторы феминизации бедности, проблемы миграции и распространение организованной преступности (Shelley 2002, Ivanchenko 2008, Smelt 2008). Анализ перечня причин приводит констатации: политическое и экономическое положение женщин являются факторами, определяющими женское лицо торговли людьми (Okolski 2001). Исследователи пришли к выводу, что у проституции аналогичные причины (D'Cunha 2004, Raymond 2004). Сексуальная эксплуатация – гендерное явление; если при трудовом рабстве эксплуататором может выступать как мужчина, так и женщина, то при сексуальной эксплуатации эксплуататором выступает мужчина, а эксплуатируемым чаще всего – женщина (Huda 2006). Европол (Europol 2009) называет одной из главных групп риска в торговле людьми женщин моложе 30 лет.

Причиной активизации торговли женщинами в Европе считается открытие границ Восточной Европы после распада Советского Союза (Downes и др. 2008, Prostitution i Norden 2008, Shelley 2002). В Эстонии, наряду с резкими переменами того периода, выделяют также чрезмерную либерализацию и глубокое экономическое расслоение как по сравнению

Что сделано в Эстонии для профилактики торговли людьми и оказания помощи ее жертвам

Кристийна Лухт

Впервые исследование проституции в Эстонии около десяти лет тому назад (1996–1999) провел Юрий Каликов (СПИД-центр информации и поддержки)¹ в рамках международного проекта Meritähht. Центр был основан в 1994 году и первым в стране стал предоставлять услуги лицам, вовлеченным в проституцию. Существует он и сегодня, предлагая консультации и помощь женщинам этой целевой группы.

В 2002–2003 годах в Северных странах, Эстонии и других странах Балтии была проведена кампания против торговли женщинами² с целью инициировать дискуссию по этой социальной проблеме и изменить существующие установки в отношении к ней. В задачи кампании входило

зафиксировать степень готовности общества Эстонии к признанию торговли людьми социальной проблемой и к борьбе с ней, а также информировать стратегически важные общественные группы о причинах явления и сопутствующих ему проблемах. В рамках кампании было организовано обучение учителей, работников по делам молодежи и профконсультантов, проводились лекции в школах и других учреждениях, а также исследования с целью определить группу риска и готовность государства заниматься этой проблемой.

Кроме кампании, проведенной на государственном уровне, в стране прошел целый ряд информационных мероприятий для женщин об угрозах торговли людьми (2001–2002), кампания для молодежи под эгидой Международной организации по миграции (2004–2005)³, серия мероприятий для школьников, организованная Красным Крестом (2005–2006)⁴. В 2007 году Эстонский центр информации и гендерных исследований (Eesti Naisuurimuse Teabekeskus, ENUT) провел кампанию с целью снизить в стране спрос на проституцию⁵.

С 2004 года неформальное объединение *Living for Tomorrow*, возглавляемое Сирле Блумберг, в целях профилактики торговли людьми организовало услуги консультационного телефона для тех, кто отправляется работать

1 Дополнительную информацию см. здесь: www.tugikeskus.ee

2 Дополнительную информацию см. здесь: www.nordicbalticcampaign.org

3 О Международной организации по миграции см.: www.iom.int

4 Дополнительную информацию см. здесь: <http://www.redcross.ee/et/inimkaubandus.html>

5 О деятельности ENUT см.: www.enut.ee

со старыми членами ЕС, так и внутри страны между ее регионами. Констатируется, что многие годы в Эстонии сверхлиберализация экономики считалась главным социальным благом, поэтому многие люди здесь, несмотря на очевидный в промежутке общий рост благосостояния, не получили от этого своей доли (Mikecz 2008). О влиянии экономического и регионального неравенства свидетельствует исследование Касе и Петтай (Kase и Pettai 2008) потребностей в помощи у женщин, вовлеченных в проституцию. Исследование показывает, что, например, женщины Ида-Вирумаа по сравнению с женщинами Таллинна имеют существенно более серьезные материальные проблемы. При затрудненном доступе к ресурсам легче стать эксплуатируемым. В Эстонии регион Ида-Вирумаа, к сожалению, постоянно отличался высоким уровнем безработицы (Ida-Virumaa... 2005, Smelt 2008). Если женщин из Восточной Европы везут заниматься проституцией в Западную Европу, то в Эстонии для этих занятий женщин везут из сельских регионов в столицу (IOM 2005). Многие авторы указывают на региональное и гендерное неравенство, как причины торговли женщинами в Эстонии (Smelt 2008, Ivanchenko 2008, Kalikov 2002).

О вероятной дискриминации по национальному признаку дают представление исследования Института развития здоровья и Института открытого общества Эстонии. По их результатам видно, что в Эстонии большинство женщин, вовлеченных в проституцию и торговлю людьми – это женщины русской национальности (IOM 2005, Lõhmus и Trummal 2006, Lõhmus и Trummal 2008, Pettai и др. 2006).

Объяснением отдельных причин торговли женщинами в Эстонии могут служить преобладающие ролевые установки общества, измеренные, например, в рамках демографического исследования «SV monitoring». В воспитании девочек в Эстонии отдают предпочтение умению готовить, убирать, заботиться о своей внешности, а при воспитании мальчиков важным считают развить предприимчивость, умение пробиться в жизни. Иными словами, в Эстонии мальчиков и девочек по-прежнему воспитывают согласно стереотипным гендерным ролям – мужчина в семье является кормильцем, а женщина – заботливой помощницей (Vaino 2009). Направляется параллель с проституцией, где мужчина заказчик, а женщина – услуга. Мужчины, больше чем женщины, отдают предпочтение стереотипному

или учиться за границу. По телефону могут также получить консультацию жертвы торговли людьми, чиновники и представители широкой общественности.⁶

В 2005–2008 годах. Эстония участвовала в пилотном проекте Северных стран и стран Балтии «Поддержка, защита, безопасное возвращение и реабилитация женщин, проданных в сексуальное рабство»⁷. Недоходное объединение *Эстонский союз приютов для женщин* (Eesti Naiste Varjupaikade Liit)⁸ под руководством Эхи Рейтельманн при поддержке Северных стран и Министерства социальных дел начало оказывать услуги по размещению и консультированию пострадавших женщин, а также вело активную работу в социальных сетях Эстонии. В тот же период Эстония участвовала в проекте Европейского союза EQUAL «Интеграция на легальном рынке труда женщин, вовлеченных в проституцию, в т. ч. жертв торговли людьми»⁹. В ходе проекта недоходное объединение *Линия жизни* (Eluliin)¹⁰ возглавляемое Эдой Мельдер основало реабилитационный центр Atoll для женщин, вовлеченных в проституцию и ставших жертвами торговли людьми, а также сеть патро-

нажных работников. В рамках EQUAL ряд ценных исследований проституции провел Институт открытого общества Эстонии.

В 2006 году правительство Эстонской Республики приняло Программу борьбы с торговлей людьми на 2006–2009 годы. Она определила стратегические цели борьбы и основные меры для их достижения¹¹. В этот период проводились различные исследования, курсы и лекции, была разработана инструкция по установлению жертвы, представители Эстонии участвовали в международной работе по предотвращению торговли взрослыми и детьми, изданы инструкции для социальных работников по оказанию помощи жертвам.

В программе была впервые обозначена сфера ответственности официальных учреждений. Программу разрабатывало и координировало ее выполнение Министерство юстиции. Новой специальной программы по предотвращению торговли людьми больше не разрабатывалось, но было принято решение внести тему торговли людьми в Программу по борьбе с насилием на 2010–2014 годы.

Партнерами Эстонии в реализации многих проектов выступали Северные страны и Совет министров Северных стран. Важность такого партнерства была обусловлена не только финансовой поддержкой, но и общностью шкалы ценностей. Многие реализованные в Эстонии проекты были поддержаны посольствами иностранных государств.

6 Дополнительную информацию см.: www.lft.ee

7 Дополнительную информацию о проекте см. здесь: <http://nordicbaltic-assistwomen.net/>

8 О деятельности ENVL читайте здесь: <http://www.naisteliin.ee/>

9 Дополнительную информацию о проекте см. здесь: http://www.tai.ee/failid/EQUALi_projekti_eesm_rgld_tegevused_tulemused.doc

10 Об Eluliin читайте здесь: www.eluliin.ee

11 См. Программу на www.just.ee/18886

гендерно-ролевому воспитанию девочек (там же, 34). Позицию мужчины в обществе считают выше позиции женщин, в равноценность мужчин и женщин верят менее половины респондентов (там же, 20–21). В Эстонии зарплата женщин почти на треть меньше зарплаты мужчин (Eurostat 2007). Таким образом, бытующие установки и различие в уровне зарплат позволяют понять, почему женщины более уязвимы с точки зрения торговли людьми.

У торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации есть прямая взаимосвязь с проституцией. В 2005 году институт TransCrime по заказу Европейского парламента провел углубленное исследование влияния законов, касающихся проституции и торговли людьми, на ситуацию в 25 странах Европейского Союза (Study on national legislation... 2005). Установлено, что страны, пытающиеся узаконить проституцию, «производят» больше жертв торговли людьми, чем страны, стремящиеся воспрепятствовать проституции.

При том, что в некоторых странах проституция узаконена (Голландия, Германия, Австрия), большая часть женщин, занимающихся там проституцией, – незаконные иммигрантки. Они работают вопреки местным законам, не имея предполагаемых благ, которые гарантированы легализованной проституцией⁴. В Германии 60% лиц, занимающихся проституцией – иммигрантки, в Голландии они составляют 2/3, а в некоторых городах даже 90–95% (Fenarete Project 2004). Для стран Западной Европы характерно, что женщины, занимающиеся проституцией на их территории, не являются местными. Например, во Франции иностранки составляют половину таких женщин, а в Италии – подавляющее большинство (90%) (там же). Привозят женщин заниматься проституцией из более бедных стран Центральной и Восточной Европы, Латинской Америки, Азии (Fenarete Project 2004, Trafficking in Persons Report 2009). В Эстонии пунктом назначения внутригосударственной торговли людьми является, главным образом, столица – город богаче остальных регионов государства. Половина или даже больше женщин, эксплуатируемых в Таллине в качестве проституток, родом из других регионов Эстонии, в основном – из Ида-Вирумаа (ИОМ 2005, Pettai и др. 2006). Ученые Эстонии подтверждают, что женщины не могут долго заниматься проституцией, поэтому организа-

торам этого бизнеса приходится постоянно искать и вербовать новых женщин (AEÜI 2002, 40; Pettai и др. 2006). О том же говорят исследователи из других стран (D'Cunha 2002, Ekberg 2004). Таким образом, характер проституции обуславливает непрерывность торговли женщинами.

И хотя на государственном уровне все еще продолжаются споры на тему «проституция – выбор добровольный или вынужденный в силу экономических, социальных и других причин», спорящие все чаще приходят к выводу о том, что одной (если не главной движущей) из причин торговли женщинами является спрос на проституцию (Inimkaubandusevastane EN konventsioon, EP Session document A6-0368/2006). Спрос создает у посредников проституции серьезные виды на прибыль и тем самым подталкивает рост торговли людьми (EP Session document A6-0368 2006, Europol 2009, Trafficking in Persons Report 2009). Тема спроса более подробно рассматривается в подразделе «Роль мужчин в развитии и распространении секс-индустрии».

Вовлеченные в проституцию и торговлю людьми женщины в Эстонии

В Эстонии первым оказывать помощь женщинам, вовлеченным в проституцию, начал в середине 1990-х годов Центр профилактики СПИДа (AIDS-i Tugikeskus). К этому же периоду относятся и первые данные о возрасте, национальности, семейном положении и проблемах женщин, собранные в ходе интервью с ними. В рамках исследования 1999 года Каликов (Kalikov) собрал информацию о 382 женщинах, четверть которых были несовершеннолетними, почти половина в возрасте 18–24 лет, и подавляющее большинство – русской национальности; около половины окончили среднюю школу, одна пятая – профтехучилище. Треть из них в детстве подверглись сексуальному насилию, примерно столько же – физическому и сексуальному насилию в период занятия проституцией (Kalikov 1999). Около трети женщин употребляли наркотики (там же). Проведенное Каликовым несколько лет спустя исследование 158 женщин, вовлеченных в проституцию, подтвердило предыдущие результаты, а также показало, что более трети проституток были несовершеннолетними, а каждая пятая женщина употребляла нарко-

4 Предполагаемые блага – услуги здравоохранения, бесплатные презервативы, возможность платить налоги. Они доступны и в странах, где проституция не узаконена.

тики. Лишь каждая десятая женщина была старше 30 лет. (Kalikov 2002)

В 2006 году Петтай и другие исследователи опросили 408 женщин, 85% из которых были младше 30 лет, половина из них начали заниматься проституцией в возрасте 16–18 лет. 70% были неэстонками, у двух третей было только начальное или основное образование, каждая третья имела ребенка/детей. Исследователи заключили, что насилие – почти неизбежное явление в жизни женщин, вовлеченных в проституцию: две трети из них подвергались психологическому, одна треть – физическому и 15% – сексуальному насилию еще в детском возрасте; каждая четвертая пережила одно или несколько изнасилований (Pettai и др. 2006, 10, 11).

Таким образом, можно сказать, что т. н. типичная женщина, вовлеченная в проституцию в Эстонии, явно неэстонка, попавшая в секс-бизнес в сравнительно молодом возрасте, зачастую будучи моложе 18 лет. С высокой долей вероятности она подвергалась грубому обращению в детстве или сексуальному насилию во взрослом возрасте. Подводя итог углубленного исследования, проведенного в 2006 году, эксперты Института развития здоровья констатировали, что его результаты, как и результаты предыдущих исследований, указывают на то, что к проституции приходят, прежде всего, представители таких групп общества, у которых меньше возможностей и выбора, чтобы обеспечить себе нормальное существование (Timmal и др. 2006).

Обнаружить жертву торговли людьми – задача не из легких, хотя легко найти женщин, занимающихся проституцией. Инструкция по опознанию таких жертв, предназначенная для социальных служб и работников, оказывающих помощь жертвам, а также полицейских и других специалистов, появилась в Эстонии весной 2009 года. Граница между жертвой торговли людьми и женщиной, вовлеченной в проституцию, размыта, поскольку фон большинства женщин, занятых проституцией, и нанесенный им ущерб совпадают с фоном женщин, признанных жертвами торговли людьми. Дифференцирование их осложнено тем фактом, что прямое принуждение к занятию проституцией – редкое явление в Эстонии, зато существуют другие факторы, создающие благоприятную почву для вовлечения в проституцию – незаконченное образование, пережитое в детстве насилие, раннее начало сексуальной жизни, алкогольная и наркотическая зависимость и т. п. (Pettai и др. 2006). Петтай и другие исследователи (Pettai и др.

2006, 12) констатируют, что молодые женщины, чья личность уничтожена вследствие насилия, не нашедшие себе места в нормальной трудовой жизни, более всего подвержены вербовке в секс-бизнес.

Согласно исследованию, проведенному в Эстонии, Финляндии и Швеции, чтобы удержать женщин в проституции, часто используются методы косвенного контроля, в числе прочего типичные для жертвы и преступника взаимоотношения – наложение долговых обязательств, зависимость и своего рода доверие (The Organisation... 2008, 115). Установление жертвы в таких отношениях требует профессиональных знаний и навыков, которых в полной мере пока не хватает специалистам Эстонии, поэтому многие жертвы остаются без внимания.

Влияние торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации

Рассматривая исследования в сфере здоровья, проведенные в мире, следует признать губительное влияние сексуальной эксплуатации на здоровье женщины – психическое, физическое и сексуальное. Фарли (Farley 2003, 5) на основании десятков проработанных исследований о проституции констатирует, что сексуальное насилие и грубое физическое обращение в сфере женской проституции – не исключение, а обыденность. Лица, вовлеченные в проституцию, повсеместно страдают от тяжелых психических травм – тревожных состояний, депрессии, нарушений сна, стресса и т. п. (Farley и Barkan 1998, Farley и др. 1998). 60% женщин, интервьюированных в Голландии, подвергались грубому обращению, 40% – насилию (Vanwesenbeeck 1994). Результатами масштабного исследования, проведенного в девяти государствах⁵, установлено, что грубому обращению подвергалось большинство женщин (71%), более половины (62%) были изнасилованы (Farley и др. 1998). Из интервью 119 женщин, вовлеченных в проституцию, проведенных Крамером (Kramer 2003) в Аризоне, явствует, что большинство женщин (90%) считают акт проституции негативным и/или травмирующим опытом. Большинство респонденток (73%) утверждали, что отстраняются от своих реальных эмоций, половина (52%) призналась, что сексуальный акт причиняет им физическую боль, а более

⁵ Канада, Колумбия, Германия, Мексика, Южная Африка, Таиланд, Турция, США и Замбия.

двух третей (76%) – боль эмоциональную. В рамках исследования Зиммермана (Zimmerman) и других исследователей, проведенного в Великобритании, подавляющее большинство женщин (95%), проданных в сферу проституции, признались, что страдают от депрессии, почти две трети (63%) – от болей в нижней части живота (Stolen smiles... 2006). Почти у половины женщины были диагностированы заболевания, передаваемые половым путем, или заболевания, связанные с нарушением репродуктивности.

В Эстонии здоровье женщин, вовлеченных в проституцию, неоднократно исследовали Институт развития здоровья (Tervise Arengu Instituut, далее – TAI) и Институт открытого общества Эстонии (Eesti Avatud Ühiskonna Instituut, далее – EAÜI). Результаты сходны с результатами исследований, проведенными в других странах. Практически у всех женщин проблемы со здоровьем, в т. ч. хронические, у многих – мысли о самоубийстве (Pettai 2008). Половина опрошенных в 2006 году женщин подвергались сексуальному насилию, а более половины – подвергались насилию в течение месяца до момента проведения опроса, т. е. недавно (Trummal и др. 2006). Исследованием 2005 года установлено, что риск подвергнуться насилию для женщин, вовлеченных в проституцию, очень высок. Более половины опрошенных (59%) подвергались психологическому насилию (оскорбления и унижения), менее 42% подвергались избиениям, треть были изнасилованы (Pettai и др. 2006). Треть респонденток принуждались к таким половым актам, на которые бы не согласились добровольно (там же). Легкие телесные повреждения получали почти две трети (64%) женщин, тяжкие – каждая седьмая (15%). Респондентки оценивали состояние своего здоровья как плохое: подавляющее большинство (88%) признавались в состоянии постоянного напряжения и стресса, 72% – в нервозности, 66% – наличии бессонницы, 64% – подавленности, почти половина (47%) задумывались о самоубийстве (там же). Половина опрошенных женщин признались, что делали аборты, треть женщин сообщили, что страдают гинекологическими заболеваниями, и каждая четвертая (25%) – венерическими заболеваниями (там же). Как самые серьезные проблемы здоровья респондентки называли проблемы с нервной системой (45%), затем боли в области живота (42%). Каждая пятая женщина (20%) призналась, что она ВИЧ-позитивна (там же). На основе тестирования, проведенного TAI в 2006 году, 7,7% представителей целевой группы исследования были ВИЧ-позитивны, а у 7,3% была

позитивная реакция на гепатит С (Trummal и др. 2006). Две трети женщин, опрошенных EAÜI, употребляли наркотики, более трети из них употребляли наркотики постоянно или время от времени, почти треть всех опрошенных женщин алкогольное опьянение испытывали несколько раз в неделю (Pettai и др. 2006). На алкоголь и наркотики, как на т. н. средства первой помощи ссылались в ходе исследований респонденты и в других странах (Stolen smiles... 2006, Zimmerman 2003).

В 2008 году в Эстонии был проведен опрос женщин из групп помощи, желавших отказаться от занятий проституцией. Достаточно большая часть этих женщин страдали от венерических заболеваний, но еще больше жаловались на гинекологические заболевания, связанные с репродуктивной функцией организма, от них страдали почти две трети женщин из Ида-Вирумаа и Таллинна (Kase и Pettai 2008). Каждая десятая опрошенная женщина из Таллинна и более половины из Ида-Вирумаа были ВИЧ-инфицированы или больны СПИДом (там же, 37). Подводя итоги, исследователи констатировали, что женщины, вовлеченные в проституцию, отличаются очень плохим состоянием здоровья, среди них много хронических больных и женщин с нарушениями трудоспособности (ограниченными возможностями здоровья), которые по состоянию здоровья не могут жить в обществе нормальной трудовой жизнью (там же, 11).

Таким образом, мы имеем дело с очень серьезной проблемой здоровья населения и не только с точки зрения женщин. Мужчины, покупающие сексуальные услуги, передают инфекции дальше – другим своим сексуальным партнерам – женам, сожительницам. Покупатели сексуальных услуг передают инфекцию и женщинам, вовлеченным в проституцию, поскольку, как правило, меняют партнеров, не ограничиваясь одной. Поэтому опасности подвергается достаточно большая часть населения, а не только группа покупателей сексуальных услуг и женщин, вовлеченных в проституцию.

Эксперты реабилитационного центра Atoll попытались оценить, во сколько государству обходится торговля женщинами (Mölder 2008). Перечень расходных статей впечатляет: лечение ВИЧ, визиты к врачу и тесты, лекарства, психотерапия, прожиточные и социальные пособия, стоимость мер рынка труда с целью помочь женщине выйти на этот рынок и т. п. Если же дело доходит до суда, то следует дополнительно приплюсовать и расходы, связанные

с уголовным делопроизводством. Оставлять эксплуатируемое лицо без помощи невозможно, с одной стороны – с позиции защиты прав человека, с другой стороны – чтобы избежать дальнейших затрат. Пока женщина занимается проституцией, она зарабатывает деньги для преступности; женщины, утратившие контакт с легальным миром, могут сами начать активно участвовать в преступной деятельности, например, вербовать других женщин для занятий проституцией (Mölder 2009).⁶

К негативным следствиям торговли женщинами относят также ее преступные доходы, благоприятствующие нечестной экономической конкуренции (Rahumägi 2003 и 2004). По данным доклада о теневой экономике, оборот денежных средств, связанных с проституцией, доходил в Эстонии в 2004 году до одного миллиарда крон (Illison 2004). Как подтверждает опыт Германии, у государства нет возможности получить эти доходы себе даже в условиях узаконенной проституции (Boyes 2007, Orpi 2007), преступные доходы используются в самых разных целях. В глобальном масштабе о доходах от торговли людьми говорят, как об источнике финансирования коррупции, других ветвей преступности и терроризма. Эксперт Международного валютного фонда Тони (Thony 2002) оценивает доходы от торговли наркотиками и людьми как угрозу мировой финансовой системе и экономике. ОБСЕ (OSCE 2002) обращала внимание государств на связи между отмыванием денег, торговлей людьми, торговлей оружием и наркотиками. К примеру: жертв торговли людьми используют одновременно в качестве перевозчиков наркотиков; наркотики, оружие и люди передвигаются по одним и тем же каналам и через одни и те же контакты; отмывание денег необходимо для легализации доходов, полученных от незаконной деятельности и т. д.

Роль мужчин в развитии и распространении секс-индустрии

На роль мужчин в деле распространения проституции указывает изданный в 1997 году в Эстонии учебник правовой сексологии, автор которого отмечает, что за сохранение проституции выступают, главным образом, потребители таких услуг (Auväärt 1997,

98). Наше общество этого пока не понимает, да и в остальных странах мира участие мужчин в проституции выделяют не часто. Если относительно женщин, вовлеченных в проституцию, мы имеем множество исследований, то мужчин как покупателей сексуальных услуг изучают значительно реже, поскольку их поведение считается само собой разумеющимся (Jeffreys 1997, 215).

Цель признания такого поведения мужчин в качестве нормы понять трудно, особенно в аспекте того ущерба, который наносит проституция не только отдельным лицам, но и целым государствам. С одной стороны, обществу кажется важным сохранить уклад, при котором мужчина имеет больше власти и прав, чем женщина, а мужские сексуальные потребности важнее женских. При этом, с учетом того, что лишь малая часть мужчин покупает секс-услуги (Pettai 2008, Lautrup 2008, Månsson 2002), выходит, что, оправдывая проституцию, защищают права лишь малой группы мужчин, а не всех. Несмотря на это, люди, выступающие за проституцию, всегда аргументировали это защитой прав мужчин. Иными словами, в данном вопросе, мы имеем дело с попыткой сохранить традиционные гендерные роли во что бы то ни стало.

С другой стороны, кажется, что оправдание покупки секс-услуг может иметь целью поддержать либерализм коммерческой деятельности с ее машиной по производству денег – прибыльной секс-индустрией. Если мужчины откажутся от покупки секс-услуг, пропадут доходы посредников проституции, значит, надо поддержать в обществе мнение, будто покупка секс-услуг является чем-то неизбежным для мужчин. Исследователь порнографии Йенсен (Jensen 2008) пишет: «Возьмите систему, которая ставит прибыль превыше всего, и прибавьте к ней систему главенства мужчин. Результатом будут сутенеры, клиентура и порнография, которые становятся чуть ли не нормой жизни... каждодневной практикой, поскольку миру капитализма это выгодно. И все потому, что в патриархальном мире мужчины считают своим правом потреблять женскую сексуальность». Специальный докладчик ООН по правам человека называет покупку секса особенно ярким отражением гендерной дифференциации, актом, подтверждающим высокий половой и социальный статус мужчины (Huda 2006). По оценке Д'Кунхи (D'Cunha 2004), спрос на проституцию зависит от ее интерпретации идеологией, ориентированной на мужчин, согласно которой секс – мужское право, а тела женщин – это

6 В Эстонии запрещено содействие проституции (другими словами – посредничество проституции), склонение к проституции несовершеннолетних, содействие проституции несовершеннолетних. Занятия проституцией и покупка секса наказанию не подлежат.

предметы потребления, которые обязаны обслуживать различные потребности мужчин.

Первый опрос покупателей секс-услуг в Эстонии был проведен в 2002 году. Путем анкетирования опросили 93 мужчин в возрасте от 18 до 66 лет (Limberg 2002). Подавляющее большинство (87%) допускали, что женщины становятся проститутками из-за материальных затруднений, также большинство респондентов (80%) считали, что перед таким выбором оказываются матери-одиночки. Кроме того, причиной проституции они называли наркоманию (там же). Тем не менее, подобная осведомленность не мешала мужчинам пользоваться услугами женщин, вовлеченных в проституцию. Более половины опрошенных мужчин (65%) посещали бордель в состоянии алкогольного опьянения и под влиянием друзей, меньшее число (17%) – из-за отсутствия постоянной секс-партнерши, некоторые мужчины (5%) не смогли пояснить причины посещений (там же, 52). Мужчины были плохо информированы в вопросах здоровья, считали маловероятным заражение венерическими заболеваниями (там же, 43). Никто из мужчин (по их словам) не применял физического насилия к женщинам, в то время как почти половина женщин, опрошенных в рамках того же исследования, заявляли, что подвергались грубому обращению со стороны покупателей секс-услуг (там же, 44). В общем, отношение к женщинам, вовлеченным в проституцию, было презрительным, но на уровне отдельных индивидов исследователь отметил и жалость, и сочувствие (там же, 55).

В 2006–2007 гг. покупателей секс-услуг интервьюировала Эспере (Eespere 2007), и хотя ее небольшая выборка (15 мужчин в возрасте от 21 до 43 лет) не позволяла делать значительных обобщений, исследование отразило характерное совпадение мыслей респондентов с покупателями таких же услуг в других странах. Из результатов исследования Эспере (Eespere, 2007) явствует, что распространенные в обществе предубеждения являются мощным фактором, управляющим поведением мужчин. Зачастую такие предубеждения служат мотивацией к посещению борделя: так делают все мужчины, такое поведение нормально (там же, 44). Таким образом, стремление мужчин вести себя соответственно гендерной роли не обязательно совпадает с их реальными сексуальными потребностями. Потребление секс-услуг воспринималось как часть развлечений, и причиной его часто было любопытство. На решение мужчин отправиться в бордель влияла и доступность

этой т. н. услуги (там же, 42). Для сравнения: результаты масштабного исследования, проведенного в Дании, выявили, что главным мотивом покупки секс-услуг было желание «узнать, что это такое», третьей по значимости была причина «просто появилась возможность» (Lautrup 2008).

По данным опроса Ээспере (Eespere 2007, 40), среди мужчин, покупающих секс-услуги, распространено стереотипное представление о проститутке как о женщине, которая пришла в секс-индустрию, чтобы совместить работу и хобби. Однако при реальном описании оказалось, что никто из мужчин не встречал подобной женщины. Но как бы то ни было, от привычного представления никто не отказался – чисто по человечески любому поведению должно быть найдено оправдание, даже если оно и противоречиво.

Паюметс (Pajumets 2004) изучала предположения о причинах потребления секс-услуг. Ее респонденты зачастую не могли объяснить их, ссылаясь лишь на традицию типа «так делали всегда». В числе важных причин они называли влияние друзей, алкоголя, желание подражать поведению более успешных людей (там же, 50). Как причины назывались неумение строить эмпатические отношения, желание продемонстрировать собственную власть (там же, 51). Среди причин посещения проституток называли также доминирующие в обществе ценности, «уроки» социального поведения (там же, 52). Результаты опроса населения, проведенного Петтай совместно с другими исследователями (Pettai и др. 2008), показали, что 53% мужчин и 43% женщин уверены, что проституция помогает мужчинам справляться со стрессом. Таким образом, почти половина опрошенных, поставили сексуальность мужчин выше защиты здоровья и благополучия женщин, не говоря уже о сексуальности женщин. Поскольку в Эстонии большинство мужчин не имеют личного опыта приобретения секс-услуг, то можно предположить, что такое мнение является «заученной» социальной нормой.

Бытует в обществе и оправдание покупки секс-услуг тем, что непривлекательные мужчины и мужчины с ограниченными возможностями здоровья якобы иначе не могут жить сексуальной жизнью. Результаты опросов, проведенных как в Эстонии, так и в Северных странах, опровергают такое мнение – большинство покупателей секс-услуг имеют регулярных партнерш или жен (Eespere 2007, Lautrup 2008, Kuosmanen 2006, Prostitution i Norden 2008). Также распространено оправдание проституции биологи-

ческой предопределенностью. Утверждается, что у мужчин потребность в сексе больше, чем у женщин (Eespere 2007, Jeffreys 1997). Такие умозаключения о биологических особенностях мужчин для оправдания проституции унижают самих мужчин, опуская их до уровня асоциальных и некультурных существ. Однако они бытуют. Все подобные мнения только закрепляют проституцию в обществе, поскольку позволяют конструировать сексуальность мужчины в неизбежной связи с проституцией (Jeffreys 1997, 214–219).

В общем, покупатели секс-услуг считают себя информированными по теме торговли людьми, и не желают, по их словам, использовать женщин, ставших ее жертвами (Lautrup 2008, Prostitution i Norden 2008). Но на просьбу пояснить, как респонденты различают жертву и «просто» проститутку, оказалось, что они этого сделать не могут (там же). Тем не менее, каждый из покупателей секса считает себя этичным, выделяя свое поведение из поведения остальных таких же покупателей (Lautrup 2008, Eespere 2007).

Противоречивые мнения, различные силовые линии

Несмотря на совпадение причин торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации и проституции (см. главу «Причины торговли людьми и связь с проституцией»), на уровне правительств эти явления рассматриваются как очень разные. Дефиницию торговли людьми содержат международные документы, против этого явления ведется (по крайней мере, так видится со стороны) активная борьба. Разработаны многочисленные конвенции и директивы, накладывающие на государства обязательства по профилактике торговли людьми, воспрепятствованию ей и оказанию помощи жертвам. Эстонская Республика участвует в соответствующей работе. С проституцией ситуация иная. Некоторые государства избрали путь регулирования проституции и не желают рассматривать тему проституции на международном уровне, особенно в контексте торговли людьми (Германия, Голландия). Другие – напрямую связывают проституцию с торговлей людьми, демонстрируя это в своих законах (Северные страны). Если в части торговли людьми позиции и принципы сформированы, и все новые соглашения их лишь повторяют, то попытки увязать темы проституции и торговли людьми в меж-

дународных документах всегда встречают сопротивление.

Причин тому, как представляется, много. С одной стороны, звучат аргументы защитников проституции, утверждающих, что часть женщин охотно выбирают занятия проституцией как источник средств существования (Jeffreys 1997, 128–160). С другой стороны, те, кто рассматривает проституцию как насилие над женщинами, говорят о принудительном выборе и использовании уязвимого положения женщин (Bindel и Kelly 2003, Farley 2003, Parker 2008, Enke, 2008). За отрицанием взаимосвязей между проституцией и торговлей людьми может стоять и заинтересованность секс-индустрии в сохранении института проституции. Так пытаются сохранить один из немногих, но достаточно неприкосновенных источников дохода преступности. Как утверждает Европол (Europol 2009), сфера проституции за год зарабатывает 31,6 млрд. долларов США. Отсюда понятны лоббистские усилия секс-индустрии, направленные на сохранение и расширение проституции. Реакция государств на давление лобби остается слабой, сопротивление ему недостаточно. В Эстонии также бытуют диаметрально противоположные мнения, государственная политика не имеет единого подхода к проституции. Проблем, связанных с проституцией, лишь бегло касаются «Программа борьбы с торговлей людьми на 2006–2009 гг.» и «Стратегия по борьбе с ВИЧ и СПИДом на 2006–2015 гг.». Продуманной и разносторонней работы по профилактике и пресечению проституции не ведется.

Официальные установки в Эстонии

Безусловно, отношение ведомств, а также организаций гражданского общества Эстонии к проституции и торговле людьми за последнее десятилетие изменилось. Работа, направленная на борьбу с торговлей людьми, была главным образом инициирована благодаря иностранным проектам и международным обязательствам, принятым Эстонией как членом Европейского Союза и Совета Европы, а также как участником регионального сотрудничества Северных стран и стран Балтии. Задачи, поставленные перед государством, масштабные, они же вызвали длительные (не на один год) дискуссии.

Результаты исследования EAÜI, проведенного в 2002 году, показали, что государственные чиновники мало информированы о проблемах проституции и

сопутствующей ей торговле женщинами. В 2004 году специалисты Департамента погранохраны вообще не считали торговлю людьми явлением, касающимся Эстонии (Eespere 2004, 7). Эксперты по социальной работе в 2004 году оценили проблему как серьезную или очень серьезную, специалисты Департамента гражданства и миграции назвали ее серьезной, а представители недоходных объединений – скорее умеренной (там же, 8). Полиция в то время считала, что государство относится к проблеме торговли людьми равнодушно и недостаточно внимательно, в доказательство чего указывала на отсутствие национальной программы действий. Работа над такой программой началась в 2005 году. На период 2006–2009 гг. программа была разработана, дело двинулось вперед (Inimkaubanduse... 2006). По состоянию на 2009 год видно, что изменилось и отношение недоходных объединений – торговлю женщинами они уже считали существенной проблемой и вели активную работу по воспрепятствованию ей.

Начиная с Сийри Овийр, министры социальных дел стали серьезнее относиться к проблеме торговли людьми (Jõe-Cannon 2006, Kalamees 2002, Oviir 2008, Romerants 2004). Партийная принадлежность министров не меняла подходов к теме – из-за тяжелых последствий проституцию рассматривали как насилие в отношении женщин. Официальное отношение министров юстиции отражает наличие соответствующей программы (ее инициатором в 2005 году выступил Кен-Мартин Вахер) и Лаула-мааской декларации, где в качестве приоритета в работе прокуратуры и полиции по борьбе с преступностью названа борьба с торговлей людьми (Laulasmaa... 2005). На личностном уровне отношение представителей юридической сферы к тематике торговли женщинами и проституции не было единым, были и критические мнения (Lang 2008). Выдвинутое в 2006 году социал-демократической партией предложение подготовить отдельную программу действий по воспрепятствованию проституции не нашло поддержки правительства (законопроект 911 ОЕ, первое чтение), хотя министром социальных дел был в то время хорошо знакомый с темой Яак Ааб. В то же время Министерство юстиции, анализируя конвенцию Совета Европы, констатировало, что «конвенция напрямую связана с официальной политикой и общественным мнением в отношении к проституции, так как ее распространение связано с гендерным неравенством и положением женщин в обществе» (Justiitsministeerium 2008).

Противоречиво вело себя Министерство образования и науки в период, когда им руководил Тынис Лукас, которое в 2007 году профинансировало создание Целевым фондом профилактики преступности учебного фильма о проституции. По оценке экспертов, фильм был сделан для введения этого явления в норму, а не для его профилактики (переписка между Министерством социальных дел, Министерством юстиции, Министерством образования и науки, Институтом развития здоровья и гражданскими объединениями, дискуссия в СМИ⁷). Несмотря на сопротивление со стороны экспертов, организаций, занимающихся реабилитацией женщин, вовлеченных в проституцию, и Союза защиты детей, фильм был показан в школах.

Подобные противоречия между установками, официальной позицией и реальными решениями можно, по-видимому, отнести к факторам, препятствующим эффективной профилактике и реабилитации.

Начавшийся в 2009 году процесс разработки стратегии борьбы против насилия и новых направлений криминальной политики также вызвал дискуссии между министерствами и гражданскими объединениями на почве понимания и знания терминологии и сути проблем. Формирование общих позиций – это процесс, который еще только идет.

Официальное отношение к проблемам, распространенным в обществе, отражается и в том, какие из них государство считает противоправными и какие наказания для них предусматривает. В Пенитенциарном кодексе статьи «Торговля людьми» не значится. Ее заменяет статья о рабстве, которая не соответствует дефиниции торговли людьми, данной Палермским протоколом. Эстонию не раз критиковали за отсутствие соответствующего определения состава преступления (Trafficking in Persons Report 2007 и 2008). В 2010 году определение состава преступления торговли людьми все же появилось. Посредничество проституции в Пенитенциарном кодексе значится в разделе правонарушений общественного порядка, хотя более подходящее место для нее было бы в разделе преступлений против личности и сексуальной самоидентификации. Позитивным можно назвать то, что в Пенитенциарном кодексе

7 См.: Masing, K. Prostitutide nõustaja: ministeeriumi õppefilm on topeltohtlik. EPL 26.06.2007; Ellam, H. Riigi tellitud õppefilm näitab prostitutsiooni vaba valikuna. EPL 19.06.2007; Juhtkiri: Prostitutsiooni müügist. Postimees 19.06.2007; Kass, M. Lastevanemate Liit mõistab prostitutsiooni õppefilmi hukka. Postimees 19.06.2007.

есть отдельное положение, запрещающее посредничество в проституции (вступило в силу 01.02.2007 г.). Но беспокоит то, что посредничество в проституции, как правило, карается весьма мягко. Министр юстиции уже обращал внимание на этот диссонанс (Lang, 2006). Вероятно, тут проблема вытекает из той шкалы ценностей, которая присутствует в судебной системе и согласно которой торговля женщинами не считается серьезным преступлением.

Общественные установки

По-видимому, общие установки в отношении проституции определяет прежде всего уровень информированности о данном явлении. Паюметс (Pajumets 2004) анализировала содержание публикаций на тему проституции в газете «Ээсти Пяэвалехт» за 1999–2003 гг., и пришла к выводу, что тему в них рассматривают, не касаясь Эстонии или эстонцев, зачастую как явление из сферы развлечений. Многие статьи указанного периода представляют секс-индустрию как естественную часть современного мира (там же, 35), но среди публикаций были также статьи, рассматривавшие проституцию как пограние этических норм и прав человека (там же, 37). Ламесоо (Lamesoo 2003, 59–60), изучавшая трактовку проституции в СМИ, сопоставила доминирующую в Эстонии трактовку проституции с трактовкой Королевства Таиланд, по которой «проституция является якобы единственным путем спасения от абсолютной бедности». Исследовательница подвергла критике отношение к проблеме общества Эстонии, согласно которому «с одной стороны – оно стремится в Европейский Союз, в число стран всеобщего благоденствия, а с другой – объясняет необходимость проституции аргументами, характерными для развивающихся стран». Хотя в настоящее время более свежего для сравнения анализа СМИ нет, думается, что отчасти установки СМИ остались прежними. Однако если проводить сравнение с трактовками проституции в середине 1990-х годов, которую описывали как романтическую и даже нужную «профессию», мы обнаружим значительный прогресс (EAÜI 2002, 7; Hinf 2003). Но последствия прежней «работы по формированию профессионального имиджа» проституции, похоже, все еще просматриваются в опросах лидеров общественного мнения и исследованиях населения. Установки населения Эстонии в отношении проституции изучал Инсти-

тут открытого общества Эстонии в 2003, 2005 и 2008 гг. Исследователи констатировали, что для жителя Эстонии женщины, вовлеченные в проституцию, представляют опасную и слабо защищенную группу людей, отношение к которым можно охарактеризовать как пассивное отторжение (Pettai и др. 2008). В то же время почти половина респондентов (45%) считали проституцию необходимой, и таких респондентов было больше среди мужчин, чем среди женщин. Однако на основании трех опросов социологи все-таки приходят к выводу, что за последние пять лет установки общества стали более критическими (там же, 17). Петтай и другие исследователи (Pettai и др., 2008) характеризуют изменение установок от незнания и положительного отношения в 2003 г. до еще большей либерализации в 2005 г., а в 2008 г. отмечают перемену тенденции. Предполагается, что это обусловлено большим распространением в обществе адекватной информации о проблемах проституции. Однако, по оценке исследователей, проституцию, сосредоточенную в борделях, слишком часто воспринимают как неотъемлемое явление рыночной экономики, где все покупается и продается (там же).

Самая свежая информация об отношении населения к проституции датируется 2009 годом, согласно ей более половины (53%) жителей Эстонии относятся нейтрально к покупке услуг проститутки, считая, что это личное дело каждого человека (Vaino 2009).

Результаты опроса лидеров общественного мнения Эстонии (политиков, высших государственных чиновников и т. п.) выявили большой разброс мнений и довольно низкий уровень информированности о проблеме. В активном воспрепятствовании секс-индустрии отдельные респонденты видели даже угрозу развитию экономики Эстонии, а в легализации этой индустрии – защиту внутренней безопасности государства (Pajumets 2004, 70). Неприятие борьбы с проституцией объяснялось опасением ее «ухода в подполье». Паюметс (Pajumets 2004, 72) констатирует, что лидеры общественного мнения, поясняя свои точки зрения, пользовались скорее аргументами бытового здравого смысла, нежели научными или юридическими. В широком смысле это соответствует культуре принятия решений, когда они зачастую основываются не на научном анализе, а на предположениях и личном мнении (Luht 2003).

В последние 15 лет тема разрешения или запрета проституции не раз ставилась на повестку

дня. В 1993 году был представлен проект Закона о легализации проституции, который активно поддерживал премьер-министр, однако, в закон этот проект не воплотился (Hint 2003). В 2004 году сотни гражданских объединений Эстонии выступили за пресечение проституции и торговли людьми, направив обращения в Рийгикогу с просьбой пересмотреть законы, касающиеся торговли людьми, и более эффективно ограничить распространение проституции, в том числе ввести в Эстонии запрет на покупку секс-услуг. Кампания, инициированная в обществе выступлениями представителей Союза защиты детей, Круглого стола женских объединений Эстонии, организаций Эстонской Евангелистской Лютеранской Церкви и других объединений, завершилась без реального результата, но вызвала оживленную дискуссию о сущности проституции и обязанностях государства по защите прав своих граждан.⁸

И по сей день в дискуссиях о проституции в длинном ряду аргументов «за» и «против» по-прежнему сохраняется тема свободы воли. В опросах, проведенных в Эстонии, аргументом людей, выступающих за проституцию или относящихся к ней нейтрально, является свободная воля женщин, выбравших проституцию (Pajumets 2002, Pajumets 2004, EAÜI 2002). В мире и сторонники проституции, и многочисленные теоретики феминизма утверждают, что женщины обладают правом использовать свое тело, в том числе правом предоставлять свое тело в использование другим людям (Jeffreys 1997, 128–160, 318). По каким-то причинам отношение меняется, когда речь заходит о торговле человеческими органами. «Никто не говорит про нарушение прав человека, когда он не может продать роговицу собственных глаз, чтобы обеспечить детям лучшую жизнь. Поддержка физической неприкосновенности человека сильна. Но как только вопрос касается проституции, ситуация радикально меняется. Тут вдруг оказывается важным право на торговлю женскими телами» (Westerstrand 2004).

Возможно, такую установку объясняет мысль Йенсена (Jensen 2008): «Если создать класс людей, которых можно покупать и продавать, то к людям,

принадлежащим к этому классу, неизбежно будут относиться как к людям низшего порядка, которые всегда под рукой, чтобы ими командовать и притеснять». Об обособлении проституток от т. н. обычных, достойных женщин свидетельствует также отношение к беременности – вне проституции к ней относятся с полной серьезностью и даже почтением, а от проституток ожидают, чтобы они относились к беременности как к одной из составляющих своей работы (Jeffreys 1997, 189). От женщин-проституток ждут и того, что они в состоянии справляться с такими эмоциональными и физическими травмами (в результате насилия), о которых иная женщина не имеет даже представления (там же). Иначе говоря, на женщин, вовлеченных в проституцию, смотрят как на существ, отличающихся от всех остальных женщин. Хотя, по словам жертвы порнографии и проституции Эвелин Гиоббе, (Giobbe 1993), изнасилования и избиения становятся частью работы не потому, что жертве платят, а потому что противоположное представление упорно не исчезает. Оно и по сей день отражается в установках общества Эстонии.

Заключение

Еще в конце 19-го века борцы за права женщин выступали против торговли женщинами, еще в те времена политики и коммерсанты больше внимания уделяли трансграничной торговле людьми, оставляя в стороне внутригосударственную проституцию (Jeffreys 1997, 7–27). То же самое происходит и в современной Эстонии, где теме проституции государство уделяет внимание на уровне деятельности Министерства социальных дел и Института развития здоровья, но никак не в форме расширенной и продуманной национальной стратегии, которая вовлекает все необходимые стороны – сферы юстиции и образования, силовые структуры. Тем не менее как положительный следует отметить тот факт, что на период 2006–2009 гг. была принята государственная программа по борьбе с торговлей людьми, работа над которой впервые собрала вместе представителей различных государственных учреждений и недоходных объединений, обсуждавших разные аспекты такой торговли, в т. ч. проституцию. Важным этапом продвижения вперед можно назвать создание сети сотрудничества и возникновение дискуссии об изменениях в законодательстве и реабилита-

8 См., например: Jaanus Rahumägi, Prostitutsioon tuleb kontrolli all hoida. Sakala 18.02.2004; Lastekaitse Liit palus Riigikogul prostitutsiooni tõkestada. EPL 9.03.2004; Eesti Naisteühenduste Ümarlaua pöördumine Riigikogu fraktsioonidele: Prostitutsiooni ohjeldamisest Eestis. 17.03.2004; Res Publica tahab prostitutsiooni muuta kuriteoks. BNS 9.03.2004; EELK kriminaaltöö organisatsioonid toetavad seksi ostmise kriminaliseerimist, Eesti Kristlik Televisioon 15.03.2004.

ционных услугах жертвам. Особенно ценным можно назвать появление в 2005–2008 гг. приютов для женщин, подвергшихся сексуальной эксплуатации, и центра их реабилитации. Создание таких учреждений было инициировано в рамках международных проектов и при поддержке из-за рубежа, но с 2009 года эти учреждения получают государственное финансирование.

Сохраняющиеся проблемы носят скорее устаревший, нежели практический характер, т. е. связаны с людскими и финансовыми ресурсами. Как показывают результаты опросов населения (Pettai и др. 2008) и лидеров общественного мнения, сексуальная эксплуатация в проституции по-прежнему не считается сколько-нибудь серьезным преступлением, по-прежнему внимание больше сосредоточено на тематике налогообложения или правовых нюансах.⁹ Как и ранее, значение проблем преуменьшается, если они касаются женщин. Это относится и к семейному насилию, когда, несмотря на то, что в подавляющем большинстве случаев (87%) мужчина проявляет грубость в отношении женщины (Kase и Pettai 2001), пытаются показать, что мужчины и женщины в равной мере являются жертвами сексуального и физического семейного насилия (Justiitsministeerium 2009). Даже чиновники и лидеры общественного мнения стараются найти оправдание насилию, умалить его, выставить в качестве частного дела.¹⁰ Отличительная черта идеологии в широком смысле, когда вину возлагают не на преступника, а на жертву, которая якобы своим поведением, одеждой или иным образом спровоцировала преступника (Jeffreys 1997, 139–142).

Установки определяют многое, поэтому в Эстонии трудно бороться с проституцией. По оценке специального докладчика ООН, следует шире подходить к проблеме спроса, т. е. больше внимания уделять среде, определяющей его, а не только конкретным потребителям проституции или трудовым ресурсам (Huda 2006). Тут очень важное место занимают ценности и позиции женщин – нельзя говорить,

что только мужчины несут ответственность за распространение торговли женщинами, поскольку и женщины тоже снисходительны к наличию проституции и не выступают против нее. По результатам опроса населения Эстонии, проведенного Петтай и другими исследователями (Pettai и др. 2006, 8), почти половина (46%) опрошенных женщин считают бордели необходимыми. Вопрос о том, хотят ли этим женщины Эстонии продемонстрировать свои либеральные взгляды или, следуя патриархальным ценностям¹¹, сознательно поддерживают традиционную маскулинность общества, останется, очевидно, предметом будущих качественных исследований. Ээспере (Eespere 2007, 44) лишь кратко констатирует: если представителям мужского пола постоянно внушают, что посещение проституток – это «нечто увлекательное, веселое и по-мужски сексуальное, то нетрудно предположить, что интерес к такому развлечению не иссякнет». Таким образом, торговля женщинами – «расточительная трата человеческого капитала и государственного потенциала» (Shelley 2002) – будет продолжаться.

Безусловно, движущей силой торговли людьми и проституции служит расчет организованной преступности на прибыль. Но что не менее важно – это остающиеся нормой стереотипы гендерных ролей, эксплуатация женщин, их ущемленное положение в обществе, без которых торговля людьми и проституция были бы невозможны. Лишь тогда, когда торговлю женщинами начнут рассматривать как насилие и когда начнут серьезно воспринимать преступления, связанные с проституцией, вероятно, можно будет надеяться на перемены в ситуации.

9 См.: Klandorf, K. Seksistliku karistamine ei päästa. EPL, 17.03.2004; Sootak, J. Asi ei ole prostitutsioonis, vaid karistusõiguses. EPL, 25.03.2004; Härm, A. Lõbumajad tuleb keelamise asemel seadustada. Postimees, 1.02.2006; Viisitamm, M. Eesti vajab otsekohesaid poliitikuid. Märt Viisitamme blogi 27.07.2009.

10 Vt H. Sepp. Perevägivald: karistusest üksi ei piisa. EPL, 06.07.2009; J. Sootak. Perevägivald: kurtide dialoog. EPL 12.08.2009; Maasalu, S. Justiitsministeerium: perevägivalda käigus tahtmatut tapmist ei saa karmilt karistada. Postimees 08.07.2009; Sootak, J. Asi ei ole prostitutsioonis, vaid karistusõiguses. EPL, 25.03.2004. Klandorf, K. Seksistliku karistamine ei päästa. EPL, 17.03.2004.

11 Патриархальные ценности, т. е. ценности, утверждающие главенство и доминирование мужчин, когда женским делом считается семья и забота о ней, а мужским – карьера и самореализация. См., например: Sooline ebavõrdsus: hoiakud ja olukord Eestis. Sotsiaalministeeriumi poliitikaanalüüs nr 1/2006.

Использованные источники

- Auväär, L. (1997). *Õigusseksuoloogia õpik juristidele, medikutele, pedagoogidele, psühholoogidele, sotsiaaltöötajatele*. Tallinn: AS ILO.
- Bindel, J. ja Kelly, L. (2003). *A Critical Examination of Responses to Prostitution in Four Countries: Victoria, Australia; Ireland; the Netherlands and Sweden*. London: Metropolitiltan University.
- Boyes, R. (2007). Tax inspectors seek slice of prostitutes' earnings. *The Times*, 10.05.2007. <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/europe/article1769407.ece>
- D'Cunha, J. (2004). Prostitutsiooni legaliseerimine: alternatiivi otsingud soolisest ja inimõigiste aspektist. Teoses *Prostitutsiooni legaliseerimise mõjud ja tagajärjed*. Tallinn: Põhjamaade Ministrite Nõukogu, 5–26.
- Eespere, K. (2007). Prostitutsiooni varjatud pool: räägivad seksi ostjad. *Sotsiaalministeeriumi toimetised*. 5/2007. Tallinn.
- Eespere, K. (2004). *Inimkaubandusevastane tegevus Eestis: ekspertide hinnagud probleemidele ning lahendustele*. Tallinn: ENUT, Põhjamaade Ministrite Nõukogu.
- Eesti Avatud Ühiskonna Instituut (2002). *Prostitutsioon ja naistega kauplemine kui lahendamata probleem Eestis. Eesti riigi suutlikkus tõkestada ja ennetada prostitutsiooni ja naistega kauplemist*. Tallinn: Põhjamaade Ministrite Nõukogu.
- Ekberg, G. (2004). Rahvusvaheline debatt prostitutsiooni ja naistekaubitsemise teemal: argumentide kummutamine. Teoses *Prostitutsiooni legaliseerimise mõjud ja tagajärjed*. Tallinn: Põhjamaade Ministrite Nõukogu, 27–33.
- Enke, R. (2008). Saateks. Teoses H.Kase ja I.Pettai (koost.) *Vaikijate hääled 2. Raamat naiste seksuaalsest kuritarvitamisest. Räägivad ohvrid. Nõustavad eksperdid. Analüüsivad teadlased*. Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut, 11–12.
- Esimese ülemaalse Eesti naiskongressi resolutsioonid. (1917). Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924–1926. Tallinn: Vaba Maa.
- Europol (2009). Trafficking in Human Beings in the European Union: a Europol perspective, June 2009. http://www.europol.europa.eu/publications/Serious_Crime_Overviews/Trafficking%20in%20Human%20Beings%20June%202009.pdf
- Farley, M., Baral, I., Kiremire, M., Szegin, U. (1998). Prostitution in Five Countries: Violence and Post-Traumatic Stress Disorder. *Feminism & Psychology*. 8 (4), 405–426.
- Farley, M. (2003a) Prostitution and the Invisibility of Harm. *Women & Therapy*. 26 (3/4), 247–280.
- Farley, M. (2003b). Preface: Prostitution, Trafficking, and Traumatic Stress. Teoses M.Farley (toim.) *Prostitution, Trafficking, and Traumatic Stress*. New York: The Haworth Maltreatment ja Trauma Press, xi-xxi.
- Farley, M., Barkan, H. (1998). Prostitution, Violence and Post-Traumatic Stress Disorder. *Women & Health*, 27 (3): 37–49. The Haworth Press, Inc.
- Fenarete Project: Professional Training for Peer Educators in Prostitution Field. (2004). P. Borlone ja G. Macchieraldo (toim.) *Comitato per i Diritti Civili delle prostitute*.
- Giobbe, E. (1993). Surviving Commercial Sexual Exploitation. Teoses D.E.H.Russell (toim.) *Making Violence Sexy. Feminist Views on Pornography*. New York: Teachers College Press, 37–41.
- Hint, M. (2003). Eesti märk – naised müügiks. *Maaleht*. 27.03.2003. http://www.tugikeskus.ee/includes/Moodulid/CMS/Komponendid/Failid/download_file.php?file_id=394
- Huda, S. (2007). Implementation of General Assembly Resolution 60/251 of 15 March 2006 entitled „Human Rights Council”. *Report of the Special Rapporteur on the human rights aspects of the victims of trafficking in persons, especially women and children*. <http://action.web.ca/home/catw/attach/SRTraffickingReporttoUN2007-00011.doc>
- Huda, S. (2006). Integration of the human rights of women and a gender perspective. *Report of the Special Rapporteur on the human rights aspects of the victims of trafficking in persons, especially women and children*. <http://action.web.ca/home/catw/attach/Special%20Rapporteur%20trafficking%202006%20report%20demand.doc>
- Ida-Virumaa arengustrateegia 2005–2013 (2005). Jõhvi: Ida-Viru Maavalitsus ja Siseministeerium. <http://www.ida-virumaa.ee/blocks/development/arengustrateegia/1.htm>
- Illison, A. (2004). Prostitutsiooniäri käive miljard krooni. *Eesti Päevaleht*, 19.02.2004. <http://www.epl.ee/artikkel/258114>
- ILO (2007). Forced Labour Factsheet.
- Inimkaubanduse ohvri tuvastamise juhised 2009.
- Inimkaubanduse vastu võitlemise arengukava 2006–2009 (2006). <http://www.just.ee/18886>
- Inimkaubanduse vastu võitlemise arengukava täitmise aruandlus. <http://www.just.ee/18886>
- Inimkaubanduse, eriti naiste ja lastega kaubitsemise ennetamise, selle vastu võitlemise ning karistamise protokoll.
- RTII (2004). 07.04.2004, 7, 23. <https://www.riigiteataja.ee/ert/act.jsp?id=733018>
- IOM (2008). Trafficking for the Purpose of Organ Removal. *Global Eye on Human Trafficking: A Bulletin of News, Information and Analysis on Trafficking in Persons*. International Organization for Migration.
- IOM (2005). *Seksuaalne eksploateerimine ja inimkaubandus Eestis. Situatsiooni analüüs*. Helsingi: Rahvusvaheline Migratsioonorganisatsioon.
- Ivanchenko, L. (2008). Trafficking in Persons in Estonia. Teoses P. Downes, A. Zule-Lapimaa, L. Ivanchenko ja S. Blumberg (toim.) *Not One Victim More: Human Trafficking in the Baltic States*. Tallinn: Living for Tomorrow, 181–200.
- Jeffreys, S. (1997). *The Idea of Prostitution*. North Melbourne: Spinifex Press Pty Ltd.
- Jensen, R. (2008). Julmuse võrts: valus tõde tänapäeva pornograafiast ja mida mehed siin teha saavad. Teoses H. Kase ja I. Pettai (toim.) *Vaikijate hääled 2. Raamat naiste seksuaalsest kuritarvitamisest. Räägivad ohvrid. Nõustavad eksperdid. Analüüsivad teadlased*. Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut, 448–464.
- Justiitsministeerium (2008). Vabariigi Valitsuse korralduse „Inimkaubandusvastase Euroopa Nõukogu konventsiooni heakskiitmine” eelnõu seletuskiri.
- Justiitsministeerium (2009). Kriminaalpoliitika arengusuunad aastani 2018. Eelnõu 31.07.2009 seisuga. Avaldamata töödokument.
- Jõe-Cannon, I. (2006). Riigi- ja kultuuritegelased, teadlased ja arstid mõistavad prostitutsiooni ja selle tarbimise hukka. <http://www.enut.ee/enut.php?id=28&uid=235>
- Kalamees, K. (2002). Oviir ärgitab prostitutsiooni vastu võitlema. *Eesti Päevaleht*, 27.11.2002. <http://www.epl.ee/artikkel/221356>

- Kalikov, J. (1999). Final report of „Meritäht-Seastar“. Tallinn: Kalikov, J. (2002). Research – prostitution in Estonia, Latvia, Lithuania <http://www.policy.hu/kalikov/questionnaireSWresults.html>
- Karpa, K., Kook, U. (1998). Neeruskandaal jõudis Iisraeli. *Eesti Päevaleht* 21.01.1998.
- Kase, H., Pettai, I. (2001) *Pere- ja naistevastase vägivalda uuring*. Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut.
- Kase, H., Pettai, I. (2008). EQUAL projektiga liitunud prostitutsiooni kaasatud naised. Sotsioloogilise uurimuse materjalid.
- Klandorf, K. (2004). Seksistost karistamine ei päästa. *Eesti Päevaleht*, 17.03.2004. <http://www.epl.ee/artikkel/260321>
- Kramer, L. A. (2003). Emotional Experiences of Performing Prostitution. Teoses M. Farley (toim.) *Prostitution, Trafficking, and Traumatic Stress*. New York: The Haworth Maltreatment ja Trauma Press, 187–197.
- Kuosmanen, J. (2006). Prostitutide meessoost kliendid Rootsis. Teoses: *Seksiostjad. Kes nad on?* Tallinn: EV Sotsiaalministeerium, 49–59.
- Laulasmaa deklaratsioon kuritegevusevastase võitluse eelistustest (2005). <http://www.just.ee/15087>
- Lamesoo, K. (2003). Prostitutsiooni meediadiskursus: bakalaureusetöö. Tartu Ülikool
- Lang, R. (2008). Ettekanne Riigikogule kriminaalpoliitikast. 28.02.2008. <http://www.reform.ee/kandidaat/reinlang/seisukohad/artiklid&nID=736>
- Lang, R. (2006). Sõnavõtt kriminaalpoliitika arengusuundade täitmisest 2005. a. <http://www.reform.ee/kandidaat/reinlang/seisukohad/Koned&nID=385>
- Lautrup, C. (2008). Not just a body-to-body experience. Ettekanne seminaril „Prostitutsiooni varjatud osapool“. Tallinn, 18.03.2008.
- Limberg, M. (2002). Prostitutsioon - tänapäeva orjakaubandus Põhja linnaosas tegutsevate prostituutide näitel: diplomitöö. Tallinna Pedagoogiline Seminar.
- Luht, K. (2003). Riigiametnike ootused informatsiooniliste tugiteenuste suhtes: magistratöö. Tallinna Pedagoogikaülikool.
- Lõhmus, L., Trummal A. (2008). *Prostitutsiooni kaasatutele suunatud meditsiiniteenuste külastajate HIV-iga seotud riskikäitumine ja teadmised. Esma- ja korduvkliendide võrdlev analüüs 2007*. Tallinn: Tervise Arengu Instituut.
- Lõhmus, L., Trummal A. (2006). *Prostitutsiooni kaasatute meditsiiniteenuste külastajate HIV/AIDS-iga seotud riskikäitumine ja teadmised. Esma- ja korduvkliendide võrdlev analüüs 2005*. Tallinn: Tervise Arengu Instituut.
- Månsson, S.-A. (2002). Men's Practices in Prostitution: the Case of Sweden. 1998. Teoses *Prostitution. Collection of the articles and materials*. Oslo: Library of Criminology.
- Mikecz, R. (2008). The Economics of Estonia and Latvia – Fast Growing Economies with Increasing Income Inequalities. Teoses P. Downes, A. Zule-Lapimaa, L. Ivanchenko ja S. Blumberg (toim.) *Not One Victim More: Human Trafficking in the Baltic States*. Tallinn: Living for Tomorrow, 211–231.
- Mölder, E. (2008). Atoll – prostitutsiooni kaasatud naiste sh inimkaubandusohvrite sotsiaalse ja psühholoogilise rehabilitatsiooni keskus. Ettekanne sotsiaalministeeriumi spetsialistidele.
- Mölder, E. (2009). Sekkumise eripärad seksuaalsekspluuteerimise korral. Teoses: *Inimkaubanduse ohvri tuvastamise ja abistamise juh*. Avaldamata materjal. Tallinn: Sotsiaalministeerium.
- Okolski, M. (2001). Trafficking in Women in the Baltic States: Sociological Module. Teoses Rahvusvaheline Migratsiooniorganisatsioon (koost.) *Trafficking in Women and Prostitution in the Baltic States. Social and Legal Aspects*. Helsinki: IOM, 93–148.
- Oppi, T. (2007). Saksamaa plaanib prostituutidelt maksu nõuda. *Postimees*, 23.05.2007. http://www.euro.postimees.ee/230507/esileht/valisuudised/262199_print.php
- Otsuse „Ettepaneku tegemine Vabariigi Valitsusele“ eelnõu (911 OE) esimene lugemine (2006). <http://web.riigikogu.ee/ems/stenograms/2006/10/t06101705-03.html>
- OSCE (2002). Charter on preventing and combating terrorism. *MC(10) Journal*. No 2, Agenda item 8. http://www.osce.org/documents/odihr/2002/12/1488_en.pdf
- Oviir, S. (2008). Prostitutsiooni ja inimkaubanduse suhtes peab kehtima nulltolerants. http://www.siirioviir.ee/est/g1/uudised?id=53&sess_admin=7bd16cee483b3a2c66ae55f924e044ba
- Pajumets, M. (2002). *Keskkooli lõpetavate neidude kui tulevaste töötajate teadlikkus inimkaubitsemisest*. Tallinn: Põhjaamaade Ministrite Nõukogu, Eesti Humanitaarinstituut.
- Pajumets, M. (2004). *Prostitutsioon – kas ühiskondlik probleem? Arvamused nähtuse olemusest, põhjustest, tagajärgedest*. Tallinn: Eesti Naisuurimis- ja Teabekeskus, Sotsiaalministeerium, Põhjaamaade Ministrite Nõukogu.
- Parker, J. (2008). Kuidas prostitutsioon toimib? Teoses H. Kase ja I. Pettai (toim.) *Vaikijate hääled 2. Raamat naiste seksuaalsest kuritarvitamisest. Räägivad ohvrid. Nõustavad eksperdid. Analüüsivad teadlased*. Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut, 18–25.
- Pettai, I., Kase, H. (2002): Prostitutsioon ja naistega kauplemine kui lahendamata probleem Eestis. Eesti riigi suutlikkus tõkestada ja ennetada prostitutsiooni ja naistega kauplemist.
- Pettai, I., Kase, H., Proos, I. (2006). Prostitutsioon Eestis: ülevaade prostitutsiooni kaasatud naiste olukorrast. Sotsioloogilise uurimuse materjalid.
- Pettai, I., Proos, I., Kase, H. (2008). Prostitutsiooni tähendusest Eestis: kriitiline häälestus kasvab. Sotsioloogilise uurimuse materjalid.
- Pettai, I. (2008). Prostitutsiooni sotsiaalsetest tagamaadest Eestis. Teoses H. Kase ja I. Pettai (toim.) *Vaikijate hääled 2. Raamat naiste seksuaalsest kuritarvitamisest. Räägivad ohvrid. Nõustavad eksperdid. Analüüsivad teadlased*. Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut, 583–600.
- Pomerants, M. (2004). Avasõnad konverentsil „Prostitutsioon – kas ühiskondlik probleem?“ 10.03.2004
- Prostitution i Norden/Prostituutio Pohjoismaissa (2008). Konferenssraport, Stockholm 16-17 oktober 2008/ Konferenssraportti, Tukholma 16.-17. lokakuuta 2008. Köpenhamn: Nordiska Ministerrådet.
- Rahumägi, J. (2003). Prostitutsiooni kuritegelik foon. *Eesti Päevaleht*, 05.08.2003.
- Rahumägi, J. (2004). Organiseeritud kuritegevus ja prostitutsioon. Ettekanne konverentsil „Prostitutsioon – kas ühiskondlik probleem?“ 10.03.2004.
- Rahvusvahelise organiseeritud kuritegevuse vastu võitlemise Ühinenud Rahvaste Organisatsiooni konventsiooni täiendav naiste ja lastega kaubitsemise ning muu inimkaubanduse ärahoidmise ja selle kuriteo eest karistamise protokoll RTII, 07.04.2004, 7, 23. <https://www.riigiteataja.ee/ert/act.jsp?id=733018>

- Raymond, J. (2004). Riiklikult toetatud prostitutsioon. Teoses: Prostitutsiooni legaliseerimise mõjud ja tagajärjed. Tallinn: Põhjamaade Ministrite Nõukogu, 34-40.
- Report with a proposal for a European Parliament recommendation to the Council on fighting trafficking in human beings - an integrated approach and proposals for an action plan (2006/2078(INI)) European Parliament session document A6-0368/2006. <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?language=EN&reference=A6-0368/2006>
- Shelley, L. I. (2002) Teoses H. Kase ja I. Pettai (toim.) *Vaikijate hääled 2. Raamat naiste seksuaalsest kuritarvitamisest. Räägivad ohvrid. Nõustavad eksperdid. Analüüsivad teadlased*. Tallinn: Eesti Avatud Ühiskonna Instituut, 520-531.
- Smelt, H. (2008). Emerging Themes from the Interviews: Gender Policy Issues. Teoses P. Downes, A. Zule-Lapimaa, L. Ivanchenko ja S. Blumberg (toim.) *Not One Victim More: Human Trafficking in the Baltic States*. Tallinn: Living for Tomorrow, 232-273.
- Statistical Office of the European Communities (Eurostat) 2007. Gender pay gap in unadjusted form - in %. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/labour_market/earnings/main_tables
- Study on national legislation on prostitution and trafficking in women and children (2005). Transcrime. European Parliament.
- Zimmerman, C., Hossain, M., Yun, K., Roche, B., Morison, L., Watts, C. (2006). Stolen smiles: a summary report on the physical and psychological health consequences of women and adolescents trafficked to Europe. London: The London School of Hygiene & Tropical Medicine.
- Zimmerman, C. (2003). The Health Risks and Consequences of Trafficking in Women and Adolescents. Findings from a European Study. London: The London School of Hygiene & Tropical Medicine. <http://www.lshtm.ac.uk/hpu/docs/traffickingfinal.pdf>
- The Organisation of Human Trafficking: A Study of Criminal Involvement in Sexual Exploitation in Sweden, Finland and Estonia (2008). Swedish National Council for Crime Prevention. Report 2008:21
- Thony, J.-F. (2002). Money laundering and terrorism financing: an overview. <http://www.imf.org/external/np/leg/sem/2002/cdmfl/eng/thony.pdf>
- Trafficking in Persons Report, June 2005, US State Department. <http://www.state.gov/g/tip/rls/tiprpt/>
- Trafficking in Persons Report, June 2007, US State Department. <http://www.state.gov/g/tip/rls/tiprpt/>
- Trafficking in Persons Report, June 2008, US State Department. <http://www.state.gov/g/tip/rls/tiprpt/>
- Trafficking in Persons Report, June 2009, US State Department. <http://www.state.gov/g/tip/rls/tiprpt/>
- Trummal A., Fischer, K., Raudne, R. (2006). *HIV-nakkuse levimus ning riskikäitumine prostitutsiooni kaasatud naiste hulgas Tallinnas. Uurimuse raport*. Tallinn: Tervise Arengu Instituut.
- Töötukassa statistika 31.07.2009 Registreeritud töötud soo ja vanuse lõikes kvartali lõpu seisuga. http://www.tta.ee/public/RegU_2009_uus.xls#töötud_suguvanus!A1
- Vaino, V. (2009). *Ankeetküsitluse Naisted ja mehed Eestis: hoiakud ja olukord 2009 tulemused*. Sotsiaalministeerium/Turu-uuringute AS.
- Vanwesenbeeck I. (1994). *Prostitutes' Well-Being and Risk*. Amsterdam: VU University Press.
- Westerstrand, J. (2004). Prostitutsioon ja salakaval patiarhaat - uue arusaama poole. Teoses: *Prostitutsiooni legaliseerimise mõjud ja tagajärjed*. Tallinn: Põhjamaade Ministrite Nõukogu, 68-80.
- ÜRO (1990). International Migration Policies and the Status of Female Migrants. Report and recommendations of the United Nations Expert Group Meeting on International Migration Policies and the Status of Female Migration held at San Miniato, Italy, from 28 to 31 March 1990.
- Ülevaade strateegiate mõjuhindamise hetkeolukorrast ja selle peamistest kitsaskohtadest Eestis. (2008). Poliitikauuringute keskus Praxis.

Все интернет-ссылки работали по состоянию на 30.10.2009 г.

Взгляд на гендерную реальность в системе образования Эстонии

Тийу Куурме

Резюме

.....

Школа и различные образовательные учреждения – важные институты, влияющие на формирование социального пола. Цель статьи – проанализировать взаимосвязи образования и пола. Во-первых, мы проанализируем представительность каждого пола, связанную с этим проблематику и предпочтения в системе образования. Также уделим внимание микропроцессам, происходящим в системе образования, которые воспроизводят бытующие гендерные стереотипы. Рассмотрим, насколько ощутимо влияние гендерных стереотипов на ценности в системе образования, рождающиеся в ней решения, и возможные последствия этих процессов. Публикация опирается на широко распространенные международные теории и терминологию, а также на доступные в Эстонии исследования и статистику.

ТИЙУ КУУРМЕ, PhD, доцент Таллиннского университета. Ее научные интересы: общая педагогика, парадигмы педагогики, альтернативная педагогика, влияние ценностей и гендерной системы на образование и науку. Наряду с академической деятельностью Куурме активно публикуется в прессе на темы семьи, школы, воспитания, социальных проблем.

Долгий путь к образованию через различные институты системы помогает формированию социального пола человека. Детальное знание этого процесса позволило бы лучше понять общество и в интересах более справедливого будущего осознанно учитывать то, что до сих пор из-за неосведомленности остается без внимания. Далее мы более подробно рассмотрим взаимосвязи образования и пола. Прежде всего остановимся на главных темах международных курсов, которые привлекают наибольшее внимание в связи с проблематикой образования и пола, а затем постараемся найти их отражение в отечественных исследованиях.

Вопрос профессионального образования для женщины важнее, чем для мужчины, так как все проблемы, касающиеся жизни женщины, разрешатся если она сможет обеспечить себя материально и стать независимой. Женщина сможет заставить считаться с собой как с полноценной личностью, только будучи материально независимой.
(Хельми Янсен, 1924 г.)

Равны ли возможности?

Образование в западных странах – общественное благо, которое также вводит ребенка в социальное пространство. К сожалению, в Эстонии преобладает подход к образованию только как к получению и передаче знаний. В дискурсе нашей системы образования не принято рассматривать школу в контексте социального пространства и формирования идентичностей. Ребенок в школе – исполнитель, нарушитель, объект оценивания, мотивирования, обучения, инициатор притеснений или их жертва. Ребенок как созидатель собственной идентичности, субъект личного опыта, создатель мировоззрения и гендерного сознания у нас пока не заслужил внимания ни исследователей, ни политиков сферы образования. В силу доминирующего вещизма воззрений человек в школе является объектом влияния внешних общественных сил: кем-то формируемым объектом или

даже продуктом школы. Но осознание пола и себя как женщины или мужчины формируется именно в этих, не заслуживших пока достаточного внимания, процессах образования.

Равенство как одна из главнейших ценностей западных демократий отражается в законах, касающихся образования, в форме декларирования равных возможностей. Считается, что это равенство реализуется, когда дети учатся в унифицированных школах, когда мальчики и девочки из разных семей изучают одинаковые предметы и подчиняются одним и тем же правилам. Считается, что очевидные проявления неравенства (затрудненный доступ к образованию для девочек) остались в далеком прошлом. Однако гендерно-нейтральную школу можно сравнить с одинаковой (форменной) одеждой для всех, которая затеняет гендерный вопрос, но не отменяет половых различий. В таких условиях труднее заметить, что возможности детей все-таки не равные. Лишь единичные отечественные исследования в области образования и воспитания выделяли наличие в школе двух полов, но и в этих случаях только как побочное обстоятельство. Однако представление о проблеме полов и ее месте в обществе играет важную роль в образовании.

Статистика 2008 года, опубликованная на интернет-странице Министерства образования и науки (<http://www.hm.ee/index.php?048055>), ясно иллюстрирует то, как далека сфера образования от гендерно-сбалансированного общества. Как в детских садах, так и на трех школьных ступенях картина численного соотношения мальчиков и девочек достаточно схожая: мальчиков на каждой ступени больше примерно на 1300–1500 человек, в т. ч. на последней ступени основной школы (мальчиков – 22 220 и девочек – 20 479). Однако на гимназической ступени внезапно возникает разница в 4839 человек, отнюдь не в пользу юношей (юношей – 13 213, девушек – 18 052). Возможно, юноши пошли учиться в профтехучилища? Разница в составе учащихся профтехучилищ, действительно, в пользу юношей, но составляет лишь 3123 человека (юношей – 15 181, девушек – 12 058). Куда-то исчезли почти 1700 юношей. Из учащихся, отчисленных из школ до окончания курса обучения, уже много лет 2/3 и даже более составляют мальчики (по данным 2008 года 62,9%), среди учащихся-второгодников за мальчиками (62,3%) тоже большой перевес (EHIS).

Нет гендерного баланса и среди учителей. По данным Министерства образования и науки, в

2008/2009 учебном году в школах Эстонии работали 2101 учитель-мужчина и 12 581 учительниц (там же). Несколько утешает то, что среди молодых учителей доля мужчин чуть больше, чем среди учителей старшего поколения. В учительской среде школ профессиональной подготовки также преобладают женщины – 1376, мужчин всего 780. На начальной ступени учителей-мужчин нет вообще. Зато среди директоров школ мужчин 47% – и здесь присутствует гендерный баланс. Социальная суть проблемы не ограничивается только тем, что мальчики якобы не имеют перед собой достаточного числа мужских примеров. Например, Эне Сарв (Sarv, 2008), опираясь на результаты исследования Вейссон и других ученых, проведенного в 2007 году (Veisson и др., 2007), проанализировала участие учителей в процессах принятия решений. Если на уровне школы абсолютное большинство учителей может участвовать в решении вопросов, касающихся их работы, то на уездном или общегосударственном уровне их участие в различных комиссиях и проектах невелико. Учителей можно найти лишь в объединениях предметников, но решения, касающиеся образования в целом, принимаются без их участия. Таким образом, большая, социально значимая и образованная группа профессионалов остается в стороне от общественно важных дел. Не является ли их пол одной из причин сложившейся ситуации?

Далеко от гендерного баланса и положение в вузах. Если в 1992/1993 учебном году доля женщин среди их выпускников составляла 51%, то 1999/2000 год отмечен резким ее увеличением до 64%, и эта тенденция сохранялась в последующие годы. В 2007/2008 учебном году среди выпускников вузов было 69% женщин, среди специалистов сферы образования они составили 94%. Доля женщин оказалась меньше мужской только среди выпускников, окончивших специальности, связанные с техникой и производством (36%), естественными и точными науками (49%). Активнее женщины и в сфере обучения взрослых. По данным 2007 года, дополнительное обучение проходили 45,4% мужчин и 54,5% женщин (Департамент статистики). Таким образом, образование у нас стало, как говорится, женским делом.

Гендерный дисбаланс в сфере образования влияет на наши оценки образования, на авторитет слов образованных людей. Женственность и мужественность нами оцениваются по-разному,

и эти оценки способны влиять на статус целых сфер жизни. Женственность и женскую работу общество по сей день считает менее важными, чем мужественность и мужскую работу. То, что гендерный состав определяет место сферы деятельности в общественной иерархии, по мнению Гордона и Лахелма (Gordon и Lahelma 1991), давно известная социологическая истина, и именно он (т. е. гендерный состав) определяет низкий статус профессии учителя в Эстонии. Вопрос о размере зарплат учителей обсуждают в Эстонии с момента восстановления государственной независимости. Уровень зарплат преподавателей университетов тоже упал из-за феминизации преподавательского состава (минимальная зарплата лектора сегодня ниже средней зарплаты по Эстонии). Отечественная сфера образования феминизировалась и сдвинулась на общественную периферию.

Мальчик и девочка – знающие и учащиеся

.....

Во всех культурах существует преемственность знаний о месте мужчины и женщины в обществе, эти знания определяют направление воспитания. Из мальчика надо воспитать правильного мужчину, а из девочки – правильную женщину. Воспитание формирует у мальчиков и девочек несколько разное отношение к образованию. Исследования показали, что посещаемость школы и учеба во многом зависят от гендерных стереотипов.

Благородные идеи западной системы образования – формирование личности как независимого, духовно свободного, критически мыслящего преобразователя мира, способного к самопреодолению – в соответствии с исторически сложившимися гендерными ролями воплощают мужчины. Появление женщин в сфере образования воспринимается как нарушение правил, отражением такого восприятия является ставшее обиходным выражение: *женщины захватили школы и университеты*. При этом появление мужчин на кухне или на улице с детской коляской как захват никто не воспринимает.

Историю науки украшают исключительно портреты мужчин, этот гендерный стереотип упрямо сохраняется. Он просматривается, к примеру, в следующем, недавно опубликованном тексте:

«Мужской ум и сердце женщины – полюса человечества, женщина конкретнее, мужчина абстрактнее. Женщина интуитивна, мужчина рассудителен, у женщин мысли, у мужчин идеи, женщина импульсивнее, мужчина логичнее. Идеал для женщины – любовь, для мужчины – познание и власть». Хотя автор не отрицает равной значимости обеих половин и их ролей, далее он пишет: «Современные женщины заявляют, что их духовные способности к творчеству не уступают способностям мужчин. Незнание ими мировой истории простительно. Ни одна из их представительниц не смогла соперничать с Микеланджело, Леонардо да Винчи, Данте, Шекспиром и т. д. Какая из женщин создала государство, дала народу свод законов или эпос? Где классики женского пола? Где создательницы философских систем, новых архитектурных течений или художественных направлений? Женщина может быть очень талантливой и интеллигентной, но ее мысли, а значит, и поступки, лишены созидательной силы». Автор текста – Гуннар Аарма (Aarma, 1998), признанный многими духовный наставник, и такое отношение к женщинам, как к духовно неполноценным существам, поддерживается молчаливым одобрением общества.

Отношение к знаниям мужчины и женщины тоже воспринимается по-разному. Женщину видят посредником в системе мужского знания (Heap 2005). Считается, что мужчина овладевает знаниями естественно, поэтому их предпочитают видеть лидерами в политике, на государственной службе, не интересуясь оценками в их школьном табеле. Аналогичные знания не дают женщине таких же возможностей, достаточно проследить, к примеру, карьеру тех из них, кто получил докторскую степень. Даже тут изменения происходят медленно. Женщины в коллективном портрете руководителей знаменуют, скорее, свое положение в мужской системе ценностей, нежели признание женской системы ценностей.

Но сегодня юноши почему-то прилагают меньше усилий ради знаний как будущего инструмента власти. По итогам масштабного исследования *Школа как развивающая среда и успешность учащегося* (Veisson и др. 2007) видно, что результаты учебы мальчиков значительно хуже, чем у девочек, они не учат заданное в срок, чаще прогуливают занятия, но в то же время меньше жалуются на якобы чрезмерную учебную нагрузку. Аналогичная картина складывается по результатам исследований,

касающихся взрослых. В рамках исследования социологов Тартуского университета *Дороги и тропы* (Teed ja rajad) 40-летние люди излагали собственный путь к образованию. На важность хорошего образования указало большинство респондентов, однако, саму учебу мужчины считали менее важной, чем женщины, давшие более высокие оценки образованию и дополнительному обучению. Женщин с высшим образованием было в полтора раза больше, чем мужчин, но женщины с высшим образованием не имели столь же выгодных, как у мужчин, рабочих мест (Laasme 2006).

Почему? Найти ответ помогает взгляд на способы получения знания. Пяйви Наскали (Naskali 1998, 2007) раскрыла гендерную суть модели обычного школьного обучения. Культура обучения по-прежнему базируется на диктате, контроле и трансляции знаний от властного учителя к зависимому и феминизированному ученику. Несмотря на подавляющее большинство женщин среди учителей Эстонии, отношения в процессе обучения строятся исходя из мужских ценностей, пренебрегающих гендерными различиями учащихся. Исследование Вейссон и других ученых выявили явное стремление мальчиков к автономии (Veisson и др. 2007, 38). Именно этим отчасти объяснимо отношение мальчиков к школе вообще. Можно предположить, что когда учительница ставит мальчика, строящего свою мужскую идентичность, в позицию зависимого лица, считающуюся женской, от него трудно ожидать отдачи, рвения и изменения сознания. Сам характер ученической роли не позволяет мальчикам серьезно воспринимать учебу. Они чувствуют, что в школе обязаны подчиняться преимущественно женщинам, а патриархальность общества Эстонии подсказывает им о женщинах нечто иное. Женщина как носитель и транслятор знаний не может восприниматься всерьез всеми мальчиками.

То же исследование выявило, что у мальчиков существенно менее конструктивные стратегии преодоления трудностей в учебе, чем у девочек. Если у девочек возникали трудности с учебой, то 71% из них пытались решить проблему, приложив больше усилий, и только 58% мальчиков выбирали такую же стратегию (Veisson и др. 2007, 37). Исследование Анне Тико показало, что среди школьников начальных классов, нарушающих обязательство по всеобщей, мальчики составили 70% респондентов. Причинами назывались бедность семей, низкий

уровень культуры воспитания, неадекватное обучение и воспитание, а также домашний язык, отличающийся от языка обучения в школе (Tiko 2008). Возникает вопрос: почему эти факторы оказывают неблагоприятное влияние именно на мальчиков? Неужели девочки более выносливы?

Вероятно, мальчики учатся чему-то иному, неподконтрольному институту школы. Дети стараются походить на взрослых, пишет Дагмар Кутсар, и благополучие ребенка значительно раньше, чем считается, начинает зависеть не только от окружающих его ресурсов, но и от его собственных умений получать эти ресурсы в свое распоряжение (Kutsar 2007). Возможно, что мальчики как собственный ресурс ощущают именно мужские ценности, доминирующие в обществе, а потому и проявляют большую решительность в жизни. По данным исследования Вейссон и ее коллег (Veisson и др. 2007) видно, что мальчики, прилагая в школе меньше усилий, чем девочки, меньше их беспокоят о будущем и лучше девочек знают, чем хотят заниматься по окончании школы. Женщины без образования в жизни испытывают больше трудностей, чем мужчины без образования. Это подтверждают и международные исследования (например, Gordon и Lahema 1991).

Данные исследования ценностей школьников Эстонии, проведенного Анду Ряммером в 2005–2006 и в 2007 году (в последний раз исследовали 1155 выпускников основной школы в Таллинне и учащихся старших классов гимназии), говорят об их значительных гендерных различиях. Если в советский период девочки и мальчики одинаково высоко ценили самосовершенствование и равенство реализации своих способностей, то в постсоветской Эстонии девушки значительно выше юношей оценивают аспекты самореализации в работе и преимущества образования (развитие своих способностей, понимание мира). Юноши выше девушек оценивают работу ради заработка, а также предпринимательство, бизнес (Rämmer, 2009). Возможно, в условиях нестабильности для мужчин усиливаются импульсы из репертуара общепринятых истин о том, что их задача – содержать семью. По данным того же исследования, мальчики выше девочек оценивают умение пробиваться в жизни, создавать предприятия и руководить, а также более легкую работу. Имеем ли мы тут дело с пресыщением от учебы в школе, упованием на маскулинность общества, которое в любом случае

примет юношей в свое лоно, с пониманием, что профессиями, предполагающими духовное развитие, в существующем обществе денег не заработаешь, или с чем-то иным – можно строить лишь догадки. По многим причинам большая часть юношей полагает, что на духовное саморазвитие не стоит тратить усилий, и это потерянный для общества ресурс.

Тем не менее, недооценка знаний и обучения не мешают мужчинам сохранять за собой в обществе позицию принимающих решения. Не кроется ли причина такого дисбаланса в образованных женщинах, которые в силу гендерной самооценки и удобства не решаются брать ответственность на себя? Для ответа на этот вопрос нам нужны более точные исследования того, как мальчики и девочки интерпретируют знания, получаемые в школе.

Мальчик, девочка, их школьные будни

.....

Согласно общим представлениям, в школе мальчики находятся в худшем положении, чем девочки. Школа, якобы ущемляет мальчиков, не дает возможности для самовыражения. Учителя-женщины относятся к ним хуже, считают их беспокойными, постоянно сравнивают с примерными ученицами. От этого самооценка мальчиков может настолько пострадать, что потом во взрослой жизни их будут ждать одни неудачи. Как же оценивают ситуацию международные исследования?

Социальная грамматика (термин, введенный герменевтической социологией) позволяет достаточно точно определить место мальчиков и девочек на социальной сцене под названием «школа». Говоря на родном языке, мы не задумываемся о правилах грамматики. То же происходит и в повседневной жизни в любой культуре. Правила усваиваются через опыт, их знают, но не осознают. Подсознательно мы ведем себя именно так, как предусматривает грамматика нашей культуры, воспринимаемая как закон природы. Однако правила, вытекающие из культурных представлений, различны для мальчиков и девочек, и школа – то место, где заучивается гендерная грамматика. Вуорикоски (Vuorikoski 2007) считает, что хотя гендерно-нейтральная школа официально объявила гендерные различия несуществующими, школьные будни сохраняют их.

Поскольку в школу ходят в возрасте, когда интенсивно формируются различные идентичности, социальная грамматика школы во многом формирует будущее полов. Согласно Пячтер (Paechter 2007), практика повседневной школьной жизни несет в себе знание о том, какими должны быть мальчики и девочки, чтобы вписываться в нормы общества и быть успешными. Это знание закрепляется через социальный контроль и регулирование. Школа селекционирует, маркирует и сортирует детей, направляет их мысли о себе и о других в определенное русло, дает представление о том, кто кому подчиняется. И весь этот процесс гендерно-дифференцирован.

Школу считают подготовкой к жизни, но то, на что сегодня она нацеливает учеников – успешность, доминирование, конкуренция – основано на модели ценностей патриархального мира. Дух соревнования, иерархии, наказаний за проступки и асимметричные

властные отношения связаны с маскулинным укладом жизни. Как утверждает Наскали (Naskali 1998), мир воспитания и обучения глушит в девочках характерные для них способы и язык самовыражения. А в обычной позиции учащегося обесценены такие характерные для мужественности положительные качества, как смелость, активность, независимость, индивидуализм, потребность действовать, подвижность, тяга к приключениям, креативность. Воспроизводство гендерных норм происходит коллективно и взаимно – девочки и мальчики оценивают соответствие нормам друг друга, дисциплинируют друг друга.

Западные исследования мальчиков и девочек в школьном контексте подчеркивают довольно схожие черты. Например, в школах разного культурного контекста они выявляют подчиненное положение девочек и подчиняющее поведение мальчиков.

Женщины в науке

Эндла Лыхкиви

Наряду с тенденцией феминизации в системе общего образования в последние 15 лет в Эстонии та же тенденция отмечается в высшем образовании и науке. 70% абитуриентов, поступивших в 2007 году в вузы страны, составили женщины. В научных учреждениях растет число сотрудников женского пола – в 2007 году 48% ученых Эстонии составили женщины (ЕС 2008, 26). Но представительство женщин в сферах научной иерархии весьма неоднородно. Есть специальности, где женщин-ученых и студенток очень мало (отдельные инженерные науки, физика).

В областях многих научных специальностей молодые способные женщины «вязнут» на карьерном пути, не достигнув высот научной иерархии. Они либо надолго задерживаются в ассистентах, научных сотрудниках и лекторах (в Эстонии женщины в категории лекторов и научных сотрудников составляют 55%, в категории старших научных сотрудников и доцентов – 40%, в категории ведущих научных сотрудников – 18% (ЕС 2009, 96)), либо уходят из науки в иные сферы жизни.

В физике и инженерных науках не действует даже такая модель, потому что девушки вообще не стремятся к изучению этих специальностей. Причины этого явления изучали у нас в рамках общеевропейских проектов, например, 6-й рамочной программы Европейской комиссии BASNET (www.basnet-fp6.eu), UNICAFE (www.unicafe.ee) и UPGEM (www.upgem.dk). Главное, что отторгает талантливых женщин от науки – это особенности культуры труда и

среды в научных учреждениях, затрудняющие совмещение исследовательской работы и семейной жизни. В экспериментальной науке с ее стремительным развитием и продолжительностью рабочего времени женщинам, временно не работающим в связи с исполнением семейных обязанностей, трудно держать себя в курсе происходящего и, как правило, невозможно работать с неполной занятостью.

Финансирование научной работы осуществляется на проектной основе, с преподавателями в вузах заключают срочные договоры (чем моложе специалист и ниже его степень в ученой иерархии, тем короче период договора), поэтому (будущих) родителей пугает материальная нестабильность. Необходимая в научной деятельности международная мобильность также не способствует совмещению семейной и трудовой жизни.

У трудовой культуры есть еще один важный аспект: ценности, установки, ожидания и стереотипы. В инженерных и физических науках доминируют образы ученых-мужчин. Будущим студентам трудно найти женский пример для подражания, отталкиваясь от которого, можно оправдать свой выбор специальности. Многие физики мужского и женского пола, опрошенные в рамках проекта UPGEM, подчеркивали гендерную нейтральность науки, но это было скорее т. н. «точка зрения страуса, спрятавшего голову в песок» – замалчивание гендерного аспекта проблемы, не что иное, как принятие по умолчанию традиционной мужской трудовой культуры.

О том, что характерная для науки трудовая культура – мужская, свидетельствует отсутствие женщин в представительских органах и органах, принимающих решения. Нет никаких сомнений, что многие женщины-ученые Эстонии достаточно компетентны, чтобы участвовать в работе любых органов, занимать высокие позиции, ведь они составляют пятую часть всей профессуры, ежегодно их имена значатся среди лауреатов научных премий Эстон-

Девочки усваивают то, что мальчиков следует считать более важными и ценными, хотя учатся они хуже и нарушают правила. Для взаимоотношений девочек характерно равенство, а поведение мальчиков по отношению друг к другу указывает на наличие у них иерархий (Gordon 1999, Reisby 1998).

Девочек больше интересуют гуманные аспекты учебы, для них важны личные отношения с учителем. Будни мальчиков в школе строятся больше на стратегии испытаний. Они сосредоточены на соревновании в учебе и в отношениях со сверстниками, особенно – на конкуренции за место в мальчишеской иерархии. Подобное «разделение труда» между полами есть отражение правил, действующих и вне школы (Reisby 1998, Gordon и Lahelma 1991). Отмечено, что и учителя, и дети склонны выше оценивать поступки, которые считаются мужскими. Учителя говорят, что предпочитают учить мальчиков,

поскольку они активнее и интереснее. Достижения девочек недооценивают, реже замечают, но в то же время мальчиков чаще наказывают и стыдят. Дети уверены, что учителя имеют разные ожидания в отношении поведения и качества работы мальчиков и девочек, и учительские ожидания влияют на детские убеждения (Paechter 2007).

Наблюдения за привычными и обычно не замечаемыми микропроцессами в классе выявляют такие красноречивые детали, как использование пространства, голоса, выражение чувств, манера обращения учителя. Физическое перемещение и расположение детей в классе зачастую отрегулировано и проконтролировано в зависимости от их пола. Мальчикам позволено двигаться больше, и в школе они занимают больше пространства. Передвижение девочек контролируется больше, их поведение, отличное от правил, чаще замечается. Тихие маль-

ской Республики. И в получении грантов женщины столь же успешны, как и мужчины. Однако... среди 57 членов Эстонской академии наук только одна женщина – профессор Эне Эргма. Среди 12 членов Совета по развитию науки нет ни одной женщины. Все 9 членов Совета научной компетенции Министерства образования и науки – мужчины, из 7 членов Эстонского научного фонда две женщины. Если посмотреть на состав советов крупнейших вузов Эстонии, то больше всего женщин в совете Эстонского сельскохозяйственного университета – шесть из 23 членов (преподавателей и ученых), в совете Тартуского университета их всего четыре из тридцати девяти членов, а в Таллинском техническом университете – одна из тридцати¹.

В Эстонии действительно много женщин-ученых, но среди лиц, принимающих решения, и экспертов их меньше четверти (ЕС 2009, 41), что явно указывает на гендерную необъективность политики в сфере науки. Слабое представительство женщин в представительных органах, принимающих решения, указывает на доминирующую нормативную установку этой политики, в соответствии с которой женщины не хотят видеть в роли лидеров научной общественности, что, в свою очередь, можно считать сигналом для молодежи, выбирающей свои специальности: в науке управляют и принимают решения мужчины.

Международные компаративные исследования говорят о том, что гендерная необъективность в науке проявляется по-разному: в том, как определяется научный успех, как формулируются критерии оценки, как они применяются для мужчин и женщин, а также в том, как создаются формальные и неформальные социальные сети (системы социальных взаимоотношений между людьми). Сегодня в Эстонии женщины-ученые ограничены в возможностях

участвовать в решении вопросов научной политики, впереди у нас еще долгий путь к гендерному балансу в этой сфере. ●

Ссылки:

European Commission. (2008). *Benchmarking Policy Measures for Gender Equality in Science*. Brussels: European Communities.

European Commission. (2009). *The Gender Challenge in Research Funding. Assessing the European national scenes*. Brussels: European Communities.

Интернет-страница Эстонского сельскохозяйственного университета: www.emu.ee

Интернет-страница Тартуского университета: www.ut.ee

Интернет-страница Таллиннского технического университета: www.ttu.ee

Эндла Лыхкиви, PhD, доцент отделения философии Тартуского университета. Ее научные интересы связаны, прежде всего, с философией науки, а также с теоретическими аспектами политики в области науки, управления наукой как трудовой средой, связей науки и общества. Она – автор многочисленных публикаций в эстонских и зарубежных научных изданиях, в т.ч. на тему гендерных стереотипов в прикладных науках.

¹ Представители студентов в советах учтены не были, женщин среди них составляют в среднем 50%.

чики также занимают меньше пространства, использование ими пространства контролируется с особой тщательностью (Gordon 1999). В школе мальчики шумнее и заметнее девочек. Мальчики больше времени тратят на ответы и вопросы, сами берут слово, учитель чаще обращается к ним. При том, что статус тихого ученика идентифицируется с хорошими оценками и успехом в школе, тихая девочка и тихий мальчик являются носителями разных значений. Тихая девочка воспринимается как естественное явление, а если она позволит себе говорить громко, это ошеломит учителя, и он строго призовет ее к порядку; в этом учителя поддержат мальчики, почувствовавшие, что ученица вторглась в их вотчину. Спокойный мальчик необычен, он предъявляет к системе больше вызовов (Gordon 1999, Vuorikoski 2007). Но в последнее время атмосфера в классе начала меняться, прежние схемы теряют силу, традиционные гендерные роли размываются, эти процессы отмечены и в Эстонии (Leino 2009).

Хотя специальных исследований школьных микропроцессов в гендерном аспекте в Эстонии не проводилось, нет причин полагать, что аналогичные правила у нас не действуют. Эстонская школа подчеркнута традиционна, на что указывают и международные исследования. Например, недавнее исследование преподавания и обучения OECD (TALIS) выявило, что, несмотря на современные педагогические взгляды, инновационные и поддерживающие творчество методы преподавания на практике используются мало, в учениках редко стимулируют хорошее рабочее настроение, директора школ мало внимания уделяют содержательной стороне вопросов (www.hm.ee/uuringud).

Маре Лейно связала школьные проблемы с темпераментом детей. Высокая степень детской активности воспринимается как «неправильный» темперамент, им чаще отличаются мальчики. Гендерные стереотипы девочек помогают им быть более осторожными, избегать рисков, мириться с пассивным положением, лучше, по сравнению с мальчиками, адаптироваться (Leino 2008). Данные исследования Вейссон и других ученых также подтверждают, что отношения с учителями в основной школе и гимназии у девочек лучше, чем у мальчиков. Девочки чаще мальчиков отождествляют себя со школой, а мальчики больше девочек уверены, что учителя интересуются их учебой (Veisson и др. 2007). Можно констатировать, что мальчиков и девочек, отличающихся от среднестатистических

учащихся, в школе называют проблемными, причем мальчиков среди проблемных детей обнаружено в три раза больше, чем девочек (Leino 2008). Исследования Лейно, Вейссон и ее коллег показывают, что девочки лучше адаптируются в школе, они гибче и чаще соглашаются с тем, чего от них требуют. Среди девочек чаще всего отмечается т. н. школьный темперамент, доминирующий стиль преподавания для них более приемлем – к таким выводам приходит Лейно (Leino 2008). А Вейссон и ее коллеги (Veisson и др. 2007) отмечают, что девочки больше мальчиков уверены, что хорошо справляются с учебой, что учитель позволяет им делиться своими мыслями, что в их школе используются новаторские методы обучения, что им нравится групповая работа и участие в проектах. Удивительно, что при этом школа для девочек – самое скучное место в жизни, и они чаще мальчиков отказываются ходить в школу. Мальчики же ходят в школу с большим удовольствием, но настроены к ней критичнее, считая ее консервативной. Вероятно, в школьные стены их влечет возможность широкого общения.

Гендерность академической успешности

Ученицы с хорошей успеваемостью привели к созданию термина *феминизация академической успешности*.

Успехи в школе считаются чем-то свойственным девочкам. Многие зарубежные исследователи описывают распространенные установки, где и общественное мнение, и учителя видят способности и достижения девочек как результат тяжелой работы и усердия. В то же время, считается, что хорошие достижения мальчиков показывают их талантливость, а причиной плохих оценок мальчиков является якобы нормальная лень. Девочки, которые проявляют амбициозность, не вызывают симпатии, и их наставляют скорее скрывать свой успех, нежели наслаждаться им (Renold 2001, Bussey и Bandura 2008).

Мы являемся свидетелями поразительной ситуации: гендерные стереотипы в повседневной школьной жизни настолько затеняют официальный, почти религиозный, статус образования, что разумнее не радоваться академическому успеху открыто. Хорошие успехи в школе могут разрушить отношения

со сверстниками, как у мальчиков, так и у девочек, поскольку они не согласовываются с мужественным образом мужчины и женственным образом женщины. Хорошие достижения на формальном и неформальном уровне – два разных понятия, и они связаны с полом лица, добившегося этих достижений. Трудно быть одновременно женщиной и умным человеком, а мальчик с хорошей успеваемостью вызывает сомнения в своей маскулинности (Renold и Allan 2006, Renold 2001).

Ренольд изучала, с каким напряжением следует справляться успешным в учебе мальчикам и девочкам. Перед ними стоит задача связать успех в учебе со своей позицией среди остальных учащихся. Изучив девочек начальных классов, она нашла различные способы примирения успеха в учебе с гендерной ролью и их экспонирования: оставлять успешность на втором плане и заслуживать уважение, будучи помощником, хорошим товарищем и т. п. или связать это с эффектной женственностью, в которой сочетаются разумность, красота и самоуверенность. Другая возможность – не давать нормативной женственности мешать себе и не идентифицировать ее со своим успехом (Renold и Allan 2006). На наличие групп учениц, которые отвергают гендерную нормативность и высмеивают своих академически ориентированных одноклассниц, указывала также Пячтер (Paechter 2007). В последнее время, в связи с выдвижением на первый план т. н. нового типа девочки, которая активна, предприимчива, амбициозна и успешна, в случае с женщинами, которые успешны в образовании и в профессии, можно предположить комплексность опыта. Мальчики обнаруживают успехи в учебе и мужественность путем примирения своих стратегий, чтобы не выглядеть «зубрилой» из разряда «тихонь». Этими стратегиями являются маскировка своего успеха, юмор, целенаправленное нарушение рутинной деятельности, подчеркнутая спортивность. Примирение с педагогической культурой школы можно маркировать презренными женственными чертами, и поэтому мальчики могут также связывать свой успех не с трудолюбием, а с удачей и талантливостью (Renold 2001).

Цена академической успешности – это не только необходимость рисковать своей позицией. В эстонских исследованиях в качестве важного фактора на первый план выходит здоровье: у девочек, значительно чаще, чем у мальчиков, отмечаются головные боли и боли в животе, и они чаще ощущают

усталость (Veisson и др. 2007). К тому же выводу ученые пришли на основании результатов исследования под руководством Юри Круусваля, в ходе которого в 2002–2003 гг. изучали учащихся 8-х классов таллиннских школ. В рамках данного исследования акцент делали на рискованное поведение учащихся и его связях со школьной жизнью. Мальчики реже девочек говорят, что у них якобы большая учебная нагрузка. Больше всего стресс в школе испытывают девочки. Постоянную усталость ощущают 23% девочек и 15% мальчиков. 10% девочек часто думают, что они устали от жизни и не получают помощи, у мальчиков аналогичные мысли посещают 5% опрошенных, и 55% мальчиков утверждают, что вообще никогда не задумывались об этом (Kruusvall и Tomson 2004). Это показывает, что девочки воспринимают школу более серьезно, чем мальчики, больше зависят от школьных оценок и, возможно, чувствуют также, что их усилия не находят признания. Таким образом, есть масса причин, почему настолько различается значение школы для мальчиков и девочек.

Властная маскулинность и сила ее воздействия в школе

.....

Как в школе, так и в жизни встречаются разные типы мужественности и женственности – доминантные и маргинальные, а их проявление зависит от ситуации. Однако некоторые типы мужественности и женственности более властные, нежели остальные (Paechter 2007). Один из типов мужественности, *гегемонная маскулинность*, оказывает сильное влияние не только на мальчиков и девочек, но и на жизнь людей в культуре в целом, узаконивая доминирующие патриархальные властные отношения и приглушая альтернативы. Хотя с гегемонной мужественностью связываются статус, власть, блага и права, ей также сопутствует порождающая стрессы борьба за свое место в иерархиях. Осознание своего превосходства выражают позами и телом, которое должно быть спортивным, мускулистым и привлекательным. Люди идентифицируют себя через унижение других групп людей, прежде всего – в своей системе ценностей исключается все, что считается женственным. Женщины, с позиции такой мужественности, являются объектами сексуального вожделения и «телами для рождения детей» (Renold 2001, Manninen 2005).

По утверждению финской исследовательницы Маннинен, носителей гегемонной мужественности в школе можно найти уже среди маленьких мальчиков. Для этих мальчиков люди располагаются в обществе согласно иерархической системе, и они видят мир только с позиции власти. Страх не показывается, собственные чувства скрываются, а главной является потребность подчинять других и достичь заметного положения, чтобы неуклонно подтверждать себе свое превосходство. Также они притесняют мальчиков, которые не стремятся к такому идеалу (Manninen 2005). У эстонцев для описания такого идеала есть выражение *крутой пацан*.

Исследователи считают, что мальчики приносят в школу агрессивную маскулинность из патриархального общества. Действия мальчиков в школе явственно связаны с нормами гегемонной мужественности. Как связать свой академический успех со статусом среди остальных мальчиков, чтобы создать акцептируемую маскулинность – это серьезный вызов для мальчиков. Цена гегемонной мужественности может остаться незамеченной: как мальчики должны переносить такое давление, переживают различные типы мужественности (в том числе и считающиеся патологическими), дистанцируются от того, что считается женственным, и выключают из своей жизни связанные с этим ценности (Renold 2001).

Как это происходит в школах Эстонии? Данную тему раскрыл фильм Ильмара Раага «Класс». Причиной проявления насилия в этом случае можно считать общественно сформированную модель «крутого пацана», которая доминировала в рутинной и мало увлекательной школьной жизни. Если не попадаешь мячом в баскетбольное кольцо, не даешь сдачи при нападении на тебя и не выглядишь как мужчина – будешь бесцеремонно наказан и унижен. Униженный и отчаявшийся ребенок дал ответ, вытекающий из аналогичной нормы, посеяв смерть вокруг себя. К сожалению, в общественных дискуссиях, инспирированных фильмом, не встречается намеков на вину общества, вытекающую из гендерных стереотипов. Виновными по привычке посчитали учителей. Может быть, именно этот фильм на сегодня является лучшим школьным исследованием на тему гендерных стереотипов.

Влияние властной мужественности можно увидеть по результатам исследований насилия среди молодежи, проведенного эстонскими учеными, которые занимаются молодежной

тематикой, и исследований рискованного поведения. Углубившись в них, можно узнать кое-что также о гендерном поведении в школе. В 2005–2007 гг. Юдит Стрёмпл изучала представления детей о насилии в школе. В других странах насилие также относится к мальчиковой культуре и гендерной идентичности мальчиков. Респонденты видели целью насилия улучшение своей личной позиции, причем добиваться прав более сильного принуждает атмосфера конкуренции в школе. За свою позицию борются представители обоих полов, но способы заставить других считаться с тобой зависят от твоего пола. Физическая сила, смелость и проворство принадлежат мальчикам; в случае с девочками физическая сила воспринимается как отклонение, их оружие – вербальное: ругань, пересуды, слухи. Отношение к этим методам самоутверждения разное: драки мальчиков акцептируются, а выяснения отношений между девочками осуждаются. Кроме того, представители обоих полов по-разному воспринимают насилие. Девочки видят насилие даже там, где мальчики его не замечают, и у первых оно вызывает больше негативных чувств. Психическое насилие сложнее физического и приводит к возникновению большего числа проблем; драку, которую описывали как обычный для мальчиков способ заставить считаться с ними, считают более честной и равноправной. В то же время, и мальчики, и девочки были единодушны в отношении того, как защищать себя: если тебя ударили – дай сдачи (Strömpl 2008).

На власть само собой разумеющихся, но не осознаваемых ценностей особенно четко указывает тот факт, что жертва, по мнению Стрёмпл, остается в одиночестве, и все остальные равнодушны к ней. Норма не принимает вмешательства и просьб о помощи. По-видимому, насильственность в отношении носителей не доминирующего и маргинализованного типа мужественности – это одна из возможных причин отсева мальчиков из школы. Девочки также стали более жестокими как по отношению к другим девочкам, так и к «немужественным» мальчикам.

Из результатов исследования рискованного поведения, проведенного под руководством Юрии Круусваля, явствует, что не стоит надеяться на более заботливое и осторожное поведение – больше нет гендерных различий в курении, потреблении алко-голя и наркотиков и в частоте пребывания в состоянии опьянения. Больше половины

детей становились жертвами насилия, причем неоднократно пострадавших больше среди мальчиков. Среди мальчиков эстонской национальности обидчиков в два раза больше, чем среди мальчиков и девочек русской национальности и девочек эстонской национальности. Притеснение посчитали естественным 30% девочек и 48% мальчиков. 60% мальчиков-эстонцев участвовали в насильственных действиях. Тех, кто не имеет никаких занятий по интересам, также больше всего среди мальчиков эстонской национальности – 24%. Почти во всех перечисленных группах риска – учащиеся с плохой успеваемостью, курьезники, драчуны, имевшие сексуальную связь, прогульщики, потребители наркотиков, часто пребывающие в состоянии опьянения, притесняемые другими школьниками – численный перевес был на стороне мальчиков, а иногда они составляли подавляющее большинство. Только в группах учащихся, испытывающих усталость и усталость от жизни, преобладали девочки (Kruusvall и Tomson 2004). Среди причин рискованного поведения мальчиков, на важном месте, безусловно, стоит гегемонная мужественность как модель жизни.

К сожалению, школа – это место хранения и утверждения и для такой модели, причиняющей при этом больше всего вреда именно мальчикам. Оценка Юдит Стрёмпл (Strömpl 2008), которую она дала школе – очень жесткая: в разговорах детей школа предстает многослойной иерархической системой, в которой и ученики, и учителя борются за свою позицию. Система образования Эстонии считает академическую карьеру единственным ценным выбором и сортирует детей на его основании, приводя к возникновению у части школьников комплекса неполноценности и не обращая достаточного внимания на разностороннее развитие детей.

Заключение

Гендерный вопрос в образовании, хотя и является важной областью в международной специальной периодике, в Эстонии охвачен исследованиями эпизодически и очень слабо. Некоторые сведения о гендерности можно найти в результатах исследований, цель которых была иной (ценности, выживание, рискованное поведение, отсев из школы и т. п.). Как правило, в школьных исследованиях

не выделяют различия между мальчиками и девочками. Можно утверждать, что эта сфера остается у нас практически неисследованной, и, таким образом, мы можем только проводить параллели с исследованиями других стран. Знание того, как школьная действительность делает из кого-то мужчину или женщину, было бы важным с точки зрения политики в сфере образования, но нынешние приоритеты в финансировании научной деятельности не способствуют организации проведения подобных исследований.

Что можно вынести из сложившейся ситуации? Образование, которое оптимистично считается просветителем общества, может влиять ослепляюще, если переоценивать этот узкий аспект – знания, вкладываемые в головы детей. Операторы системы, сценаристы и режиссеры отрицали тот неудобный факт, что в школу ходят человеческие дети, девочки и мальчики, и что их развитие в целом должно было бы заслуживать осознанной заботы. В существующей отечественной системе образования остались неучтенными и другие естественные понятия образования: свобода, субъектность и идентичность. Они не позволяют составлять топ-лист школ, и их невозможно измерить с помощью соответствующих устройств. Именно сейчас когда развитие, ставшее непостоянным в условиях быстрых изменений, больше всего нуждается в этом, а многие истины нуждаются в переосмыслении, поверхностные ценности нового либерализма выдавили из школы воспитание. Жизненные нормы с оттенком маскулинности, свойственные обществу Эстонии, о чем много говорилось в общественных дискуссиях – это не только принципиальная основа для работы школы, феминизированной в ошеломляющем объеме, эти нормы парадоксальным образом причиняют вред именно мальчикам. Девочки, выученные однажды в той же системе быть послушными и ставшие теперь учителями, выполняют свою роль хранителя укрепившихся ценностей и методов работы. Создание активных способов самовыражения для мальчиков (и для девочек тоже), предполагающих готовность к открытиям и риску, часто выше их сил, и это не предусмотрено с позиции политики в сфере образования. Связанные с женственностью качества, такие, как заботливость, сочувствие, содействие, умение замечать, чувствительность, эмоциональность, которые все-таки можно в некоторой мере встретить в школе, могут смягчить гендерные стереотипы именно там, где

мягкие ценности пригодились бы как мальчикам, так и девочкам. В школе нюансы, чувства и многообразие не считаются важными.

Гендерная социализация в наших образовательных институтах – это тернистый путь для обоих полов, который, к сожалению, отпугивает мальчиков с обычными преимущественными правами от благ образования и достойной жизни сведущего человека, оставляя многих из них заложниками примитивной жизненной модели самоуправца. Представляющие более мягкую мужественность мальчики также остаются незамеченными и без поддержки, и для некоторых из таких мальчиков самоутверждение может оказаться слишком тяжелым. А девочки учатся оставаться на втором плане, т. е. другими словами – сводят ответственность до минимума, что, в конце концов, заставляет их смириться с меньшей зарплатой и рутинной работой. Они заметны как основная масса учащихся, но их по-прежнему не хотят слушать на общественном уровне. Поскольку школьные знания по-прежнему вкладываются в форме суеверий, в лице основательных девушек общество имеет принимающих все на веру и бессловесных потребителей, которые, выполняя остающиеся невидимыми работы, поддерживают жизнеспособность общества. К сожалению, вера в школьное знание не приводит к росту веры в себя, и здесь уже возникают различные риски, как для общества, так и для сферы образования.

Сфера образования превратилась в т. н. женское дело, мало связанное с настоящими мужскими ролями. Например, наша Конституция не предполагает наличия какого-либо образования у человека, идущего в политику, что можно было бы также интерпретировать как оценку образованию в целом. В общественной борьбе за позиции у образования настолько малая роль, насколько большую долю образованных составляют женщины. Говоря высокие слова об обществе, основанном на знании, не желают замечать, насколько образование само стремится остаться на маргинальной позиции. Влияние образованных людей и вес их слова в обществе имеет все меньшее значение, отсюда мы можем прийти к новому варварству в технологической эпохе, как уже предупреждали однажды представители Франкфуртской школы. Примечательно то, насколько ничтожной у нас стала доля "мягких наук" (гуманитарные и социальные науки) при интерпретации общественных процессов, где исследователями-мыслителями являются

преимущественно женщины. Даже в этой сфере лидеры мнений – это отдельные мужчины, оставшиеся работать в данной области.

Почему в школьной среде, созданной для нужд образования, в поведении мальчиков на первом плане выходит агрессивная, подчиняющая и насильственная сторона мужественности? Почему не проявляют себя смелость, благородство, храбрость, сила? Почему усердная учеба и образование не позволяют женщинам выйти на первый план и получить большее право принимать решения, почему они остаются в тени, несмотря на мужской багаж знаний? Как компенсируют эти факты хорошие знания эстонских детей, определенные в ходе проведения исследований PISA? Эти вопросы ждут серьезного исследования.

Прежде чем желать, чтобы учителя знали о том, как они обращаются к детям и с детьми, как воспроизводят гендерные стереотипы и что оставляют несделанным, следует задуматься, как общество поддерживает учителей.

Публичные дискуссии о ценностях, их воздействии и последствиях постепенно способствовали бы изменениям. Различные топики и конкуренция в школе – скорее выражение детской маскулинности, нежели порождение взрослого мышления, что хотелось бы предположить в случае с образованием.

В ответ на гендерную проблему была разработана *гендерно-чувствительная педагогика*, которая учитывает различия между полами и предлагает учебную среду, свободную от доминирования и конкуренции. Цель гендерно-чувствительной педагогики – развитие мальчиков и девочек как полноценных людей, уважение и развитие в себе более разносторонних, чем прежде, форм женственности и мужественности. Исходным положением педагогики, покровительствующей действительному равенству обоих полов, является желание понимать и уважать различия и видеть их в качестве культурного ресурса. Как девочки, так и мальчики должны были бы получать в учебных ситуациях в школе пространство, время, внимание и возможности для того, чтобы выражать и анализировать свой опыт. Представители обоих полов достойны одинаково уважительного отношения (Krüger 2006, Reisby 1998).

Школа должна подготавливать также к индивидуальной жизни, а не только к приходу на рынок труда. Следует учить умению жить,

признавать наличие чувств и их роль как факторов, способствующих и препятствующих учебе. Во сверхинтеллектуальной культуре обучения оставлены без внимания креативность, юмор, увлеченность, игровое настроение, воображение. В таком случае обучение остается половинчатым и поверхностным.

Школа, как место жизни и воспитания, ждет действительного обновления, которого она ждала уже сто лет назад.

Использованные источники

- Aarma, G. (1998). *Mõtlemise salapära*. Pärnu: G. Aarma ja AS Mandala.
- Bussey, K. ja Bandura, A. (2008). Sotsiaalse soo kujunemise ja toimimise sotsiaalkognitiivne teooria. Teoses A. Eagly, A. Beall, R. Sternberg (toim.) *Soopsühholoogia*. Tallinn: Külim.
- EHIS, Õpilaste arv üldhariduslike koolide ja filiaalide päevases õppevormis soo ja kooliastmete lõikes 2008/2009, <http://www.hm.ee/index.php?048055>, (18.12.2009.)
- EHIS, Õpetajaskonna jaotus soo ja vanusegruppide lõikes 07/08-08/09 õa <http://www.hm.ee/index.php?048055>, (18.12.2009.)
- Gordon, T. (1999). Materiaalne kultuuri ja tunded koulussa. Raamatus *Suomalainen koulu ja kulttuuri*. Tampere: Osuuskunta Vastapaino, 97–116.
- Gordon, T. ja Lahelma, E. (1991). Koulutus ja sukupuoli. Ramatus T. Takala (toim.) *Kasvatussosiologia*. Helsinki: WSOY.
- Haridusministeeriumi kodulehekül (интернет-страница Министерства науки и образования) www.hm.ee/uuringused: ülevaated PISA uuringute tulemustest ja OECD rahvusvahelise õpetamise ja õppimise uuringu TALIS tulemustest <http://www.hm.ee/index.php?048181>, (20.12.2009.)
- Hearn, J. (2005). Miesten ja maskuliinisuuksien sukupuolistauminen tieteessä, tiedeyhteisössä ja tutkimuksessa. Raamatus Husu, L. ja Rolin, K. (toim.) *Tiede, tieto ja sukupuoli*. Helsinki: Gaudeamus, 170–199.
- Jansen, H. (1924). Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924–1926. Tallinn: Vaba Maa.
- Kruusvall, J., Tomson, L. (2004). Tallinna kuue linnaosa koolide 8. klasside õpilaste turvalisuse ja riskikäitumise uuringu tulemused. Tallinn: Tallinna Sotsiaal- ja Tervishoiuamet. TpedÜ sotsioloogia osakond.
- Kutsar, D. (2008). Lapse heaolu vananevas Eestis. Teoses L. Ots (toim.) *Uued ajad – uued lapsed*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 96–109.
- Krüger, H.-H. (2006). Feministische Ansätze der Erziehungswissenschaft. Raamatus *Einführung in Theorien und Methoden der Erziehungswissenschaft*. Opladen ja Farmington Hills: Verlag Barbara Budrich.
- Laasme, E. (2006). Naised väärtustavad haridust rohkem kui mehed. Haridus 3–4, 10–12. Teoses L. Ots (toim.) *Uued ajad – uued lapsed*. Tallinn: TLÜ kirjastus.
- Leino, M. (2008). Kool kui väärtuste kujundaja rõhuasetusega soospektile. Teoses L. Ots (toim.) *Uued ajad – uued lapsed*. Tallinn: TLÜ kirjastus.
- Leino, M. (2009). „Probleemsed” poisid või „vale” temperament? Tallinn: Tallinna Raamatutrukikoda.
- Manninen, S. (2005). Tapaustutkimus poikien maskuliinisuuksien representaatioista ja hierarkkisesta järjestyksestä ensimmäisenä kouluvuotenaan. Teoses *Koulutus, sukupuolisosialisaatio ja teknologia – näkökulmia segregatioon*. Raamatus Rannikon Laatupaino OY, 31–49.
- Naskali, P. (1998). *Tyttö, äiti, kasvatus*. Rovaniemi: Lapin yliopisto.
- Naskali, P. (2007). Yliopistollinen opetus ja lahja. *Niin ja Näin nro 51 kevät*.
- Paechter, C. (2007). *Being boys. Being girls. Learning masculinities and femininities*. McGraw Hill Education: Open University Press.
- Reisby, K. (1998). Sukupuoliherkkä pedagogiikka. Teoses A.-L. Arnesen (toim.) *Eroja ja yhtäläisyyksiä. Sukupuoli pedagogisessa ajattelussa ja käytännössä*. Helsinki: Yliopistopaino, 15–34.
- Renold, E. (2001). Learning the „Hard” Way: boys, hegemonic masculinity and the negotiation of learner identities in the primary school. *British journal of Sociology of Education*. Vol.22 No 3, 2001, 369–385.
- Renold, E., Allan, A. (2006). Bright and beautiful: High achieving girls, ambivalent femininities, and the feminization of success in the primary school. *Discourse: studies in the cultural politics of education*. Vol 27, No 4, 457–473.
- Rämmer, A. (2009). Eesti koolinoorte väärtused. Teoses M. Sutrop, P. Valk (toim.) *Väärtused ja väärtuskasvatus. Valikud ja võimalused 21. sajandi Eesti ja Soome koolis*. Tartu. Eesti keele Sihtasutus.
- Tiko, A., Rannala I.-E. (2008). *Koolikohustuse mittetäitmine – väljakutse ka noorsootööle*. Toim: Marti Taru, Noorte aktiivsus. Päril ja pahupool. Eesti Noorsoo Instituut.
- Sarv, E. (2008). *Õpetaja ja kool õpilase arengu toetajana*. Tallinn: TLÜ Kirjastus.
- Statistikaameti avalik andmebaas (открытая база Департамента статистики) www.stat.ee/haridus
- Strömpl, J. (2008). Koolivägivald õpilaste pilgu läbi. Teoses M. Tartu (toim.) *Noorte aktiivsus. Päril ja pahupool*. Eesti Noorsoo Instituut.
- Veisson, M., Ruus, V.-R., Sarv, E.-S., Ots, L., Leino, M., Veisson, A. (2007). *Eesti kool 21. sajandi algul: kool kui arengukeskkond ja õpilase toimetulek*. Tallinn: TLÜ.
- Vuorikoski, M. (2007). Koolu sopeutajast vapauttajaks. *Niin ja Näin*. 52 kevät I.

Когда женщины исчезнут из политики?

Мирьям Аллик

Резюме

.....

На сегодняшний день участие женщин и их представительство в политике Эстонии – тема достаточно изученная, и отдельные статистические показатели, такие, как представительство женщин-депутатов в Рийгикогу, приводятся не только в гендерных исследованиях. Отличие настоящей публикации от всех предыдущих работ состоит в том, что, помимо общераспространенных методов исследования, она опирается на новые методы анализа и формулирует новые вопросы в связи с изучением участия женщин в политике. Наибольший интерес в данной работе представляет анализ политики как процесса отбора. Этот процесс состоит из логически следующих друг за другом этапов, на каждом из которых осуществляется отбор в ущерб или в пользу женщин. Оценивая решения, принятые в ходе процесса с помощью константы отбора, можно определить те сферы политической деятельности, где женщины «пропадают». Автор публикации приходит к заключению, что одной из существенных причин незначительного представительства женщин в политике является не столько поведение электората, дискриминирующее женщин, сколько решения, принимаемые внутри партий.

МИРЬЯМ АЛЛИК,
МА, докторант
политологии Тринити-
колледжа в Дублине.
Работала аналитиком
в Министерстве
социальных дел
и советником в
канцелярии Рийгикогу,
занималась вопросами
семейной и социальной
политики, а также
вопросами привлечения
к законотворчеству
различных
заинтересованных
групп. Научный интерес
Мирьям Аллик связан
с избирательными и
партийными системами,
методологией социальных
наук.
Ее докторская работа
исследует причины слабого
представительства
отдельных общественных
групп. Мирьям Аллик
– автор статей о
партийных системах,
социальной вовлеченности,
семейной и социальной
политике.

Введение

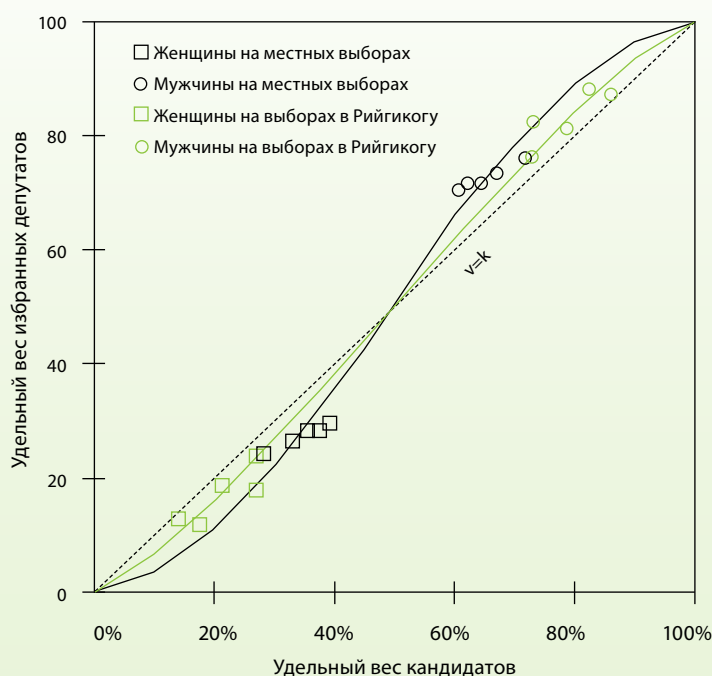
Как отмечается во введении к настоящему сборнику, в начале 20-го века Эстония в сфере обеспечения политических прав женщин была в первых рядах среди самых передовых стран, когда сразу же после обретения независимости в 1918 году женщинам предоставили право голосовать и баллотироваться на выборах в Рийгикогу. Сегодня, когда с тех пор прошло около ста лет, Эстония уже не находится в числе передовых стран в части представительства женщин в политике, скорее мы входим в число «середняков» вместе с остальными посткоммунистическими государствами. Наиболее высокой долей женщин-депутатов (около 50%) в структурах власти отличаются в международном сравнении Финляндия и Швеция. Однако последние исследования мнений показывают, что жители Эстонии тоже предпочли бы видеть в политике больше женщин (Vainu и др. 2010, 136–137). Почти половина женщин и треть

мужчин считают, что доля женщин в Рийгикогу и правительстве должна быть больше нынешней. При этом женщины придерживаются мнения, что в обоих указанных институтах власти могло бы быть поровну женщин и мужчин. Однако мужчины считают, что женщин могло бы быть в Рийгикогу и правительстве около трети. Каково же на самом деле представительство женщин в политике Эстонии? И если, по мнению жителей, женщин могло бы быть больше в структурах власти, то что же препятствует этому?

Кандидаты и избранные депутаты

С годами количество женщин среди кандидатов на выборах в местные самоуправления и Рийгикогу, а также среди избранных депутатов неуклонно росло. Среди кандидатов на местных выборах 1993 года женщины составляли немногим более 28%, а среди избранных депутатов – 24%. В 2005 и 2009 годах

Рисунок 1. Удельный вес и мужчин среди кандидатов и избранных депутатов (1992–2009 гг., в %)

Источник: здесь и далее источник – Избирательная комиссия Эстонской Республики

Примечание: здесь и на последующих рисунках пунктирной линией обозначено равенство. Если данные оказываются на этой черте, значения показателей на осях «X» и «Y» уравниваются. Если данные находятся выше пунктирной линии равенства, показатель оси «Y» – выше. Если данные находятся ниже пунктира равенства, показатель оси «X» выше.

соотношение уже было 39% и 30% соответственно. В течение многих лет женщин-кандидатов и избранных женщин-депутатов было больше на местном уровне, чем на уровне Рийгикогу, например, процентный показатель женщин на выборах в Рийгикогу в 2007 году сопоставим с показателем на местных выборах в 1993 году. Ситуацию иллюстрирует рисунок 1: показатель женщин на выборах в местные самоуправления постоянно превышает показатель на выборах в Рийгикогу. Что же касается мужчин, то здесь ситуация, естественно, иная – по сравнению с общегосударственными выборами на местных выборах мужчин-кандидатов и избранных депутатов меньше. Если равное гендерное представительство

женщин-кандидатов приближено к количеству избранных депутатов-женщин. Изображенные на рисунке кривые отражают среднестатистические результаты выборов обоих уровней власти. Кривая (темная), отражающая статистику местных выборов больше изогнута от черты равенства, чем кривая (более светлая) статистики выборов в парламент, это служит еще одним подтверждением тому, что гендерная диспропорция между кандидатами и избранными депутатами больше на выборах в местные самоуправления.

Рассматривая изменения диспропорции во временном аспекте, видим, что количество женщин-кандидатов на местных выборах росло быстрее, чем количество избранных депутатов. Иными словами, с годами диспропорция возрастала: если в 1993 году разница между кандидатками и избранными женщинами-депутатами составляла 4%, то в 2005 году – почти 10%. На выборах в Рийгикогу показатель разницы колебался в пределах 1–9%. Но в отличие от местных выборов здесь не просматривается четкой тенденции увеличения разницы между кандидатками и избранными женщинами-депутатами, а на последних и предпоследних выборах в парламент разница между показателями была в пределах 3%.

Итак, хотя на местных выборах процент кандидатов и избранных женщин-депутатов выше, именно на них гендерная диспропорция между кандидатами и избранными депутатами больше. Одним из объяснений такому различию между парламентскими и местными выборами может быть различие гендерных аспектов культуры и политики небольших поселков.¹ Другим объяснением, вызывающим озабоченность, может быть так называемый «потолок». Несмотря на процентный рост женщин-кандидатов, их процентное присутствие среди избранных депутатов останавливается в районе 30%, возможно, в силу того, что общественные представления о политике и политиках не допускают их большего представительства. Но поскольку на выборах в Рийгикогу процент женщин среди кандидатов еще не достиг 30-процентного «потолка», не говоря уже о его превышении, говорить об обусловленности гендерной диспропорции отличием между выборами или «потолком», установленным общественными стереотипами, трудно.

Общее собрание Союза женских организаций призывает всех женщин на предстоящих выборах подчеркнуть в том списке, за который они голосуют, имя женщины-кандидата, чтобы таким образом выразить свое желание видеть в Рийгикогу депутатов-женщин.
(Из протокола собрания представителей Союза женских организаций, 1923 г.)

считать показателем уровня демократии, то государственный уровень Эстонии отстает от местного по качеству представительства почти на 15 лет. Но такой вывод будет поспешным.

Рисунок показывает также, что гендерная диспропорция между кандидатами и избранными депутатами Рийгикогу выражена меньше, другими словами – процент избранных женщин примерно совпадает с процентом женщин, баллотировавшихся на выборах. Однако на местных выборах процент избранных женщин меньше, чем процент кандидатов. На рисунке 1 эту ситуацию иллюстрирует близость отметок показателей к черте равенства $y=x$, т. е. к черте, означающей равенство показателя кандидатов и показателя избранных депутатов. Видно, что точки данных о выборах в Рийгикогу ближе к черте равенства, чем данные о местных выборах. Это означает, что на уровне Рийгикогу количество жен-

¹ Образ мышления в малых общинах может быть патриархальнее, поэтому отжившие гендерные стереотипы в подобных общинах упорно не исчезают (см. например: Talves 2003).

Избирательная система, списки кандидатов и стереотипы

Несмотря на позитивные сдвиги в показателях женского политического участия в местных и общегосударственных выборах, их нынешнее 20–30-процентное присутствие в представительных органах нельзя считать характерным для гендерно-сбалансированного общества. Причинами слабого представительства женщин в Эстонии традиционно называют изъяны избирательной системы, а точнее, списки кандидатов (Raitviir 2000 и 2002), гендерные стереотипы (Põldsaar, 2002), а в последние годы все чаще стали упоминать и роль партий (Vask 2007, Pilvre 2007, Põldsaar 2007).

Избирательная система Эстонии и в особенности списки кандидатов подвергалась и подвергается самой острой критике со стороны исследователей гендерных вопросов. Например, одни считают, что постановка имен кандидатов-женщин в начале списка имеет «решающее значение» для того, чтобы партия прошла в парламент, а «количество собранных голосов – фактор второстепенный» (Raitviir 2002), другие, что знаменитые кандидатки собирают голоса избирателей для кандидатов-мужчин, чьи имена стоят в списках первыми (Põldsaar 2002). Поскольку в Эстонии используются как региональные, так и общегосударственные списки, приведенные выше утверждения, во-первых, нуждаются в уточнении: о каких списках в них идет речь. Во-вторых, подавляющее большинство мест в Рийгигогу распределяется по регионам (74% в 2007 г.), т. е. на основании открытых списков. Таким образом, приведенные выше мнения не совсем точны, поскольку все распределенные по регионам мандаты выдаются все-таки на основании количества собранных голосов, а не на основании места кандидата в списке.

Ошибочность утверждений о второстепенности значения собираемых голосов может невольно вредить представительству женщин и ограничивать их участие в выборах. Подобные мнения дают избирателю понять, что его личные решения несущественны, что он не может активно влиять на результат выборов. Следовало бы подчеркивать именно активную связь избирателя с результатами выборов, т. е. то, что на самом деле в регионах избранные кандидаты выстраиваются согласно числу полученных голосов, и место кандидата в партийном списке и

место, полученное им на основании голосов избирателей, могут сильно отличаться.²

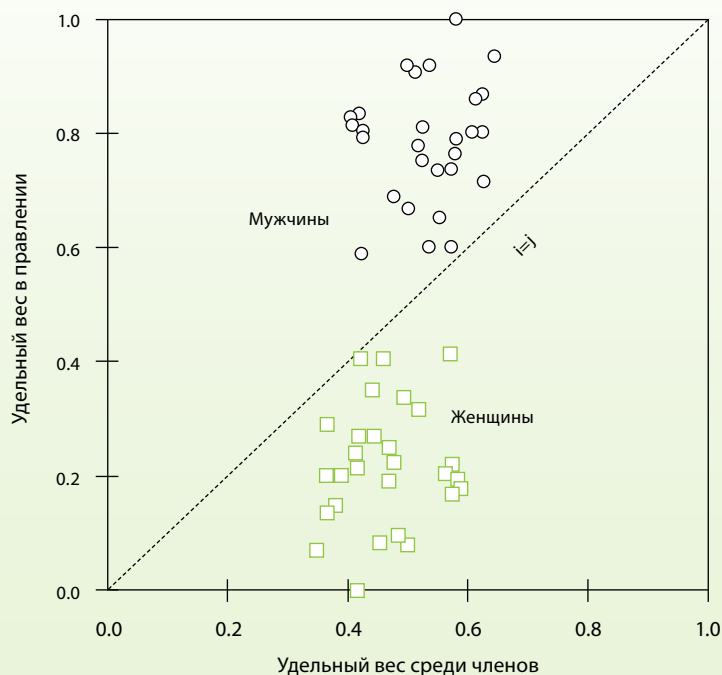
Да, составной частью избирательной системы Эстонии являются также закрытые общегосударственные списки кандидатов, именно в связи с такими списками кандидату, чтобы оказаться избранным в парламент, важен его порядковый номер в партийном списке. Когда анализируют статистику женского присутствия в кандидатских списках и порядковые номера кандидаток, видимо, имеют в виду именно общегосударственные списки. Многие авторы единодушны в том, что женщин среди первых номеров в этих списках мало, и это существенно влияет на их шансы стать депутатами (Vask 2007, Raitviir 2000). Однако в этом случае стоило бы обратить внимание на то, что в первой десятке общегосударственных списков располагаются преимущественно те люди, которые проходят в парламент по личному или региональному мандату. Таким образом, кандидаты, реально прошедшие в парламент по закрытым спискам, прежде всего крупных партий, находятся в списках кандидатов во втором и третьем десятке. Во-вторых, если женщин среди первых 15 кандидатов списка, к примеру, всего 3–5 человек (т. е. 20–30%), то можно ли считать это слабым представительством, учитывая, что в общем составе кандидатов их число примерно такое же.³ Проблема не в том, что женщин мало в верхней части списков, а в том, что их мало также и в нижней части. В итоге, как бы ни был интересен анализ женского представительства в первой десятке или двадцатке, очевидно то, что главная причина их слабого представительства заключается не в этом.

Утверждается также, что на участие женщин Эстонии в политике влияют устоявшиеся гендерные

2 На выборах в Рийгигогу в 2007 году Рейн Ратас стоял на шестом месте в списке кандидатов от Центристской партии по 2-му избирательному округу (в Таллинне), но по числу собранных на выборах голосов получил в округе второе место вслед за Эдгаром Сависааром, который стоял в списке первым кандидатом. Эдгар Сависаар прошел в Рийгигогу по личному мандату. Центристская партия получила в этом округе два окружных мандата: первый достался Рейну Ратасу, второй (на основании третьего места по количеству собранных голосов) – Нелли Приваловой (в списке она была на втором месте). Кандидаты, находившиеся в списке перед Рейном Ратасом на третьем, четвертом и пятом местах, в Рийгигогу не прошли.

3 По данным Васк (Vask, 2007), на выборах в Рийгигогу в 2003 году число женщин было в этих пределах у четырех партий из шести. По данным Избирательной комиссии ЭР, на выборах в Рийгигогу в 2007 году, среди 15 первых имен общегосударственных списков кандидатов от четырех партий было по 4–5 женщин (26–33%), от двух – по 2 женщины (13%).

Рисунок 2. Удельный вес женщин и мужчин среди членов партий и членов их правлений (2002–2009 гг.)

Источник: здесь и далее данные Рихо Кангура (Kangur, 2009), данные о членах партий за 2003–2009 гг., ответ на запрос в Коммерческий регистр и данные Тийны Райтвийр за 2002 год (Raitviir, 2002)

стереотипы или роли (Pöldsaa 2002), которые могут обуславливать предпочтения избирателей в пользу мужчин как руководителей государства и отдавать им свои голоса. В качестве примера установок электората проводилось сравнение среднего количества голосов, отданных за кандидатов-мужчин и кандидатов-женщин (Raitviir 2002). В настоящей публикации такого сопоставления не проводится по двум причинам. Во-первых, средние количества голосов могут быть не слишком объективными, так как это обусловлено перекосом в пользу ведущих партийных фигур, большинство из которых мужчины. В то же время можно утверждать, что они получают голоса не из-за того, что они мужчины, а поскольку они являются ведущими фигурами. А то, почему лидеры партий – мужчины, зависит не столько от гендерных установок электората, сколько от установок партий и их членов⁴.

Во-вторых, следует учитывать то, что избирательные округа могут различаться по общим идеологическим установкам, т. е. за кандидата могут голосовать не потому, что он мужчина или женщина, а потому, что он представляет определенную партию. Таким образом, до того как проводить анализ, следовало бы сопоставить количество голосов, отданных определенному человеку, с количеством голосов, отданных в поддержку его партии в соответствующем регионе.

Все сказанное выше отнюдь не отменяет важности исследований влияния гендерных стереотипов на поведение электората. Этот аспект исследований общественного поведения очень важен. Суть моего высказывания заключается в том, что, изучая политическое представительство женщин, следует

партиями и обществом. Люди, которые принимают решение вступить в партию и через партийную работу активно участвовать в политической деятельности, весьма вероятно, отличаются своими взглядами и активностью от тех, кто не принимает таких решений.

⁴ Следует уточнить, что нельзя ставить знак равенства между

сместить фокус с избирателя на партию. Прежде чем приступать к поиску причин гендерно-дискриминирующего поведения избирателей, стоит задаться вопросом: есть ли смысл ожидать, что среди избранных депутатов будет 40 или 50% женщин, если в списках их 20–30%? На возможное влияние гендерных стереотипов указывает гендерная диспропорция между кандидатами и избранными депутатами на местных выборах, но, как уже было сказано выше, это предположение еще требует подтверждения.

Однако еще важнее то, что влияние гендерных стереотипов на политику Эстонии начинается с более ранних этапов формирования политического процесса, а не возле избирательной урны. Больше, чем на что-либо иное, данные рисунка 1 указывают на то, что женщин бывает мало уже на стадии составления списков кандидатов. Эти списки составляются не из обычных, а из политически организованных граждан – членов и лидеров партий. Таким образом, причины слабого представительства женщин среди кандидатов и избранных депутатов следовало бы искать прежде всего в партиях.

Члены партий и правления

Долю женщин среди кандидатов и избранных депутатов можно сопоставлять как два этапа одного процесса, аналогично можно сопоставлять и долю женщин среди членов партий и в правлениях. Рисунок 2 в сходном с предыдущим рисунком виде иллюстрирует процентные показатели женского и мужского состава членов партий и их руководящих органов.⁵

Первое, что обращает на себя внимание на этом рисунке – это резкая диспропорция удельного веса женщин среди членов партий и в их правлениях. Количество женщин среди членов партий находится в пределах 40–60%, т. е. в членстве наблюдается примерно равное представительство женщин и мужчин. Однако в составе правлений партий женщин в среднем 20%, и в отдельных случаях – более 30%. Все эти данные остаются ниже черты равенства $I=j$, а это означает, что процент женщин среди членов всегда

выше их процента в правлении. В отдельных случаях данные приближаются к черте равенства, означая, что удельный вес женщин в партии и их удельный вес в правлении близки по своим значениям.

Во-вторых, следует отметить дивергенцию пунктов, которая хотя и невелика, но все же заслуживает внимания. Причиной ее могут быть как изменения во времени, так и различия между партиями. По годовым отметкам видно, что со временем в партиях в целом и в их правлениях особых изменений не происходило – удельный вес женщин как среди членов партий, так и в правлениях колеблется без четкой тенденции в направлении роста или сокращения.

Больше различий обнаруживается между партиями. Длительное время бывший Союз Отечества отличался наименьшим (ниже 40%), а Народный союз – наибольшим (около 60%) показателем доли женщин среди членов партии. В остальных партиях доля женщин остается в целом в пределах 40–50%. В среднем женщин больше всего в правлении Социал-демократической партии, затем в Центристской партии, и меньше всего их в партиях Res Publica и Союз Отечества, а также в составе позднейшего объединения обоих – Союзе Отечества и Res Publica. Тот факт, что в правлениях (а также среди всех членов каждой партии) левых партий женщин больше, отмечался ранее не только в Эстонии (Raitviir 2002), но и в других странах (Kittilson 2006). Однако, удельный вес женщин в правлениях партий колеблется из года в год, и четкой внутри-

Рисунок 3. Последовательность событий: из общества в избранные депутаты

Общество → Партии →
→ Правление – – → Кандидаты → Избранные депутаты

партийной тенденции роста или сокращения его не прослеживается. Некоторым исключением являются Социал-демократическая и Центристская партии, а также Партия реформ, где доля женщин как среди рядовых членов, так и в правлении стабильно растет.

Поскольку данных о партиях сравнительно мало, а в их изменениях по большей части нет

⁵ К данным о количестве членов партий следует относиться с определенной долей осторожности. До недавнего времени они были весьма неточными. А именно: в одном списке одно и то же имя могло присутствовать дважды, кто-то был членом нескольких партий и т. д. Таким образом, процентные показатели женщин и мужчин в партийных списках тоже не являются точными. Но поскольку партии насчитывают в среднем по 5000–6000 членов, единичные ошибки не могут сильно повлиять на общий процент.

четкой тенденции, то спешить с выводами о том, какая из них более открыта для женского участия, не стоит. Как уже было сказано, данные на рисунке 2 подтверждают, что женщин всегда значительно больше среди обычных членов партий, нежели в руководящих органах. Слабое представительство женщин в правлениях партий является серьезным препятствием для включения их в списки кандидатов на выборах. Как подтверждают международные исследования, процентные показатели женского присутствия в правлениях партий и в списках кандидатов тесно связаны между собой (Kittilson 2006).

Последовательность событий и закон сокращения меньшинств

.....

В предыдущей главе были рассмотрены два этапа двух процессов – этап от выдвижения кандидатуры до избрания и этап выдвижения из рядовых членов партии в правление. Оба этапа явно взаимосвязаны и образуют единую последовательность событий, которая показана на рисунке 3. За исходную точку цепочки взято все общество, откуда выходят члены партий. На следующем этапе из членов партии избирается правление. Затем составляются списки кандидатов на выборы, что в Эстонии делается во многом согласно пожеланиям правлений партий (Kangur 2004 и 2009)⁶. И наконец, избранными в депутаты могут быть только те, кто баллотировался на выборах.

Сказанное выше можно также описать как селективный процесс, когда на каждом этапе производится отбор тех, кто пройдет в следующий этап. Селективный процесс четко разделен на этапы, и почти невозможно было бы разглядеть события в иной столь же логичной цепочке.

Сформулированный Рейном Таагепера (Taagepera 2007, 202) закон сокращения меньшинств утверждает, что группы, имеющие недостаточное представительство на начальных этапах подобных селективных или отборочных процессов, на более поздних этапах становятся еще меньше,

поскольку уровень (власти) выше и мест меньше. Таагепера добавляет, что в случае с представительством женщин на разных уровнях власти можно было бы говорить о «резиновой крыше», которая при движении вверх по лестнице власти оказывает все большее противодействие.

Таагепера записал закон сокращения меньшинств в виде формулы. Однако формула любой теории требует значительной точности исходных утверждений: *насколько* уменьшается процент меньшинств с каждым последующим отбором? Он утверждает (Taagepera 2007, 206), что соотношение большинства и меньшинства на каждом этапе зависит от количества доступных мест, и разные этапы отбора сбалансированы этим. Формула такова:

$$\log(k)\log(m_k/n_k)=\log(v)\log(m_v/n_v)=c \quad [1],$$

где k – количество мест на первом этапе (например, число кандидатов), а v – количество мест на втором этапе (например, среди избранных депутатов), а m/n – соотношение мужчин и женщин на соответствующем этапе.

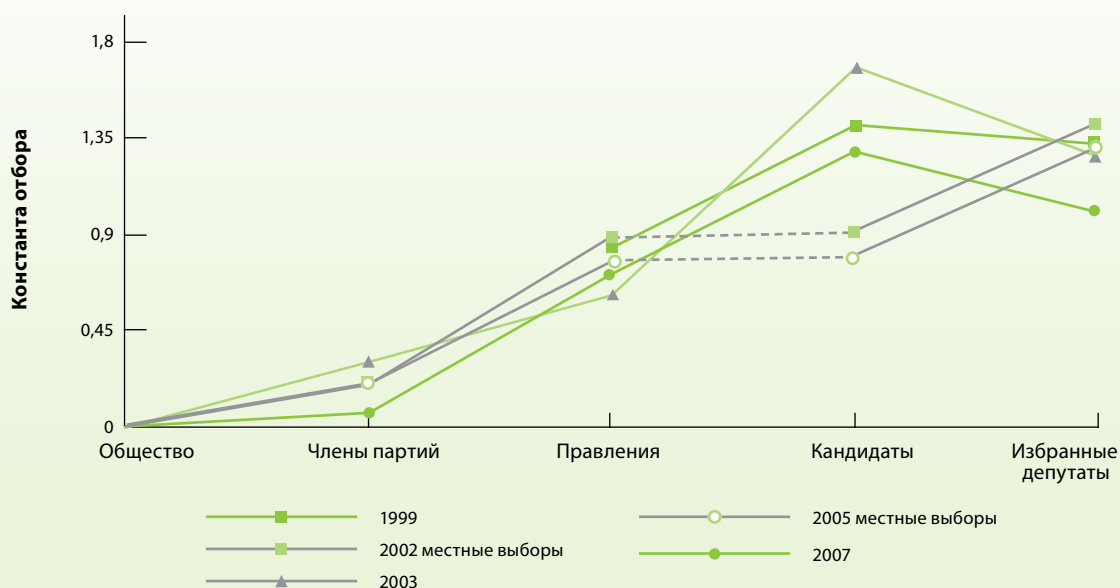
Баланс между этапами отбора означает то, что в течение некоего процесса происходит одинаковый отбор на каждом этапе. Точку баланса характеризует константа c , которая в принципе показывает, насколько велика дискриминация, т. е. отбор в пользу/ущерб кому-либо. Если константа отбора равна нулю, то дискриминации нет – количество мужчин и женщин равно⁷. При росте константы выше нуля налицо дискриминация в пользу большей группы, а при падении константы ниже нуля – дискриминация в пользу меньшей группы. Чем больше константа отбора отличается от нуля, тем больше дискриминация. Дискриминация, т. е. отбор в пользу кого-то является полной, если константа отбора составляет минус или плюс бесконечность. На практике это означает, что на некоем уровне власти представлена только одна из первоначальных двух групп. В настоящей работе положительные значения константы отбора означают отбор в пользу мужчин, а отрицательные – отбор в пользу женщин.

Закон сокращения меньшинств помогает исследовать позицию женщин в политике через три важных составляющих. Первая – выявление последовательности этапов. Ссылки на такую логику

6 На рисунке 3 стрелка между правлением и кандидатами отображена пунктиром, чтобы подчеркнуть, что кандидатов выбирают не прямо из состава правления. Однако в партиях Эстонии правления считаются именно тем местом, где принимается большая часть наиболее важных решений (в т. ч. о списках кандидатов). И если быть еще точнее, то в данном контексте можно подразумевать, прежде всего, *влияние* на цепочку.

7 Таким образом, согласно расчетам $m/n=1$ и $\log 1=0$.

Рисунок 4. Константа отбора на этапах политической деятельности (1999–2007 гг.)

Примечание: относительно 1999 года нет данных о количестве членов партий, поэтому линия прерывается на данных о правлениях партий.

политики, или процесс отбора, делались и ранее (Raitviir 2002, Vask 2007), но до изучения всей последовательности звеньев цепочки дело не дошло. Приведенная на рисунке 3 цепочка хоть и кажется слишком очевидной для ее выделения, подобный систематизированный подход полезен, поскольку позволяет обнаружить именно те этапы, которые больше всего влияют на представительство женщин в политике.

Во-вторых, введение в анализ константы отбора открывает новые возможности для изучения удельного веса мужчин и женщин на разных этапах, поскольку комбинирует процент представительства и доступность мест. С точки зрения константы, 30-процентное представительство меньшинства при большом количестве мест менее ценно, нежели 30-процентное представительство при малом количестве мест. Введение количества мест в оценку баланса большинства и меньшинства разумно и продиктовано логикой, по которой важных позиций мало, а менее важных – больше. Таким образом, 30-процентное представительство меньшинства на более важных позициях следует оценивать выше, чем аналогичное представительство на более низких позициях⁸.

⁸ Поскольку количество мест в формуле логарифмировано, это оказывает существенное влияние на значение индекса только в

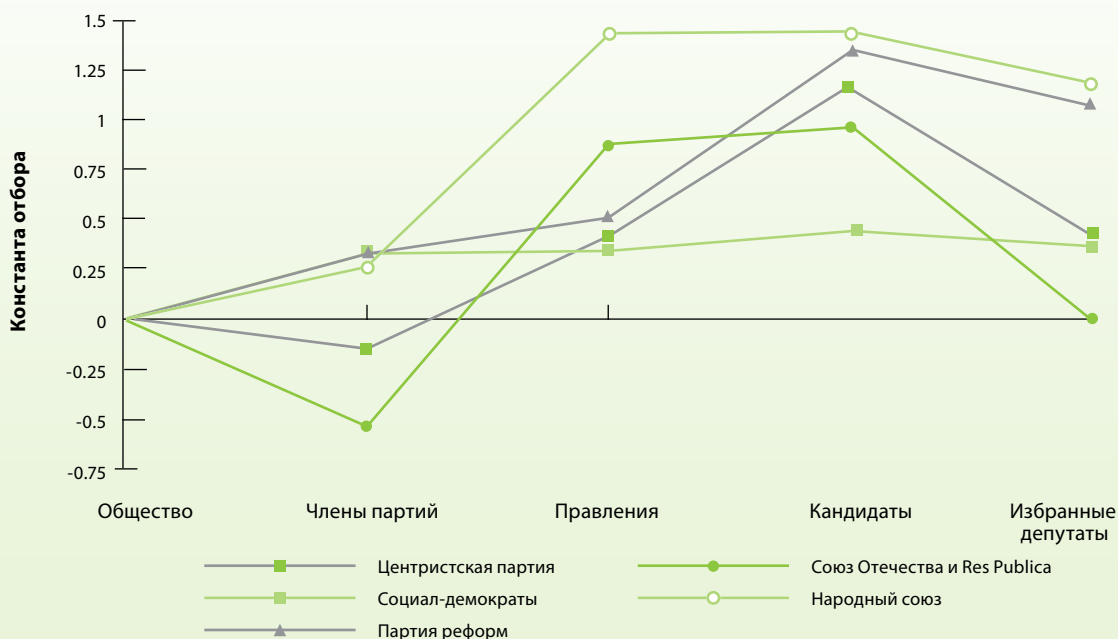
Третья важная составляющая – это теоретическое допущение, что отбор в пользу кого-либо остается на одном константном уровне и не меняется в ходе процесса. Как было сказано выше, это подразумевает, что в некоем процессе, например, в политике, на каждом этапе происходит определенный «естественный» отбор. Если на каком-то этапе константа отбора меняется (например, в сторону роста), это указывает на нарастание дискриминации в ущерб одной стороне и в пользу другой. Данные о формировании политики в Эстонии указывают именно на это⁹.

На рисунке 4 показаны константы отбора на разных этапах цепочки событий. Если закон сокращения меньшинств предполагает, что дискриминация остается на каждом этапе на одном и том же

том случае, если число мест сильно различается. Например, парламенты со 101 или 200 местами, с позиции индекса, достаточно равнозначны ($\log 101=2$ и $\log 200=2,3$), но в случае с партиями, состоящими из тысяч членов, количество мест очень существенно увеличивает значение индекса (например, $\log 5000=3,7$). Логарифмирование количества мест полезно, поскольку таким образом индекс не переоценивает, например, различия между парламентами малых стран, но в то же время четко выделяет различные этапы политического процесса (члены партии, правление и т. д.).

⁹ Однако закон сокращения меньшинств ранее не тестировался, и поэтому невозможно сравнивать данные Эстонии с данными других стран.

Рисунок 5. Константа отбора на разных этапах политической деятельности, по партиям (2007 г.)

Примечание: представлены данные по каждой партии по всей цепочке за 2003 и 2007 гг. Различия между этими двумя годами по большей части невелики, по этой причине на рисунке показаны только новейшие данные.

уровне, то цепочка политики Эстонии говорит об усилении дискриминации женщин.

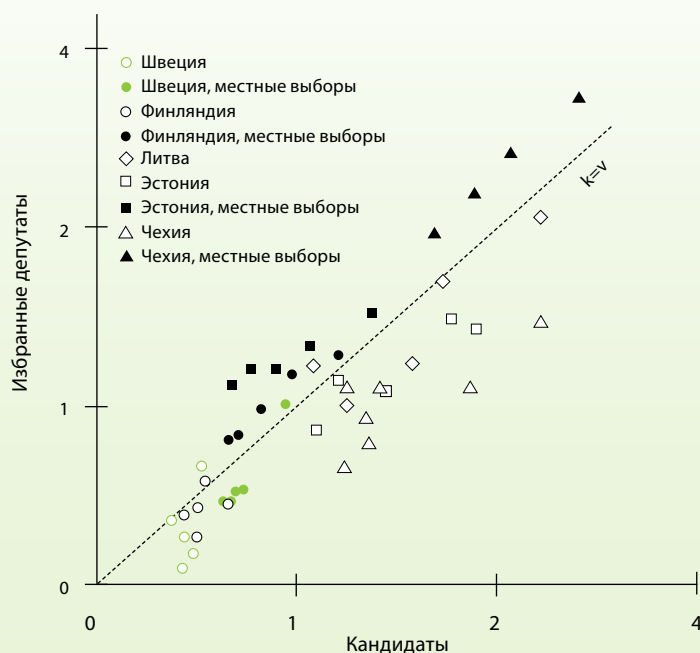
На первом этапе вступления рядового гражданина в партию отбор в пользу мужчин выражен слабо. С течением времени он становился все меньше и в преддверии последних выборов был весьма незначительным – 0,06. На сегодняшний день доля женщин в партиях заметно возросла, и константа отбора в начале 2009 года составляла всего 0,02. Это значит, что на самом низком этапе процесса отсутствует отбор в пользу кого-либо или в ущерб кому-либо.

Однако на втором этапе рассматриваемой последовательности событий, при выдвижении членов партии в правление, происходит первый явный отбор в ущерб женщинам, и константа отбора подскакивает в среднем на 0,5 пункта. На третьем этапе следует второй, еще более резкий скачок: на стадии выдвижения из правления кандидатов в депутаты на выборах в Рийгикогу происходит усиленный отбор в ущерб женщинам. На последнем этапе, избрании в Рийгикогу, происходит единственное снижение константы отбора, т. е. отбор в ущерб женщинам сокращается.

По сути, из рисунка 4 явствует, что у женщин на пути к избранию в депутаты Рийгикогу имеются два самых серьезных препятствия: выдвижение в правление партии и в число кандидатов в депутаты. Иными словами, отбор в ущерб женщинам происходит не на уровне избирателя, как предполагалось в прежних исследованиях, а внутри партий.

Данный рисунок отображает различие между местными и парламентскими выборами. В отличие от выборов в Рийгикогу, на местных выборах константа отбора выше среди избранных депутатов, а не среди кандидатов. Одной из существенных причин этого является гендерная непропорциональность между кандидатами и избранными депутатами, указанная на рисунке 1. Рисунок также показывает, что на местных выборах константа отбора не меняется на этапе выдвижения из правления в список кандидатов. Здесь следует подчеркнуть, что, вероятно, на этих выборах составлением списков занимаются местные правления партий, а не общегосударственные. Поэтому взаимосвязь правления и кандидатов отмечена прерывисто, и для получения более точной последовательности событий следовало бы изучить

Рисунок 6. Константы отбора в разных странах на местных и парламентских выборах (1990–2008 гг.)

Источник: см. «Результаты выборов в других странах» после списка использованной литературы

местные правления партий и региональный членский состав.

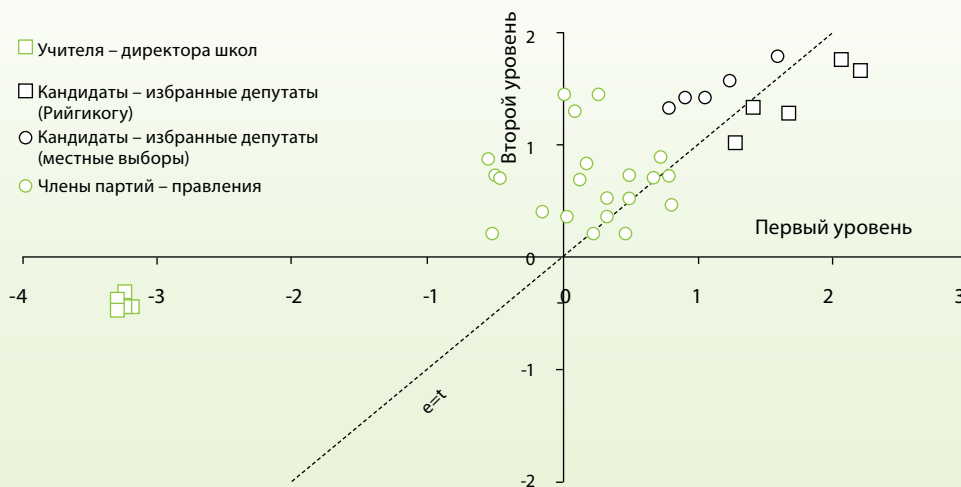
На этапе выдвижения кандидатов наибольший рост константы отбора отмечен в Центристской партии и Партии реформ: в них отбор в ущерб женщинам происходит, прежде всего, при составлении списков, а не при выборе членов правления. В Народном союзе и Союзе Отечества и Res Publica константа отбора при составлении списков остается неизменной, означая, что данные отбора, осуществляемого в ущерб женщинам, равновелики как на этапе выборов членов правления, так и при составлении списков кандидатов в депутаты.

Самым заметным исключением на рисунке 5 выглядит Социал-демократическая партия, у которой константа отбора в течение всего процесса сохраняется на одном и том же низком уровне¹⁰. То есть отбор в ущерб женщинам остается одинаковым как на этапе выдвижения в правление, так и на этапах

включения в список кандидатов в депутаты и избрания депутатом. Это единственный пример, который подтверждает закон сокращения меньшинств. Если бы показатели Социал-демократической партии описывали «характерный» для политического процесса отбор в ущерб женщинам, то для остальных четырех партий следовало бы констатировать наличие дополнительного отбора, «характерного» для каждой конкретной партии. Таким образом, для Народного союза и Союза Отечества и Res Publica был бы «характерен» отбор в ущерб женщинам на этапе выдвижения в правление, а для Партии реформ и Центристской партии – при составлении списков кандидатов в депутаты. Однако сейчас подобные утверждения вызывают больше вопросов, ответы на которые сможет дать только более подробное изучение действия закона сокращения меньшинств и константы отбора на всех этапах деятельности партий.

И на рисунках 4 и 5 заслуживает внимания то, что избиратели скорее выравнивают предыдущий отбор в ущерб женщинам. Стоит отметить, что на этапе избрания в депутаты Рийгикогу происходит *единственное* снижение константы отбора за весь избирательный процесс. В течение всего полити-

¹⁰ Этот показатель Социал-демократической партии соответствует результатам Бийн (Biin, 2004, цитируется по Vask, 2007), которая оценивает эту партию как гендерно-чувствительную. К той же группе она относит Народный союз и Центристскую партию, что не подтверждается данными настоящей работы.

Рисунок 7. Константы отбора на выборах в партиях, среди учителей и директоров школ

Источник: данные об учителях и директорах школ за период с 2004/2005 по 2008/2009 учебные гг. Министерство образования, расчеты автора

ческого процесса женщинам постоянно приходится сопротивляться нарастанию ущемляющего их отбора. В этом смысле даже выдвижение в кандидаты – уже есть достижение для женщин.

Сравнение с другими государствами

Для лучшего понимания данных по Эстонии следует сравнить их с аналогичными показателями других стран. В идеале можно было бы сравнивать константы отбора по всей последовательности событий, например, в Латвии и Литве, т. е. в двух молодых демократиях, а также в Финляндии и Швеции – государствах, отличающихся гендерным балансом. Но в действительности получить данные о количестве членов партий и их правлениях затруднительно, поэтому ограничимся сравнением удельного веса кандидатов и избранных депутатов. Другая проблема – получение данных о выборах в Латвии, а в Литве – о выборах в местные самоуправления. Чтобы заполнить эти пробелы по государствам Балтии, пришлось добавить для сравнения Чехию, так как статистика выборов в этой стране легко доступна.

Сравнение пяти стран отображено на рисунке 6. Во-первых, видно, что константы отбора на парламентских выборах в Эстонии довольно схожи с константами Литвы и Чехии. Во всех трех

странах константа отбора по кандидатам выше, чем по избранным депутатам, т. е., учитывая списочный состав и число мест в парламенте, женщинам труднее попасть в список или быть избранными в депутаты. Данные Эстонии, Литвы и Чехии имеют определенный разброс. Большей частью он отражает изменение во времени, и если оставить в стороне небольшие колебания, то можно сказать, что константа отбора за последние два десятка лет упала во всех трех странах. Таким образом, и на этапе составления списков кандидатов, и на этапе избрания в депутаты отбор все меньше осуществляется в ущерб женщинам.

Константы отбора на парламентских выборах в Финляндии и Швеции существенно ниже, чем в трех новых демократиях. При этом особенно выделяются значения констант отбора в случае с избранием в депутаты в Швеции. Состав депутатов в парламенте Швеции практически сбалансирован – константа отбора приближается к нулю, процент мужчин и женщин близок к равенству.

Показатели парламентских выборов в целом расположены ниже черты равенства во всех рассматриваемых странах, а показатели местных выборов, напротив, находятся выше этой черты. Т. е. если на парламентских выборах делается отбор в ущерб женщинам, прежде всего, при составлении списков кандидатов, то на местном уровне им легче попасть в список, но труднее стать избранными депутатами. Разброс точек данных снова показывает измене-

ние во времени – с течением лет константы отбора понижались во всех странах, т. е. уменьшался отбор в ущерб женщинам.

Стоит обратить внимание на местные выборы в Эстонии и Швеции. В Эстонии константа отбора явно снизилась, прежде всего среди кандидатов в депутаты, и не столь явно среди избранных депутатов – хотя отбор в ущерб женщинам при составлении списков сократился, он особо не изменился на этапе избрания в депутаты. Швеция – единственная из рассматриваемых здесь стран, где и на местных выборах для женщин попасть в список кандидатов трудней, чем оказаться избранными в депутаты. Следует добавить, что по сравнению с другими странами здесь показатель отбора в ущерб женщинам достаточно низок.

Сравнение с другими сферами жизни

Гендерный баланс между кандидатами в депутаты и избранными депутатами можно сравнивать и с другими сферами жизни. Наличие данных позволяет это сделать в связи со сферой образования. Рисунок 7 отражает гендерное распределение учителей и директоров школ. По нему видно, что и среди учителей, и среди директоров школ преобладают женщины (значения константы отбора отрицательные), но их перевес на более низком уровне (среди учителей) в несколько раз больше, чем на более высоком (среди директоров). Отбор, сделанный вначале в пользу женщин, позднее сокращается на уровне директоров школ почти до нуля. Учитывая преобладание женщин среди учителей, ясно, что женщине чрезвычайно трудно стать директором школы.

Гендерная диспропорция в сфере образования отличается от диспропорций на выборах. Хотя и среди кандидатов, и среди избранных депутатов мужчин больше, с переходом от одного уровня к другому гендерная диспропорция меняется мало. В этом аспекте данные об учителях и директорах школ больше схожи с данными о членах партий и их правлениях. Эти сходства и различия, отраженные на рисунке 7, ставят перед нами много интересных вопросов.

Во-первых, приведенные группы данных отличает то, что в обоих случаях отбор происходит внутри организации (в школах или волостными

чиновниками сферы образования и в партиях, соответственно), но на выборах право принимать решение передано значительно большему числу людей. В последнем случае не может быть и речи о выборе внутри организации. Таким образом, возникает очень интересный вопрос о влиянии гендерных стереотипов на решения, которые принимаются внутри организации, и с другой стороны, на решения, принимаемые вне таких структур. Интересен вопрос и о том, подвергается ли отбор, происходящий в малой группе людей, большему влиянию стереотипов, чем отбор в больших группах¹¹? В-третьих, различия могут быть обусловлены тем, что и на местных, и на парламентских выборах решения принимаются демократическим путем, а в других случаях вопрос демократии проблематичен.

Заключение

За два десятилетия восстановленной независимости доля участия женщин в политике Эстонии выросла. Это подтверждается ростом их удельного веса в списках кандидатов в депутаты и среди избранных депутатов как местного, так и парламентского уровня. Важно и то, что гендерная диспропорция между кандидатами и избранными депутатами достаточно низка, по крайней мере, на выборах в Рийгикогу. Это говорит о том, что гендерные стереотипы, их влияние на электорат, а также предполагаемые дискриминирующие элементы избирательной системы Эстонии (закрытые списки) недостаточны для объяснения всей ситуации. Безусловно, для дальнейшего анализа представительства женщин необходим более многоплановый подход.

Участие женщин в политике несколько возросло на уровне рядовых членов партии, но достижение тут гендерного баланса никогда не формулировалось как серьезная задача. Явная разница в представительстве мужчин и женщин заметна прежде всего в правлениях партий, и, к сожалению, здесь тоже нельзя говорить о стремлении к равному

11 Бьюкенен (Buchanan 1965) утверждает, например, что в малой группе люди принимают решения на основании доминирующих в обществе/группе «общих норм», а в больших группах решения принимаются на основании «личных максим». Таким образом, можно утверждать, что «общая норма» – это когда «на роль руководителя больше подходят мужчины», поэтому в малой группе решение применяется исходя из этого принципа. А в большей группе, например, на выборах, люди якобы (если довериться мнению Бьюкенена) следуют своим личным предпочтениям.

представительству. Хотя в правлениях отдельных партий (Социал-демократическая партия) удельный вес женщин уже достиг 40% или имеет тенденцию увеличения (Центристская партия, Партия реформ), в основном он все же не превышает 20%. Учитывая важную роль правлений партий в формировании политики Эстонии, следовало бы больше внимания обращать на их гендерный баланс, а не электорату или избирательную систему, как это имеет место сегодня.

Анализ константы отбора по годам и по партиям показывает, что для женщин самым большим препятствием на пути к избранию в депутаты является как выдвижение в правление, так и последующее за ним выдвижение в списки кандидатов на выборы. Меньше всего на гендерный баланс в Рийгикогу влияют решения электората.

Отсюда можно сделать важный вывод в пользу обучения гендерному равноправию. При всей важности такого обучения госслужащих, гражданских объединений и других членов общества, усилия необходимо направлять и на то, чтобы влиять на рост удельного веса женщин в представительских собраниях. Если есть желание привлечь больше женщин к участию в политике, надо проводить семинары для партий, и не столько для их членов (в т. ч. женского пола), сколько преимущественно для руководителей-мужчин.

До сих пор в Эстонии курсов по проблеме участия женщин в политике было мало, а те, что были, адресовались женщинам и мужчинам, уже включенным в список кандидатов или планирующим баллотироваться на выборах. Как отмечают организаторы обучения (Bjornkilde 2005), оценить влияние семинаров на результаты выборов трудно, поскольку процент женщин среди кандидатов и избранных депутатов местного уровня после них сильно не изменился.

Необходимость в обучении руководителей партий кажется столь очевидной, что трудно понять, почему это не делается. Как точно подметила Пилвре (Pilvre 2007), обучение следует проводить «*при заинтересованном и активном участии руководства*». Однако исследования внутренних партийных установок говорят о равнодушии и даже пренебрежении к данному вопросу (Biin 2004, ссылка на Vask 2007, 44–46), даже женщины-политики не заинтересо-

ваны в развитии равноправия, считая это ненужным (Talves 2003, Laur 2003).

Выводы, сделанные на основе анализа константы отбора, относятся и к введению гендерных квот: прежде всего, стоило бы установить правила сбалансированного представительства мужчин и женщин в списках кандидатов в депутаты. Т. е. за счет квотирования увеличить число женщин в списке кандидатов. Как утверждала одна из респонденток в рамках одного исследования: «Если устанавливать квоты, то для партийных списков. Там ведь в верхушке все-таки мужчины, и погоду делают договоренности за кружкой пива» (Laur 2003). Электорату трудно склонить результаты голосования в пользу женщин, если отбор в ущерб им был сделан еще до выборов.

По сравнению с другими посткоммунистическими странами парламентские выборы в Эстонии ничем особенным не отличаются. И в Чехии, и в Литве, и в Эстонии отбор в ущерб женщинам примерно одинаков и значительно более выражен, чем в Финляндии или Швеции. Но от результатов других стран в Эстонии отличаются результаты местных выборов, которые указывают на растущие с годами для женщин трудности на пути избрания в депутаты. Хотя константа отбора в случае с избирательными списками в Эстонии равна константе в Финляндии, различия в составе избранных депутатов очень значительные. Поскольку гендерная диспропорция между кандидатами и избранными депутатами на местных выборах присутствует как в международном, так и в эстонском контексте, следовало бы провести ее углубленное исследование. К примеру, можно изучить константы отбора в различных самоуправлениях, а также их различия между волостями и городами.

Этот вопрос сопрягается с поставленными в настоящей публикации более широкими вопросами о влиянии гендерных стереотипов на процессы принятия решений. Многие местные самоуправления в Эстонии малы, поэтому выборы в них могут походить на принятие решений в малой группе или организации. В заключении хотелось бы сказать, что исследование выборов местных самоуправлений и выборов в Рийгикогу по регионам может дать важную информацию об участии женщин в политической жизни.

Использованные источники

- Attström, K., Björnkilde, T. ja Wynn, A. (2005). *Gender Projects in Estonia, Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Russia and Ukraine*. Sida Evaluation 05/09. Department for Europe.
- Buchanan, J.M. (1965). Ethical rules, expected values, and large numbers *ETHICS. An International Journal of Social, Political, and Legal Philosophy*. 76, 1–14.
- Kangur, R. (2004). Kandidaatide selekteerimine. *Riigikogu toimetised*. 10, 105–110.
- Kangur, R. (2009). *Juhatus ja parlamendifraktsiooni võimutasakaal Eesti erakondades 1997–2007*. Magistritöö. Tartu Ülikool.
- Kittilson, Mikki Caul. (2006). *Challenging parties, changing parliaments: women and elected office in contemporary Western Europe*. Ohio State University Press, Columbus, Ohio.
- Laur, T. (2003). Naiste poliitilise esindatuse edendamine. *Eesti naised eneseteostamise võimalustest. Kvalitatiivse analüüsi tulemused*. Tartu Ülikool.
- Naisorganisatsioonide Liidu Asemikkude Kogu koosolek. (1923). *Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924–1926*. Tallinn: Vaba Maa.
- Pilvre, B. (2007). Eesti naised ja poliitika. Teoses M. Sutrop, K. Lõuk, T. Kiho (toim.) *Eesti Vabariigi naisministrid: koguteos naistest poliitika tipus*. Tartu: Eesti Naisüliõpilaste Selts, Tartu Ülikooli Eetikakeskus.
- Põldsaar, R. (2002). Women in Estonian politics: Baltic and global perspective. Teoses M. Goloubeva, D. Hanovs (toim.) *Women in Baltic Societies: past and present*. Riga: N.I.M.S.
- Põldsaar, R. (2007). Kas Eesti vajab poliitikasse rohkem naisi? Teoses M. Sutrop, K. Lõuk, T. Kiho (toim.) *Eesti Vabariigi naisministrid: koguteos naistest poliitika tipus*. Tartu: Eesti Naisüliõpilaste Selts, Tartu Ülikooli Eetikakeskus.
- Raitviir, T. (2000). Poliitikas osalemine. *Teel tasakaalustatud ühiskonda: naised ja mehed Eestis*. Eesti Vabariigi Sotsiaalministeerium, ÜRO Arenguprogramm.
- Raitviir, T. (2002). Eesti naised poliitilise võimu juures. *Ariadne lõng*. III 1/2, 124–147.
- Taagepera, R. (2007). *Predicting Party Size: The Logic of Simple electoral Systems*. Oxford University Press.
- Talves, K. (2003). Naised poliitikas. *Eesti naised eneseteostamise võimalustest Kvalitatiivse analüüsi tulemused*. Tartu Ülikool.
- Vainu, V., Järviste, L., Biin, H. (2010). Soolise võrdsuslikkuse monitooring 2009. *Sotsiaalministeeriumi toimetised*. 1/2010. Tallinn.
- Vask, L. (2007). Naised poliitikas: vajadused, takistused ja nende ületamise teed. Teoses M. Sutrop, K. Lõuk, T. Kiho (toim.) *Eesti Vabariigi naisministrid: koguteos naistest poliitika tipus*. Tartu: Eesti Naisüliõpilaste Selts, Tartu Ülikooli Eetikakeskus.

Результаты выборов в других странах

- The Central Electoral Commission of the Republic of Lithuania <http://www.vrk.lt/en/>
- CZSO's Election Server http://www.volby.cz/index_en.htm
- Elections to the Seimas of the Republic of Lithuania http://www3.lrs.lt/n/rinkimai/20001008/index_en.html
- Inter-parliamentary Union http://www.ipu.org/parline/reports/2189_E.htm
- Statistics Finland http://www.stat.fi/til/vaa_en.html
- Statistics Sweden http://www.scb.se/default_____2154.aspx
- University of Essex Project on Political Transformation and the Electoral Process in Post-Communist Europe <http://www2.essex.ac.uk/elect/database/database.aStatisticsSweden>
- University of Essex Project on Political Transformation and the Electoral Process in Post-Communist Europe <http://www2.essex.ac.uk/elect/database/database.asp>

Медиапространство, пол и гендерное равноправие

Барби Пилвре

Резюме

.....

В настоящей статье дается анализ некоторых областей медийного пространства Эстонии в гендерном аспекте, опираясь, где это возможно, на отечественные эмпирические исследования, а затем приводится обзор основных проблем, рассмотренных в них, и сделанных выводов.

Сфера масс-медиа (далее – СМИ, т. е. средства массовой информации), рассматриваемая в гендерном аспекте, подразделяется на три части: производство и организация СМИ, содержание СМИ и их аудитория. Что касается новых видов масс-медиа, то границы этих областей в них стерты, и гендерный подход, а также выделение проблематики здесь возможны одновременно как в аспекте производства, содержания, так и аудитории.

Контент-анализ исследует, существуют ли различия в превышении новостного порога у женских и мужских деятелей, существуют ли закономерности в текстовом и графическом изображении женщин и мужчин, затрагивает стереотипизацию, символическую аннигиляцию (аннулирование) и тривиализацию женщин в контексте СМИ.

Более подробно рассматривается вопрос, как гендерный аспект отражается в актуальных процессах медиапространства: коммерциализации и табулизации СМИ.

Проводится анализ того, связан ли рост числа изображений женщин с демократизацией. Обзором охвачены также изменения в отображении мужчин в СМИ Эстонии.

Коротко коснемся гендерного аспекта в новых видах СМИ, т. е. в виртуальном пространстве.

С точки зрения реализации политики гендерного равноправия, об институтах СМИ говорится как о работодателях, и о журналистах как о наемных работниках, а также о различиях в карьерном продвижении женщин и мужчин, уровне зарплат и т. д. в медийных организациях. На повестку дня ставится вопрос о том, насколько отображение женщин и мужчин в СМИ связано с полом журналиста и насколько – с культурой организации, которую он представляет.

В фокусе равноправия рассматриваются также отношения СМИ, государства и общества, т. е. регулирование деятельности СМИ. Обсуждается вопрос, возможно ли, и если возможно, то как, проводить политику гендерного равноправия в СМИ – через саморегуляцию медиаорганизации, давление на нее или через законодательные санкции.

БАРБИ ПИЛВРЕ, MSc,
научный сотрудник
Института
международных и
социальных исследований
Таллиннского университе-
та, имеет большой опыт
работы журналистом
в еженедельнике *Eesti*
Ekspress и газете *Hommi-*
kuleht, является ав-
тором многочисленных
статей на темы
социума, культуры,
гендерного равноправия
и др., опубликованных в
Эстонии и Финляндии.
Барби Пилвре –
соучредитель Эстонского
центра информации и
гендерных исследований
Таллиннского педагогиче-
ского университета,
созданного в 1995 году,
и одна из инициаторов
создания в 2008 году
Центра гендерных
исследований Тал-
линнского университета.
Ее научные интересы
связаны с изучением
того, как тема полов
отражается в СМИ,
а также с общей
теорией СМИ, *queer-*
исследованиями и
т. п. Барби Пилвре
– одна из авторов
сборника «На пути
к сбалансированному
обществу» 2000 года.

Введение: исследование СМИ Эстонии в гендерном аспекте

.....

Несмотря на успехи развития последних десятилетий, гендерный аспект в медийных исследованиях занимал маргинальное место как в западной, так и отечественной академической традиции. Из-за отсутствия ресурсов, а также интереса СМИ Эстонии в гендерном аспекте до последнего времени изучались мало и нерегулярно.

В общих чертах тематику СМИ и гендера можно разделить на три части: производство и организация СМИ, содержание и аудитория СМИ.

В новых видах масс-медиа границы этих частей стерлись, и гендерный фокус тут можно применять, выделяя эту проблематику, одновременно и к производству, и к содержанию, и к аудитории.

Что касается СМИ Эстонии, то в гендерном аспекте бегло изучалась их организационная сторона (Pilvre 2004) и немногим более углубленно – содержание. Из наиболее серьезных исследований содержательной стороны СМИ стоит назвать магистерскую работу Райли Пылдсаар о гендерном аспекте дискурса СМИ (Põldsaar 2000), докторскую диссертацию Андры Сийбак о гендерном аспекте интернет-пространства (Siibak 2009), магистерскую работу Барби Пилвре о конструировании пола в медийном тексте (Pilvre 2000) и магистерскую работу Вийви Крёнстрём о женской журналистике (Krönström 2009).

Результаты эмпирических исследований организации и содержания СМИ отражены в учебном пособии «Пол в телевизионном изображении» («Sugu telepildis», 2004) и подготовленном в рамках европейского проекта докладе Министерства социальных дел “Mass Media in (Re)distribution of power” (2004). В бакалавриатах Тартуского и Таллиннского университетов защищен ряд работ о женских и мужских журналах, отображении женщин-политиков, отображении мужчин, блогах матерей и отображении сексуальных меньшинств и т. п. Но до сих пор нет академического обзора того, как СМИ отражают темы феминизма и равноправия.

Отдельный вопрос, который часто задают в связи со СМИ – вопрос их регулирования в соответствии с политикой гендерного равноправия, т. е. возможно ли такое регулирование и в какой форме. Для СМИ Эстонии это новая тема, и она пока не заслужила пристального внимания ни с точки зре-

ния саморегулирования СМИ, ни с точки зрения действующего Закона о гендерном равноправии.

Роль СМИ в воспроизводстве гендерной системы общества

СМИ – это область культуры, где производятся и воспроизводятся представления о гендерных ролях, стереотипы мужественности и женственности. В ходе международных дискуссий по женскому вопросу, начавшихся в 1970-х годах, участники выражали мнение, что дискриминация женщин подразумевает не только их неравенство на рынке труда, но также и то, как односторонне и тенденциозно изображают женщин в СМИ. По теории феминизма, СМИ – один из институтов (наряду с образованием, медициной, юриспруденцией и др.), где ежедневная практика дискурсивно воспроизводит гендерную систему общества (*sex-gender system*, Rubin 1975) с его нормативным представлением об экзистенции женщины и мужчины. В последние годы теория сместила свои акценты на перформативность гендера (Батлер и ее последователи из числа теоретиков постструктурализма (Butler 1990)), рассматривая воплощение пола в повседневной деятельности и создании идентичностей, выявляя проблемы повторной значимости биологического и социального пола, а также наличие гетеросексуальной матрицы в гендерной структуре. Концепция интерсекциональности ставит под сомнение бытующее упрощенное гендерное деление на мужчин и женщин, не учитывающее национальности, класса, возраста и других категорий. Таким образом, в свете новейших теорий СМИ – это место, где ежедневно происходит воплощение полов, их практическая реализация или создание (*doing gender*), переплетенные с реализацией других идентичностей, таких как национальность, возраст, класс.

В аспекте равноправия необходимо коснуться не только темы женщин и мужчин, но и темы сексуальных меньшинств в медийном пространстве, а также учесть влияние категорий национальности, возраста, социального статуса или класса на представление полов в СМИ, а также гендерного аспекта в организации СМИ и их аудитории.

Женщины и мужчины в журналистике

Тема женщин и мужчин, работающих журналистами, подразумевает анализ медиапространства и журналистского сообщества в гендерном аспекте. Интерес представляет то, как гендерный аспект осознается медийными организациями в их политике рынка труда и зарплат, а также как отличаются карьеры женщин и мужчин в журналистском мире и в самих медийных организациях, каковы возможности реализации политики равноправия и возможности ее влияния на содержание СМИ.

“К сожалению, с трибуны парламента можно было слышать пренебрежительные слова о труде и устремлениях женщин, у прессы отношение к их делам тоже лишено должного внимания, деловитости и серьезности.
(Союз женщин Эстонии, 1930 г.)

Исследователи СМИ отмечают, что мир СМИ в культурном плане можно разделить на феминный и маскулинный в соответствии с тематикой, типами организаций и изданий (van Zoonen 1994). Зиллиакус-Тикканен (Zilliacus-Tikkanen 1997) считает, что по своим нормативным ценностям мир СМИ в целом патриархален, и не только индивиды, но и институты СМИ (редакции) по своим ценностным предпочтениям делятся на феминистские и маскулинные.

В Эстонии нет точной статистики, в каких областях СМИ работает больше женщин, а в каких – больше мужчин, но даже без исследований ощутима определенная связь культурного «пола» издания с тем, преобладают в нем женщины или мужчины.

Халонен (Halonen 1999) анализировала один из самых главных содержательных дискурсов прессы – новости – по оси частной (приватной) и общественной (публичной) сфер. Исторически частная сфера больше связывалась с женщинами, а общественная – с деятельностью мужчин.

Соответственно от специализации журналистики (политика, экономика, спорт, культура, свет-

ская жизнь) зависит маскулинность и феминность новостного дискурса, то есть то, на какие темы пишут новости мужчины, а на какие – женщины; в связи с какими сферами жизни женщины и мужчины выступают персонажами (героями) новостей. Как правило, в фокусе новостного дискурса больше мужчин, как авторов новостей, так и персонажей, а женщины как авторы и персонажи отодвинуты на периферию медиапространства, главным образом в издания развлекательного характера.

Идеал журналистского мира подразумевает, что журналистский выбор делается исключительно по профессиональным критериям, однако на практике оказывается, что при отборе содержания СМИ играют роль интересы и убеждения конкретных редакторов и авторов, их социальный фон, возраст, пол и мировоззрение. Что считать важным, выясняется на редакционном собрании, где участники стараются достичь консенсуса в выборе освещаемых тем, и от вкуса и взглядов более авторитетных или руководящих сотрудников зависит многое в содержании СМИ. Например, проявлением истинной маскулинности и патриархальности СМИ считается акцентирование тем, связанных с армией, государственной безопасностью и обороной. Зачастую редакторы-мужчины формулируют т. н. «женские темы» соответственно собственным представлениям о «женщинах» и том, что «женщин интересует».

Западных ученых заинтересовало, повлиял ли массовый приток женщин в журналистику в 1970-х годах на отбор и приоритеты тематики СМИ, на изображение в них женщин. По аналогии мы можем поставить вопрос так: зависит ли от количества журналисток в редакциях СМИ Эстонии то, как представляют женщин в соответствующих изданиях. Разные авторы все же придерживаются мнения, что профессиональная культура организации унифицирует личные ценности журналистов, а приток женщин в журналистику мало повлиял на культуру производства новостей (Schudson 2005).

Опыт практической редакционной работы автора настоящей публикации в 1993–2009 гг. подтверждает, что возможности женщин влиять на приоритеты медийных изданий, учитывая редакционную иерархию и культуру организации, весьма ограничены. Женщины по большей части соглашались с укоренившимся представлением о «женских темах», а способы изображения женщин редко вызывают их протест, если вообще привлекают внимание.

Зиллиакус-Тикканен (Zilliacus-Tikkanen 1997) выявила, что женщины, работающие в СМИ, адаптируясь в организации, несущей маскулинные ценности, перенимают патриархальное мировоззрение, к примеру, в оценке важности тем. Так оборонную тематику, как маскулинную, они единодушно считают важнее социальной, которую традиционно связывают с женщинами.

Зиллиакус-Тикканен пришла также к выводу, что в своей журналистской работе и женщины, и мужчины практикуют как мужественное, так и женственное поведение, но среда заставляет их принимать стереотипные решения. Она подчеркивает, что мужчины, работающие в СМИ, имеют гендер – они ведут себя и думают как мужчины, а не как универсальные человеческие существа, и что половые различия – не единственные различия между людьми.

В Эстонии тема гендера журналистов в профессиональном сообществе не заострялась, ее как проблему никак не рассматривали и не изучали на академическом уровне (Piltve 2004a). Как само собой разумеющееся воспринимается то, что женщины преобладают среди авторов в изданиях для женщин и для потребителей товаров и услуг, а мужчины – в экономической и политической журналистике. В то же время, главными редакторами обеих крупнейших ежедневных газет Эстонии по состоянию на 2009 год были женщины, это значит, что карьера женщин «в крутой новостной журналистике» не есть нечто необычное. Редактором еженедельной газеты Eesti Ekspress не один год (2002–2006 гг.) тоже была женщина. Однако анализ в гендерном аспекте рубрики «Персона» еженедельника Eesti Ekspress за период 1993–2008 годов (Piltve 2009) не подтверждает, что главный редактор-женщина как-то изменила пропорциональное соотношение и способ изображения женщин в издании.

Согласно распространенному в Эстонии мнению, карьера женщин в СМИ зависит не только от амбиций, но и от умения плыть против течения. В редакциях женщины выполняют большей частью задания, связанные с так наз. мягкими сферами жизни, выполняют менее престижные задания: пишут на темы здоровья, образования и другие, тяготеющие к частной сфере. Сами женщины не видят особой проблемы в таком разделении труда, но тему зарплат обсуждают, увязывая их уровень больше с тематикой, чем с полом. Считается, что экономической журналистике должны соответствовать более высокие зарплаты, чем, например, жур-

налистике культурной или социальной тематики. В этом отражается общая гендерная сегрегация рынка труда Эстонии и более низкая оценка т. н. женских работ, по сравнению с мужскими.

Точной статистики о зарплатах в медийных организациях нет. Договорные зарплаты в них засекречены и индивидуализированы, лишь в Эстонской общественной телерадиовещательной корпорации существуют коллективные трудовые договоры, при заключении которых определенную роль играет и профсоюз. Известно лишь одно: уровень зарплат женщин в эстонской журналистике ниже уровня зарплат мужчин, что подтверждают и журналисты, работавшие на руководящих должностях и имевшие доступ к данным о зарплатах (Piltve 2004 a).

Действительность и медийная реальность

СМИ не отражают действительность один к одному, медийная реальность (ре)конструируется в ходе многократного осознанного и неосознанного журналистского отбора. Часть осознанного отбора отражает т. н. новостная ценность, которая, в сущности, является договорной и идеологической (Hennoste 2001), что на практике рассматривается как само собой разумеющееся.

Медийную реальность создает множество факторов, которые необходимо учитывать. Сегодня на содержание СМИ все больше влияют коммерциализация и индустрия развлечений.

Коммерциализация СМИ имеет гендерный аспект: к примеру, ее результатом является преобладание в медийной картине «хорошо продаваемых» стереотипных декоративных женских образов и практическое отсутствие образов «обычных» или немолодых женщин. Критики СМИ говорят о «пожелтении» журналистики, т. е. ее таблоидизации, которая является одним из признаков коммерциализации.

В Эстонии связь таблоидизации с изображением гендера изучалась на материале портретных очерков еженедельника Eesti Ekspress и женского журнала Dilemma, а также по публикациям с изображениями мужчин в приложении Arter к газете Postimees и в газете Eesti Päevaleht (Piltve 2000, Krönström 2009a, 2009b; Malmberg 2005/2006).

Таблоидизация подразумевает изменение содержания СМИ в сторону большего упрощения, акцента на персоналиях, а не на проблемах, что характеризуется термином *dumbing down*, который можно перевести как «оболванивание», т. е. понижение требований до самого низкого общего знаменателя.

Совершенно неожиданно западные теоретики разглядели в таблоидах демократизацию СМИ. В них, по сравнению с ориентированной на элиту качественной прессой, больше места для разнообразия мнений, в т. ч. мнений рядовых людей, и их содержание и проблематика понятны самой широкой аудитории. А исследователи-феминисты в связи с победным шествием таблоидной журналистики увидели в ней возможность для женщин заявить в обществе о себе (Macdonald 2003).

СМИ, претендующие на всеобщий интерес, пополняют содержание журналистики женскими образами. В основном через женщин интересы и ценности частной сферы (дом, семья, взаимоотношения) проникают в сферу общественной жизни.

Увеличение количества женских образов и связанные с женщинами темы ведут к интимизации содержания СМИ (van Zoonen 1991), это явление исследователи СМИ (Macdonald 2003 и др.) называют также персонализацией. Интимизация и персонализация подразумевают, что вместо отражения процессов, проблем и анализа СМИ все больше занимаются «историями» персоналий, предлагая потребителям продукции СМИ возможность эмоционально отождествить себя с героями «историй».

Можно дискутировать, указывает или нет таблоидизация качественных СМИ Эстонии на рост демократии, изображая рядовых людей, в том числе женщин, и предоставляя им слово. Однако было бы наивным на основании таблоидизации и увеличения числа женских персоналий в медийной картине делать вывод, будто СМИ стали больше соответствовать требованиям равноправия, выдвигаемым обществом на повестку дня. К сожалению, статистикой женских персоналий зачастую оперируют в женском движении и политике, не анализируя того, что кроется за этими цифрами.

Один лишь рост числа изображений женщин в СМИ не является знаком демократизации. Аргументом против такого осмысления статистики говорит то, в каком контексте, в каком фокусе и как, т. е. с помощью каких текстовых и визуальных средств, изображаются женщины. В случае с портретами

женщин в качественных СМИ фокус на частной сфере означает, что они написаны скорее в ключе мягкой/желтой журналистики, нежели в соответствии с правилами журналистики качественной. Этим еще больше закрепляется представление о том, что женщин связывают с частной сферой жизни – так возникает своеобразный замкнутый круг. Хотя персонализация влияет и на образ мужчин, она все же больше срабатывает на женщинах, подчеркивая их гендерное отличие.

Если образ женщины, учитывая контекст, неуместно и односторонне выделяет гендер (gendered), то это указывает на его развлекательность и стереотипность, но никак не на идеал демократизации.

Женщины и мужчины в СМИ

Главный формат продукции СМИ – новости. В гендерном аспекте на них стали обращать внимание лишь недавно (McQuail 2003), упрекая исследователей СМИ в пренебрежении этим аспектом (Gill 2007).

В 2005 году 76 стран приняли участие в третьем проекте Глобального мониторинга СМИ (Global Media Monitoring Project (GMMP) 2005). В ходе мониторинга в течение одного дня шел сбор данных об участии женщин в новостях (как авторов и как персонажей) всех медийных каналов (исключая Интернет). Среди персонажей новостей женщины составили всего 21%, но был отмечен небольшой рост показателя (по GMMP 2000 года он был 18%). Относительно высокими показателями числа женщин-репортеров и женщин-персонажей новостей отличилась Северная Европа. В Эстонии доля женщин-персонажей новостей в 2000 году составляла 28%, т. е. превышала средний показатель (в 2005 году Эстония, как известно, тоже участвовала в мониторинге, но эти данные не проверены).

GMMP показал статистически высокое присутствие женщин-персонажей в эстонских новостях – более четверти от общего числа персонажей. Это, в числе прочего, может указывать на большую развлекательность тем в качественных СМИ Эстонии, а также на коммерциализацию и интимизацию новостной журналистики. В глобальном сравнении это подтверждает традиционно более активное участие женщин в общественной жизни Эстонии, главным образом – в трудовой занятости, а также восстано-

ление масштаба их участия на рынке труда после резкого его сокращения в начале 1990-х годов.

Ту же тенденцию подтверждает и неуклонный рост числа женских персонажей в имеющей новостную ценность рубрике «Персона» еженедельника Eesti Ekspress за период 1993–2008 годов. В начале 1990-х годов женских персонажей в материалах СМИ насчитывалось 18%, к 1998 году их было уже 26%. В период 2000–2008 годов женских персонажей в рубрике «Персона» еженедельника Eesti Ekspress было в среднем 25%. Максимальный показатель отмечен в 2002 году (20 женщин из 53 персонажей), но, вероятно, это случайность, если сравнивать с очень низкими показателями 2000–2001 годов (Pilvre 2009).

Результаты проведенного в Эстонии международного исследования «Пол в телевизионном изображении» (Sugu telepildis 2004, Pilvre 2003) подтвердили достаточно стабильное представительство женщин в медийном пространстве. Из 1235 человек, которым предоставлялось слово на телеэкране всех трех каналов в прайм-тайм, 33% составляли женщины. На общественно-правовом телеканале ETV весной 2002 года, когда еще был разрешен показ рекламы, процент женщин был несколько выше – 34%, а по результатам повторного исследования в 2003 году (после запрета рекламы на ETV) он упал до 27%. Другое повторное исследование, проведенное на ETV в 2008 году, показало 31%.

Результаты многих исследований (Images 1999, Gill 2007) подтверждают, что женские образы в содержании западных СМИ составляют от 20 до 30%. Так что данные исследований, проведенных в Эстонии, говорят о том, что наши ведущие СМИ в гендерном аспекте соответствуют универсальным тенденциям. Лишь в Северных странах доля женщин-персонажей в СМИ больше (Images 1999, Sugu telepildis 2000; Bjarnason и др. 2005), что, помимо процессов, происходящих внутри самих СМИ, отражает также степень присутствия женщин в политической и экономической элите.

Женщины как герой новостей

Halonen (1995) on analüüsinud, millised näised jõuavad Halonen (Halonen 1995) анализировала, какие женщины и при каких обстоятельствах оказываются в новостях. Появление мужчины в новостях – естественно, появление женщины – исключение, вызывающее беспокойство, дискурс новостей в целом опреде-

лен как объективистский и маскулинный. У женщины в маскулинном дискурсе власти четко определенная позиция: сопутствовать, украшать, быть фоном, что отражается и в новостях. Многие женщины, преодолевающие новостной порог в качестве персонажа, являются представительницами профессий, которые традиционно считаются мужскими, тем самым подтверждая свою исключительность.

В связи со статьями в рубрике «Персона» еженедельника Eesti Ekspress (Pilvre 2000) нашел подтверждение ранее обнаруженный исследователями факт: если женщина представляет традиционно мужскую сферу, всегда подчеркивается необычность ситуации, отклонение от нормы, согласно которой на этой позиции должен находиться мужчина. Исключительность – работа в мужской сфере – может быть также единственной причиной, почему о некоторых женщинах вообще что-то пишут. Это относится к тем, кто занят в промышленности и бизнесе, а также к руководителям высшего звена, где новостной ценностью является «женский» аспект сам по себе.

Халонен отмечала, что поскольку большинство женщин не активны во властных структурах общества, они выступают в новостях в силу своих специфических женских качеств (забота, декор, удовольствие). Таким образом, наряду с властным статусом, новостной порог женщинам позволяют преодолеть статус жены, дочери или матери важного деятеля. Например, жены спортсменов часто могут преодолеть новостной порог, если восхваляют достижения своего супруга.

Типичными женщинами, которые преодолевают новостной порог и которых портретирует рубрика «Персона» еженедельника Eesti Ekspress, являются те, кто представляют спорт или индустрию развлечений.

Кроме того, новости и СМИ в целом любят представлять женщин в роли жертв, чтобы наглядно усилить трагизм катастроф. Излишнюю эксплуатацию женщин в этой роли подтверждает результат международного исследования, проведенного в Бельгии, Германии, Голландии и США (Images 1999). По утверждению Халонен, СМИ предпочитают также женщин-скандалисток и женщин со странностями (знахарок, активных сектанток, чудачек). Выпячивание исключительности и странности указывает на строгие нормы бытия для женщины, которые в этих случаях, так сказать, нарушены и заслуживают санкционирующего внимания СМИ. Решающим фактором преодоления новостного порога или появления,

например, в рубрике «Персона» еженедельника Eesti Ekspress для женщины может стать также примечательная внешность, а особенно – противоречие этой внешности и серьезности профессии.

Со временем, чем больше становилось в рубрике «Персона» женских персонажей, тем выше был шанс попасть в нее у тех активных женщин-профессионалов, чья деятельность была «обычной» и никак не связанной со скандалами и т. д. Эта тенденция демократизации особенно заметна в 2000-е годы (Krönström 2009b).

Конструирование гендера в медиатексте

Гендер в медиатексте (и в медиаизображении) конструируется через множественный отбор не только визуальных образов, но и словоупотребления, связанного с телом и сексуальностью.

Отношения науки и власти с 1970-х годов привлекают большое внимание. Представления о языке как инструменте и скрытом носителе власти заинтересовали текстовых аналитиков различных дисциплин. Властью СМИ считалась способность одной группы описывать опыт другой группы (Schudson, 2005), т. е. СМИ подвергали сомнению силу власти, скрытую в языковом употреблении. Лексическая практика, порочащая женщин, была названа семантическим унижением (Schulz 1975). Оно отражается в лексической контаминации (*contamination*), эвфемизмах и предубеждениях. Женщину в любом контексте воспринимают сквозь призму сексуальных терминов. Эвфемизмы можно обнаружить, например, в названиях профессий (женщина легкого поведения, служанка, домработница, сестра милосердия), а предубеждения в составных словах, обозначающих женщин по роду ее деятельности и т. п. (женщина-ученый, женщина-карьеристка, женщина-водитель и т. д.).

Райли Пылдсаар (Põldsaar 2001) изучала гендерный дискурс в «гвоздевых» публикациях приложения Arter к газете Postimees, обнаружив в них идеологию гендерного неравенства. Проявляется оно в различных приемах словоупотребления, таких как: выбор слов, несущих идеологическую нагрузку, эвфемизмы, формальная или официальная лексика и т. д. (Põldsaar 2001). Пылдсаар считает, что в исследованных публикациях женщины – маркированная категория, мужчины связываются с престижем и нормой,

а женщины – с непрестижностью и отклонением от нормы.

Метафоры, отражающие гендер, излишняя лексикализация характерны и для женских портретов в рубрике «Персона» еженедельника Eesti Ekspress. Примеры: *безжалостная и расчетливая железная леди, причудская матушка, баба с двумя миллионами долларов, девочка-министр, госпожа электричество, госпожа Apotheca (сеть аптек в Эстонии – здесь и далее примечания переводчика), девочка-Stiina (Stiina – эстонский журнал для девушек), мадам-стиль, пчелка, шахматная девочка, теннисная красotka, карьеристка, женщина-академик и др.* (Pilvre 2000, Pilvre 2004b, Krönström 2009b).

Продуктивной точки зрения анализа медиатекстов оказалась для феминистов концепция власти, предложенная Мишелем Фуко (Foucault 1975/1984, Gill 2007). Согласно Фуко, власть над человеческим телом отражается в нормативах, касающихся сексуальности и тела. Изображение тела – идея-фикс СМИ, сросшихся с современной индустрией развлечений. Она выражена в постоянно оценивающем разглядывании тела, надзоре (у Фуко – *surveillance*) за телом и дисциплиной тела. Центральные темы журналистики, посвященной стилю жизни, которая с каждым годом отвоевывает себе все больше места в ежедневных газетах, – это темы снижения веса, достижение желаемой эстетики физической формы, пластические операции, уход за собой, тренировки, здоровый образ жизни и правильное питание. Все они сводимы в итоге к термину Фуко – «надзор». Хотя современные развлекательные СМИ стали чаще экспонировать также и тело мужчины, главным для них остается сексуально окрашенный, подчиненный нормативному взгляду надзор за женским телом.

Надзор за телом в СМИ отражается не только в поучающих статьях на тему здоровья, диет и т. п., он отражается в надзоре за соответствием нормативам тел самих персонажей, дискурсивно портретируемых в текстах. Как известно, эффективным инструментом надзора служит фотография: фокус кадра, детали, фон, сравнение фотографий в рубрике «до» и «после» и т. п.

Несколько примеров нормативного описания тела в текстах, опубликованных под рубрикой «Персона» в еженедельнике Eesti Ekspress:

«Юлия Елисеевна Дмитриева (49) точно не знает, сколько она весит... Набирать вес она стала после рождения второго ребенка».

«Став ведущей передачи «Terevisioon», Катрин усилием воли сбросила пять килограммов, но бросить курить не смогла».

«...снова пытается соблюдать диету, как каждая вторая женщина старше средних лет».

Несмотря на философские дискуссии последнего времени на тему тела, конкретная телесность женщин остается общепринятой реальностью обычного сознания. Макдональд (Macdonald, 1995) утверждала, что тело как часть идентичности для женщин более интегрально, чем для мужчин. Традиционно центральную роль тела в идентичности женщин можно разделить на множество кодов, касающихся внешности: идеальная форма и размер тела, макияж, волосы, украшение тела одеждой и аксессуарами. Примеры из рубрики «Персона» в еженедельнике Eesti Ekspress:

«...многие помнят Тийну Талумес как даму неземной красоты, которая кружилась среди серой богемы как видение в маске – всегда с безупречным макияжем и в шикарной одежде».

«Будучи стильной женщиной, она оставляет далеко позади местные эталоны моды...».

СМИ представляют женское тело в тех аспектах, которые привлекательны для мужчин и связаны с сексуальным чувством. Таким аспектом может быть и голос:

«...козырь Эпп Петроне – ее голос. Он звучит мягко, доверительно и нежно, без единой раздражающей ноты».

Однако многие аспекты женского тела, например, его изменения в связи с рождением детей, функциональные нарушения и болезни СМИ замалчивают (Macdonald 1995).

Хотя в последние годы мужская телесность тоже подверглась теоретизации и деконструктивизации (Bordo 2000), тело мужчины в контексте гендера по-прежнему остается нейтральным, широко приспособляемым, общераспространенной нормой в науке, философии и медицине (Koobak 2005/2006, 68). То же можно сказать и об отражении его в СМИ. В них телесность мужчины связана прежде всего с темами спорта, развлечений и здоровья, что подтверждают результаты исследования рубрики «Персона» в Eesti Ekspress. Маргарет Этвуд (Atwood 1994)

дала меткую характеристику изображению мужских тел в западном культурном пространстве: «У тебя может быть тело, если ты рок-звезда, атлет или гей-модель. То есть если ты – развлечение. Иметь тело – дело несерьезное» (Koobak 2005/2006, 80).

Описание телесной красоты мужчин можно найти в очерках об актерах, представителях индустрии косметики и моды, опубликованных в рубрике «Персона» в Eesti Ekspress:

«Пресса северных соседей называет его необычно и даже греховно красивым мужчиной...».

«Кроме общей привлекательности, он унаследовал от матери светлые кудри и сверкающей голубизны глаза... и, разумеется, эти пластические операции...».

Как правило, телесность мужчины отсутствует в сухих дискурсах новостных СМИ, т. е. дискурсах экономики и политики, попадая туда только при условии, что материал написан в юмористическом ключе.

Женщины как носители информации о частной сфере

Исследователь рекламы Вильямсон (Williamson 1986) утверждала, что в западном обществе женщины представляют те сферы жизни, которые внешне кажутся внеисторичными (личные отношения, любовь и секс), тем самым, эти аспекты жизни стали «женскими сферами». Женщины, имеющие общественное влияние, тоже предлагают «бегство» от проблем большого мира. Примеры из рубрики «Персона» в Eesti Ekspress:

«...она вяжет и печет, доит и занимается сваркой».

«...беременной, в ожидании ребенка она много путешествовала, в том числе и за рубежом...». «Долгие годы Тарья и тема матери-одиночки были нераздельны. Халонен вышла замуж за своего давнего партнера и соседа Пентти Араярви, только став президентом...».

Когда изображается, к примеру, семейная жизнь общественно продвинутых женщин (например, политиков), то как проблемные указываются конкурирующие требования частной и общественной сфер.

«Способна ли женщина, занимавшаяся в основном воспитанием детей дома, выстоять в кровавой политической борьбе? Сомнительно».

«... начинает на бумажке считать, сколько лет ее сыновьям. ...За последние полтора года она проделала гигантскую работу».

Успех и власть женщин в общественной сфере СМИ часто изображают как нечто, ставшее результатом несостоявшейся частной или семейной жизни.

«До сих пор основное место работы жительницы Виймси Анне было здесь (в Лоо). Я должна просыпаться в шесть или в четверть седьмого, чтобы стартовать в Раквере в семь часов... Детей, которых надо «пасти» в городе, у нее нет».

Если женщины представляют власть (политики), их подчеркнуто изображают, как инструмент власти или как случайных подражателей. Политическая борьба женщин зачастую сводится к личному уровню. СМИ, например, с удовольствием усиливают конфликты между влиятельными женщинами, а их идейную борьбу стараются свести к личному конфликту.

Макдональд (Macdonald 1995) подчеркивала, что культура изображения женщин – это кладезь мужских фантазий, они либо идеализированы как богини, либо представлены монстрами, уничтожающими мужчин. Супермодели, суперзвезды, роковые женщины, «сумасшедшие женщины» в различных вариациях конструируют тайну женственности. Влиятельных женщин СМИ зачастую демонизируют. Фантазии, развившиеся в культуре вокруг женственности, СМИ, изображая женщин, подают через архетипы и мифологемы: шлюха, мадонна, суперженщина, роковая женщина, матриарх.

Перемены в изображении мужчин в СМИ

Опираясь лишь на результаты исследований рубрики «Персона» в Eesti Ekspress (Põlvre 2009) можно уже говорить, что основная конвенция изображения мужчин в ведущих СМИ Эстонии с 1990-х годов остается неизменной, т. е. в большинстве газетных портретов мужчины внешне лишены явных особенностей пола. Однако в последние годы заметно некоторое изменение в сторону смягчения способа изображения.

Возможности реализации политики гендерного равноправия в СМИ

Барби Пилвре

СМИ в Эстонии – саморегулируемые, независимые от государства и свободные, в Эстонской Республике нет цензуры. Согласно докладу организации Reporters Sans Frontières (www.delfi.ee, 20 октября 2009 г.) Эстония находится на 6-м месте в мире по уровню свободы СМИ.

Деятельность журналистов регулирует Кодекс журналистской этики. Деятельность медийных предприятий (исключая ERR) в Эстонии осуществляется на коммерческой основе и является саморегулируемой. В Эстонии нет отдельного Закона о СМИ, но медийное предприятие обязано соблюдать действующие в стране законы, в т. ч. Закон о гендерном равноправии.

Деятельность финансируемой из госбюджета Эстонской общественной телерадиовещательной корпорации (ERR) регулируется отдельным законом.

Союз газет Эстонии (Eesti Ajalehtede Liit, сокр. EALL) не занимался темой гендерного равноправия.

Для решения проблем, возникающих из-за нарушений журналистской этики, при EALL создан Совет по прессе (Pressinõukogu, сокр. PN), который рассматривает только жалобы, поступившие на членов Совета. В члены Совета по прессе входит большинство печатных изданий Эстонии, а также ERR, телевизионный Kanal 2 и интернет-портал Delfi.

Совет, состоящий из главных редакторов медиаканалов и представителей общественности, работает по поступающим жалобам, т. е. рассматривает единичные случаи на основании соответствующего обращения. Как правило, проблемы связаны с публикацией неверной информации, неполнотой представленных точек зрения и т. д. Совет по прессе не выступает с собственными инициативами, он не занимается мониторингом СМИ или определенной тематики и т. п.

«Куннас заявил через прессу, что имеет определенный долг перед семьей. У него два маленьких ребенка. Рабочие обязанности не оставляли времени для них. Теперь время появилось. Я вижу Куннаса, регулярно играющего с детьми на одной из игровых площадок в центре Таллинна».

«Конечно, стиль жизни Ууспыльда не такой сдержанный, как, например, у Яана Тятте. Однако «какая-то часть его очень хотела бы жить где-то на хуторе, иметь собственную фирму, воспитывать детей и жить такой вот конструктивной жизнью».

Аналогичные примеры можно отметить и в других изданиях, например, в приложении Arter газеты Postimees и в субботних выпусках Eesti Päevaleht (Malmberg 2005/2006, 25–34). Мальмберг описывает также смену образа «настоящего мужчины» на образ «отца».

«Я там, где мне радостно. Может, пойду в лес собирать грибы. Может, приготовлю детям варенье. Или поиграю с друзьями в петанг. Или перечитаю в седьмой раз интересную книгу и найду в ней нечто новое. Все это – развитие. Душу надо подпитывать».

Кроме представляющего издателей Совета по прессе, регулятором работы СМИ выступает независимый Совет по гласности (MTÜ Avaliku Sõna Nõukogu, сокр. ASN), в который входят преподаватели журналистики Тартуского университета и представители различных сфер жизни.

Известны лишь единичные случаи обращений в связи с косвенным нарушением принципов гендерного равенства (обращение в PN в связи с изображением женщины-жертвы убийства, обращение в ASN в связи с использованием в эстонском языке слова «partii» в явно сексистском значении «женские груди» и т. д.).

В ERR есть советник по этике, который активно следит за тем, чтобы продукт ERR соответствовал законам ЭР и Закону об общественном вещании. Претензии к объективности СМИ в основном предъявляют политические партии, а также предприятия и отдельные лица. Жалобы советнику по этике ERR поступают на неточность информации, демонстрацию насилия по ТВ; насколько известно, конкретных претензий в связи с гендерным неравенством советнику по этике не поступало.

В отличие от слабого общего регулирования деятельности СМИ к рекламе в Эстонии предъявляются строгие

Отчасти способ изображения мужчин объясним развлекательным форматом приложения Arter и субботних приложений Eesti Päevaleht.

В то же время эти изменения в изображении мужчин характеризуют правила, действующие по умолчанию во всей прессе Эстонии, где в последние годы отцовство стало более привычной темой по сравнению с предыдущим десятилетием.

Воспроизводство гендерной системы в женских и мужских журналах

Главный тезис критики женских журналов с точки зрения гендерного равенства состоит в том, что они являются носителями патриархальной идеологии и опорой гендерной системы общества. Один и тот же журнал может прекрасно адаптироваться в разные периоды времени, рассматривая дилеммы женственности, характерные для конкретного периода (Winship 1987). В Эстонии примером такой адаптации служит журнал Eesti Naine («Эстонская женщина»), прежде называвшийся Nõukogude Naine («Советская женщина»).

С ноября 2008 года действует Закон о рекламе, устанавливающий запрет на нарушение принципов гендерного равенства, изображение дискриминации одного пола другим, а также неуместной наготы, изображение кого-либо в качестве сексуального объекта или узнаваемое имитирование полового акта. Надзор за выполнением Закона о рекламе осуществляет Департамент защиты потребителя. К сожалению, на интернет-странице департамента можно прочесть, что потребители не использовали пока возможности Закона о рекламе и не сообщали о раздражающей их рекламе.

Как и любое другое предприятие, медиаканал обязан соблюдать Закон о гендерном равенстве. Однако ничего не известно о жалобах уполномоченному по гендерному равенству на различия в зарплатах и другие случаи дискриминации в медийных предприятиях.

Союз журналистов Эстонии, который мог бы как профессиональный союз обеспечивать защиту прав журналистов как наемных работников, – организация слабая. В целом активное Объединение женщин-редакторов Союза журналистов Эстонии тоже не касалось темы зарплат, которые получают журналистки. ●

Ангела МакРобби (McRobbie 1978) дала следующее определение: женские журналы – это медийное пространство, в котором конструирование нормативной феминности происходит наиболее сконцентрированно и беспрепятственно.

Содержание женских журналов тесно связано с рекламой, которая зачастую занимает половину объема гляцевых журналов (Gill 2007), что, в свою очередь, усиливает воспроизводство женственности определенного типа – идеальной, потребительской и гедонистической. В зависимости от ситуации на рынке рекламы количество женских журналов в Эстонии то росло в середине 2000-х годов, то сокращалось из-за спада в экономике.

При всех различиях типов женские журналы во всем мире достаточно универсальны (Piltre 2001), но в Эстонии из-за миниатюрности рынка рекламы женские журналы нацелены на одну, более всего интересующую рекламодателя, читательскую аудиторию – женщин в возрасте 25–40 лет.

Тематика женских журналов: совмещение работы и семейной жизни, благосостояние, будничная жизнь, отношения (Eesti Naine, Naisted); дом, семейные отношения, украшение дома (Pere ja Kodu, Kodukiri); светская жизнь (Kroonika, Naisteleht), стиль жизни (Anne ja Stiil, Cosmopolitan); кулинария, гурманство, интерьер и т. д. Журналы, адресованные «всем» женщинам, комбинируют дискурсы. В более традиционных женских журналах героиня может быть носителем национальной этики (Eesti Naine в 1990-х гг.): она должна заботиться о доме, всей своей сутью принадлежать дому и семье, быть верной, ответственной, хорошей хозяйкой и мастерицей. Семейные проблемы представлены в этом же фокусе. При изображении насилия в семье, болезней и бедности в таких журналах доминирует дискурс выживания.

Вийви Крёнстрём в своей магистерской работе о журнале *Dilemma*, защищенной в Таллинском университете (Krönström 2009a), показала дискуссионные изменения журнала, ориентированного на женщин, в период с его появления в 2005 году по 2008 год, акцентировав внимание на том, как содержание журнала менялось под напором коммерции. Первоначальное требование достоверного изображения женщины под давлением рекламных продаж сменилось на требования для формата женского журнала, адресованного аудитории с платежеспособностью выше средней. Поскольку *Dilemma* выходил как приложение к газете *Äripäev*, его женский образ был в основном связан с теми, кто представ-

ляет экономическую элиту, воспроизводя стереотип суперженщины и концентрируясь, в числе прочего, на дискурсе гедонизма.

В 2000–2004 годах в Тартуском университете был защищен ряд бакалаврских работ, исследовавших женские журналы *Stiil* и *Eesti Naine*.

Углубленного исследования мужских журналов в Эстонии не проводилось, в какой-то мере изучался образ мужчин в мужских журналах.

Наибольшее внимания в Эстонии достойна попытка издавать трендовый мужской журнал *Mees* (Piltre, 1997). Это был серьезный с сильным милитаристским уклоном журнал, учивший мужскому поведению. На тему мужественности в нем не шутили.

Журнал *Mees* издавался с 1995 по 1997 год, выпущено было 13 номеров, ответственным издателем был Тыну Хеллам, главным редактором – Ханнес Вальтер. Это был первый мужской трендовый журнал в Эстонии.

Идентичность первого мужского журнала была хаотичной. Его невозможно было классифицировать, например, по системе Тима Эдвардса (Stevenson и др. 2000), выделявшего следующие типы мужских журналов: традиционные (на темы техники, охоты и рыболовства), гляцевые (с мягкой маскулинностью) журналы нового мужчины (*new man*), ироничные с мужским шовинизмом журналы *new lad* (для «мужиков новой формации» – лэдов). У журнала *Mees* не было четкой идеологии, возможно, она не успела сформироваться, он представлял собой смесь из традиционного мужского журнала и трендового журнала второго поколения (техника, военное дело, модные тренды).

Mees был милитаристским, гомофобным, сексистским, женоненавистническим, консервативным журналом.

Из мужественности *Mees* не делал проблемы, напротив, пропагандировал ее; возможно, что местами журнал был все-таки ироничным.

Почему *Mees* был таким? Общественным фоном выхода журнала в свет в 1990-е годы был подъем патриархальной идеологии, гедонизм потребления эпохи капитализма смешивался с консюмеризмом.

Сейчас на рынке мужских журналов Эстонии доминируют импортированные, сложившиеся форматы: с 2004 года – *FHM*, с 2007 года – *Playboy* (продолжение издания обоих журналов сейчас под вопросом). В 2009 году начали выходить отечественный гляцевый *Lommi* и аналог итальянского *Gentleman* в виде приложения к газете *Äripäev*. Недолгое время

как приложение к газете Eesti Päevaleht выходил журнал Meeste maailm. Осенью 2007 года приложением к Eesti Ekspress как разовый проект вышел журнал Jobu, адресованный «мужчине, за которого решают другие». Исследований отражения возможных изменений норм маскулинности в обществе Эстонии по этим изданиям пока не проводилось.

Гендер в виртуальном пространстве

Говоря о современных СМИ, нельзя обойти молчанием виртуальное пространство. В нем границы журналистики и СМИ стираются. В отличие от обычных СМИ с четко выделенной организацией, производством содержания и аудиторией, в виртуальном пространстве производителем содержания и аудиторией является одно и то же виртуальное сообщество. В Тартуском университете проведен ряд исследований по теме гендера и виртуального пространства (по материалам портала для общения Rate.ee) (Siibak 2007), а также по другим аспектам виртуального пространства.

По мнению автора настоящей публикации, портал для общения нельзя классифицировать в строгом смысле как медийное издание, которыми являются порталы, содержание которых редактируется и создается согласно действующим в СМИ правилам. Портал для общения – это коммуникативная среда, где пользователи сами создают содержание, исходя из своей узкой точки зрения. В гендерном аспекте такой портал представляет интерес как пространство, где гендер воспроизводится на основе примеров, почерпнутых из обычных СМИ, усиливая их. Именно поэтому данному материалу уделено внимание в настоящей публикации.

Изучая то, как молодые пользователи Rate.ee манифестируют себя, мы нашли подтверждение тем тенденциям в этом процессе, которые были отмечены более ранними исследованиями виртуального пространства. Несмотря на возможности поиграть собственной идентичностью, пользователи, создавая свою виртуальную идентичность, придают ей качества, которые предположительно ценит противоположный пол.

Виртуальные «я» – это исключительно продолжения патриархального «истинного я», гендерная стереотипность которого даже усилена, как это принято в мире *off-line* (Nakamura 2001, цитируется по Siibak 2007). Созданные в портале Rate.ee профили

дают, по словам Сийбак, четкое представление о том, как интерпретируются гендер и гендерные роли в современной Эстонии и каковы ожидания молодежи в этой сфере.

В виртуальном пространстве воспроизводятся гендерные стереотипы и нормы поведения, перенятые из обычных СМИ, прежде всего из глянцевого прессы. В зависимости от оперативно полученной обратной связи из виртуального сообщества изменяется не только поведение и отношение, но и внешность. Многие избранные виртуальным сообществом в число первой сотни (ТОР 100) девушки и юноши, конструируя собственную виртуальную идентичность, оставались верны традиционным гендерным нормам и ожиданиям. Однако у юношей, наряду с идеализированным имиджем мачо, присутствует также имидж романтического метросексуала. А на «самых достойных внимания девушек» Rate.ee явно повлияли примеры фиктивных женских образов из сериала «Секс в большом городе».

Проблемы, возникающие в связи с критикой гендерных стереотипов

В феминистическом анализе медийного пространства критика гендерных стереотипов сводилась к осуждению редуцирования трехмерной реальности в одномерную, искаженную картину. Особенно ранние феминистские исследования осуждали СМИ за тривиализацию женщин в медиатекстах, их символическую аннигиляцию (Tuchman 1978), за пренебрежительное изображение женщин и даже полное умолчание о них.

МакКвейл (McQuail 2003) подытожил доминирующие в СМИ гендерные перекосы и объяснил использование гендерных стереотипов. Наряду с новостями в медийных фикциях женщины зачастую присутствуют в стереотипных профессиях или домашних ролях. Поскольку цель фикции – предложить человеку разнообразие, дистанцироваться от повседневной реальности, то, как разъясняет МакКвейл, стереотипность в индустрии развлечения – это обычный способ изображения, предлагающий знакомые образы и описания.

Сегодня часть развлекательных СМИ и реклама все же прибегают к перелицовке стереотипов и игре стереотипами (Sugu telepildis 2004).

Со стереотипом как инструментом критики в медийном анализе связан ряд проблем. Отжившая

свое время критика стереотипов, построенная на теории отражений, предполагает, будто СМИ способны отражать реальность один к одному. Макдональд (Macdonald 1995) полагает, что в связи с критикой стереотипов возникает вопрос, чью версию реальности СМИ должны представлять. Сегодня более глубокие аналитики медийного пространства в основном отказались от критики гендерных стереотипов и пытаются теоретически обосновать, почему и как СМИ используют стереотипы.

В отличие от теоретиков СМИ политический дискурс Европейского союза и Совета Европы взял направление на то, чтобы освободиться от гендерных стереотипов в СМИ (Piltre 2008).

Освобождение от стереотипов связано с устранением гендерного неравенства в обществе, что является идеальной целью официальной политики равноправия Эстонии, проводником которой служит отдел гендерного равноправия Министерства социальных дел: «Принцип равного обращения нарушается в том случае, если к одному полу относятся иначе (как правило, неблагоприятно), чем к другому из-за неких качеств, предположительно свойственных или приписываемых гендерной группе, а через нее отдельному ее представителю. Как правило, это обусловлено предубеждениями, стереотипными представлениями, традиционными гендерными ролями и бытующей гендерной идеологией» (www.sm.ee/tegevus/sooline-vordoiguslikkus.html). Гендерную идеологию в общество несут и воспроизводят СМИ, на что указанный отдел в своей работе обращает критическое внимание.

Появление идей равноправия в медиапространстве парадоксальным образом способствовало возникновению новых стереотипов.

Например, распространенные в обществе требования успеха и равноправия, подлаживаясь под правила СМИ, несомненно, способствовали появлению стереотипа суперженщины. Его воспроизводят, прежде всего, женские журналы, а также портреты успешных женщин в ведущих СМИ, в которых ловко совмещаются противоречия карьеры и частной жизни.

По мнению автора настоящей публикации, использование и прочность стереотипов в СМИ обусловлены, прежде всего, силой рынка (Piltre 2008). Для завоевания широкой аудитории деятели сферы СМИ, особенно разработчики рекламы, используют простые и всем понятные образы, и это касается не только отражения женщин и мужчин.

Задачу полного устранения стереотипов, существующих в обществе, решить невозможно, поскольку со стереотипами связаны основные коммуникативные процессы культуры, например, объяснения незнакомого через знакомое. В то же время необходимо, чтобы гендерные стереотипы распознавали и медийные практики, и их аудитория. Здесь остается надеяться лишь на возможности образования в области СМИ.

Заключение

.....

Если исходить из того, что СМИ не только конструируют реальность по своим правилам, но и отражают доминирующие в обществе тенденции, то изображение полов в них может служить критерием развития общества и демократии.

В нашу эпоху изображение женщин в СМИ, как правило, обусловлено противоречием между все более активным и влиятельным участием женщин в общественной сфере и «женщиной как таковой», которая по-прежнему ассоциируется в обыденном сознании со сферой частной жизни. Изображение женщин в СМИ, безусловно, связано с происходящими в обществе изменениями, например, с эмансипацией. Одновременно изменения в репрезентации женщин за последние годы дают представление об изменениях в самих СМИ – их коммерциализации, т. е. таблоидизации и форматизации. Во многом последовательные изменения изображения женщин, которые можно было бы связать с эмансипацией (например: увеличение числа женских образов в материалах СМИ), объясняются процессами, происходящими внутри СМИ.

С 1990-х годов и особенно после вступления Эстонии в Европейский Союз (2004) в обществе актуализируется проблематика равноправия. В то же время в СМИ не было единодушия в отношении Закона о гендерном равноправии, который вступил в силу в 2004 году, и соответствующей политики, можно даже говорить об определенной шовинистической реакции СМИ на тему равных возможностей женщин и мужчин. Она заметна по тому, как изображались женщины, по отбору женских персонажей. Автор настоящей статьи сомневается, что заметное в последние годы увеличение в отечественных СМИ числа сексистских образов связано у нас с «сознательным» (*savvy*) и ироническим использованием

клише в постмодернистском духе, как это имеет место в англо-американских СМИ (Gill 2007). Скорее, в контексте Эстонии тут применим термин «ретро-сексизм» (Whelehan 2000), которым обозначается нарочитое использование сексистских образов женщин в ответ на изменения их позиций в обществе за последние десятилетия.

На раздражающее содержание СМИ в Эстонии можно подавать жалобы в различные инстанции (см. врезку). Увы, если общество – мужчины и женщины – в целом молчаливо акцептирует или одобряет использование сексуализированных образов вне контекста, значит, его уровень информированности о гендерном равенстве низок, и возможности законов, защищающих интересы членов общества, не найдут применения.

Ключевое значение для реализации политики гендерного равенства в СМИ имеет то, насколько общественность ориентируется в этих вопросах. Люди могут представлять претензии в отношении содержания СМИ и рекламы только в том случае, если сумеют распознать дискриминацию, если их беспокоит изображение человека, в т. ч. того же пола, как сексуального объекта вне контекста, доминирующего или подчиненного. В Тартуском университете и в Таллиннском университете с 2000 года существует учебный курс медийного анализа в гендерном аспекте, по инициативе Союза журналистов Эстонии и университетов проводились учебные дни для действующих журналистов на тему гендерной необъективности СМИ.

Чтобы достигнуть нового уровня в вопросах гендерного равенства в Эстонии, недостаточно обучать студентов и журналистов, надо осознать еще и необходимость медийной грамотности общества, учить которой следует с начальной ступени образования, так как с появлением виртуальных СМИ каждый теперь может участвовать в производстве их содержания.

Использованные источники

.....

Atwood, M. (1994). Alien territory. Teoses L. Goldstein (toim.). *The Male Body. Features. Destinies. Exposures*. The University of Michigan Press, Ann Arbor 1–7.

Bjarnason, H.T., Edström, M., Pilvre, B., Siivonen, J. (2005).

Here I am! Portrait interviews in Estonian, Finnish, Icelandic and Swedish daily newspapers. *Nordicom Information* 2, 57–67.

Butler, J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New-York, London: Routledge.

Bordo, S. (2000). *The Male Body. A New Look at Men in Public and in Private*. New-York: Farrar, Strauss and Giroux.

Eesti Naisliit (1930). Kümme aastat Eesti Naisliitu: 1920–1930. Tallinn: Estotruk.

Foucault, M. (1975/1984). Extracts from „Discipline and punish“. Teoses P. Rabinow (toim.) *The Foucault Reader*, 170–238. London: Penguin Books.

Gill, R. (2007). *Gender and the Media*. Cambridge, Malden: Polity.

Halonen, I. K. (1995). Suomenkielisten televisiouutisten nais- ja mieskuva. Teoses E.Sana (toim.) *Naiset, miehet ja uutiset. Yleisradion tasarvotoimikunnan julkaisuja*, 11–63. Helsinki: Yleisradio OY.

Hennoste, T. (2001). *Uudise käsiraamat*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Images of women in the media (1999). *Report on existing research in the European Union*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.

Koobak, R. (2005/2006). Nähtamatu kohalolek: (mehe) keha feministlikes teooriates. *Ariadne Lõng*. 1/2, 67–83.

Krönström, V. (2009a). Naisteajakirja Dilemma diskursiivsed muutused.

Magistritöö käsikiri. Tallinn: Tallinna Ülikool, Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut.

Krönström, V. (2009b). Sugu Eesti Ekspressi „Persooni“ rubriigis 2004–2008.

Seminaritöö käsikiri. Tallinn: Tallinna Ülikool, Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut.

Malmberg, K. (2005/2006). Meeste meediakujutise muutus 1996. ja 2004. aasta Eesti Päevalehe ja Postimehe nädalalõpulisade näitel. *Ariadne Lõng*. 1/2, 25–34.

Mass Media In (Re)distribution of Power (2004). /Koostaja B.Pilvre/. *Raport rahvusvahelise projekti „Mass Media In (Re)distribution of Power“ raames*. Tallinn: Eesti Vabariigi Sotsiaalministeerium.

McRobbie, A. (1978). *Working class girls and the culture of femininity. Teoses Women Take Issue*. CCCS Women's Studies Group. London: Hutchinson.

McQuail, D. (2003). *McQuaili massikommunikatsiooni teooria*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Macdonald, M. (1995). *Representing women: Myths of femininity in the popular media*. London: Edward Arnold.

Macdonald, M. (2003). *Exploring Media Discourse*. London: Arnold.

Nakamura, L. (2001). Race In/For Cyberspace: Identity Tourism and Racial Passing on the Internet. Teoses D. Trent (toim.) *Reading Digital Culture*. Oxford: Blackwell Publishers, 226–235.

Pilvre, B. (1997). Eesti asi on meeste asi. Ettekanne Tallinna Pedagoogikaülikooli Sotsiaalteaduskonna konverentsil „Eesti asi“ 21. 02. 1997. Käsikiri.

Pilvre, B. (2000). Construction of Gender in the Cover-Column Persoon in the Estonian Weekly Eesti Ekspress. Unpublished Master's Thesis. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikool.

Pilvre, B. (2001). „Naistemaailma“ diskursiivsed muutused ajakirja Eesti Naine põhjal. 1989. ja 2000. aasta võrdlus. Ettekanne Eesti Sotsiaalteaduste II Aastakonverentsil 23.–24.11.2001 Tartus. Käsikiri.

Pilvre, B. (2002). Naiste kujutamine meedias kui ühiskonna arengu mõõdupuu. *Eesti Inimarengu Aruanne 2002*. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikool. Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut.

- Pilvre, B. (2003). Kes räägib teleekraanil? Naised meedia kõverpeeglis. *Akadeemia*. 9, 1981–2000.
- Pilvre, B. (2004a). Does gender matter in the newsroom? Some remarks on Gendered Discourse and Estonian journalist culture. Teoses M. DeBruin ja K. Ross (toim). *Gender and Newsroom Cultures*. Identities at work, 13, 245–256. Creskill, New Jersey: Hampton Press Inc.
- Pilvre, B. (2004b). Eesti Ekspressi „Persoon”. Naiskangelane 2002–2004. Ettekanne Eesti Sotsiaalteaduste V Aastakonverentsil 12.–13.11. 2004 Tartus. Käsikiri.
- Pilvre, B. (2008). Reproduction of gender in media content. Teoses M. Gortnar (toim.) *Elimination of Gender Stereotypes: Mission (Im)possible?* Conference Report, 129–133. Ljubljana: Government of the Republic of Slovenia. Office for Equal Opportunities.
- Pilvre, B. (2009). Eesti Ekspressi „Persoon” soo aspektist. *Ariadne Lõng*. 1/2, 42–62
- Põldsaar, R. (2000) American Cultural Influence and the Re-Construction of Gender in Recent Estonian Public Discourse. Unpublished Master's Thesis. Tartu: Tartu Ülikool.
- Põldsaar, R. (2001) Kriitiline diskursuseanalüüs ja naisekäsitlus eesti meedias. *Ariadne Lõng*. II, 199–206.
- Rubin, G. (1975). The traffic in women: Notes on the „political economy” of sex. Teoses R. R. Reiter (toim.) *Toward an anthropology of Women*, 173–199. New York: Monthly Review Press.
- Siibak, A. (2007). Sugu virtuaalmaailmas. *Ariadne Lõng*. VII 1/2, 36–48.
- Siibak, A. (2009). Self-presentation of the „Digital Generation” in Estonia. (Eesti „digitaalse põlvkonna” enesepresentatsioon). Doktoritöö. Tartu: Tartu Ülikool, Sotsiaalteaduskond, Ajakirjanduse ja kommunikatsiooni instituut.
- Schudson, M. (2005). Four Approaches to the Sociology of News. Teoses J. Curran and M. Gurevitch (toim.) *Mass Media and Society*. 4th edition. London: Hodder Education, 172–197.
- Schultz, M. R. (1975). The semantic derogation of women. Teoses D. Cameron (toim.) (1990). *The feminist critique of language: A reader*. 134–147.
- Stevenson, N., Jackson P., Brooks, K. (2000). The politics of „new” men's lifestyle magazines. *European Journal of Cultural Studies*. 3(3), 366–385.
- Sugu telepildis (2004). Screening Gender. Õppevahend (koostaja B. Pilvre). Tartu: Tartu Ülikooli ajakirjanduse ja kommunikatsiooni osakond.
- Zilliacus-Tikkanen, H. (1997). *Journalistikens Essens i ett Könperspektiv*. Helsingfors: Rundradiosjämmställdhets kommitté A 1.
- Tuchman, G. (1978). The symbolic annihilation of women by the mass media. Teoses O. Boyd-Barrett, C. Newbold (toim.) *Approaches to media: A reader*. London: Arnold, 406–419.
- Van Zoonen, L. (1991/1993). A tyranny of intimacy? Women, femininity and television news. Teoses P. Dahlgren, C. Sparks (toim.). *Communication and citizenship: Journalism and the public sphere*, 217–235. London: Routledge.
- Van Zoonen, L. (1994). *Feminist media studies*. London: Sage.
- Whelehan, I. (2000). *Overloaded: popular culture and the future of feminism*. London: Women's Press.
- Williamson, J. (1986). Woman is an island: Femininity and colonization. Teoses T. Modleski (toim.) *Studies in entertainment: Critical approaches to mass culture*, 100–118. Bloomington: Indiana University Press.
- Winship, J. (1987) *Inside Women's Magazines*. Pandora, London.

Мужчины и женщины в гражданском обществе Эстонии

Эрле Рикманн
Микко Лагерспец

Резюме

.....

С момента восстановления независимости Эстонии число гражданских объединений в стране росло стремительным темпом: на сегодняшний день зарегистрировано около тридцати тысяч организаций. Наряду с количественными изменениями, за последнее десятилетие в деятельности гражданского общества стали все чаще отмечать его большие возможности, способные уравнивать власть государственного и коммерческого секторов. Люди, чьи интересы в экономической жизни и обычной политике остаются недостаточно защищенными, могут через третий сектор продвигать свои интересы и ценности, находить им поддержку. Объединения помогают концентрировать ресурсы для деятельности и выносить на общественное обсуждение темы, важные для развития общества. Одной из новых тем для общественности Эстонии является гендерное равноправие. В Эстонии сделаны лишь первые шаги в изучении гендерных ролей и роли гражданских объединений в развитии гендерного равноправия. Авторы настоящей публикации стараются хотя бы частично заполнить существующий пробел, используя для секундарного анализа данные материалов трех научно-социальных исследований, проведенных в Эстонии в начале 2000-х годов. Основной рассматриваемый вопрос: влияет ли, и если «да», то как, деятельность гражданских объединений на позиции мужчин и женщин в обществе. Насколько активны и влиятельны женщины в гражданском обществе? Чем занимаются в гражданских объединениях мужчины и женщины? Прежде всего, наше внимание будет сосредоточено на данных, отражающих общее развитие гражданской инициативы и ее отношений с публичной властью. Затем будут исследованы гендерные различия в содержании гражданской деятельности. Также мы рассмотрим, что мотивирует мужчин и женщин участвовать в данной деятельности, и какого рода общественной активности способствует членство в организациях мужчин и женщин. Завершает публикацию обобщающее заключение.

ЭРЛЕ РИКМАНН, МА, научный сотрудник и преподаватель при Центре исследования и развития гражданского общества Таллиннского университета. Главные темы ее исследований – социальные проблемы Эстонии, отношения между государством и гражданскими инициативами, меньшинства и формирование идентичности.

МИККО ЛАГЕРСПЕЦ, Dr. rer. pol, профессор социологии Академии Або (Финляндия), сотрудничает с Центром исследования и развития гражданского общества Таллиннского университета. Микко Лагерспец – известный преподаватель, исследователь гражданского общества и эксперт, автор многочисленных публикаций в эстонских и зарубежных изданиях на темы развития гражданского общества, демократизации, постсоциалистического переходного периода, распространения наркотиков.

Введение

.....

В период восстановления независимости и первые годы после ее обретения к гендерному равенству относились с некоторым сомнением. В Советском Союзе трудовая занятость женщин была одной из самых высоких в мире, а для беременных женщин и матерей малолетних детей были предусмотрены значительные социальные гарантии. Уровень образования среди женщин также был выше. Официальная идеология представляла женщин, прежде всего, в двух ролях: работницы и матери (Kalns-Timans 1992, 39 и далее). Для многих людей восстановление независимости означало, в числе прочего, возвращение к стилю жизни и общественному устройству, характерному для периода до II Мировой войны. Негативная реакция на все, что считалось советским, не обошла и представления о гендерных ролях. Первый республиканский конкурс красоты был организован в ноябре 1988 года; примечательные политические дебаты вызвало предложение о легализации проституции, высказанное в начале 1990 года (Lagerspetz 1996, 117–126). Таким образом, к прежним женским ролям добавилась еще одна – роль женщины как товара. В акцентировании гендерного и общего социального равенства зачастую видели пережиток советской идеологии или попытку импортировать в Эстонию западные псевдопроблемы. Объективные же показатели продолжали говорить о гендерном неравенстве. Представительство женщин среди ведущих политиков остается скромным в течение всех лет вновь обретенной независимости: сегодня среди депутатов Рийгикогу женщины составляют 21%. Средний брутто-доход наемных работников женского пола в 2000-х годах составлял около 73–74 процентов от брутто-дохода наемных работников мужского пола (2008: 73,2%) (Исследования трудовых ресурсов Департамента статистики Эстонии).

Наряду с политикой и экономикой не стоит, однако, забывать о т. н. третьем секторе, где члены общества добровольно объединяются в некоммерческие организации разных типов. Иногда третий сектор отождествляют с гражданским обществом; хотя теоретически это не очень

точно,¹ но важно подчеркнуть значение третьего сектора как центрального компонента гражданского общества (см. Lagerspetz 2007). Можно сказать, что третий сектор в независимой Эстонии развивался динамичней, чем политика и экономика: ежегодно в Эстонии регистрируется около 1500 новых гражданских организаций. По состоянию на 1 октября 2009 года общее число занесенных в Коммерческий регистр некоммерческих объединений (эст. *mittetulundusühendus* – MTÜ) и целевых фондов (эст. *sihtasutus* – SA) составило 29 559. В международном контексте (и особенно в контексте государств Восточной Европы) это очень высокий показатель относительно народонаселения страны.

Если исключить квартирные товарищества, гаражные, водные и лесные кооперативы, а также церкви, то число зарегистрированных организаций, созданных по инициативе граждан, составит чуть менее 16 000. Их число растет примерно в одинаковом темпе уже около десятка лет. (Однако статистика зарегистрированных объединений не точно отражает реальную способность гражданского общества к действиям; см. Rikmann 2007). Помимо количественных изменений, в деятельности гражданского общества важно то, что ее все чаще видят как возможность уравновесить власть государства и коммерческого сектора в обществе; люди, чьи интересы в экономической жизни и обычной политике недостаточно защищены, могут через третий сектор продвигать свои интересы и ценности, находить им поддержку.

Хотя в основном гражданская инициатива реализуется в неорганизованной форме через неформальное общение, главной силой гражданского общества все же считаются формальные, зарегистрированные объединения, действующие на основании устава. Формальное объединение строится на фиксированных принципах, распределении работы и ответственности, а также, будучи независимым юридическим лицом, способно представлять инте-

1 В юридическом смысле под третьим сектором подразумеваются организации, которые не являются государственными учреждениями или учреждениями местных самоуправлений и не стремятся к получению экономической выгоды. Гражданское общество подразумевает также отношения между указанными организациями и сотрудничество между людьми вне формальных организаций. Однако зачастую при использовании понятия гражданского общества указывают на все общество, а не на определенную его часть; такое общество следует принципам демократии и плюрализма. Важной гарантией плюрализма считаются неправительственные организации, не преследующие экономической выгоды, т.е. т.н. третий сектор (см. например Gellner 1994).

ресы своих членов или целевой группы в процессе принятия политических решений. В Эстонии в исследовании гражданских объединений и их роли в развитии гендерного равноправия делаются лишь первые шаги. В данной главе делается попытка хотя бы частично заполнить существующий пробел на основании секундарного анализа материала трех научно-социальных исследований, проведенных в начале 2000-х годов.²

В качестве главного был поставлен вопрос: влияет ли, и если «да», то как, деятельность гражданских объединений на позиции мужчин и женщин в обществе Эстонии? Насколько влиятельны и активны женщины в гражданском обществе? Чем занимаются мужчины и женщины в гражданских объединениях?

Данные, анализируемые в публикации, касаются, прежде всего, членства в зарегистрированных организациях (недоходных объединениях, целевых фондах, профсоюзах, религиозных объединениях и партиях); средств (ресурсов), которые находятся в распоряжении мужчин и женщин для участия в деятельности в рамках гражданской инициативы; их отношений между собой и с публичной властью.³ В первую очередь сосредоточимся на данных, отражающих общее развитие гражданской инициативы и ее отношений с публичной властью. Затем рассмотрим гендерные различия в содержании гражданских инициатив. Также постараемся показать, какова мотивация мужчин и женщин, и какого рода общественной активности мужчин и женщин способствует членство в организациях. Публикацию завершит обобщающее заключение.

Гражданская инициатива и публичная власть в Эстонии

Исследователи гражданской инициативы и вовлеченности граждан подчеркивают важность индивидуальных ресурсов для участия в гражданских инициативах. Под этими ресурсами понимаются, например, уровень образования, состояние здоровья, размер доходов, определенные умения или также социальный капитал, который можно применить для развития деятельности и достижения целей (Rose 2004, 35; Putnam 2000, 19). Однако междуна-

родные сравнения показывают также различия в том, в какой мере участие в общественной жизни поощряется разными обществами. Немаловажную роль играют отношения между государственной властью и гражданской инициативой: то, как и в какой мере гражданская инициатива вовлекается в формирование обществ. Без поддержки государства и его одобрения гражданская инициатива не сможет быть эффективно реализована. Например, несмотря на унифицирующие механизмы Европейского союза, до сегодняшнего дня сохраняются различия в уровне активности граждан Западной и Восточной Европы, впрочем, как и по оси «Север–Юг»: различия между Северными странами и странами Средиземноморья не менее значительны (Rose 2004).

Развитие гражданского общества Эстонии после восстановления государственной независимости шло в постсоциалистическом контексте, для которого характерны ограниченность как индивидуальных, так и государственных ресурсов, открытость поля деятельности с ненадежными и/или противоречивыми нормами, а также несоответствие новым идеалам прежнего опыта, убеждений и схем поведения.

С течением времени влияние всех этих факторов, препятствующих самоорганизации и независимости гражданской инициативы, уменьшалось, но большая часть импульсов к изменениям пришла в общество Эстонии из-за рубежа: финансовая помощь внешних доноров, ноу-хау и примеры для подражания. В общих чертах это относится как к гражданским инициативам в целом, так и к партикулярным интересам, представленным ими, а также к новым для общества Эстонии темам и ценностям (равноправие). Таким образом, гражданское общество начала 21-го века в Эстонии можно в целом считать силой обновляющей, способствующей укреплению демократии, хотя с оговоркой, что она исходит не столько из внутренней логики развития и зрелости общества, сколько из сознательно спланированной деятельности по его развитию. Большинству действующих сегодня объединений все еще требуются время и усилия, чтобы, так сказать, дорасти до существующих возможностей и вызовов.

Деятельность гражданских объединений Эстонии при сравнении с другими странами, особенно другими странами Балтии, Восточной и Центральной Европы, выглядит в хорошем свете. Несмотря на то, что средний показатель членства жителей Эстонии в добровольных организациях (0,6) ниже среднего

² Данные исследований приведены в конце главы.

³ Количественные данные в большом объеме о недоходных объединениях и их членах опубликованы в сборнике Хинно и других авторов (Hinno и др. 2009).

Рисунок 1. Индекс показывает среднее число организаций, членами которых являются респонденты (2004 г.)

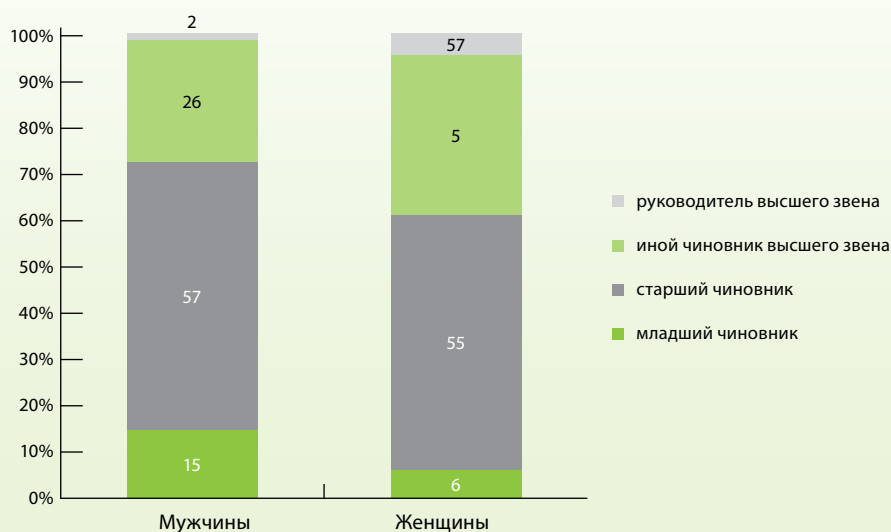
Источник: Rose 2004

показателя по странам Европейского Союза (0,9), он является одним из наиболее высоких среди государств, ранее входивших в т. н. восточный блок (Rose 2004, 24). Причем в Эстонии особенно высок уровень участия женщин в организованных гражданских инициативах.

Анализ других показателей, влияющих на деятельность гражданских инициатив, позволяет увидеть, что особенностью жителей Эстонии является их все еще слабое участие в сетях неформальных отношений. Средний европейский показатель по пятибалльной шкале составляет 2,3, а показатель Эстонии – 2,0. Напротив, в большинстве стран Восточной Европы неформальным отношениям придается большее значение, нежели в Западной Европе (Rose 2004, 12). Однако, по европейскому сопоставительному индексу участия в т. н. конвенциональной политике (в т. ч. участия в выборах) Эстония оказалась на самом последнем месте (Rose 2004,

19). Жителей Эстонии никак нельзя назвать активными в плане членства в партиях и в формировании политики путем голосования на выборах. Как при таких условиях интересы женщин и мужчин Эстонии достигают уровня принятия решений?

То же самое исследование стран Европейского Союза показало, в числе прочего, что женщины в меньшинстве повсюду: в государственных институтах, на руководящих постах в гражданских объединениях. Таким образом, большинство ключевых позиций на уровне принятия решений и в сфере коммуникации между различными секторами общества занимают мужчины. Роуз (Rose 2004, 37) спешит заметить, что ситуация быстро меняется. В то же время проведенные в Эстонии исследования также подтверждают, что мужчин на руководящих постах по-прежнему больше, женщины работают на более низких постах как в публичной сфере, так и в объединениях гражданской инициативы. Что каса-

Рисунок 2. Мужчины и женщины на публичной службе в Эстонии: служебная позиция чиновника (2005 г., в %)

Источник: исследование «Роли и установки на публичной службе», 2005 г.

ется гражданских объединений, тут многое зависит от того, в какой сфере действует организация; это отражает общее гендерное разделение общества Эстонии по сферам деятельности и профессиям.

Гражданская инициатива не может существовать в вакууме. Чтобы представлять свои интересы и иметь вес в обществе, членам гражданских объединений необходимо налаживать сотрудничество с институтами публичной власти. Впрочем, возможности, желание и умения чиновников работать совместно с гражданскими инициативами также формировались в постсоциалистическом контексте. Проведенные в 1990 году исследования показали, что, по мнению представителей гражданских инициатив, существенным препятствием их деятельности являются именно негативные и неконтактные установки чиновников. Еще недавно сферу гражданских инициатив связывали, главным образом, с занятиями по интересам, и «недовольное ворчание» т. н. «вязальщиц чулок» противопоставляли государственной эффективности. Особенно пренебрежительным отношением отличались мужчины: публичные служащие и политики. Признаки перемен в установках стали проявляться в начале 2000-х годов (см., например, Lagerspetz и др. 2002, Rikmann 2003). Возможно, что свою роль тут сыграли одобренная в 2002 году Рийгикогу «Концепция развития гражданского общества Эстонии»

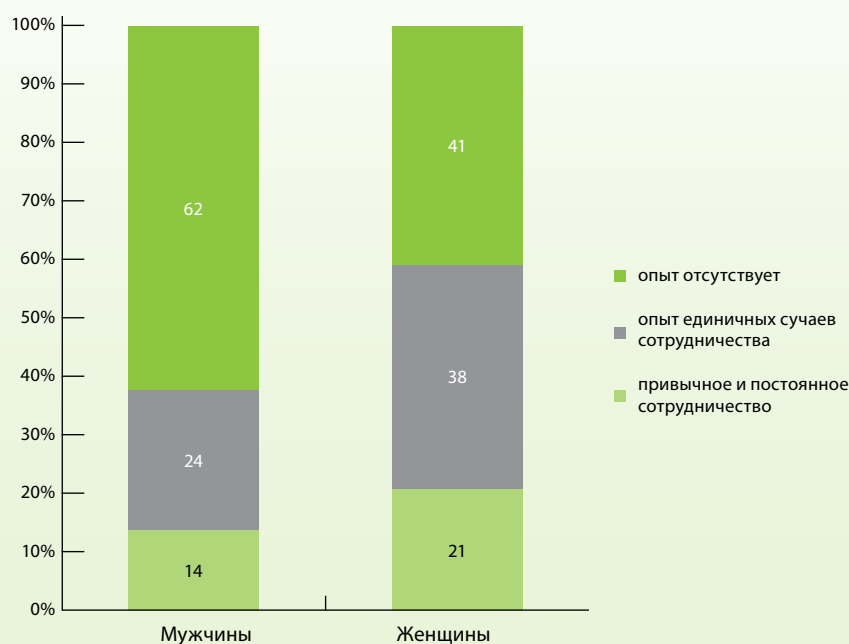
и прошедшие в обществе дискуссии о роли гражданских инициатив. Начиная с этого времени привлечение гражданских организаций к процессу принятия решений в сфере их компетентности становилось все более само собой разумеющимся.

Если в 1990-х годах инициативы и предложения о сотрудничестве со стороны объединений отвергались именно чиновниками-мужчинами, то опрос публичных служащих, проведенный в 2005–2006 гг., неожиданно показал, что отношения сотрудничества с представителями гражданских инициатив были более тесными у чиновников-мужчин, чем у чиновников-женщин.

Кроме того, такое сотрудничество чаще инициировалось чиновником-мужчиной (58%). Напротив, большинство чиновников-женщин отмечали, что инициатором сотрудничества выступала скорее гражданская организация (33%), или же инициатива проявлялась обеими сторонами в равной мере (20%).

Это можно объяснить по-разному. С одной стороны мужчины на публичной службе чаще женщин занимают более высокие позиции, должности, где содержанием работы является общение с организациями вне учреждения и разработка долгосрочных перспектив развития. Становится очевидно, что мужчины-служащие больше связаны с привлечением гражданских объединений. Впрочем, из опроса

Рисунок 3. Опыт сотрудничества с гражданскими объединениями публичных служащих мужского и женского пола (2005 г.)

Источник: исследование «Роли и установки на публичной службе», 2005 г.

выяснилось также, что среди мужчин-чиновников больше тех, кто до прихода на публичную службу, работали в недоходном секторе, и, возможно, что, отчасти благодаря накопленному опыту, отношения с гражданскими инициативами у них налаживались проще, чем у коллег женского пола, чья трудовая жизнь чаще начинается сразу с публичной службы. Однако доля людей, перешедших из недоходного сектора на публичную службу, была столь мала, что позволила сделать очевидный вывод: участие в деятельности гражданских инициативных объединений не является трамплином для будущих чиновников, в отличие от ситуации в Северных странах и остальной Европе (см., например, Siisiäinen 2009, 105–110). Тем не менее, результаты исследования дают представление о тенденциях предыдущих лет, наиболее заметно изменивших установки ключевых лиц мужского пола в отношении гражданских инициатив.

Однако за изменением установок роста ресурсов в гражданском обществе не последовало. Подтверждением тому служит также то обстоятельство, что, несмотря на признание деятельности объединений, работа в организации гражданской инициативы

по-прежнему не является значимой карьерной возможностью или перспективой на будущее для большинства служащих публичного сектора Эстонии. Всего 3% таких респондентов выразили желание работать в дальнейшем в организации гражданской инициативы, и еще меньше (1,5%) оказалось чиновников, которых привлекал переход к политической карьере. Более двух третей респондентов желали бы продолжить работу на публичной службе, а одна пятая остальных видела свое будущее в коммерческой деятельности. При этом женщины проявили большую лояльность к публичной службе (81% женщин хотели остаться на ней), а мужчин немногим больше, чем женщин (27% мужчин и 16% женщин), привлекала работа в частном секторе (исследование «Роли и установки на публичной службе», 2005–2006 гг.).

В итоге следует констатировать, что, хотя на ведущих позициях в публичном секторе и при принятии решений, казалось бы, перевес за мужчинами, его отчасти уравнивает важная роль женщин в гражданских организациях и их перевес на тех позициях публичной службы, которые заняты реализацией в жизнь решений, принятых мужчинами. Имею-

щиеся данные подтверждают, что при формировании отношений с гражданскими инициативами большую активность и новаторство проявляют чиновники мужского пола. Однако эти данные все же не позволяют более точно проанализировать причины такого явления – обусловлено ли оно трудовыми позициями мужчин на публичной службе или же спецификой гендерных установок: большей готовностью мужчин к риску, склонностью к новаторству или же речь идет о более глубоком изменении ценностей.

Гражданское общество Эстонии развивается быстрым темпом, который не уступает темпу политических, экономических и социальных изменений государства как единого целого. Скорее наоборот: накапливаемый опыт, расширяющаяся доходная база и контакты организаций с похожими организациями на международном уровне способствуют их превращению в более активные и инициативные. «Вязальщицы чулок» превращаются в общественную силу.

Участие мужчин и женщин в гражданских инициативах в Эстонии

Организации гражданского общества – многослойное и многоуровневое явление. Роуз (Rose) выделяет четыре типа гражданских организаций: неформальные сообщества, волонтерские объединения, конвенциональные политические акции и транснациональная общественная сфера Европы (с. 9). Объединения разных типов действуют по-разному, несут в себе и генерируют разные ценности. Деятельность гражданских инициатив все больше расслаивается, например: европейский уровень, который, по мнению Роуз, предполагает наличие ресурсов и условий иного плана, нежели участие в процессах принятия решений на местном уровне, превращается по большей части в поле деятельности с мужской доминантой. В деятельности гражданских инициатив на международном уровне жители Эстонии занимают позицию пассивно реагирующих участников, не проявляя со своей стороны новых инициатив и не показывая новых направлений деятельности (исследование «Институционализация гражданской инициативы...», 2004–2005 гг., см также Lagerspetz, Rikmann 2007.). Сфера деятельности наших гражданских объединений до сих пор ограничивается мест-

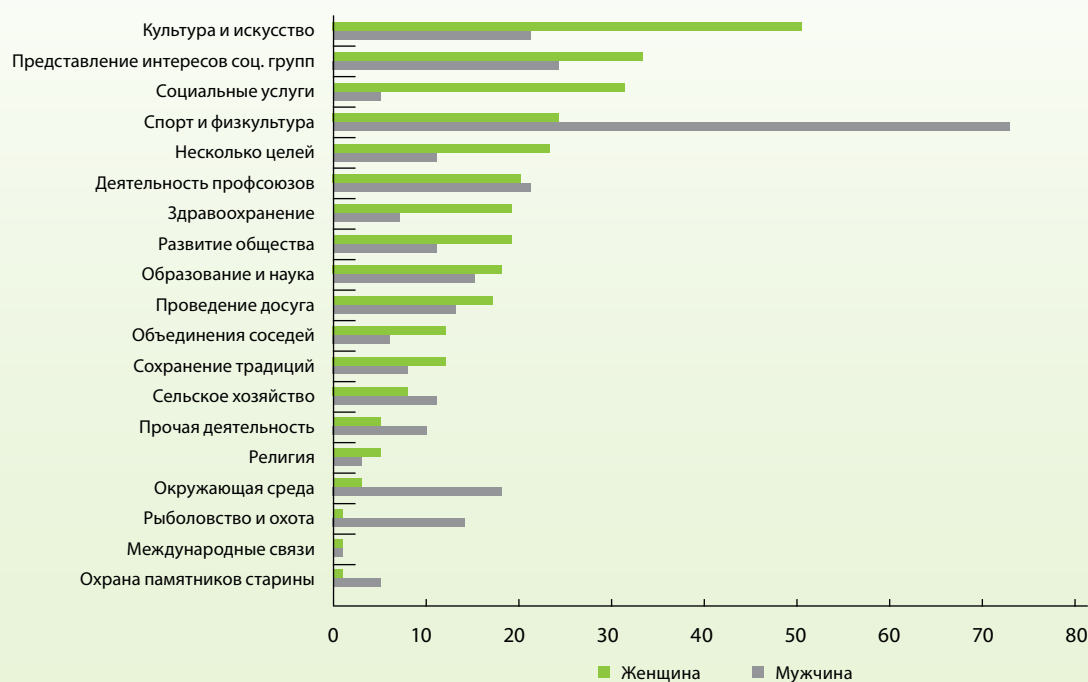
ным или государственным уровнем. А как же обстоят в этом случае дела с женским и мужским ресурсами Эстонии, а также схемами участия?

В рамках опроса населения, проведенного

Деятельность обществ надо унифицировать. Они (женские общества) возникли на волне воодушевления 1917 г., но ясности, каким путем должна идти женщина, не было. Благотворительность не входит в число задач женских обществ. Женское общество должно быть феминистским, и его деятельность должна быть посвящена прежде всего развитию женщины. (Из протокола собрания Совета уполномоченных Союза женских организаций Эстонии, 1922 г.)

в Эстонии в 2007 году, мы исследовали членство жителей страны в обществах и волонтерских объединениях. Выяснилось, что 70% респондентов не являются членами ни одной из подобных организаций (исследование «Неравное обращение...», 2007 г.). По данным масштабного исследования, проведенного в 2004 году в 27 европейских странах и Турции, на аналогичный вопрос так же ответили 55% респондентов (Rose 2004). Среди жителей Эстонии, являющихся членами политических партий, профсоюзов или профессиональных объединений, соотношение мужчин и женщин примерно равное. Женщин-прихожанок церквей и членов религиозных объединений больше (14%), чем мужчин, а мужчины преобладают среди членов спортивных, культурных обществ или обществ по интересам. Последний показатель у мужчин – 16%, у женщин – 10%. В религиозных объединениях и в профсоюзах Эстонии состоит заметно меньший процент населения, чем в среднем по странам Европейского союза. В Эстонии к числу пассивных членов религиозных объединений отнесли себя 7,4%, а к числу активных 3,0% респондентов. В Западной Европе эти показатели были, соответственно, 32,4 и 14,5%, в Восточной Европе – 19,5 и 10,7%. Средний европейский показатель профсоюз-

Рисунок 4. Пол респондента и основная сфера деятельности недоходного объединения (2004–2005 гг.)

Источник: исследование «Институционализация гражданской инициативы в Эстонии: структура и ресурсы организованности», 2004–2005 гг.

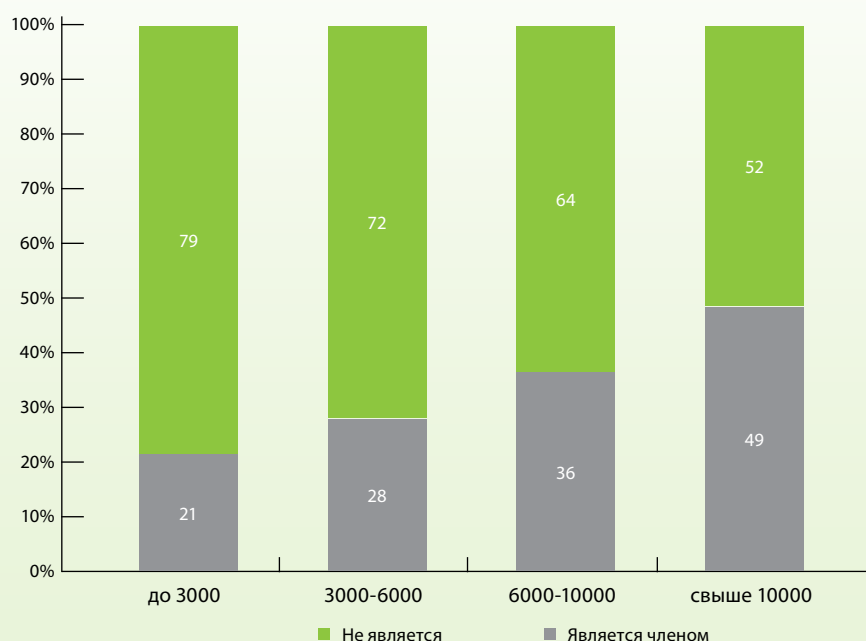
ного членства среди совершеннолетнего населения – 10%, а в Эстонии, по данным опроса населения за 2007 год, этот показатель был всего 4,9% (исследование «Неравное обращение...», 2007 г.).

В 2004–2005 годах при исследовании членства гражданских объединений был задан вопрос: «Кто преобладает среди активистов объединений – женщины или мужчины?» (исследование «Институционализация гражданской инициативы...», 2004–2005 гг.). 34% респондентов отметили, что среди людей, активно участвующих в работе объединения, большинство составляли мужчины, а 37% респондентов активными назвали женщин. 19% респондентов посчитали, что представители обоих полов представлены среди активных членов в равной мере. В целом выяснилось, что активность в недоходных объединениях свойственна примерно в равной мере и мужчинам, и женщинам (с небольшим перевесом в пользу женщин). Особенной зависимости от величины или местонахождения организации отмечено не было. Зато доля активных мужчин и женщин среди членов организаций зависела от целей организации. Одни сферы деятельности

оказались «мужскими», а другие – «женскими». Все (100%) организации, занимающиеся рыболовством и охотой, 71% спортивных и физкультурных организаций, а также 67% объединений, занимающихся вопросами окружающей среды, и объединений по охране памятников старины ответили, что среди их активных членов преобладают мужчины. В то же время женщины-активистки преобладали среди членов организаций, занимающихся здравоохранением (85%), социальной работой (74%) и представительством интересов социальных групп (69%).

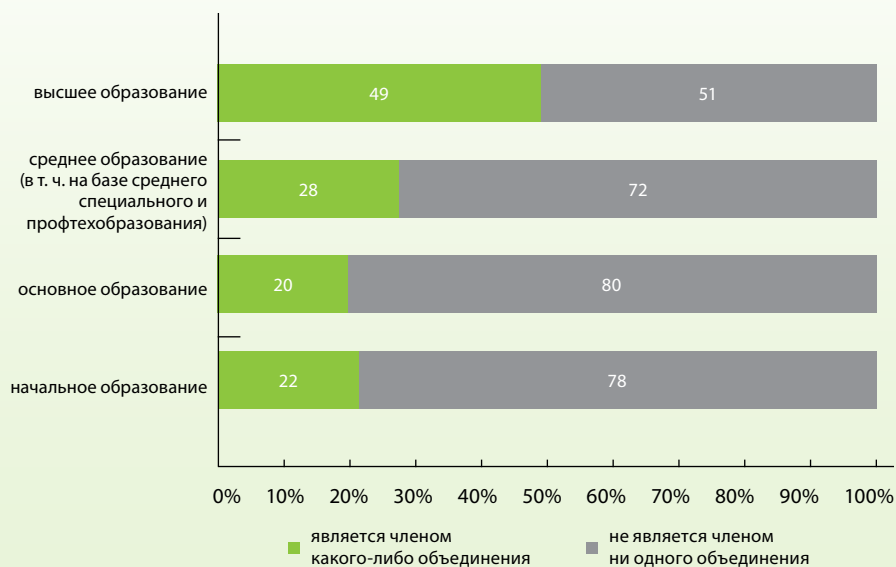
Аналогичное соотношение преобладания мужчин и женщин и распределение между гендерно-нейтральными сферами деятельности обнаруживается при анализе того, как распределялись по гендерному признаку лица, заполнившие опросный лист. 52% из них были женского и 48% – мужского пола; распределение респондентов явно соответствовало разделению сфер деятельности организаций на «мужские» и «женские». К числу «женских» сфер тут были также отнесены культура и искусство; однако женщины в несколько большей степени, чем мужчины, представлены в организациях, цели которых

Рисунок 5. Принадлежность к гражданскому объединению (членство в объединении) и уровень доходов (2007 г., в %)

Источник: исследование «Неравное обращение по признаку свойств или социальной позиции лица: установки, опыт и уровень информированности жителей», 2007 г.

Рисунок 6. Связь принадлежности к гражданскому объединению (членство в объединении) с уровнем образования (2007 г., в %)

Источник: исследование «Неравное обращение по признаку свойств или социальной позиции лица: установки, опыт и уровень информированности жителей», 2007 г.

связаны с представительством интересов социальных групп, оказанием социальных услуг, развитием здравоохранения, окрестных территорий или общим развитием общества. «Мужскими» сферами оказались спорт и физкультура, вопросы окружающей среды и рыболовство с охотой (см. рисунок 4).

В то время как проведенные в Северных странах исследования показывают, что там принадлеж-

ность к организации и участие в деятельности гражданских инициатив не особенно зависят от наличия индивидуальных ресурсов, в Эстонии – ситуация обратная (Sivesind и Selle 2009, 269–274). Хотя эта тема в Эстонии отдельно не изучалась, анализ имеющихся данных показывает, что местная гражданская инициатива по-прежнему в очень большой мере опирается на личные ресурсы членов организации.

Женские организации и формирование политики гендерного равноправия

Реэт Лая

Вступление

Женские организации стали появляться и формироваться еще в начале 1990-х годов, накапливая ту зрелость и активность, которые проявились в последние десять лет. Они объединялись в многочисленные социальные сети, оказывая влияние на различные аспекты проводимой политики.

В базе данных Эстонского женского центра информации и исследований зарегистрировано около 200 крупных и малых организаций, но, безусловно, есть еще немало других активных обществ и объединений, не зарегистрированных в этой базе.

В развитии сектора недоходных объединений женские организации Эстонии зачастую играли роль первопроходцев. Они привлекали не только женщин, но и мужчин к активному гражданскому участию и влиянию на местную жизнь, а также на внутригосударственную и международную политику. Руководители многих организаций участвовали в разработке концепции гражданского общества, подготовке предложений о создании соответствующего целевого капитала.

Содействие развитию гендерного равноправия

Женские организации выступили за гендерное равноправие и претворение в жизнь его принципов во всех сферах жизни еще в середине 1990-х годов. Импульсом к этому послужила 4-я Всемирная конференция ООН о положении женщин и принятые на ней документы. Начало женскому движению положил Центр обучения женщин, затем дело продолжили Центр гражданского обучения, Эстонское объединение хуторянок, Эстонский центр информации и гендерных исследований, а также многие политические женские организации (женские объединения политических партий, недоходные объединения, обозначившие

свою политическую ориентацию в уставах). Последние объединились в единую социальную сеть около десяти лет назад. Тесное сотрудничество политических женских организаций в конце 1990-х годов и в начале этого века позволило заметно увеличить участие женщин в работе местных самоуправлений и Рийгикогу. Женские организации совместно проводили социальные рекламные кампании, способствуя активизации женщин в политике, анализировали различные социальные проблемы.

Вступление Эстонии в Европейский Союз способствовало дальнейшему развитию гендерного равноправия. Вступление в ЕС еще больше активизировало сотрудничество между женскими организациями. Так, в 2003 году появилась Сеть сотрудничества женщин Эстонии, а затем организация с еще более широкой социальной базой – Круглый стол женских объединений Эстонии. Она представляет женские организации Эстонии также в *European Women's Lobby's* (EWL). Цель ее социальной сети – быть посредником реализации в Эстонии политики гендерного равноправия, проводимой EWL и Европейским Союзом, а также – продвигать эстонские инициативы в этом направлении в Европейском Союзе и других странах. Тесное взаимодействие указанных социальных сетей необходимо для дальнейшего роста женского участия в политике.

Порознь и вместе разные организации борются с такими социальными явлениями, как пьянство, гендерное насилие, проституция, торговля людьми, распространение ВИЧ/СПИД, проводят соответствующие исследования и кампании.

Одним из успешных примеров, безусловно, надо назвать создание сети приютов для женщин. С 2002 года в разных регионах Эстонии было открыто девять таких приютов.

Сегодня женские организации несут на своих плечах задачу просвещения различных целевых групп Эстонии по правовым аспектам гендерного равноправия и реализации соответствующей политики. Например, местные самоуправления и недоходные объединения они знакомили с Законом о гендерном равноправии, а работодателей, профсоюзы, родителей, работников детских садов – с условиями родительского возмещения и т. д. Впервые организации информировали общественность о гендерно-чувствительном бюджете местных самоуправлений.

Следует также отметить вклад женских организаций в ознакомление государственных учреждений, местных самоуправлений и сектора недоходных объединений (а в последние годы – и предприятий) с политическими

Например, по данным опроса населения 2007 года, выяснилось, что, чем больше был ежемесячный доход респондента, тем выше была вероятность того, что он является членом какой-либо организации гражданской инициативы (исследование «Неравное обращение...», 2007 г.).

Кроме того, результаты опроса выявили связь между размером доходов респондента и сферой

деятельности организации, членом которой он состоит: респонденты с большим доходом были более активными членами политических партий, профессиональных объединений, спортивных, культурных обществ, обществ организации досуга, а также в других гражданских объединениях с не уточненной сферой деятельности. Зато респонденты со средними доходами чаще оказывались членами

документами по гендерному равноправию Европейской комиссии, EWL и Совета Европы.

В этой связи у женских организаций налажено тесное сотрудничество с уполномоченным по гендерному равноправию и равному обращению, а также с отделом гендерного равноправия Министерства социальных дел.

Поддержка общественной деятельности женскими организациями

Регулярные выборы Женщины года (проводятся организацией *Ассоциация деловых женщин Эстонии*) способствуют процессу выдвижения из общей среды общественно активных профессионалов, а выборы Матери года и Отца года (проводит Союз женщин Эстонии) – закреплению важных трудовых и семейных ценностей. Конкурс «Ориентир» (*Teenäitaja*), учрежденный Сетью сотрудничества женщин Эстонии, позволяет отметить самых лучших в этике и культуре общения, подчеркнуть важность прав и свобод личности, а также гендерного равноправия.

Наградой «Белая лента» Круглый стол женских объединений Эстонии отмечает деятельность тех, кто противодействует насилию в отношении женщин, активно информирует общественность о такой проблеме. Объединением женщин-редакторов учрежден приз «Доброе слово», который вручается авторам, чье творчество отражает позитивные гуманистические ценности и обогащает жизнь светлыми чувствами, мыслями и добрыми поступками.

Влияние на законодательство и политику

В последнее десятилетие к прежним направлениям работы женских организаций, таким как поддержка женщин в предпринимательстве, политике, сельской жизни, карьерном продвижении с помощью обучающих и менторских программ, добавилась законотворческая работа и разработка государственных программ развития.

Опыт такой работы женские организации накопили в первые годы этого века в ходе борьбы за проект Закона о гендерном равноправии и его принятие в Рийгикогу.

Затем последовали содержательные предложения и их отстаивание при подготовке Закона о родительском возмещении, Закона о рекламе, нового Закона о семье, Закона о трудовом договоре и многих других законодательных актов.

Некоторые примеры

Проект нового Закона о семье был отправлен на рассмотрение в Рийгикогу в мае 2007 года. При подготовке законопроекта предложения женских организаций не были учтены в полной мере. В 2008 году по инициативе женских организаций были проведены анализ и оценка социального влияния Закона о семье, в результате чего законопроект был отправлен на доработку.

Женские организации посчитали, что Эстонии нужен отдельный Закон о равном обращении. Когда законодатели все-таки решили объединить его проект с Законом о гендерном равноправии, организации через публикации в СМИ заново внесли свое предложение депутатам Рийгикогу, подтвердив важность принятия такого закона.

Борьба за законы против гендерного насилия у женских организаций еще впереди.

Женские организации – авторы многих предложений в различные планы развития и прикладные программы, такие как Государственная программа использования сланца, Прикладная программа развития человеческих ресурсов, Стратегия борьбы с насилием в отношении женщин, торговли людьми и др.

Заключение

За последние годы женские организации Эстонии стали активно влиять на развитие общества. Они научились пользоваться различными каналами влияния на формирование политических решений. Сотрудничество женских организаций между собой и другими организациями имеет огромное значение для формирования политики гендерного равноправия и развития демократии в Эстонии. ●

Реэт Лая возглавляет правление Эстонского центра информации и гендерных исследований и Центра обучения женщин, эксперт по гендерному равноправию. Имеет большой опыт преподавательской и консультационной работы. Много лет активно участвует в женском движении Эстонии, член ряда женских организаций. Активно публикуется в прессе на темы гендерного равноправия.

профсоюзов. Размер дохода не играл существенной роли лишь в принадлежности к религиозным объединениям или церковным приходам. При одинаковом уровне образования доходы мужчин были в среднем выше, чем доходы женщин (исследование «Неравное обращение...», 2007 г.).

Более высокий уровень образования также является ресурсом участия в деятельности гражданских инициатив и формирования общественной жизни. Так, 39% респондентов с основным образованием, 57% со средним образованием и 76% с высшим образованием ответили, что являлись или являются членами организации гражданской инициативы. Группа респондентов с начальным образованием отличалась от общей тенденции: у них данный показатель составил 55%, причем среди организаций, членами которых они являлись, преобладали профсоюзы и церкви. Опыт членства в объединениях у большинства респондентов с начальным образованием на момент опроса был уже в прошлом: во время проведения исследования около одной пятой из них являлись членами какой-либо организации, аналогично респондентам с основным образованием. На рисунке 6 представлена связь между уровнем образования респондентов и их членством в гражданских объединениях на момент проведения опроса.

Хотя анализ уровня образования респондентов, состоящих в гражданских объединениях, показывает, что деятельность в рамках гражданской инициативы в основном опирается на женщин и мужчин со средним образованием (56% от всех респондентов, являющихся членами объединений), в то время как процент участия в объединениях респондентов с высшим образованием (31%) выше, чем среди населения в целом. Как в составе населения, так и среди членов гражданских объединений женщин с высшим образованием несколько больше, чем мужчин с высшим образованием.

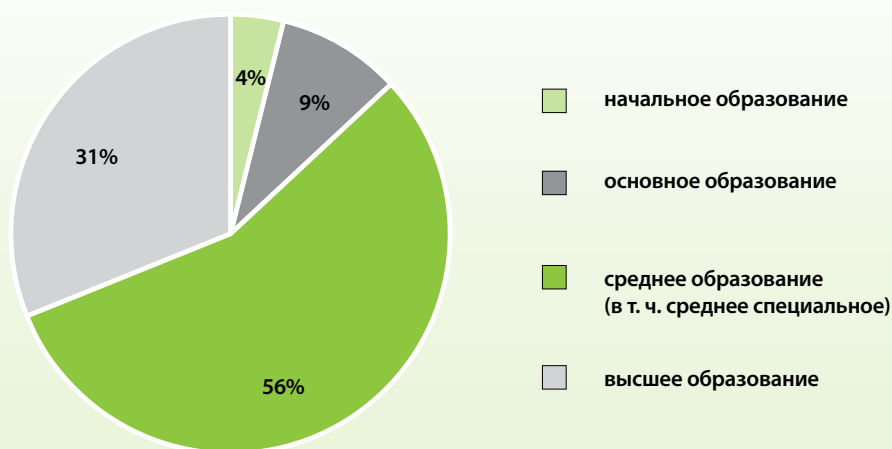
Похожая связь наблюдается и с национальностью респондента: опрос населения показал существенное различие в том, насколько большая доля эстонцев и респондентов других национальностей участвует в деятельности организаций или объединений (средний показатель у эстонцев – 35%, у респондентов других национальностей – 21%) (исследование «Неравное обращение...», 2007 г.).

Организации, среди членов которых большинство мужчин, чаще среднего показателя по всем респондентам опираются в своей деятельности

на самостоятельно заработанные доходы (здесь в первой тройке членские взносы и экономическая деятельность) (исследование «Институционализация гражданской инициативы...», 2004–2005 гг.). Организации, большинство членов которых женщины, чаще ищут деньги вне объединения. Таким образом, среди составителей проектов больше женщин. Также, например, на вопрос «Занесена ли Ваша организация в утвержденный правительством Эстонской Республики список объединений, на пожертвования которым распространяется льгота по подоходному налогу?» положительный ответ дали большей частью организации, среди членов которых преобладали женщины (27%). В организациях, собравших в своих рядах больше мужчин, чем женщин, положительно на этот вопрос ответили 20%. Приведенный ниже в таблице 1 рейтинг финансовых источников показывает, что объединения, где доминируют мужчины, больше связаны с коммерческим сектором и личными ресурсами, а организации, где доминируют женщины, в финансовом плане больше зависят от власти.

Данные международного исследования Роуз (Rose) показали, что участие в деятельности гражданских инициатив различного уровня требует ресурсов в разной мере, особенно чувствительна в плане ресурсов деятельность на международном уровне. Собранные в Эстонии в 2004–2005 гг. данные также показывают, что объединения с преобладанием женщин, в отличие от объединений с преобладанием мужчин, в большинстве своем действуют на местном уровне, который требует меньше ресурсов. Среди организаций, действующих на общегосударственном и международном уровне, преобладают организации под управлением мужчин (исследование «Институционализация гражданской инициативы», 2004–2005 гг.). На рисунке 8 показана принадлежность объединений к зонтичным организациям, работающих на разных уровнях.

Таким образом, исследования показывают, что из женщин и мужчин Эстонии практически в равной мере около 30% являются членами объединений гражданской инициативы (исследование «Неравное обращение...», 2007 г.). Что касается позиций или должностей представителей разных полов в объединениях, то и здесь ситуацию в Эстонии характеризуют схожие процентные соотношения. Например, среди респондентов исследования 2004–2005 годов 29% женщин являлись членами правления организаций и 40% имели статус председателя

Рисунок 7. Распределение лиц, являющихся членами гражданских организаций, на основе уровня образования (2007 г., в %)

Источник: исследование «Неравное обращение по признаку свойств или социальной позиции лица: установки, опыт и уровень информированности жителей», 2007 г.

Таблица 1. Пять самых важных источников финансирования недоходных объединений и связь с половой принадлежностью их членов (2004–2005 гг.)

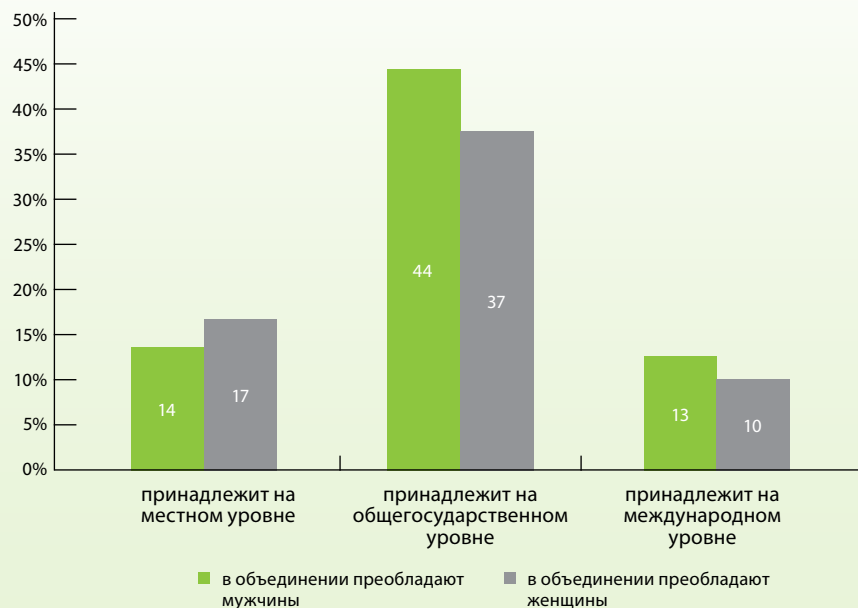
	В объединении преобладают мужчины	В объединении преобладают женщины
1.	Членские взносы	Субсидии от местных самоуправлений
2.	Субсидии от местных самоуправлений	Членские взносы
3.	Доходы от экономической деятельности	Субсидии от государства
4.	Субсидии от государства	Субсидии от государственных фондов и организаций
5.	Субсидии от предприятий Эстонии	Доходы от экономической деятельности

Источник: исследование «Институционализация гражданской инициативы в Эстонии: структура и ресурсы организованности», 2004–2005 гг.

правления. Среди респондентов мужского пола членами правления были 28%, а председателями правления – 44% (исследование «Институционализация гражданской инициативы...», 2004–2005 гг.). То есть общее положение с влиянием женщин и мужчин на деятельность объединений гражданских инициатив заметно более сбалансировано, нежели, например, на публичной службе. Однако и в сфере гражданской инициативы проявляются достаточно большие девиации, особенно если анализировать гендерный баланс по сферам деятельности. Как было сказано

выше, некоторые сферы деятельности заметно выделяются как сферы доминирования мужчин, в то время как сферу культуры и искусства можно назвать сферой доминирования женщин (см. там же). Если в сферах деятельности большинства объединений присутствует некоторый перевес членов женского пола (в правлении тоже), то в организациях, действующих в сферах спорта, окружающей среды, охоты/рыболовства и охраны памятников старины, подавляющее большинство членов составляют мужчины, как в качестве обычных членов, так и в руководстве.

Рисунок 8. Принадлежит ли недоброустроенное объединение к какой-либо зонтичной организации? (2004–2005 гг., в %)

Источник: исследование «Институционализация гражданской инициативы в Эстонии: структура и ресурсы организованности», 2004–2005 гг.

Поэтому, несмотря на то, что спортивные организации – самый распространенный тип объединений, и ключевые позиции в них занимают, как правило, мужчины, влияние мужчин в деятельности гражданских инициатив в целом остается более узконаправленным, чем влияние женщин.

Гражданское общество как отражение гендерных отношений в обществе Эстонии

Для гражданского общества Эстонии в целом характерна умеренность во взглядах и ценностных суждениях. Организации зависят от финансирования со стороны государства и местных самоуправлений и не могут позволить себе прямого противопоставления себя публичной власти. Таким образом, деятельность гражданских инициатив формируется в общих чертах в соответствии с общими тенденциями общественного развития, тем не менее обогащая последние, а также ставя на повестку дня проблемные вопросы.

Тема развития гендерного равноправия, несомненно, входит в сферу интересов гражданских

объединений. Однако этой проблемой по-прежнему занимаются, главным образом, только по инициативе женских объединений и сообществ (которые собирательно можно назвать женскими движениями) с расширенными целями. Женщины Эстонии относительно хорошо организованы. На основании базы данных Центра регистров и инфосистем (www.gik.ee) можно заключить, что от 230 до 280 объединений в разной мере и на разных уровнях имеют отношение к развитию равноправия. Женщины объединились на основе сфер деятельности, интересов, места жительства, политических предпочтений, проблем и т. п. Кроме того, работают региональные и специализированные зонтичные организации, а также общегосударственные сети. При существующей организационной структуре для целей женского движения Эстонии характерны, прежде всего, сдержанность и умеренность, как в постановке целей, так в инициативах и действиях.

Относительно мужского движения следует признать, что положение за пару десятков лет тут заметно не изменилось: в Эстонии до сих пор мужское движение не сформировалось. Авторы вышедшей в 2000 году книги «Мужчина в меняющемся мире» (Poolamets и др. 2000) отмечали, что большинство мужчин представляют собой сторонников

Рисунок 9. Какие возможности предлагает членство в объединении? (2004–2005 г., %)

Источник: исследование «Институционализация гражданской инициативы в Эстонии: структура и ресурсы организованности», 2004–2005 гг.

маскулинной системы ценностей, то же обнаруживает и современный анализ организаций, объединяющих мужчин. За отдельными исключениями (объединение Isade Eest! («За отцов!») и др.) мужчины по-прежнему не склонны объединяться ради изменения специфических гендерных установок, выступать по вопросам гендерного равноправия. Мужские организации – корпорации, хоры, общества охотников, клубы любителей виски и т. д. – действуют, прежде всего, в интересах своих же членов. По большей части они не представляют собой сообществ, действующих во имя более широких целей и общих перемен в социуме. В отличие от женского движения у них не обнаруживается даже скромного участия в общественных дискуссиях. В итоге можно констатировать, что гражданское общество в Эстонии проявляет себя скорее в качестве репродуктора укорененных гендерных подходов: немногочисленные новшества по улучшению ситуации с гендерным равноправием в основном иницируются умеренным женским движением.

Что же женщины и мужчины получают от гражданских инициатив? Есть ли различия в их мотивации к участию в работе объединений? Ответы на эти вопросы можно найти в материалах исследования организаций гражданских инициатив, проведен-

ного в 2004–2005 гг. В ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Какие возможности открыло вам членство в объединении?». Результаты анализа полученных ответов оказались относительно схожими, и в существенной мере не зависели от того, анализировались ли они на основании пола респондента или на основании половой принадлежности большинства активных членов организации. И респонденты женского пола, и организации с женской доминантой считали важным обучение чему-либо новому и приобретение нового опыта. У женщин желание изменить общество или повлиять на него было более выраженным, чем у мужчин. Респонденты-мужчины и представители организаций с мужской доминантой на первое место ставили желание заниматься хобби, а на второе – желание встретить новых или похожих на себя людей (см. рисунок 9). В отличие от женщин мужчины более важной сочли возможность получать дополнительный доход и защищать свои права и интересы. Подводя итоги, можно сказать, женщин стимулировала к вступлению в объединения возможность получения нового опыта и знакомств, а также желание изменить общество, в то время как мужчины вступают в организации большей частью для того, чтобы общаться и проводить свой досуг так, как им нравится.

Рисунок 10. Как уменьшить неравное обращение с людьми в Эстонии? (2007 г., в %)

Источник: исследование «Неравное обращение по признаку свойств или социальной позиции лица: установки, опыт и уровень информированности жителей», 2007 г.

Различия между организациями с преобладанием мужчин и организациями с преобладанием женщин обнаруживаются также в их основной деятельности. Чаще всего в объединениях занимаются *организацией мероприятий*, что является основным видом деятельности для 31% организаций с преобладанием мужчин и 28% организаций с преобладанием женщин. У мужчин наиболее популярные после *организации мероприятий* занятия можно расположить в следующей очередности: *деятельность по развитию, регулярное совместное времяпрепровождение и представление профессиональных интересов*. В объединениях с преобладанием женщин по популярности за *организацией мероприятий* следуют *деятельность по обучению, деятельность по развитию и далее примерно на одном уровне оказание помощи и регулярное совместное времяпрепровождение*.

До сих пор мы анализировали, что делают мужчины и женщины в гражданском обществе, и какое влияние они в нем имеют. Но как же влияет гражданская активность на тех, кто ее проявляет? Что происходит с теми женщинами и мужчинами, которые проявляют гражданскую инициативу? Само по себе членство в обществе или объединении существенно не повлияло на статистику восприятия неравного обращения или дискриминации, которые

были главной темой опроса населения в 2007 году, однако обнаружило связь с реакцией респондентов на неравное обращение. Если половина респондентов, не являвшихся членами какой-либо организации, после столкновения с фактом дискриминации не предприняла ничего, то среди членов обществ и объединений таких пассивных респондентов оказалось лишь около трети (исследование «Неравное обращение...», 2007 г.). Мужчины и женщины, являющиеся членами объединений, по сравнению с другими людьми лучше информированы о своих правах и возможностях, а также более толерантны к окружающим. Среди респондентов, участвовавших в деятельности гражданских объединений, было меньше тех, кто не знал, как действовать при возникновении проблем, кто не верил, что их деятельность в состоянии разрешить проблемную ситуацию, кто считал, что проблемы можно решать в основном путем ужесточения законов. Эти тенденции сильнее проявились у респондентов мужского пола, чем у респондентов женского пола (см. приведенные ниже рисунки). По сравнению с респондентами, не являющимися членами объединений, члены объединений проявили больше уверенности в необходимости воспитания терпимости в обществе. 62% женщин, входящих в объединения, считали, что это следует делать в основном через систему образования.

Рисунок 11 Как уменьшить неравное обращение с людьми в Эстонии? (2007 г., в %)

Источник: исследование «Неравное обращение по признаку свойств или социальной позиции лица: установки, опыт и уровень информированности жителей», 2007 г.

А мужчины (58%), входящие в объединения, больше, чем все респонденты в среднем (53%), полагали, что терпимость в обществе следует укреплять, меняя существующие установки.

Можно предположить, что на тех, кто включился в деятельность в рамках гражданской инициативы, будут влиять и совместная работа, и сама организация. Даже если первоначальная мотивация присоединения к работе такого рода ограничена наполнением досуга и защитой личных интересов (как это есть у респондентов из мужских организаций), постепенно установки в отношении общества и общий уровень информированности людей будут меняться.

Отдельная тема, связанная с деятельностью гражданской инициативы и указывающая на доверие и сознательность людей – это поиск помощи какого-либо гражданского объединения при решении личных проблем. Результаты исследования, проведенного в 2007 году, показывают, что в отличие от т. н. «старой Европы» в Эстонии не осознают этого потенциала гражданских объединений, особенно те слои населения, которые не участвуют в деятельности гражданских инициатив. Например, в предложенной анкете был вопрос: «Сделал ли что-либо, и если «да», то что, человек, испытывавший неравное обращение, чтобы исправить ситуацию или полу-

чить компенсацию?» Большинство, т. е. 51% из тех, кто испытали на себе неравное обращение, не предприняли ничего. Пассивных мужчин-респондентов оказалась несколько больше пассивных женщин; различия зависели также и от возраста респондентов. Больше всего пассивных было в возрастной группе 50–59 лет – 67% мужчин и 64% женщин. Более активные респонденты, столкнувшись с неравным обращением, надеялись только на себя: 17% респондентов сделали бы замечание лицу, непосредственно проявившему несправедливое отношение, и т. п. Следующим по частоте ответом было обращение за помощью к знакомым или родственникам (10% респондентов с опытом дискриминации). Если за помощью к какому-либо учреждению обращались 5% респондентов, испытывавших неравное обращение, то помощи у профсоюзов или гражданских объединений иного типа ищут, соответственно, только по 1% респондентов. Возрастной группой, наиболее активно реагирующей на неравное обращение, у мужчин стали лица 40–49 лет, а у женщин самые молодые участники опроса – лица 18–29 лет.

В других странах Европы широко принято обращаться к гражданским объединениям не только за бесплатной юридической помощью, но и в поисках единомышленников. В Европе одним из наиболее

распространенных типов представительской организации является профсоюз, играющий более важную роль в защите интересов работников, чем остальные организации. Масштабнее всего деятельность профсоюзов в Северных странах, где, по данным международного исследования *International Social Survey Programme* (ISSP), проведенного в 2004 году, профсоюзным членством не охвачены лишь 20% взрослого населения Финляндии, Швеции, Дании и Норвегии (Siisiäinen 2009, 96). В Эстонии этот показатель остается на одном уровне с другими странами Восточной Европы и сегодня составляет примерно 60%, и роста интереса к деятельности профсоюзов в стране не отмечается (исследование «Неравное обращение...», 2007 г.).

Заключение

Появление сектора гражданских инициатив и его стремительное расширение значительно повлияло на нынешний облик общества Эстонии. Процесс создал новые возможности для занятий по интересам в свободное время и деятельности по месту жительства, но, в то же время, он создал и предпосылки для продвижения новых ценностей в социуме и политике, но не факт, что конвенциональная политика и коммерческие интересы будут с этим считаться.

Как часто происходит с новыми начинаниями, возникшими в определенной мере по зарубежным образцам, с формированием гражданского общества формируется активная и информированная элита, тогда как большая часть членов общества остается в стороне. Для активных участников гражданского общества характерно наличие многих важных ресурсов: они имеют образование выше среднего, они эстонцы по национальности, имеют доходы выше среднего. Их разделение по гендерному признаку достаточно сбалансировано: женщины столь же активны в инициативах, как и мужчины, столь же часто занимают в своих организациях ответственные позиции. Однако диапазон сфер их деятельности шире, чем у мужчин.

При сравнении активности мужчин и женщин самые яркие различия обнаружились в целях организаций, в которых они состояли. Мужчины более склонны к объединениям, которые предлагают возможности для проведения досуга и налаживания

дружеских отношений. А объединения, где преобладают женщины, чаще ставят более широкие задачи, в т. ч. охватывающее все общество. Можно предположить, что частично это объяснимо большей долей женщин среди работников сфер здравоохранения и социальной защиты.

В числе ценностей, которые организации гражданской инициативы выделили в ходе общественных дискуссий в Эстонии, безусловно, присутствовало гендерное равноправие. Данные исследования показывают, что члены объединений активнее других людей защищают свои права при проявлении неравного обращения. Однако дальнейшего исследования и оценки требуют следующие вопросы: насколько существенным было участие третьего сектора в дискуссиях, касающихся равноправия, и какое влияние смогли они оказать на политические решения в этой сфере.

Развитие равноправия в порядке гражданской инициативы в Эстонии по-прежнему лежит на плечах женского движения. В разной мере и на разных уровнях вопросом равноправия в Эстонии занимаются около 230–280 объединений. Если женское движение использует инфраструктуру гражданской инициативы достаточно эффективно и может представлять свои интересы на разных уровнях, то мужчины не спешат организовываться на основании половой принадлежности. Вероятно, это говорит и о том, что защищать свои интересы мужчины могут через иные каналы и иными методами.

Использованные источники

Исследования и базы данных

- Uuring "Kodanikualgatuse institutsionaliseerumine Eestis: organiseerumise struktuur ja ressursid" (исследование «Институционализация гражданской инициативы в Эстонии: структура и ресурсы организованности»). Tellija: BAPP (2004–2005). http://www.siseministeerium.ee/public/Kodanikualgatuse_institutsionaliseerumine_Eestis_16.06.05.pdf
- Uuring "Rollid ja hoiakud avalikus teenistuses" (исследование «Роли и установки на публичной службе»). Tellija: Riigikantselei (2005–2006). Aruanne kättesaadav Internetis aadressil http://www.riigikantselei.ee/failid/avaliku_teenistuse_uuring_2006.pdf
- Uuring "Isiku omaduste või sotsiaalse positsiooni tõttu aset leidev ebavõrdne kohtlemine: elanike hoiakud, kogemused ja teadlikkus" (исследование «Неравное обращение по признаку свойств или социальной позиции личности: установки, опыт и уровень информированности жителей»).

Tellijä: Sotsiaalministeerium (2007). http://www.siseministeerium.ee/public/Isiku_20tunnuste_20v_C3_B5i_20s_C3_B5tsiaalse_20positsiooni_20t_C3_B5ftu_20aset_20leidev_20ebav_C3_B5rdne_20koht_lemine_20Uuringuraport_1_.pdf

Eesti Statistikaameti tööjõu-uuringud (Исследования трудовых ресурсов Департамента статистики Эстонии). www.stat.ee/sissetulek

Registrite ja Infosüsteemide Keskuse andmebaas (База данных Центра регистров и инфосистем) www.rik.ee

Использованная литература

Gellner, E. (1994). *Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals*. London jne: Penguin.

Hinno, K., Lagerspetz, M., Vallimäe, T. (2009). *Kolmas sektor arvupeeglis. Küsitlus- ja statistikaandmeid mittetulundusühenduste ja nendes osalejate kohta 2004–2007*. Tallinn: Tallinna Ülikooli kirjastus.

Kalns-Timans, A. (1992). Latvian women: The way forward? Teoses Trapenciē, I., Kalnina, S. (toim.). *Fragments of Reality: Insights on Women in a Changing Society*. Riga: VAGA Publishers, 32–43.

Lagerspetz, M. (1996). *Constructing Post-Communism: A Study in the Estonian Social Problems Discourse*. Turku: Turun yliopisto.

Lagerspetz, M. (2007). *Kodanikuühiskonna lühisõnastik*. Tallinn: Eesti Mittetulundusühenduste ja Sihtasutuste Liit.

Lagerspetz, M., Rikmann, E. (2007). Estonia. Teoses H. K. Anheier, S. Daly, (toim.). *The Politics of Foundations: A*

comparative analysis. London, New York: Routledge, 144–156.

Lagerspetz, M., Rikmann, E., Ruutsoo, R. (2002). The Structure and Resources of NGOs in Estonia. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 13, 1, 73–87.

Naisorganisatsioonide Liidu Asemikkude Kogu koosolek. (1923). Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924–1926. Tallinn: Vaba Maa.

Poolamets, O., Uljas, J., Raun, M., Punab, M. (2000). *Mees muutub maailmas*. Tallinn: Eesti Pereplaneerimise Liit.

Putnam, R. D. (2000). *Bowling Alone. The collapse and revival of American community*. New York: Simon and Schuster.

Rikmann, E. (2003). Kansalaisosallistumisen kulttuuri Virossa. *Idäntutkimus*. 10, 1, 3–14.

Rikmann, E. (toim.) (2007). *Algatus, osalus ja organisatsioonid. Uurimusi Eesti kodanikuühiskonnast*. Tallinn: Tallinna Ülikooli kirjastus.

Rose, R. (2004). *First European Quality of Life Survey: Participation in civil society*. Viin: Institute for Advanced Studies.

Siisiäinen, M. (2009). Differentia Specifica of Voluntary Organizing in Finland. Teoses Annamari Konttinen (toim.) (2009). *Civic Mind and Good Citizenship. Comparative Perspectives*. Tampere: Tampere University Press.

Sivesind, K. H., Selle, P. (2009). Civil Society and Social Capital in Scandinavia. Teoses H.K. Anheier, S. Toepler, R. List (toim.) *International Encyclopedia of Civil Society*. Heidelberg: Springer, 269–274.

Эстония на пути к равноправию: заключение

Юлле-Мари́ке Па́пп

Резюме

.....

Итоговая статья дает обзор развития гендерного равноправия в социально-политическом контексте и с точки зрения накопления знаний в период с 2000 по 2010 годы, сопоставляет ситуацию с положением в других странах ЕС и рассматривает тенденции развития в свете соответствующих основных целей Европейского Союза. Кроме того, публикация содержит ссылки на наиболее важные выводы других статей сборника и дает наметки необходимых направлений развития на перспективу.

ЮЛЛЕ-МАРИКЕ ПАПП была первым руководителем отдела гендерного равноправия в Министерстве социальных дел. С середины 1990-х годов активно работает над темой гендерного равноправия, возглавляла рабочую группу по разработке проекта Закона о гендерном равноправии. Опытный и авторитетный эксперт по гендерному равноправию и преподаватель. Юлле-Мари́ке Па́пп является автором и редактором многочисленных изданий на тему гендерного равноправия, редактировала сборник «На пути к сбалансированному обществу» 2000 года.

«Дошкольный» период нашего пребывания в Европейском Союзе подходит к концу. То, насколько наши мнения и установки соответствуют тем ценностям, о следовании которым мы договорились со всеми остальным членам ЕС, зависит от того, как понимают основные демократические ценности и права человека не только лидеры общественного мнения, интеллигенция и ученые, но и рядовые граждане страны. А также от того, в какой мере мы придерживаемся этих ценностей и соблюдаем права человека.

Далее дается обзор того, как отслеживалось развитие гендерного равноправия и соблюдение его основных целей, трактовок и осмысления темы равноправия в Эстонии 2000–2010 годов по мере накопления соответствующего опыта и ввиду проводимой политики, а также насколько учитывалось гендерное неравенство при принятии решений в экономике, при совмещении работы и семейной жизни. Дается анализ проявлений гендерной идеологии в общественном информационном пространстве. В конце статьи подчеркивается важность гендерно-чувствительных исследований и необходимость четкости в формулировании политических целей и их реализации.

Гендерное равноправие – цель развития общества, идеал, общее благо. Это понятие, сформулированное в Законе о гендерном равноправии, подразумевает равные права, равные обязанности, равные возможности и равную ответственность в трудовой и других сферах общественной жизни для женщин и мужчин. Это представление об обществе, в котором исключено деление на мужские и женские роли, их противопоставление друг другу в труде; в котором мальчики и девочки растут и развиваются соответственно личным способностям и выбору, живут жизнью, свободной от насилия; в котором пол больше не является определяющим фактором при формировании социального статуса. Это общество, где соблюдено одно из условий демократии – равное участие женщин и мужчин во всех процессах принятия решений, касающихся всего населения.

Как явствует из статей сборника, мы еще очень далеки от такого положения. На пути к более справедливому и сбалансированному обществу находятся все европейские страны, некоторые вступили на него немного раньше остальных и поэтому продвинулись дальше: в таких странах раньше были созданы соответствующие государственные

структуры, приняты законы, и реализованы государственные программы. Ясно, что положительные изменения в сфере гендерного неравенства не могут быть быстрыми, для таких изменений требуются целенаправленные и долгосрочные стратегии и усилия по реализации поставленных целей.

Понятие гендерного равноправия в своем более узком значении охватывает подобласть социальной политики, которая занимается приведением к балансу социальных отношений, в т. ч. властных отношений двух крупнейших социальных групп – мужчин и женщин, как на структурном и культурном уровне, так и на уровне индивидов. Нормы, запрещающие дискриминацию, политика, способствующая развитию гендерного равноправия, – это надгосударственная политика, реализация которой помогает сохранению экономического и социального единства Европейского Союза. Помимо постановлений прямого действия Совета Европы (1083/2006; 1081/2006), конкретные общие цели устанавливают среднесрочные стратегии (Ühtekuuluvuspoliitika...) и пакты (Euroopa soolise võrdõiguslikkuse pakt / Европейский пакт о гендерном равноправии).

Отслеживая процесс развития гендерного равноправия в странах ЕС, Европейская комиссия представляет ежегодные отчеты Совету Европы, Европейскому парламенту, Европейскому социально-экономическому комитету и Комитету по регионам (КОМ(2009)694). В них сравниваются тенденции в политике и законодательстве и одновременно выявляются стратегические вызовы и установки на перспективу.

Для мониторинга социального положения в конкретных сферах жизни общества стран-членов используются индикаторы, утвержденные Советом Европейского Союза¹ (Indicators Adopted 2009). Эти индикаторы обусловлены целями, сформулированными Пекинской конференцией, проходившей в 1995 году, и дают возможность каждой стране оценивать тенденции своего развития и эффективность реализуемой политики.

¹ Совет Европы – это основной представительный орган ЕС, принимающий решения, в его заседаниях принимают участие по одному министру от каждого государства-члена ЕС, соответственно обсуждаемой сфере. Каждый министр в Совете имеет полномочия принимать обязательства от имени своего правительства.

Для сравнения стран на глобальном уровне используются различные индексы², по которым составляются рейтинги, иллюстрирующие, насколько хорошо и безопасно жить в той или иной стране, на основании которых формируются также установки и отношение к странам. Хотя индексы устанавливаются на основании различных признаков, они при помощи сравнений позволяют каждому государству точнее идентифицировать себя, выявить наиболее

тинг занимают Италия (72), Чехия (74), Кипр (80), Греция (86) и Мальта (88) (Global Gender Gap Index 2009). Изменения в рейтинге государств показывают, что гендерное неравенство можно сокращать целенаправленными мерами.

Для успешной реализации политики гендерного равноправия важна четко выраженная и сформулированная политическая воля, направленная на преодоление гендерного неравенства и улучшение статуса женщин. Все дальнейшее во многом зависит от ведомств (которые направляют и координируют политику) и их ресурсов, инициирования соответствующих процессов (планов, программ и стратегий), конкретных мер по повышению уровня информированности, обмена информацией и оценивания успешности политики. Также необходима поддержка со стороны общественного мнения, женских организаций и неформальных объединений. Как показывает международный опыт, решающее значение имеет участие женщин на всех уровнях принятия решений.

Конкретные цели политики гендерного равноправия Европейского Союза – это развитие и совершенствование представительной демократии и демократии участия, достижение материальной независимости индивидов, борьба с проявлениями ограничения прав, свобод и человеческого достоинства женщин, а также определение содержания и функций образования, науки, СМИ в ходе модернизации общества.

Таким образом, важно, чтобы женщины стали в обществе столь же заметными на уровне принятия решений и в государственном управлении, как и мужчины, и это не только в целях соблюдения принципов демократии, но и в целях формирования ролевых моделей последующих поколений. Прагматическая цель – не оставить без использования интеллектуальный потенциал каждого человека (будь он женщиной или мужчиной).

Чтобы добиться материальной независимости индивидов, необходимо создавать равные возможности и одинаковые условия на рынке труда, поддерживать совмещение трудовой и семейной жизни, бороться с обеднением женщин, которое зачастую ограничивает возможности детей, сокращать гендерные различия в оплате труда и обеспечивать здоровье людей обеих гендерных групп.

С точки зрения модернизации общества важно замечать и избегать мифов, гендерных стереотипов, штампов мышления, анализировать и осмысливать причины социальных процессов и гендерного рас-

“ Главная задача женского движения – устранить все трудности, которые мешают участию женщин в государственных, культурных, социальных и экономических проявлениях жизни. Эта задача будет решена только тогда, когда все общество осознает, что половину народа, а именно – женщин, нельзя отстранять от работы на общее благо, и у этой половины народа будут такие же права, что у другой половины, т. е. мужчин.

(Йоханна Пятс, 1924 г.)

успешные страны, с которых стоит брать пример. Например, Глобальный индекс гендерного разрыва (GGI) Всемирного экономического форума позволяет определять различия между женщинами и мужчинами в четырех основных сферах: возможности и участие в экономической жизни и в принятии политических решений, в сфере образования, состояния здоровья и ожидаемой продолжительности жизни. На основе индекса составляется рейтинг 115 стран. Согласно расчету GGI Эстония с 26-го места в 2006 году опустилась на 37-е место в 2009 году, оставаясь среди стран-членов ЕС на средней позиции. Из стран Восточной Европы впереди Эстонии находятся Латвия и Литва. За тот же период первые четыре страны рейтинга в 2006 году – Швеция, Норвегия, Финляндия и Исландия – в 2009 году выстроились в обратной очередности. Первое место в 2009 году заняла Исландия, а последующие места – Финляндия, Норвегия и Швеция. Из стран ЕС последние места рей-

2 Global Gender Gap Index (World Economic Forum), Gender Equity Index (Social Watch), GID (OECD); SIGI Index (OECD), Gender Empowerment Measure (GEM) Программы развития ООН, Gender Development Index (GDI) и др.

слоения, а также способствовать формированию новых идентичностей мужчин и женщин, способных стать хозяевами собственной жизни, делать свободный выбор, принимать решения, руководить и т. д.

В центре всей концепции – человек и его развитие: долгая, содержательная жизнь со свободой выбора.

Произошли ли изменения в языке и в настроениях?

Изменения в обществе отражаются в языке, а изменения в языке, в свою очередь, указывают на изменения в обществе, менталитете. Более широкая социальная среда сегодня и среда десять лет назад, безусловно, различаются, но общие установки и представления за столь короткий (около десятка лет) срок не изменились.

В первой половине десятилетия произошел надлом пейоративного оттенка значения понятия *женщина*, укорененного во время патерналистского и тоталитарного режима. Слово «социальный» в последние годы стало утрачивать свою семантическую связь с «социализмом». Если около десятка лет назад понятие *неравенство* воспринималось прохладно, то теперь, благодаря деятельности социологов, женских объединений, недоходных организаций и регулярным тематическим публикациям, можно сравнительно свободно говорить и о *гендерном неравенстве*.

Становится обиходным термин *гендерное равноправие*, которым обозначается вся сфера тематики: от запрета гендерной дискриминации в защиту основных прав человека до мер, способствующих развитию гендерного равноправия. Когда в обществе изменится значение слова «равенство», спрогнозировать трудно. Абстрактный принцип справедливости – равенство – сегодня, как и десять лет назад, вызывает в обыденном сознании болезненные и противоречивые реакции. Пока не исследовано, какое конкретно значение придается теперь этому слову в новом контексте на фоне старого значения: понимается ли под ним равное распределение материальных благ или все еще бытует представление, будто равенство действительно имело место в советский период? До сих пор в обыденной речи возникает путаница с парными понятиями: равенство – неравенство и различие –

сходство. Даже в документах, декларирующих, что они исходят из основных европейских ценностей, одной из которых совершенно четко обозначено равенство женщин и мужчин, понятия *равенство* стараются избегать, заменяя его либо на *равные* возможности, либо на равнозначность, либо на иные словосочетания.³ Никто, например, не высказывает возражений, когда речь идет о стремлении Эстонии быть равной среди остальных стран ЕС, но как только речь заходит о равенстве индивидов разного пола, считается, что это невозможно. Точно также в политических текстах невнятно используются понятия условия и возможности. Под более приемлемым выражением «равные возможности» вовсе понимают одинаковые условия, а под «реализацией принципа равного обращения» понимают, в основном, одинаковое обращение.

Период 2000-х годов, предшествовавших присоединению Эстонии к Европейскому Союзу, характеризуется поэтапным информированием многих целевых групп о наличии гендерного неравенства и основных правах человека.

В этот период, благодаря эгалитарным установкам женщин и относительно малым расхождениям в их статусе, стали создаваться горизонтальные сети контактов, позволявшие соединять политиков, госчиновников, депутатов парламента, ученых, представителей третьего сектора, и дававшие многим возможность участвовать в курсах, семинарах, работе международных форумов. Наибольшую поддержку и помощь в демократизации и усвоении ценностей западного мира оказывали Совет министров Северных стран, Северные страны и Европейский Союз. Все ждали от ведущих политиков парадигматического сдвига в сторону эгалитарности, царил позитивный настрой, государственным бюджетом предусматривались средства в поддержку женских организаций и развития гендерного равноправия.

К сожалению, многолетнее (2000–2004 гг.) рассмотрение Закона о гендерном равноправии прошло без идеологических и мировоззренческих дискуссий, все обсуждения так и не поднялись над уровнем обыденного представления о различии между мужчинами и женщинами и их противопоставления. Если бы осмысление сущности прав человека и дискриминации началось в середине

³ Отказ от термина *равное обращение*, замена его на *равнозначное*, т. е. эквивалентное обращение может затруднить понимание прямой и косвенной гендерной дискриминации.

десятилетия, это, несомненно, пошло бы на пользу последующим политическим решениям.

В начале десятилетия на повестку дня были поставлены общие вопросы социального неравенства и расслоения (Vetik 2002, Saar 2002), которые смогли удержаться в поле постоянного внимания общественности. В середине десятилетия главным содержанием многих публикаций стала констатация того, что экономические успехи Эстонии отчасти достигнуты ценой роста социального неравенства (Raska и Raitviir 2005, Eesti inimarengu aruanne 2006). Аналитические работы социологов о гендерном неравенстве стали доступны широкой общественности. Был жестко сформулирован вопрос о насилии в отношении женщин и торговле людьми. А ведь еще в 2000 году тема насилия в отношении женщин на общественном уровне ни разу не упоминалась, в обществе преобладала уверенность, что такого явления в Эстонии нет. И если бы социологи Института открытого общества Эстонии вопреки недоумению коллег, «занимающихся более достойными темами», не взялись всерьез за исследование проблемы, мы бы остались без значительной международной помощи. Денежные пожертвования на приюты для женщин в рамках благотворительной программы *Рождественский тоннель* на Эстонском телевидении в 2009 году показали, что проблема стала осознаваться и на политическом, и на общественном уровне. Международная организация по миграции, а также политики Северных стран оказали настолько сильное давление на политиков Эстонии, что за три-четыре года борьба с одним из самых тяжких нарушений прав человека привела в 2006 году к созданию государственной программы действий.

Осознанию проблем здоровья и значительного отличия ожидаемой продолжительности жизни мужчин, выявленных по результатам международных сравнительных исследований и статистики сферы здравоохранения, содействовали представительные конференции по вопросам укрепления здоровья.

Приходило осознание различий социально-экономического положения мужчин и женщин и того факта, что такое гендерное неравенство у нас на фоне Европы поразительно велико. По оценке аудита демократии, наша страна в сфере гендерного равноправия отстала от развитых стран почти на 30–40 лет (Pettai 2006).

Была обозначена и причина проблемы: «Ни нехватка денег, ни трудности переходного периода не мешали Эстонии стать авангардом Европы по гендерному равенству. ...Мешали нам наши собственные штампы мышления и менталитет закрытого общества, сохраняющийся спустя 15 лет после восстановления независимости» (Eesti inimarengu aruanne 2006, с. 114).

Да, к концу десятилетия увеличилось количество людей, знающих, в каких случаях следует обращаться к уполномоченному по гендерному равноправию⁴, однако в учреждениях, призванных содействовать развитию гендерного равноправия, знать не знают всех норм соответствующего закона. Например, на момент вступления в силу Закона о гендерном равноправии 80% чиновников государственных структур и местных самоуправлений не знали его норм (Kirch и Kuhl 2005), а три года спустя – в 2007 году – не была в курсе положений закона треть руководителей частных предприятий (Alas и Kaarelson 2007).

В 2003 году, в период работы 10-го состава Рийгикогу, прекратило активную деятельность Объединение женщин-депутатов Рийгикогу. Женские объединения партий проводят курсы обучения и мероприятия для своих членов, участвуют в мероприятиях женских организаций, но в последние годы не выступали перед общественностью, выражая свои позиции по темам гендерного равенства.

Знания как основа политики гендерного равноправия

.....

Ясно, что гендерное равноправие возникает не само по себе, так же, как не сами по себе в нынешнем культурном и ценностном пространстве, воспевающем индивидуализм, возникают заботливость и терпимость. Приступая к решению проблем гендерного неравенства в той или иной сфере, необходимо их сначала распознать, осмыслить, понять, описать, оценить и сформулировать. Без предварительных теоретических знаний, без фактов, накопления данных и без их интерпретации, это не было и не будет возможно.

Год от года исследователям становилась доступней государственная статистика, которая

⁴ С начала 2009 года – уполномоченный по гендерному равноправию и равному обращению.

собирается в соответствии с международными классификаторами и методами так, что ее можно анализировать в гендерном аспекте. Все реже встречаются исследования и отчеты без социально-демографических характеристик гендера.

За десятилетие вместо прежней гендерной слепоты эмпирической социологии у нее появилась гендерная чувствительность⁵, которая рассматривает гендер как важную переменную, помогающую обратить внимание на структурно-культурные причины и социальные процессы, определяющие уклад жизни и идентичность людей. Из статей настоящего сборника работы Барби Пилвре о СМИ и Тийу Куурме о системе образования можно классифицировать как гендерно-исследовательские, помогающие понять, как значения категорий *женщина* и *мужчина* конструируются на институциональном уровне.

Еще ждут своей очереди исследования, которые помогли бы прояснить те взаимовлияния различий групп меньшинств, которые усиливают подавленность определенных социальных групп. Они необходимы для профилактики и ликвидации множественной дискриминации, о которой говорится в совместной статье Мари-Лийз Сеппер и Кристийны Альби.

Уже давно гендерный аспект, прежде всего при описании поведения, характерного для гендерной роли, включен в семейную социологию. Изучалось и влияние гендерности на восприятие социальных проблем (Vöötman 2005). В исследованиях рынка труда гендерный аспект стали рассматривать, в основном, в связи с политикой занятости ЕС. В центре внимания были гендерное расслоение (Kenkman и Saarniit 2005) и гендерная дифференциация зарплат. Проблемы гендерного равноправия освещает выходящий с 2000 года журнал *Ariadne Lõng* («Клубок Ариадны») и журнал *Sotsiaaltöö* («Социальная работа»), в это же время был поставлен вопрос о необходимости исследования мужчин (Kutsar 2007).

Интеграция в Европу усилила влияние координируемых на общеевропейском уровне исследований и статистики на формирование социальной информации – появилось больше возможностей для

сравнения Эстонии с другими странами Европейского Союза, а также для освоения новых методических и методологических подходов. Например, изданный в 2006 году Департаментом статистики Эстонии сборник «Женщины и мужчины» (Naised ja mehed 2006) был составлен по аналогии с изданиями Евростата (*The life of...*) и дал описание повседневных возможностей женщин и мужчин в аспекте жизненных циклов. До сих пор он остается изданием, наиболее полно раскрывающим проявления гендерного неравенства на структурном уровне.

В социальных науках расширилось семантическое пространство понятий *пола (гендера)*, *рода*, *гендерности*, *гендерного неравенства* и *равноправия*. Если в конце 1990-х годов тематические публикации и издания можно было пересчитать по пальцам, то теперь, чтобы получить их обзор, потребуется целое библиографическое исследование. Интерес молодого поколения ученых к гендерной тематике и социальным проблемам гендерного неравенства подтверждается все возрастающим числом бакалаврских и магистерских работ, других исследований. Исследования гендерных отношений из социальной, гуманитарной и юридической наук распространились на городскую географию (Silm и Ahas 2006) и городское планирование, т. е. на гендерную географию (Koskela). Все больше ученых, исследователей, экспертов и чиновников выходят в общеевропейские профессиональные контактные сети, занимающиеся вопросом гендерного равноправия, участвуют в аналитических гендерных проектах, разрабатывают для политиков рекомендации по преодолению неравенства.

По сравнению с предыдущим сборником «На пути к сбалансированному обществу» (2000) в настоящем издании расширен и круг тем, и круг авторов, увеличен объем и самой книги. По меньшей мере академический мир для Эстонии открыт: количество использованной авторами сборника литературы более чем двукратно превышает списки сборника 2000 года.

Многогранность публикаций настоящего сборника показывает, насколько многоуровневым и разнообразным по аспектам может быть подход к гендерному неравенству как к социальной проблеме, насколько важно учитывать гендер как базовую категорию общества при выработке политических подходов к жизни общества. Приходит понимание того, что нет такой сферы общественной жизни, которая не имела бы гендерной специфики. Ста-

5 *Гендерная слепота* – понятие, которое используется в отношении эпистемологий, для которых познаваемый субъект лишен пола и расы, но мужественность подспудно присутствует как первичная норма. *Гендерная чувствительность* – способ познания, при котором гендер – это главная исходная точка и главная аналитическая категория всего исследования. Materno, J., «Teadmine», стр. 264 в сборнике Koivunen, A., Liljeström, M. (toim.) (2003). *Võtmesõnad. Eesti Keele Sihtasutus: Tallinn*.

ты сборника позволяют рассмотреть, насколько многоуровневыми и переплетенными между собой являются гендерные механизмы иерархии и власти, сколько еще проблем предстоит исследовать в этой сфере. Результаты исследований важны не только для науки, они дают факты и информацию общественности и лицам, ответственным за принятие решений. Меры, принимаемые с учетом гендерного аспекта во всех сферах политики, станут более целенаправленными. Статья Кристийны Лухт о торговле людьми и проституции показывает, какой объем труда и широкий спектр знаний требуется для того, чтобы заниматься только одной узкой подтемой.

Политический контекст развития гендерного равноправия

Несмотря на все сказанное, тема гендерного равноправия для политиков и лидеров общественного мнения остается маргинальной: в течение десяти лет все партии дистанцировались от нее. Выжидательную позицию занимали и госчиновники. При том что около 70% их считают, что проблемы гендерного неравенства требуют решения, столько же полагают, что в их прямые обязанности это не входит (Kirch и Kuhl 2004). Рассмотренные и принятые за десять лет законы во многом влияют и на гендерные отношения, но только в связи с Законом о семье проводился предварительный анализ его влияния в гендерном аспекте. Такое не было бы возможным, если бы не нашлось у нас исследователей с соответствующими знаниями.

На сегодняшний день лишь отдельные политики выступают за развитие гендерного равноправия, а, учитывая непонимание и неприятие темы обществом, трудно ожидать, что в ближайшей перспективе какая-то из партий обратит свое внимание на проблемы развития гендерного равноправия. Одна из наиболее влиятельных женских организаций Эстонии, Круглый стол женских объединений Эстонии, в течение всего десятилетия активно вмешивалась как в законотворчество, так и в подготовку государственных программ и стратегий, но ее предложения принимались только тогда, когда в их поддержку выступал кто-то из ведущих политиков (ENÜ kirjad ja pöördumised / Письма и обращения Круглого стола женских объединений Эстонии).

Иначе говоря, речь идет не только о неприятии женских организаций как выразителей интересов женщин, но и, по мнению ученых, способы реализации политики, на которых она строилась в Эстонии в последние годы, никоим образом не представляли благоприятной почвы для развития общества, для которого характерна демократия участия. (Kalev и др. 2009). У нас больше занимались экономикой, а не целенаправленным развитием инструментов демократии.

Политологи подчеркивают, что светскость и материальность-инструментальность эстонской политики в совокупности сформировали в обществе культ успешности и ценности гедонистической ориентации, воспринятые молодым поколением. Культ успешности и соперничества всех со всеми характерны для политической конкуренции и целевых ориентиров (Saarts 2009). В политике это выражалось в ожидании быстрых результатов и материальных благ от краткосрочно планируемых мер, никто не проявлял интереса к долгосрочным направлениям развития (там же). Отчасти это является причиной того, почему вопросы гендерного равноправия не были поставлены на повестку дня. Даже обозначенная исследователями тематика мужского здоровья и рискованного поведения не очень повлияла на интерес к этой области политики. Ученые указывают и на тот факт, что в политической риторике и формулировках целей в Эстонии до последнего времени в основном преобладали т. н. «жесткие» темы: экономический рост, оборонная политика и т. п., а темы, считающиеся «мягкими», – семья, забота о людях, социальная политика и т. п. – оставались на заднем плане. Формой выражения маскулинности является также слабое представительство женщин в политике высокого уровня.

К одной из слабых сторон эстонской демократии можно отнести то, что у нас не понимают и не пропагандируют европейские ценности. Анализ политических дискурсов, определяющих национальную государственность Эстонии, приводит к выводу, что в стране не учитывают нормативную трактовку «равенства», принятую Европейским Союзом, что нынешняя самоидентификация эстонского государства не открывает пути политике, обеспечивающей равенство возможностей для разных социальных групп, и даже понижает легитимность лиц, занимающихся такими вопросами (Kuhl 2009).

Во всяком случае, в политике Эстонии все еще пустует место для партии, которая, не идя на поводу

у общественного мнения, ратующего за статус-кво патриархальных гендерных отношений, стала бы инициатором новых возможностей, имела долгосрочные перспективные установки относительно развития жизни общества. Необходимый багаж знаний для этого отчасти уже накоплен, и даже цели сформулированы в Программе 4-й Всемирной конференции по положению женщин и в различных документах Европейского Союза.

В какой Эстонии мы живем?

Находясь в пути, время от времени полезно оглядываться назад, останавливаться и потом снова двигаться дальше, и никак нельзя двигаться вперед спиной, надеясь, что желаемые результаты придут сами собой.

Как выглядит современная Эстония, каким запечатлеются нынешние гендерные отношения в представлении следующего поколения? Насколько близко или далеко мы находимся от конкретных целей Европейского Союза – насколько заметны женщины на уровне принятия политических решений, как велика вероятность материальной независимости индивидов, мужчин и женщин? Посмотрим на цифры и мнения в связи с такими ключевыми вопросами, как участие в политике, материальная независимость и бытующие гендерные стереотипы.

На уровне принятия политических решений доминируют мужчины

Равное распределение власти между женщинами и мужчинами – цель, которая напрямую касается главного фактора иерархических гендерных отношений – власти. Соотношение женщин и мужчин на самом высоком уровне принятия политических и экономических решений – один из индикаторов, отражающих уровень развития общества и чаще всего отслеживаемых на международном уровне. Слабое участие женщин в общественной жизни, в т. ч. в политике, интерпретируется как пережиток, обусловленный историческими и социально-культурными факторами, как отсутствие демократии. Участие женщин и мужчин на уровне экономической и политической власти измеряется в Европейском Союзе по 18 индикаторам (European Commission Database). Помимо

политического представительства в различных собраниях, представительство женщин и мужчин сравнивается также по ведущим должностям в экономике, финансовой сфере, общественном управлении и судебной системе.

Учитывая то, что в наше время равенство возможностей двух крупнейших социальных групп в политике отражается в равенстве их участия, государства Европы обязаны обеспечивать равное представительство женщин и мужчин в процессе принятия решений. Порогом паритета, к которому должно прийти страны ЕС, считается минимум в 40% участия для каждого пола (REC 2003). Для достижения указанного порога разные страны используют различные методы – от законов, требующих паритета, до широкомасштабных программ.

Например, в Европейском парламенте представительство женщин с 27,5% в 1996 году выросло до 31,2% в 2004 году и до 35% в 2009 году. В странах-членах ЕС доля министров женского пола суммарно увеличилась с 22% в 2005 году до 26% в 2009 году. Сегодня в Эстонии среди министров стало на одну женщину меньше, чем в 2005 году. Единственная женщина-министр ставит нашу страну в 2010 году на один уровень с Кипром, но в утешение можно заметить, что, например, в 2009 году весь кабинет министров Венгрии состоял из мужчин.

Изменение в составе Рийгикогу происходило в направлении гендерного баланса. Если в 2004 году женщин среди депутатов парламента было всего 15%, то в 2008 году – 21% (PARLINE). По этому показателю Эстония отстает от средней цифры по ЕС, которая в 2009 году была 24%.

По действующей в Эстонии избирательной системе доступ в представительные собрания зависит, главным образом, от двух факторов: желания партии выдвинуть женщин в кандидаты и успеха партии на выборах (Raitviir 2004), так как избрание зависит от места в списке кандидатов и количества собранных голосов.⁶ Небольшое число женщин в правлениях партий, а также среди руководителей региональных отделений и объединений, ограничивает их возможности высказывать свое мнение при составлении списков кандидатов. Этот аспект в настоящем сборнике освещен в статье Мирьям Аллик, которая,

6 Многие авторы выделяют в основном три типа барьеров и препятствий, которые снижают участие женщин в процессах принятия политических решений. Эти барьеры могут быть политическими (т. е. институциональными), социально-экономическими (т. е. структурными), а также культурно-идеологическими и психологическими.

опираясь на статистику, вскрывает причины слабого участия женщин в представительных собраниях. Одновременно это позволяет оценить эффективность внутрипартийного гендерного квотирования, которое применяется в Швеции и Финляндии.

Доступность высшего уровня политики зависит также от различных сетей сотрудничества женщин и мужчин, наличия финансовых ресурсов, различия трудовых и семейных обязанностей, смелости и желания брать на себя ответственность, самооценки, то есть зависит и от личного выбора кандидата тоже. Однако все эти процессы происходят в едином культурном пространстве Эстонии. И как показало международное исследование ценностей (Inglehart 2003), в этом культурном пространстве, в отличие от Северных стран и Западной Европы, велико влияние глубоко укоренившегося представления, что мужчины в политике принимают лучшие решения, чем женщины.

Механизм причин избирательских предпочтений в пользу мужчин прост. Он связан с личным опытом избирателей, привыкших к тому, что политикой долгое время занимались в основном мужчины. Эта подтверждают и результаты мониторинга 2005 года, показавшие, что в отношении тех министерств, которые уже возглавляли женщины, установки общества относительно гендерных ролей были явно нейтральней, чем в отношении тех, где оно привыкло видеть руководителями исключительно мужчин.

Свою роль играет и визуализация, устанавливающая норматив мужского изображения в политике. Например, в 2009 году из 32 передач «Форум» Эстонской общественной телерадиовещательной корпорации, в которых обсуждались злободневные политические проблемы, только в 11 присутствовал гость женского пола, т. е. женщин участвовало в передачах, примерно, в 8,5 раза меньше, чем мужчин. В передачах «Граждане республики» за тот же год число граждан-мужчин превысило число гражданок более чем в 3,5 раза.

Несмотря на то, что женские объединения Эстонии призвали все партии установить внутрипартийные регуляции, обеспечивающие равное гендерное представительство во всех избираемых и назначаемых органах власти, как это сделала часть партий подавляющего большинства стран Европы⁷,

7 По данным международной базы квот, среди стран-членов ЕС добровольные системы квот используют партии в Дании, Турции и Ирландии, а также в Португалии, где квоты установлены законом. Quotaproject. Global Database of Quotas for women.

дискуссии на эту тему не вышли за внутривнутриполитические рамки.

Статья Лийны Ярвисте показала, что в последнее десятилетие более чем на 10% выросло число мужчин, которые считают, что в политике должно быть больше женщин. Число респондентов-женщин, поддерживающих такую точку зрения, тоже увеличилось, но в меньшей мере. Результаты исследования Евробарометра «Женщины и выборы в Европейский парламент», проведенного в 2009 году, показали, что 79% женщин Эстонии согласны с утверждением, что в политике доминируют мужчины, треть посчитали, что доля женщин увеличится со временем сама собой, треть придерживалась мнения, что следовало бы поощрять большее участие женщин в политике. Доверие к квотированию представительства женщин⁸ высказали только 6% респондентов (Eurobarometer 2009).

Гендерное неравенство в политике внутренне акцептируется женщинами, и его считают нормальным положением дел. Согласно результатам проведенного в 2005 году мониторинга гендерного равноправия, две трети женщин не считают серьезной проблемой слабое представительство женщин в политике (Monitoring 2005). Кроме этого, в сеть контактов, созданную Европейской комиссией в 2008 году, цель которой – разработка стратегии достижения гендерного баланса на уровнях принятия решений (European Commission 2008), не входит ни одного представителя от Эстонии.

Роль женщин и доля их участия в третьем секторе намного больше, чем в политике. Как следует из посвященной этой тематике статьи Эрле Рикманн и Микко Лагерспеча, деятельность женщин в третьем секторе направлена на решение социальных и общественных проблем, оказание влияния на общество. Следовательно, мы имеем дело с общественным потенциалом, который не находит адекватного приращения в интересах всего государства. Чтобы увеличить участие женщин в эстонской политике высшего уровня, надо не только воспитывать избирателей, но и поддерживать женщин-политиков. Дальнейшего развития внутрипартийной демократии ожидает уже большая часть населения.

8 Притом что в глобальном масштабе более сотни государств законодательно применяют различные системы квотирования для достижения гендерного баланса в политике, в Европе таких стран всего шесть: Бельгия, Греция, Испания, Франция, Португалия, Словения. *Electoral Gender Quota Systems and their Implementation in Europe*, 2008 by the European Parliament. <http://5050campaign.files.wordpress.com/2009/03/ep-quota-report.pdf>

В сфере политики и управления высшего уровня следовало бы изучить и проанализировать, как и какие барьеры существуют, существует ли процесс маргинализации и как он происходит, как осуществляется поддержка карьерного продвижения и т.д. Иными словами, как реально происходит принятие политических решений женщинами и мужчинами, как конструируются их роли.

Женщины находятся в неблагоприятном экономическом положении

.....

Другой важной целью политики гендерного равноправия является достижение материальной независимости взрослых индивидов.

Тем самым на макроэкономическом уровне важно сократить различия в зарплатах и гендерную сегрегацию, добиться равного распределения оплачиваемых и неоплачиваемых работ. Необходимо решить проблему обеднения женщин, которая ограничивает возможности их самих и возможности для развития их детей, умаляет веру в себя, приводит к апатии и отчужденности, а в перспективе влияет на размер пенсии. Уменьшение возможностей выбора, необходимых для обеспечения материального благосостояния, увеличивает риск оказаться жертвой сексуальной эксплуатации. На макроэкономический уровень потери человеческого ресурса негативно влияют через торговлю людьми и связанную с ней преступность.

Важно увеличивать участие женщин при принятии экономических решений и в предпринимательстве, а также учитывать такие гендерные аспекты демографических процессов, как более короткая продолжительность жизни мужчин, обусловленная характерным для них ролевым поведением, и тот факт, что выравнивание статуса женщин в обществе и семье положительно сказывается на демографии и воспитании детей.

В 2003 году 83% женщин Эстонии и 76% мужчин Эстонии оценивали социально-экономическую позицию мужчин в обществе выше позиции женщин. Такое положение воспринималось как нормальное, само собой разумеющееся и в середине десятилетия (Monitooring 2005). Результаты исследования Евробарометра, проведенного в 2009 году, показали, что только 33% женщин Эстонии озабочены пробле-

мами равной оплаты труда и равных возможностей на рынке труда. Лишь каждая десятая считала, что на высоких должностях должно быть больше женщин (Eurobarometer 2009).

В отличие от женщин Западной Европы женщины Эстонии присутствуют на рынке труда уже давно. В Европейском Союзе различий в занятости женщин и мужчин меньше, чем у нас, только в Литве, Финляндии и Швеции. Равнозначно с мужчинами на рынке труда Эстонии представлены и женщины пожилого возраста. Но, к сожалению, их по-прежнему недооценивают, они работают в сферах с более низким статусом, на более низких должностях, где с увеличением возраста падает зарплата. Например, зарплаты женщин старше пятидесяти лет на 9% ниже, чем женщин 30–39 лет (Randoja 2008).

Сравнение индексов сегрегации рынка труда в 2002 и 2007 годах показывает, что как профессиональная, так и горизонтальная сегрегация усугубляются (Gender segregation, 2007). Индекс профессиональной сегрегации вырос с 30,4 до 32,2, а по сферам деятельности – с 22,5 до 25,8 (Commission Staff Working Document 2010). Здесь интересно отметить, что именно деление должностей на мужские и женские с 1989 по 1997 годы показывало тенденции к снижению (Vöögmann 1999). Относительно устойчивое разделение рынка труда Эстонии на т. н. женские и мужские сферы деятельности и профессии больше всего сходно с ситуацией в Латвии, Литве, Финляндии и Словакии (COM (2009) 694 final). Публикация М. Массо, рассматривающей трудовую жизнь, выявляет негативную сторону сегрегированного рынка труда – сокращение той или иной сферы деятельности болезненней всего сказывается на одной гендерной группе, на это же, в связи с экономическим спадом, обращают внимание и другие исследователи (Bettio, 2009).

Увеличилась гендерная дифференциация зарплат. Если в 2001 году разница в уровне средней часовой зарплаты женщин и мужчин составляла 24,3%, а в 2005 году – 25,4%, то к 2007 году она увеличилась до 30,3%. По разнице в уровне средних зарплат женщин и мужчин мы являемся самым консервативным государством/обществом в Европе. Средний показатель по Европейскому Союзу составляет 17,4%. Таким образом, разница в уровне зарплат относит нас к 1980 годам, когда зарплата женщин была ниже зарплаты мужчин на 30–35% (Айвазова 2001).

На «выдающемся» месте мы находимся и в сфере образования. На сто мужчин, получивших высшее образование, приходится 194 женщины с таким же уровнем образования. Это самая значительная разница в ЕС. Значительное гендерное различие обнаруживается и на высоких ступенях академического научного мира. Но здесь оно противоположное – женщины составляют только 17% среди профессоров (She figures 2009). Притом что женщины осознают важность высокого уровня образования в условиях конкуренции с мужчинами в изменившейся экономической среде и на рынке труда, гендерно-стереотипный выбор не изменился. Например, во многих странах ЕС отмечается тенденция, по которой новички, выходящие на рынок труда, меняют традиционное деление работ на т. н. женские и мужские, в Эстонии же гендерная сегрегация рынка труда больше всего заметна по молодым работникам женского и мужского полов. Свою роль здесь, безусловно, играет свойственная всем постсоциалистическим странам тенденция выбора высшего образования, когда предпочтение отдается т. н. «мягким» специальностям, где наряду с предпринимательством и администрированием доминируют специальности, связанные со сферами социальных, поведенческих, гуманитарных наук, здоровья, права и подготовки учителей, которые традиционно считаются женскими (Velder 2008).

Если сопоставить тенденции среди 20–24-летних молодых людей, указывающие на возрастание уровня образования девушек (в 2002 году девушек с высшим образованием было 85,8%, в 2007 году – 89,6%) и снижение уровня образования юношей (в 2002 году юношей с высшим образованием было 77,1%, в 2007 году – 72,2%), с тенденцией в гендерной дифференциации зарплат, напрашивается вопрос, почему в Эстонии женский труд недооценивают и не уважают, почему на рынке труда женское образование не воспринимается как капитал? Надо бы проанализировать, не есть ли это следствие традиционно стереотипного выбора образования.

В любом случае, вопрос оплаты труда более всего осознается населением. По результатам опроса, проведенного Институтом международных и социальных исследований Таллиннского университета, в рамках которого выяснялось представление людей о справедливости, видно, что в политических взглядах женщин и мужчин, их отношении к социальной справедливости расхождений не обнаруживается. И у мужчин, и у женщин в качестве ценностей

доминируют равенство и солидарность (Vöörmann 2008). Большей частью респонденты ждут, что в организации оплаты труда будет применен принцип равного обращения. Это сочли важным 59% мужчин и 75% женщин, опрошенных в ходе упомянутого исследования. Однако установки женщин и мужчин различаются относительно того, следует ли при назначении зарплаты учитывать пол работника. Позиции, по которой при определении зарплаты следовало бы учитывать принадлежность к мужскому полу, придерживались каждый четвертый мужчина и каждая пятая женщина. По результатам исследования видно, что женщины чаще отмечают, что «на размер зарплаты в некоторой или в решающей мере влияет мужской гендер работника». Тех, кто поддерживает более справедливую оплату труда, больше среди женщин с высшим образованием, которые в действительности больше всего чувствуют гендерную несправедливость. На опасную тенденцию указывает то, что почти половина мужчин младше 30 лет считают, что сама принадлежность к мужскому полу должна оказывать определенное положительное влияние на зарплату (там же).

Результаты проведенного в 2007 году опроса предпринимателей подтверждают, что в организациях сформировались практика и представления, которые следуют бытующей в обществе гендерной идеологии, а не действующим законам (Alas и Kaarelson 2007). На предприятиях с мужским составом работников придается больше значения полу, физическим возможностям, техническим умениям, наличию водительских прав, чем на предприятиях с женским составом работников. При том, что Закон о гендерном равноправии действует с 2004 года, т. е. уже шестой год, люди не очень знакомы с его положениями. Одной из причин тому, несомненно, является отсутствие надзорного института и контроля, а другой – отсутствие по сей день исследований о конструировании гендерной системы в учреждениях, на предприятиях и в организациях, на основании которых и работодатели, и работники смогли бы понять, в чем проявляются гендерное неравенство, прямая или косвенная дискриминация.

Чтобы формировать гендерно-чувствительную трудовую политику, нужна политическая воля, чтобы руководствоваться рекомендациями Европейской комиссии, разработанными для стран ЕС (Käsiraamat 2008), и добиваться претворения в жизнь тех общих

целей, которые позволяют совместить трудовую и семейную жизнь.⁹

Поскольку соотношение самой богатой пятой части и самой бедной пятой части населения Эстонии – одно из самых значительных в Европе, уровень бедности женщин Эстонии также один из самых высоких. Статья Марре Кару о феминизации бедности показывает, что средний доход мужчин во второй половине десятилетия вырос: в 2003 году он превышал средний доход женщин на 1902 кроны, а в 2008 году уже на 3929 крон. Риск бедности¹⁰ у женщин старше 65 лет почти в два раза выше, чем у мужчин. Большему риску бедности (более 31%), чем женщины пожилого возраста Эстонии, подвержены женщины Латвии, Испании и Кипра (*At-risk-of-poverty*, 2006). Вырос уровень бедности родителей-одиночек, среди которых преобладают женщины.

Таави Лай в своей публикации о гендерных различиях в сфере здоровья показывает, как здоровье мужчин связано с материальным положением, образованием, социальной позицией, безопасностью и существующей гендерной идеологией. По состоянию здоровья населения мы в ЕС выделяемся самыми худшими показателями средней продолжительности жизни мужчин и уровнем распространения ВИЧ/СПИДа (по данным ВИЧ за 2008 год).

Ожидаемая продолжительность жизни женщин с высшим образованием на 19 лет больше, чем у мужчин с низким уровнем образования. Такого большого различия нет ни в одном другом государстве Европы. Разве не ожиданиями т. н. «мужественного» поведения обусловлено и то, что среди детей в возрасте 0–14 лет с травмами и отравлениями на лечение в больницы попадает значительно больше мальчиков, чем девочек?¹¹

На состояние здоровья, духовное благополучие и трудоспособность оказывает прямое влияние также и опыт пережитого насилия. Как показывают представленные в сборнике результаты опроса

жертв насилия, проведенного в 2009 году, число случаев насилия сохраняется на том же уровне, что и в начале десятилетия – каждая вторая женщина пережила его в том или ином виде. Насилие как средство утверждения власти и контроля, безусловно, требует гендерного подхода, поскольку его восприятие женщинами и мужчинами различно. В Эстонии пока не было исследований, которые позволили бы проводить международные параллели.¹²

Есть ли в семьях партнерство и равенство?

.....

Одна из реальностей сосуществования женщины и мужчины – это семья и партнерские отношения. Возможности женщин и мужчин в обществе частично зависят от того, какие роли, права и возможности, обязанности и ответственность приписываются им в семье и близких отношениях.

Кроме того, это место, где социальная проблема общества, которую отдельные индивиды решить не могут, переносится на уровень индивидов, где нахождение решений как раз зависит от личного выбора или позиций доминирующей стороны.

В рамках изучения стилей жизни семья была, к счастью, одной из тех сфер исследования, данные о которой являются уникальным материалом с точки зрения изучения долгосрочных процессов в семейных отношениях Эстонии. Нельзя не отметить, насколько важна преемственность работы ученых, входящих в специализированные академические структуры¹³, что позволяет накапливать сопоставимые данные, следить за динамикой развития и сохранять компетенцию.

В начале десятилетия Ану Наруск констатировала, что «реже всего работы по дому распределяются между отцом и матерью поровну в том случае, если этих работ много, т. е. в семьях с несовершенно-

9 Цели Европейского Союза на 2010 год: обеспечить услуги по присмотру за 33% детей младше 3 лет и 90% детей старше 3 лет. По данным Евростата, в Эстонии в 2006 году услугами присмотра минимум на один час были обеспечены 18% детей младше 3 лет и 85% детей старшего возраста, но большинство получали эти услуги в объеме более 30 часов. Средние показатели Европейского Союза составляют 26% и 84% соответственно.

10 В группу риска бедности включают тех, кто вынужден существовать на доход, доля использования которого меньше 60% государственной медианы дохода.

11 В 2003 году на 100 000 мальчиков и на 100 000 девочек приходилось, соответственно, 1360 и 900 тех, кто находились на лечении в больнице. *Naised ja mehed. Statistikaamet. Tallinn, 2006, стр. 16.*

12 Сегодня на основе международной методики исследования насилия в отношении женщин в рамках инициированной ООН и Европейским институтом предупреждения преступности и контроля над ней (HEUNI) Программы уголовного права и предупреждения преступности более чем в десяти странах собраны данные о пережитом насилии в семейных, партнерских и интимных отношениях, а также о насилии над детьми. Хотя Эстония была одной из пятнадцати стран, где пилотный опрос проводился в 2001 году, ресурсов для организации исследования ей не хватило. Johnson, H., Ollus, N., Nevala, S. *Violence Against Women. An International Perspective*. Springer Science+Business Media LLC, NY, 2008.

13 Институт международных и социальных исследований. Таллиннский университет.

нолетними детьми. Более-менее равномерно они распределяются в семьях, где детей нет или дети уже оставили родительский дом» (Narusk 2000).

Но с 2000 года конструктивного обсуждения темы равного распределения семейных обязанностей общество не вело, сохраняя свои традиционные установки и не считая нужным делить обязанности и права между мужчинами и женщинами на равной основе.

Вот почему в своей статье Лезни Ханссон пишет: «Сегодняшнее преимущественно традиционное распределение ролей создает ситуацию, когда ребенок выносит из семьи достаточно традиционные ролевые модели. Иными словами, сегодня семью можно считать тем институтом, который воспроизводит стереотипные ролевые установки». Похоже, что они даже усугубляются, поскольку, по словам автора, в партнерских отношениях за десять лет произошли «явные и отчасти удивительные изменения»: к 2008 году во всех рассматриваемых типах семьи заметно увеличилось число мужчин, которые видят свою роль более значительной, нежели роль женщины. Означает ли это упрочение патриархальной идеологии и в отношениях между индивидами?

Результаты европейского исследования качества жизни, проведенного в 2008 году, показали, оценка качества жизни зависит от идеального представления о поле. Европейские женщины чаще мужчин утверждают, что их жизнь далека от идеала. В Эстонии – наоборот. У нас женщин, которые считают, что живут той жизнью, которую себе представляли, на 3% больше, чем мужчин (European Quality of Life Survey 2008). В то же время доля тех, кто ощущает структурные ограничения, значительно больше среди женщин, чем среди мужчин (Helemäe 2008).

Меняются ли мифологическое сознание и стереотипные установки?

Прискорбно, но факт, за последнее десятилетие в Эстонии не было отмечено тенденций, которые указывали бы на ослабление патриархальной идеологии, хотя на житейском уровне больше, чем прежде, осознается значение отцовства, и мужчины чаще выражают свои идеальные пожелания заниматься воспитанием детей. За истекшее время широкий круг читателей смог познакомиться с материалами

о воспитании мальчиков и девочек, обращающими внимание на негативные стороны жестких гендерных ролей и важность гендерного равноправия, с книгами и статьями о значении гендерного подхода в образовании, о насилии в отношении женщин, о механизмах доминирования мужчин, гендерной психологии¹⁴ и т. д. Однако, исследования общественного мнения не показали значительных изменений в сложившихся общественных представлениях.

Поскольку каждый имеет личный гендерный опыт, уровень обиходного сознания легко проникает в общественные СМИ. Время от времени звучат ссылки и на стереотипы, но то, что для одного может быть стереотипом, для другого – глубокая убежденность и истина.

Одни трактовки и мнения выделяют и переоценивают, прежде всего, биологические различия полов. Большей частью они представляют собой эссенциалистские мнения и транслируют идею о том, что «позиции женщин и мужчин в обществе прочно установлены и существуют уже не одно тысячелетие» (Niiberg 2008). Именно научно-популярные (и просто популярные!) компиляции полезной информации стараются выделить «естественные» и полярные различия, стереотипы, воспроизводящие и утверждающие как норму гендерное неравенство. Против попыток объяснить гендерные властные отношения необъяснимой потребностью доминирования, которую мужчины якобы получили от природы (Ots 2009), и акцентирования их «особых потребностей» уже открыто выступают журналисты, обладающие более широким кругозором.

Например, Ээви Аруяв констатирует: «...в общественном плане важен извечный вопрос: в какой мере акцептировать «природу человека» как оправдание определенного социального поведения и как, каким образом оно может присутствовать в обществе и культуре... Жизненный опыт и статистика убеждают в том, что сейчас самое время устанавливать позитивные нормы, а не культивировать идеологию свободы с биологической основой. Культура устанавливает нормы, а со временем установленная норма становится общепринятой» (Arujärvi 2008).

14 Kindlon, D., Thompson, M. 2003. *Kaini kasvatamine*. Balti Raamat; Sinkkonen, J. *Kasvatamine poisina*. Tallinn Varrak, 2007; Preuschoff, G. *Tüdrukute kasvatamine*. Tallinn: Ersen, 2008; Gurain, M., Ballew, A. *Poisid ja tüdrukud õpivad erinevalt*. Haridus- ja Teadusministeerium, 2004; Aavik, K. *Soo sotsiaalne konstrueerimine ja varjatud sooline ebavõrdsus Eesti hariduses*. *Õpetajate Leht*, 30.10.2009, nr. 35, lk 5.

Другой достаточно распространенный дискурс подчеркивает индивидуализм, т. е. игнорирует пол и гендерность, и во многом совпадает с общественным мнением, на которое годами влияли индивидуалистские установки. Чаще всего именно женщины, оценивая гендерные карьерные различия, утверждают, что «пол не важен, все зависит от самого человека».

Тексты третьего типа исходят из концепций социализации и ролевого поведения, в связи с этим указывают также на стереотипы, но не оспаривают вопросов гендерной иерархии и власти. Однако эти тексты касаются лишь поверхностно того, в чем состоит различие образцов поведения (т. е. гендерных ролей) и оценок, связываемых с женщинами или мужчинами, а также того, как проявляются и распознаются гендерные стереотипы¹⁵. Гендерное неравенство и расслоение как структурные явления рассматриваются в основном в научных текстах социальной тематики или в текстах о политике гендерного равноправия. Время от времени до сведения общественности доводятся некоторые статистические данные о неравенстве и краткие комментарии.

Конструктивистский подход и анализ дискурса до сих пор остаются в специализированных изданиях и академических кругах, а критику, мнения и анализ патриархальных идей чаще можно обнаружить также в блогах и публикациях мнений. Это обнадеживает и подтверждает, что меняться могут даже самые застарелые представления.

Для понимания глубоко укоренившейся гендерной идеологии¹⁶ и массового просвещения важно

15 Гендерные стереотипы – это коллективные убеждения общества относительно субстанциональных различий женщин и мужчин. Гендерные стереотипы – упрощающие, конвенциональные, схематические, оценочные и неточные представления, их использование редуцирует разнообразие качеств представителей одного пола в единичные ключевые характеристики. С помощью упрощенных и считающихся субстанциональными отдельных черт характеризуются все представители определенного пола. Гендерные стереотипы распространяются на феминность-маскулинность, на подходящие для женщин и мужчин роли в семье и на работе, на содержание работы, которое подходит для женщин и мужчин. Гендерные стереотипы – нормативные и относительно стойкие представления о свойственных женщинам и мужчинам соматических, психических и поведенческих качествах. Эти стереотипы переоценивают психофизиологические и социальные различия полов, придают мужчинам активную, а женщинам – пассивную роль, и являются для индивида как бы заданной эталонной моделью, к которой ему надо себя адаптировать.

16 Гендерные идеологии – это системы убеждений, которые: объясняют, почему и чем женщины и мужчины отличаются друг от друга; определяют на базе этих отличий разницу прав женщин (безусловно, неравных) и мужчин, их сфер ответственности, ограничений и зарплат, выражения практик в комплексе, который организует, регулирует и определяет отношения между мужчинами и женщинами, включая сексуальную активность, репродук-

широко использовать именно последние подходы и результаты анализа. Язык – это то, что формирует и контролирует социальную реальность, определяет мышление и понимание. Язык – это средство сохранения и достижения власти, поэтому важно научиться распознавать те мифы и стереотипы, мемы и идеи, которые транслируют лидеры мнений, политики, СМИ.

Общественное информационное пространство Эстонии переполнено идеями и мнениями, отражающими стойкие представления о работах, подходящих женщинам и мужчинам, а также подходящих им поведении и личных качествах. Большей частью они схематичные, декларативные, оценочные, упрощенные, несут ценностный оттенок, а также во многом устойчивы и массово разделяемы. Вероятно, авторы и ораторы даже не понимают, что ввиду своих стереотипных установок, противопоставляя мальчиков и девочек, женщин и мужчин, тем самым унижают женщин и укрепляют доминирующую позицию мужчин.

Статьи, касающиеся образования и СМИ, показывают, что ни один из обоих институтов не мостит дорогу к равноправию, не помогает быстрому изменению сложившегося менталитета. Следовательно, мало изменить традиционные гендерные роли в семейных отношениях, надо менять среду развития детей в самом широком смысле.

Результаты Мониторинга гендерного равноправия, проведенного в 2009 году (Monitoring 2009), показывают, что в обществе по-прежнему бытует различие в ожиданиях и ролевых стереотипах по отношению к девочкам и мальчикам. Позиции женщин прогрессивнее позиций мужчин: более трети респондентов сочли важным, чтобы мальчики учились считаться с окружающими, одна пятая – чтобы девочки учились самоутверждению.

Каковы перспективы?

В целях претворения в жизнь политики гендерного равноправия для государств, входящих в Совет Европы¹⁷, разработаны рекомендательные принципы и стандарты (REC (2007)17), к которым Эсто-

тивное поведение и все роли, основанные на гендере. Alcoff, L. (1996). *Feminist Theory and Social Science. BodySpace: Destabilizing Geographies of Gender and Sexuality*. N. Duncan. Routledge. 1996: 13–28.

17 Эстония входит в Совет Европы с 1993 года.

нии следовало бы отнестись серьезнее, чем просто как к рекомендациям. Обоснованные социальными науками отдельные решения способны направлять развитие только тогда, когда подразумевают долгосрочные цели.

По всей вероятности, исследования, проводимые в Эстонии, будут становиться все более гендерно-чувствительными, больше опираться на трактовки женских исследований. Именно для того, чтобы критически взглянуть и проанализировать основанную на гендере иерархию власти и распространенные в обществе гендерные роли. Только исследования разных сфер жизни способны дать ответ на вопрос, как и насколько гендерное неравенство мешает развитию общества и людей.

Рассматриваемый Мари-Лийз Сеппер и Кристиной Альби вопрос о т. н. множественной дискриминации большей частью связан с правовыми нормами и разрешением соответствующих казусов, а также с защитой прав в суде. Как следует из статьи, юристы нуждаются в материале точных концептуальных социологических исследований. Ученые-социологи много исследовали положение русскоязычного населения и представления крупнейших национальных групп о равном обращении, взаимной терпимости, оценках мотивов и целей другой стороны, они регулярно проводят мониторинг интеграции. Если в связи с национальностью и возрастом социальное расслоение можно анализировать на основе государственной и профсоюзной статистики, то в связи с другими группами меньшинств (по типу недугов, вероисповеданию, сексуальной ориентации) углубленные социологические исследования еще предстоит провести. Гендерная иерархия пронизывает все эти группы, хотя и выражается по-разному. В Эстонии особенно бросается в глаза гомофобия, обусловленная гендерной идеологией и широко распространенными представлениями о маскулинности.

Социокультурное семантическое пространство дробится все больше. Одни наши ценности почерпнуты в одном культурном пространстве, другие – в другом, и маловероятно, что мы сумеем сформировать из них целостную систему ценностей. Стоит ли это делать? Важней исследовать, как они влияют на процессы формирования гендерной идентичности, от которой в основном зависит свобода развития личности, уверенность в себе, общность, самореализация и качество жизни в целом.

В ближайшем будущем необходимо четко сформулировать программные вопросы, раскрыть концепции и понятия до измеримых признаков, чтобы уточнить методику мониторингов гендерного равноправия. Для отслеживания процессов и тенденций важно, чтобы с помощью вопросника можно было измерять признаки структурного уровня, нормы и предрассудки культурного уровня, изменения, происходящие на уровне идентичности. Следует разработать индикаторы, обеспечивающие преемственность исследований, найти те самые важные факторы, которые влияют или объясняют уровень гендерного неравенства в обществе. Важно, чтобы какой-либо из исследовательских институтов получил возможность системно и долгосрочно работать над данными вопросами. Бытующая практика корректировки вопросников привела к тому, что большая часть первоначально собранных данных не сопоставима по оси времени.

Эмпирические исследования показывают, что чем обобщенней оценка, тем больше влияние на мнения населения мемов, идей, приобретенных в ходе социализации «прописных истин», т. е. стереотипов, которые далеко не всегда совпадают с реальным опытом, повседневной практикой. Поэтому необходимо с помощью углубленных исследований выяснить, на что опираются люди, формируя собственную точку зрения и оценки, какое значение они придают проявлениям гендерных отношений на личном, культурном или структурном уровне. Такие знания позволили бы более глубоко интерпретировать результаты, в которых гендерные различия ответов могут быть обусловлены сильным влиянием норм, предписанных бытующей гендерной идеологией и/или гендерной системой.

В связи с некоторыми темами мы могли бы довериться международным лонгитюдным исследованиям, выявляющим, например, влияние насилия на выживание людей разных поколений, их психическое здоровье, уверенность в себе и т. п. или влияние воспроизводства бедности из поколения в поколение на экономику и т. п.

Путь к более сбалансированному обществу – однонаправленный, на нем нельзя повернуть назад. Это сравнительно узкий путь, на котором нет попутного ветра, по обочинам не стоят группы поддержки, подбадривающие своими криками, и время от времени на нем встречаются камни и коряги. Движению вперед во многом помогает как опыт других людей, так и наша способность обучаться. Встающие перед

Эстонией проблемы не уникальны, те же этапы развития проходили многие страны. Целесообразно брать пример с тех, кто уже существенно продвинулся вперед.

Есть смысл изменить отношение к общим целям Европейского Союза и обсудить их со всеми, кто проявляет желание понять, куда мы движемся, и что происходит в обществе. Надо учиться критически анализировать состояние общества сквозь призму гендера, а также с точки зрения положения в нем женщин, чтобы отсутствие гендерной категории в исследованиях и при разработке политики стало исключением, а не правилом.

«Чтобы демократия зародилась, развивалась, сохранялась и углублялась, нужны исторические условия, культурные предпосылки и политическая воля, но прежде всего, готовность, умение и желание граждан беречь и защищать ее», – напоминает нам Иви Массо, добавляя, что демократия не есть автоматический результат исторического развития человечества (Masso 2007).

То же относится и к гендерному равенству, как одной из предпосылок демократии, оно развивается не само по себе. И, как говорится во введении к настоящему сборнику, для модернизации общества требуется не только поддержка групп влияния, женского движения, но и общественности, а также инициатива партий в разработке государственных стратегий и программ развития гендерного равноправия.

Эстонии предстоит еще долгий путь, чтобы усвоить новые ценности и европейскую идентичность. Надеемся, что статьи сборника помогут выявить новые проблемы и сформулировать новые вопросы для исследований, помогут ответить на них и пополнить багаж знаний, способствующих осмыслению социальных процессов, пониманию негативного влияния гендерного неравенства, а также решению задач для его снижения хотя бы на уровне основной школы.

Использованные источники

Айвазова, С. Г. Контракт «работающей матери»: советский вариант. Гендерный калейдоскоп. Московский центр гендерных исследований. Москва, 2001, с. 291–309.

Alas, R., Kaarelson, T. Tallinn: Erasektori juhtide teadlikkus, praktika ja suhtumine võrdõiguslikkuse normidesse ning nende edendamisse. Analüüs. Estonian Business School. 2007.

Arujäär, E. Nõrgemast (?) poolest. *Eesti Päevaleht*. 17.10.2008.

Attitudes and Opinions of European Women prior to the 2009 EP Elections. Eurobarometer. Enamik Eesti naistest leiab, et poliitikas domineerivad mehed. Pressiteade. Euroopa Parlament 10-03-2009.

Beijing+15: The Platform for Action and European Union. Report from the Swedish Presidency of the Council of The European Union. <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=765&langId=et>

Bettio, F., Verashchagina, A. (2009). *Gender segregation in the labour market – Root causes, implications and policy responses in the EU*.

Commission Staff Working Document accompanying document to the Report From The Commission to The Council, The European parliament, The European Economic and Social Committee And The Committee Of The Regions. Equality between women and men – 2010. {COM(2009) 694 final} Brussels, 18.12.2009. SEC(2009) 1706.

Derman, N. et al. (2005). *Soolise võrdõiguslikkuse monitooring 2005*. Tallinn: Tallinna Ülikooli Rahvusvaheliste ja Sotsiaaluuringute Instituut ja Sotsiaalministeerium. [http://213.184.49.171/www/gpweb_est_gr.nsf/HtmlPages/SVmonitooring_2005/\\$file/SVmonitooring_2005.pdf](http://213.184.49.171/www/gpweb_est_gr.nsf/HtmlPages/SVmonitooring_2005/$file/SVmonitooring_2005.pdf).

Eesti Inimarengu aruanne, 2006. Ühiskondliku Leppe Sihtasutus.

Electoral Gender Quota Systems and their Implementation in Europe, 2008 by the European Parliament. <http://5050campaign.files.wordpress.com/2009/03/ep-quota-report.pdf>.

ENÜ kirjad ja pöördumised. / Письма и обращения Круглого стола женских объединений Эстонии (на эст. яз). <http://www.enu.ee/enu.php?keel=1&id=234>

Euroopa Nõukogu Ministrite Komitee soovitus REC(2007)17 liikmesriikidele soolise võrdõiguslikkuse mehhanismide ja standardite kohta.

Euroopa Nõukogu määrus (EÜ) nr 1083/2006, 11. juulist 2006, millega nähakse ette üldsätted Euroopa Regionaalarengu Fondi, Euroopa Sotsiaalfondi ja Ühtekuuluvusfondi kohta ning tunnistatakse kehtetuks määrus (EÜ) nr 1260/1999.

Euroopa Parlamendi ja nõukogu määrus (EÜ) nr 1081/2006, 5. juuli 2006, mis käsitleb Euroopa Sotsiaalfondi ja millega tunnistatakse kehtetuks määrus (EÜ) nr 1784/1999. <http://eurlex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:L:2006:210:SOM:ET:HTML>.

Euroopa soolise võrdõiguslikkuse pakt – eesistujariigi järeldused Euroopa Ülemkogu Brüsseli istungjärgul (23.–24. märts 2006), 7775/1/06/Rev 1.

European Commission Database. Women and Men in decision-making. <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=et&catId=89...661>.

Euroopa Ministrite Komitee soovitus liikmesriikidele REC (2003) Naiste ja meeste tasakaalustatud osaluse kohta poliitilises ja avalikus otsustusprotsessis. 12.03.2003.

European Commission, 2008. Network of women in decision-making in politics and the economy. <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?langId=et&catId=418>.

Second European Quality of Life Survey 2008. <http://www.eurofound.europa.eu/pubdocs/2009/02/en/2/EF0902EN.pdf>.

Commission Staff Working Document accompanying document to the Report from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of

- the Regions. Equality between women and men – 2010 (COM (2009) 694 final. Brussels, 18.12.2009 SEC (2009) 1706.
- Gender segregation in occupations and in economic sectors in EU Member States, in 2002 and 2007.
- Global Gender Gap Index (World Economic Forum): The Global Gender Gap Index 2009 rankings: Comparisons with 2008, 2007 and 2006. <http://www.weforum.org/pdf/gendergap/rankings2009.pdf>.
- Helemäe, J., Plotnik, H., Täht, K., Unt, M. (2008). Meritokraatia tajumine Eesti ühiskonnas. Teoses H. Plotnik (toim.) *Sotsiaalse õigluse arusaamad Eesti ühiskonnas*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 122–151.
- HIV-nakkuse olukord Eestis 31.12.2008. a seisuga. Tervise Arengu Instituut. <http://www.tai.ee/?id=2537>.
- Indicators Adopted at EU Level For The Follow Up The Beijing Platform For Action (updated in December 2009). <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=765&langId=en>.
- Inglehart, R., Norris, P. Rising. (2003). Tide: Gender Equality and Cultural Change Around the World. Chapter 2. From traditional roles towards gender equality Figure 2.1: Gender equality scale by nation.
- Kalev, L., Jakobson, M.-L., Saarts, T. (2009). Eesti poliitiline kultuur: alusväärtused. RiTo 20.
- Kenkmann, P., Saarniit J. (toim.) (2005). Põlvkonnad muutuvad ajas /Generations in changing time . Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, Võormann, R. Põlvkonna sooline diferentseerumine / Gender differentiation of generation, 224–245.
- Kirch, M., Kuhl, M., Sellach, B. (2005). Capacities of the Estonian civil servants in the field of Gender Mainstreaming. Pre-training and post-training study prior and after training of civil servants.
- Koskela, H. Soopõhine vägivald-, jälgimis- ja linnaruumihirm. Ehituskunst. http://www.ehituskunst.ee/et/12/3940/hille_koskela_soopo.
- Kuhl, M. Siirdeloogika juured. (2009). Euroopaliku kodanikeriigiväljakutsed. *Acta Politica*. TLÜ Riigiteaduste Instituut, 61.
- Kutsar, D. (toim.) (2007) Mees sotsiaaluuringu subjektina. *Sotsiaalministeeriumi toimetised*. 2/2007.
- Käsiraamat: soolise võrdõiguslikkuse süvalaiendamine tööhõive, sotsiaalse kaasatuse ja sotsiaalkaitsepoliitikas. Euroopa ühendused, Luxembourg: Euroopa Ühenduste Ametlike Väljaannete Talitus, 2008. <http://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=2045&langId=et> (14.01.2010).
- Masso, I. Demokraatia – hapram kui arvamegi. *Eesti Päevaleht*. 27. 02.2007.
- Naised ja mehed: /artiklikogumik/=Women and men/Tallinn Statistikaamet, 2006.
- Naiste ja meeste võrdõiguslikkus – 2010. Komisjoni aruanne Nõukogule, Euroopa Parlamendile, Euroopa Sotsiaal- ja Majanduskomiteele ja Regioonide Komiteele. KOM(2009)694 lõplik. Brüssel 18.12.2009. <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2009:0694:FIN:ET:HTML>.
- Narusk, A. (2000). Kutsetöö ja perekonnaelu: tasustatud ja tasustamata töö ühitamine. *Teel tasakaalustatud ühiskonda. Naised ja mehed Eestis*. Tallinn.
- Niiberg, T. (2008). *Naiseks, emaks ja daamiks*. Tartu: Atlex.
- OECD Gender, Institutions and Development Database 2007.
- Ots, T. Mehe dominantsus seisab kolmel sambal. *SL Õhtuleht* 23.09.2009.
- PARLINE database on national parliaments. <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp>.
- Pettai, I. (2006). Sooline võrdõiguslikkus Eestis. Demokraatia ja rahvuslikud huvid. Eesti Avatud Ühiskonna Instituut/Avatud Eesti Fond. Tallinn: 102–118.
- Päts, J. (1924). Eesti Naisorganisatsioonide Liidu aastaraamat: ülevaade Eesti naisliikumisest ja Eesti Naisorganisatsioonide Liidu tegevusjärgust 1924-1926. Tallinn: Vaba Maa.
- Quotaproject. Global Database of Quotas for women. <http://www.quotaproject.org/>.
- Raitviir, T. (2004). Research on governance: Women and Men Politicians' Equality. Ministry of Social Affairs of the Republic of Estonia.
- Randoja, M. (2008). *Soolised palgaerinevused. Pilk tööellu*. Tallinn: Statistikaamet, 116–125.
- Raska, E., Raitviir, T. (toim.)(2005). *Eesti edu hind: Eesti sotsiaalne julgeolek ja rahva turvalisus*. Artiklite kogumik. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus.
- Saar, E. (toim.) (2002). Trepist alla ja üles: edukad ja ebaedukad postsotsialistlikus Eestis. Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus.
- Saarts, T., Kalev, L. (2009). Poliitiline kultuur ja Eesti ühiskonna uuenemine. *Vikerkaar*. 4-5. http://www.vikerkaar.ee/?page=Arhiiv&a_act=article&a_number=4918 (10.01.2010).
- She Figures 2009. Statistics and Indicators on Gender Equality in Science. European Commission.
- Silm, S., Ahas, R. (2006). Tallinna tagamaa uusasumite elanike soolised erinevused ajalis-ruumilises käitumises. TÜ Geograafiaosakond.
- Soolise võrdõiguslikkuse monitooring, 2005.
- The life of women and men in Europe: a statistical portrait / European Commission. Statistical Office of the European Communities (Eurostat).
- UNDP Human Development Report, 2006.
- Vainu, V., Järviste, L., Biin, H. (2010). Soolise võrdõiguslikkuse monitooring 2009. *Sotsiaalministeeriumi toimetised*. 1/2010. Tallinn.
- Velder, V. (2008). *Noorte valikud tasemehariduses ja tööturg. Pilk tööellu*. Statistikaamet, 21–30.
- Vetik, R. (toim.) (2002). Kaks Eestit. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikooli Kirjastus.
- Võormann, R. (1999). Soolised erinevused tööturul. Jagatud õigused ja vastutus. Sooline võrdõiguslikkus Eestis. Sotsiaalministeerium.
- Võormann, R. (2005). The Gendered Perception of Social Problems in the Post-Soviet Estonian Society: A Qualitative Perspective. *Nationalities Papers*, 33(3): 315–331.
- Võormann, R., Plotnik, H. (2008). Sotsiaalne õiglus ja sugu. Teoses H. Plotnik (toim.) *Sotsiaalse õigluse arusaamad Eesti ühiskonnas*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 107–121.
- Ühtekuuluvuspoliitika toetus majanduskasvule ja töökohtade loomisele: ühenduse strateegilised suunised, 2007–2013. Brüssel, 05.07.2005 KOM(2005).

Вместо послесловия

Кади Вийк

Если через десять лет выйдет третий сборник «На пути к сбалансированному обществу», что мы сможем в нем прочитать? Станут ли через десять лет права, обязанности, возможности и ответственность более справедливо распределяться между женщинами и мужчинами Эстонии или, наоборот, неравенство усугубится? Безусловно, ничто само по себе не меняется к лучшему. Чтобы общество развивалось в желаемом направлении, требуются последовательная и тяжелая работа, активная политика, живые и конструктивные дебаты о политическом выборе. Опираясь на опыт Западной Европы, осмелюсь утверждать, что если быть пассивными и думать, будто убеждения людей поменяются сами по себе, а время само расставит все по местам, то развитие пойдет, скорее, ретроградным путем.

Я надеюсь, что в следующие десять лет партии Эстонии активизируются, начнут дискутировать, как найти наилучшее решение проблем, о которых идет речь в настоящем сборнике. Каковы демократическая легитимность государственного управления и качество решений, когда у половины населения нет достаточного представительства и она реально не участвует в процессах принятия решений? Как увеличить присутствие женщин в Рийгикогу, в собраниях местных самоуправлений и других выборных собраниях? Нужно ли в Эстонии для реализации равенства вводить квоты или имеются совсем иные решения? Как увеличить продолжительность жизни мужчин, какие меры будут для этого наиболее эффективными? Можно ли увеличить участие мужчин в уходе за малолетними детьми «мягкими» и позитивными мерами типа информационных кампаний или стоит сделать родительское возмещение индивидуальной схемой, по которой каждому родителю выделять его долю, использовать которую может исключительно он? Надо ли повышать информированность работников и работодателей в целях сокращения гендерного разрыва в зарплатах, следует ли делать обязательным обнародование зарплат или решать проблему с помощью семейной политики, распределяющими обязанности по уходу за детьми поровну между мужчинами и женщинами? Следует ли законодательно запрещать приобретение секс-услуг?

Кроме приведенных выше примеров, гендерный аспект необходимо учитывать при реализации любой другой политики, которая, на первый взгляд, вроде бы не связана с гендерным равноправием, но в центре кото-

КАДИ ВИЙК,
*руководитель отдела
гендерного равноправия
Министерства
социальных дел,
имеет степень
магистра экономики
здравоохранения,
полученную в Каролинском
институте (Швеция).
Работала в Фонде ООН в
области народонаселения
и была представителем
в рамках Программы
развития ООН. Часто
выступает перед
общественностью и
публикует в прессе
статьи на темы
равноправия.*

рой все равно стоят люди. В качестве примеров можно назвать вопросы общественного транспорта, социальных пособий и услуг, городского планирования. Принимая любое политическое решение, надо помнить, что государственная или местная власть имеет дело не с бесполоыми гражданами. У женщин и мужчин разный жизненный опыт, разные интересы, потребности, ожидания, общественная позиция, и решения могут по-разному влиять на них. Если ставить целью доступность, качество, полезность публичных услуг и для мужчин, и для женщин, то предварительно надо иметь хорошее представление о том, каковы эти разные женские и мужские интересы, ожидания, потребности, возможности и роли, чтобы потом учесть их при принятии решений. Во избежание нежелательных и негативных последствий важна оценка влияния принимаемых решений.

Взять, к примеру, уличное освещение, которое «обыгрывали» у нас не единожды в условиях экономического спада. Даже если освещение выключится одновременно за окнами всех жителей, это может по-разному повлиять на субъективное чувство защищенности мужчин и женщин, ограничить их свободу передвижения в темное время. Если принять во внимание еще и особенности автомобильного освещения и освещения велодорожек, то придется учитывать и то, кто больше движется пешком, пользуется общественным транспортом, а кто ездит на автомобиле. В итоге мера экономии электроэнергии может совершенно по-разному повлиять на женщин и мужчин, на качество их жизни.

В Европе и других странах находят множество разных решений в борьбе с гендерным неравенством, они интересны и поучительны. К примеру, для преодоления дифференциации оплаты труда устанавливают минимальную зарплату, обязательное обнародование размера заработков, отцовскую часть отпуска по уходу за ребенком и т. п. Все меры по-своему уникальны и работают в комплексе с

общественным контекстом, поэтому их невозможно перенимать один к одному – это просто не даст аналогичного результата. Но комбинируя их и развивая, можно пробовать и адаптировать их к собственному контексту. Наш недостаток в том, что мы даже не обсуждаем таких возможностей и вариантов ни на политическом, ни на общественном уровне.

Наступает время, когда действовавший шесть лет Закон о гендерном равноправии начинает оказывать свое влияние. Жаркие споры сдвинули ситуацию с мертвой точки, а жалобы наряду с уполномоченным по равноправию и равному обращению все чаще разрешают суды и комиссии по трудовым спорам, и по таким обращениям уже вынесены первые судебные решения. Нам уже известны результаты исследований, информированность людей стала намного лучше, существуют правовые рамки. Надо начинать дебаты о возможных подходах к решению проблем. Перед нами больше не стоит онтологический вопрос, нужно или нет Эстонии гендерное равноправие. Пути назад нет. Теперь перед нами вопрос, как двигаться дальше, какие решения будут наиболее полезными для людей.

В конечном итоге, я бы хотела, чтобы через десять лет мы поняли, что женщины и мужчины сосуществуют на всех уровнях – в семье, коллективе, обществе – и успех тех и других касается нас всех. Женщин очень заботит худшее состояние здоровья мужчин, поскольку у каждой из них есть сын, спутник жизни, отец, друг, о котором они беспокоятся. Мужчин заботит низкая зарплата женщин, потому что у каждого из них есть жена и, может быть, общий семейный бюджет, есть небогатая мать-пенсионерка, которой нужно помочь. Насилие в отношении женщин должно беспокоить всех, у кого есть дочери, сестры, матери и подруги.

Мы должны беречь друг друга, уважать и никогда не противопоставлять одних другим.

В 2000 году в результате совместной работы представителей Министерства социальных дел ЭР и Программы развития ООН (UNDP) вышло в свет издание «На пути к сбалансированному обществу: женщины и мужчины в Эстонии». В течение следующих десяти лет в статусе и положении женщин и мужчин, а также в направлениях политики гендерного равноправия произошли значительные изменения. В настоящем сборнике статей 25 экспертов представляют обзор положения женщин и мужчин и повлиявших на них направлений политики в различных сферах жизни за прошедшее десятилетие. На страницах издания рассматриваются направления государственной политики, установки, трудовая жизнь, совмещение работы и семейной жизни, семья, бедность, пенсии, насилие в партнерских отношениях, здоровье, множественная дискриминация, торговля людьми и проституция, образование, наука, политика, СМИ и гражданское общество.